

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО ВГУ)

На правах рукописи

Верховых Людмила Николаевна

ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКАЯ СУБПАРАДИГМА
КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ
СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОРОНЕЖСКОГО ОНОМАСТИКОНА)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Г.Ф. Ковалев

Воронеж – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА I. ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКАЯ СУБПАРАДИГМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ	19
1.1 Понятие научной парадигмы знания в лингвистике.....	19
1.2 Особенности современных лингвистических парадигм	28
1.3 Понятие «лингвокраеведческая субпарадигма»	36
1.4 Лингво-философские основы лингвокраеведческой субпарадигмы	46
Выводы по первой главе.....	63
ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОЙ СУБПАРАДИГМЫ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	66
2.1 Лингвистическое краеведение в системе языковедческих дисциплин.....	66
2.1.1 Понятие «лингвистическое краеведение» в современной лингвистике.....	66
2.1.2 Соотношение понятий <i>лингвистическое краеведение –</i> <i>лингвострановедение – лингворегионоведение – региональная</i> <i>лингвистика</i>	77
2.1.3 Объект, предмет, цель и задачи лингвистического краеведения.....	88
2.1.4 Типы и виды лингвистического краеведения.....	93
2.1.5 Аспекты лингвистического краеведения в зависимости от предмета изучения.....	97
2.2 Истоки лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении русского языка.....	102

2.2.1 Предпосылки развития лингвокраеведческого направления изучения языка в России	102
2.2.2 М.В. Ломоносов и научные лингвокраеведческие исследования в изучении национального языка	112
2.2.3 Лингвокраеведческое направление научных исследований в России второй половины XVIII – XIX вв.....	123
2.3 Отечественное лингвокраеведение в XX – XXI вв.....	131
2.3.1 Этапы развития отечественного лингвокраеведения.....	131
2.3.2 Динамика развития лингвокраеведческих исследований в России в XX – XXI вв.	141
2.3.3 Воронежское лингвокраеведение в XXI веке.....	153
2.4 Ономастическое направление лингвокраеведческих исследований.....	163
2.5 Методология лингвистического краеведения.....	180
2.5.1 Общелингвистические методы и приемы, применяемые в лингвокраеведческих исследованиях.....	180
2.5.2 Лингвокраеведческий анализ как специфический метод изучения региональных языковых единиц.....	189
2.5.3 Лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века.....	198
Выводы по второй главе.....	212
ГЛАВА III. ИЗУЧЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ОНОМАСТИКОНА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОЙ СУБПАРАДИГМЫ.....	218
3.1 Использование лингвокраеведческого подхода при изучении региональной антропонимии.....	218

3.1.1 Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении фрагментов региональной языковой картины мира.	218
3.1.1.1 Воронежский антропонимикон в контексте региональной языковой картины мира (представления о человеке, отраженные в сельской антропонимии).....	218
3.1.1.2 Воронежский антропонимикон в контексте региональной языковой картины мира (представления о ремеслах в антропонимии города Борисоглебска).....	232
3.1.2 Изучение моделей и диалектных особенностей воронежских антропонимов XIX века с помощью приемов лингвокраеведческого анализа	241
3.2 Применение приемов лингвокраеведческого анализа при изучении русско-украинского взаимодействия в воронежской антропонимии (на примере антропонимов села Красного Новохоперского района Воронежской области)	253
3.3 Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии.....	276
3.3.1 Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии группы сел. Пространство и время в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии).....	276
3.3.2 Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии одного населенного пункта (лексикографическое описание). Микротопонимия села Абрамовка Таловского района Воронежской области.....	289
3.4 Вопросник по сбору регионального лингвистического материала в рамках лингвокраеведческих исследований (воронежский ономастикон)	312

Выводы по третьей главе	348
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	355
ИСТОЧНИКИ.....	360
СЛОВАРИ.....	369
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	374

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных задач современной лингвистики является изучение региональной специфики языка. Особое значение в этом плане приобретает анализ региональных имен собственных, в том числе и онимов, имеющих диалектный характер, на основе привлечения исторических, географических, этнографических данных о крае для более точного и полного объяснения особенностей семантики и функционирования языковых единиц в региональной языковой системе. О важности разработки проблем, находящихся на пересечении научных областей ономастики и краеведения, указывала А.В. Суперанская: «Не решены в теоретическом плане и такие вопросы, как размеры обследуемой территории, связь региональной ономастики с краеведением и лингвострановедением» [Суперанская. 2009, с.216].

Лингвокраеведческие исследования дают возможность не только составить представления о языке в целом, но и позволяют восстановить фрагмент архаических представлений человека о материальном и духовном мире, что имеет важное значение для изучения общенациональной языковой картины мира. По мнению Л.А. Климковой, «изучение региональной лексики связано с постижением национальных языковых, а тем самым и исторических корней, родников народной русской речи, с приобщением к сохранению национального языкового богатства» [Климкова 2013, с. 462].

Лингвокраеведческий подход в научных исследованиях и сфере обучения русскому языку активно применяется со второй половины XX века [Агеева 1973, 1985; Бондалетов 1983; Воробьева 1987; Карпенко 1973; Климкова 1985, 1988; Ковалев 1996, 1998; Лыжова 1994; Матвеев 1983; Мурзаев 1974, 1984; Намитокова 1993; Никонов 1965, 1966; Рут 1994; Супрун 1994, Фролов 1983; Чайкина 1983, 1995; Яценко 1977 и др.]. Также и современный этап развития лингвистики и методики обучения русскому языку широко отражает

взаимосвязь лингвистического и краеведческого материала в деятельности ученых и методистов [см.: Абросимова 2015; Брысина, Супрун 2020, 2021; Васильев 2021; Васильев, Вихрова 2019; Верховых 2021; Ганцовская 2018; Ганцовская, Неганова 2022; Голомидова, Горяев 2022; Горлова 2021; Гордова 2021; Горелова 2011; Дамбуев 2022; Жамсаранова 2021; Ильин 2012; Климкова 2007, 2015, 2017, 2022; Ковалев 2014, 2017, 2021; Королева 2021; Крюкова 2022; Кудряшова 2010; Кюршунова 2016, 2020; Лыжова 2005; Майорова 2007, 2010; Матвеев 2004, 2008; Моисеев 2013; Мызников 2004, 2021; Назаров 2021; Намитокова 2005; Намитокова, Нефляшева 2016; Неганова 2021; Новикова 2010; Огдонова 2016; Полякова 2006, 2010; Попов 2003, 2018, 2021; Рут 2008, 2018; Филатова 2002, 2016; Филатова, Шаталова 2016; Чайкина 2004; Шмелева 2013; Щербак 2015, 2017, 2021 и др.]

Проведение региональных ономастических и диалектологических исследований на лингвокраеведческой основе – общепринятая мировая практика. Например, работы лингвистов из зарубежных стран, изучающих местные названия [см.: Айниала 2017; Белакова 2016; Карпенко 1973; Керимбаев 1995; Мадиева 2005; Мезенко 2010, 2022; Рогалев 2014; Томасик 2021; Чижмарова 2010; Шипкова 2010; Alonso 2022; Nash 2021; Racz 2019; Schaarschmidt 2018] также выполнены на основе привлечения историко-культурных, археологических, этнографических, географических сведений о городе, крае, регионе.

Актуальность и особая важность вопросов изучения языка региона, в частности, региональных онимов в связи с историко-культурными, географическими и иными особенностями края постоянно находится в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов, являющихся организаторами и участниками научных конференций, на которых уже традиционными являются вопросы ономастического краеведения (Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», Международная научная конференция «Проблемы

общей и региональной ономастики», Международная научная конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», Международная научная конференция «Экология языка и речи» и др.). Также и материалы сборников научных трудов включают лингвистические исследования, выполненные на основе привлечения краеведческих сведений, например, в Воронежском государственном университете издается «Воронежское лингвокраеведение» (науч. ред. проф. Г.Ф. Ковалев).

Актуализация лингвокраеведческой проблематики в настоящее время связана как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами: усилением антропоцентрической парадигмы в научных лингвистических исследованиях, действием принципов экспансионизма и экспланаторности (Е.С. Кубрякова), процессов интеграции и дифференциации (Л.А. Климкова); влиянием общественных процессов глобализации и регионализации (А.М. Мезенко).

Применение в современной научной сфере лингвистических и краеведческих знаний свидетельствует о формировании новой, лингвокраеведческой, субпарадигмы научного знания, объективными причинами развития которой является формирование интегральной парадигмы научного знания [Кубрякова 1995, с. 230], отличающейся полифункциональностью, что способствует выделению локальных парадигм разного типа, мегапарадигм, интегральных парадигм, метапарадигм [Постовалова 2018, с.38–39]. Несмотря на развитие лингвокраеведческой субпарадигмы знаний в изучении языка, в лингвистике не представлено обоснование данной парадигмы, нет системного описания применения методики лингвокраеведческого анализа на практике при изучении региональных языковых единиц.

Все это и определяет **актуальность** описания (на материале ономастикона Воронежской области) фактически уже давно применявшегося на

практике лингвокраеведческого направления изучения языка, необходимость разработки процедуры лингвокраеведческого анализа для комплексного изучения единиц языка и решения лингвокраеведческих вопросов прагматического характера. В настоящем исследовании предпринимается попытка заполнить охарактеризованную лакуну.

В сфере научного знания обычно определяется сущность дисциплины, ее предмет и задачи исследования, а затем уже возникают работы по методике обучения данному предмету. С лингвокраеведением наоборот: фиксируется значительное число научных исследований, выполненных на основе применения лингвокраеведческого подхода, появление программ, учебных и учебно-методических пособий лингвокраеведческой тематики, но отмечается неразработанность теории и методологии лингвокраеведения. Актуальность проводимого исследования обусловлена в том числе и необходимостью разработки теоретико-методологических основ развивающейся субпарадигмы, а также проецированием лингвокраеведческой субпарадигмы знаний на региональный ономастикон, содержащий как собственно лингвистическую, так и краеведческую информацию.

По мнению А.С. Герда, в смежных областях «каждая наука может и должна помогать и служить другой в решении ее задач и проблем. Именно в переходных исследовательских зонах и сферах обычно и рождаются новые научные направления. <...> В современной науке особое значение приобретает как совершенствование старых, классических методов научного исследования, так и поиск новых нетривиальных методов и подходов к анализу данных. Многие из таких новых методов и рождаются на стыке разных наук и дисциплин. В свою очередь, привлечение новых типов источников, разработка новых методов анализа чаще всего ведут к получению новых оригинальных результатов в каждой науке, к возникновению новых научных направлений» [Герд 2005, с.3].

Объект исследования в данной работе – региональные ономастические единицы, функционирующие в современном русском языке (рассмотренные на примере воронежского ономастикона), передающие лингвистическую и экстралингвистическую информацию, в том числе и краеведческого характера.

Предмет исследования – особенности репрезентации лингвистических и экстралингвистических знаний в региональных именах собственных (на примере ономастикона Воронежской области), изученные в том числе и с помощью приемов лингвокраеведческого анализа. Интегративная модель исследования системы русского языка предполагает комплексное использование лингвистических и краеведческих знаний для изучения системы русского языка.

Цель работы состоит в изучении видов лингвистической и экстралингвистической информации, извлекаемой из региональных ономастических единиц на основе использования разных способов анализа языкового материала, включая и приемы лингвокраеведческого анализа; в обосновании необходимости выделения лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении русского языка для извлечения разноплановой информации из региональных имен собственных и решения прикладных задач лингвистики.

Цель работы обусловила решение следующих задач:

- 1 блок: охарактеризовать особенности функционирования современных парадигм в лингвистике;
- обосновать объективность развития лингвокраеведческой субпарадигмы в русском языке;
- определить лингво-философские основания выделения лингвокраеведческой субпарадигмы;
- определить место лингвокраеведения в современной лингвистике в ряду смежных дисциплин;

- охарактеризовать лингвокраеведение как научную дисциплину, имеющую лингвистический предмет изучения; описать типы и виды лингвистического краеведения;

- изучить истоки и особенности развития лингвокраеведения в России;

- дать методологическое описание лингвокраеведения с выделением специфического метода – лингвокраеведческого анализа (на примере ономастических единиц Воронежской области);

- 2 блок: изучить фрагменты региональной языковой картины мира, представленные в воронежской антропонимии, в том числе и на основе применения лингвокраеведческого анализа языковых единиц;

- изучить фрагменты региональной языковой картины мира, представленные в воронежской микротопонимии, в том числе и на основе применения лингвокраеведческого анализа языковых единиц;

- разработать программу сбора ономастических единиц для последующей их интерпретации, в том числе и с помощью лингвокраеведческого анализа; предложить возможные пути применения лингвокраеведческого направления изучения языка в лингводидактике.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые было предложено обоснование лингвокраеведческой субпарадигмы в современной лингвистике; определено место лингвокраеведения в системе лингвистических дисциплин; охарактеризована специфика лингвокраеведческого анализа региональных ономастических единиц; на практике с целью извлечения различных блоков лингвистической и экстралингвистической информации на материале воронежского ономастикона показана возможность применения лингвокраеведческого подхода при изучении фрагментов региональной языковой картины мира и исследовании проблем русско-украинского взаимодействия; разработана программа сбора ономастических единиц для их

дальнейшей интерпретации в русле лингвокраеведческой субпарадигмы и с целью применения в лингводидактике.

Методологическую основу исследования составляют актуальные в современной лингвистике подходы: сравнительно-исторический, системно-структурный, принцип историзма при главенствующем антропоцентрическом парадигмальном направлении. Данные подходы реализовались в работе в виде сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного и системно-структурного методов. Также в работе используется метод компонентного анализа актуализированных сем онимов, словообразовательный и форматный анализ имен собственных, приемы стратиграфического метода, количественного подсчета, этимологического анализа; в работе разрабатывается и внедряется в качестве способа изучения языковых единиц лингвокраеведческий анализ. При интерпретации регионального ономастического материала используется дескриптивный (описательный) метод с приемами лингвокраеведческого комментирования.

Теоретической базой научного исследования послужили труды лингвистов:

в области парадигмального изучения современной лингвистики, в том числе и лингвокраеведческой субпарадигмы: исследования Н.Ф. Алефиренко, В.М. Алпатова, Н.Д. Арутюновой, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Т.И. Вендиной, В.Г. Гака, С.Г. Воркачева, В. фон Гумбольдта, В.З. Демьянкова, Ю.Н. Караулова, А.А. Кибрика, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Е.С. Кубряковой, Т. Куна, В.А. Масловой, А.М. Мезенко, В.А. Пищальниковой, Е.М. Поздняковой, В.И. Постоваловой, С.Г. Проскурина, В.И. Супруна, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, С.В. Швырева, А.С. Щербак, О.В. Федоровой, Р.М. Фрумкиной, А.Т. Хроленко, У. Чейфа и др.;

в области теории и методики ономастики, региональной ономастики, ономастической лексикографии: труды А.В. Барандеева, В.Д. Бондалетова,

Н.В. Бубновой, А.А. Бурыкина, Е.Л. Березович, Н.Б. Бугаковой, В.Л. Васильева, Н.В. Васильевой, И.А. Воробьевой, И.М. Ганжиной, М. Гарвалика, Л.Д. Гореловой, И.В. Данилова, Л.И. Дмитриевой, О.П. Дмитриевой, Д.Ю. Ильина, Ю.А. Карпенко, Н.А. Кичиковой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, И.А. Королевой, И.В. Крюковой, И.М. Курносковой, И.А. Кюршуновой, В.А. Никонова, Г.Б. Мадиевой, Н.А. Максимчук, Э.Б. Манджиевой, А.К. Матвеева, А.М. Мезенко, Э.М. Мурзаева, Е.С. Отина, Н.В. Подольской, Е.И. Поляковой, С.А. Попова, А.И. Попова, М.Э. Рут, А.М. Селищева, В.А. Семушкина, С.А. Скуридиной, Т.Г. Смирновой, О.В. Смирновой, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Е.И. Сьяновой, Т.В. Толбиной, О.Н. Трубачева, Н.М. Тупикова, Б.О. Унбегауна, Н.К. Фролова, Е.В. Цветковой, Ч. Цзыди, Г.Л. Шеулиной, Л.В. Шулуновой, А.С. Щербак, А.И. Яценко; М.И. Зубова, О.Ю. Карпенко, Л.Ф. Фоминой, В.М. Калинин, Т. Witkowski и др.;

в области лингвокраеведения и лингвострановедения: работы В.Ф. Барашкова, Е.В. Барсова, Н.П. Барсова, Е.А. Болховитинова, Е.В. Брысиной, Н.Ф. Бунакова, Е.М. Верещагина, А.Н. Гвоздева, Е.А. Грибоедовой, Ю.В. Зверевой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, В.Г. Костомарова, М.В. Ломоносова, Н.А. Максимчук, Т.В. Майоровой, Н.И. Надеждина, Р.Ю. Намитоковой, Т.Ф. Новиковой, Е.И. Поляковой, В.И. Супруна, В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского, С.Г. Шейдаевой, В.И. Шенкмана, М.Р. Шумариной, А.С. Щербак, В.Ф. Филатовой и др.;

в области изучения языковой картины мира: труды В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяна, Е.Э. Бабаевой, О.Ю. Богуславской, А. Вежбицкой, А.А. Зализняк, Б.Л. Иомдина, Ю.Н. Караулова, Л.А. Климковой, Т.В. Крыловой, И.Б. Левонтиной, З.Д. Поповой, А.В. Санникова, И.А. Стернина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, А.С. Щербак и др.;

в области диалектологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, этнопсихоллингвистики: работы Р.И. Аванесова, М.Т. Авдеевой, Т.А. Агапкиной, Н.Ф. Алефиренко, О.В. Беловой, Е.Л. Березович, Е.А. Богдановой, Е.В. Брысиной, Т.И. Вендиной, А.В. Войтенко, Н.С. Ганцовской, А.С. Герда, А.Н. Гвоздева, Л.И. Гончаровой, Н.П. Гринковой, В.И. Даля, В.И. Дьяковой, О.В. Загоровской, Т.В. Карасевой, Л.Л. Касаткина, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Л.Я. Костючук, В.В. Красных, Е.П. Куйдиной, Т.А. Литвиновой, И.М. Курносой, Р.И. Кудряшовой, В.А. Масловой, С.А. Мызникова, Г.Д. Негановой, Л.В. Недоступовой, С.В. Пискуновой, Ф.М. Пискунова, М.В. Пановой, А.М. Селищева, А.И. Соболевского, Ф.И. Сороколетова, В.И. Собинниковой, В.И. Супруна, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.Ф. Филатовой, Ф.П. Филина, В.И. Хитровой, А.Д. Черенковой, В.И. Чернышова, А.А. Шахматова, А.С. Щербак и др.;

труды ученых-лингвистов, историков (краеведов) и фольклористов:

в области краеведения: исследования А.Н. Акиньшина, В.Д. Березуцкого, Е.А. Болховитинова, Н.И. Второва, С.Г. Гмелина, М.Н. Громова, И.И. Дубасова, В.П. Загоровского, М.Д. Карпачёва, Т.С. Киссер, В.К. Ковылова, О.Г. Ласунского, В.В. Литвинова, Д.С. Лихачева, М.В. Ломоносова, И.И. Малышева, Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, М.А. Никоновой, Е.А. Орловой, А.И. Пашкова, В.И. Пановой, В.А. Прохорова, В.С. Соболева, В.Н. Татищева, С.О. Шмидта и др.;

в области методики организации лингвокраеведческих исследований: работы О.Л. Абросимовой, Е.В. Брысиной, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Л.К. Лыжовой, А.П. Моисеева, Р.Ю. Намитоковой, Т.Ф. Новиковой, Ц.Ц. Огдоновой, О.В. Смирновой, В.И. Супруна, В.Ф. Филатовой, А.Д. Черенковой, В.И. Чернышова, Т.И. Шаталовой, Г.Л. Шеулиной, В.И. Шенкмана, А.С. Щербак и др.

Теоретическая значимость проведенной работы состоит в многоаспектном описании лингвокраеведческой субпарадигмы как интегративной модели исследования системы русского языка: лингво-философское обоснование лингвокраеведческой субпарадигмы, разработка методики (процедуры) лингвокраеведческого анализа, описание особенностей применения приемов лингвокраеведческого анализа на практике при изучении фрагментов региональной языковой картины мира и процессов русско-украинского взаимодействия (на материале воронежского ономастикона).

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью дальнейшего изучения региональных онимических систем в русле лингвокраеведческой субпарадигмы с применением методики лингвокраеведческого анализа для изучения фрагментов региональной языковой картины мира и процессов русско-украинского взаимодействия, для применения в ходе лексикографического описания региональных ономастических систем; перспективен также выход и в лингводидактику.

Источники исследования отражают интегрированный подход к изучению материала и включают полевые записи, материалы архивных и иных краеведческих документов, из которых было извлечено более 7,5 тысяч региональных имен собственных¹, рассмотренных в разные временные периоды автором работы.

¹ Региональный ономастикон, рассмотренный в работе, составили ономастические единицы (фамилии и микропонимы, выборочно) следующих населенных пунктов Воронежской области: с. Абрамовка Таловского района, с. Байчурово Поворинского района, с. Богана Борисоглебского района, г. Борисоглебска, г. Бутурлиновка, с. Васильевка Грибановского района, с. Власовка Грибановского района, с. Дедовка Петропавловского района, пос. Долиновского Новохопёрского района, с. Колодежного Подгоренского района, с. Козловка Бутурлиновского района, с. Костино-Отделец Терновского района Воронежской области, с. Красного Новохопёрского района, с. Листопадовка Грибановского района, с. Лозового Верхнемамонского района, с. Лосево Павловского района, х. Малая Судьёвка Подгоренского района, с. Макашевка Борисоглебского района, с. Малые Алабухи 1-е Грибановского района, с. Миролюбие Борисоглебского района, с. Морозовка Россошанского района, р.п. Ольховатка Ольховатского района, г. Павловска, с. Пески Поворинского района, г. Поворино, с. Приречного Верхнемамонского района, г. Россошь, с. Старая Меловая Петропавловского района, с. Сухой Донец Богучарского района, р.п. Таловая Таловского района, с. Терновка Терновского района Воронежской области.

В плане изучения становления лингвокраеведческой субпарадигмы источниками являлись труды по истории, материалы записей, составленных по результатам проведенных экспедиций (архивы Миллера, труды В.Н. Татищева, С.Г. Гмелина, М.В. Ломоносова, Е.А. Болховитинова, Н.И. Надеждина, Е.В. Барсова, Н.П. Барсова и др.); для лингвокраеведческого комментирования языковых фактов использовались исторические краеведческие источники: материал ревизских сказок за 1816 год, деловые документы, хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области, научно-исторические труды, данные справочников и энциклопедий, материалы памятных книжек Воронежской губернии XIX–XX веков, материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, относящиеся ко второй половине XIX века, материалы для истории Воронежской и соседних губерний, данные справочных книг начала XX века, историко-географических описаний Воронежской области XIX–XX веков, списки населенных мест Российской империи и др.

В результате комплексного изучения особенностей функционирования лингвокраеведческой субпарадигмы (истоки развития, лингво-философское обоснование, разработка, описание и применение на практике методики лингвокраеведческого анализа региональных языковых единиц (на материале воронежского ономастикона) с предложением возможностей трансляции разрабатываемых научных положений в лингводидактику) были сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту:**

- 1) лингвокраеведческая субпарадигма в изучении русского языка – исторически сложившееся направление исследования языковых единиц, образуемое в основе своей пересечением сравнительно-исторического, антропоцентрического и системно-структурного векторов изучения языка;

- 2) лингвокраеведческий анализ – актуальный способ исследования национального языка, позволяющий полно изучить региональные ономастические единицы и сделать объективные выводы; научное изучение особенностей функционирования регионального ономастикона базируется на применении приемов лингвокраеведческого анализа;
- 3) региональный ономастикон достаточно четко транслирует два блока информации, извлекаемой посредством лингвистического и лингвокраеведческого анализа: блок лингвистической информации и блок экстралингвистической информации;
- 4) блок лингвистической информации, представленной в региональном ономастиконе, содержит сведения об особенностях региональной языковой картины мира; о развитии региональной ономастической системы, о диалектных особенностях говора (прежде всего лексических), информацию о региональной специфике ономастикона (на фонетическом, лексическом, словообразовательном уровнях), о моделях именованья человека в XIX веке, прежде всего крестьянина; о региональной специфике ономастических единиц, связанной с влиянием на онимы межъязыковых контактов края;
- 5) блок экстралингвистической информации отражает особенности менталитета человека, связанные с общественно-историческими процессами и явлениями, природно-климатическими условиями проживания, дает представления о межъязыковых контактах, о миграционных потоках на данной территории;
- 6) региональная ономастическая картина мира посредством своего объекта исследования тесно связана с внеязыковой действительностью и транслирует разноплановые знания о человеке: о физиологических особенностях, особенностях поведения и характера человека,

- умственных способностях, особенностях речи, этнической принадлежности человека, его видах деятельности (ремеслах, занятиях, служебных обязанностях), особенностях представления человека о семье, родственных отношениях, прежнем месте жительства человека, отражая антропоцентризм в восприятии человеком окружающего мира;
- 7) лингвокраеведческое направление изучения русского языка имеет высокий научный потенциал, вектор развития которого направлен прежде всего на изучение регионального ономастикона, фрагментов региональной языковой картины мира, лексикографическое описание региональных ономастических систем и микросистем; методика научного лингвокраеведческого описания языкового материала имеет выход и в лингводидактику.

ГЛАВА I.

ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКАЯ СУБПАРАДИГМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1 Понятие научной парадигмы знания в лингвистике

В истории и методологии науки широко используется термин «научная парадигма знаний» применительно к «совокупности мнений и установок, которые присущи определенным сообществам ученых в определенный период времени» [Кубрякова 2008, с. 4].

Понятие «парадигма знания» закрепилось в научной сфере после употребления этого термина Т. Куном в значении «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун 1977, с. 11]. Под сообществом понимаются элементарные структуры, «основатели и зодчие научного знания» (Т. Кун), такое сообщество формируют определенные взгляды ученых (здесь, по мнению Т.Куна, нельзя иметь в виду теорию, поскольку теория имеет более ограниченный характер).

В качестве синонима к термину *парадигма* используется понятие «дисциплинарная матрица». «Дисциплинарную матрицу» составляют следующие компоненты:

1) «символические обобщения» – важные теоретические обобщения, признаваемые членами научного сообщества, законы;

2) «метафизические парадигмы», или «метафизические части парадигм» – модели решения проблем (с которыми члены научных сообществ могут и не соглашаться);

3) общепризнанные ценности, которые условно можно назвать принципами, методами, ценностными установками, определяющими ход исследования, применяющимися индивидуально, вариативно;

4) образцы – способы решения конкретных проблем, алгоритмы решения проблем [Кун 1977, с.237–244].

В.И. Постовалова считает, что смоделированная Т. Куном парадигма «задает для научного сообщества онтологическое видение предмета изучения, определяет общие предпосылки для развертывания ее теории, а также формулирует идеал научного объяснения» [Постовалова 2018, с.37].

Понятие «научная парадигма знаний» соприкасается с термином «парадигма». В лингвистическом энциклопедическом словаре лексема *парадигма* зафиксирована в следующих значениях: «1) в широком смысле – любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего – совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями; 2) модель и схема организации такого класса или совокупности; 3) в более узком смысле – синоним термина «морфологическая парадигма» (система форм одного слова)» [Кубрякова 1998, с. 366], ср. с термином «парадигматика» во втором значении: «в более широком смысле – то же, что система языковая, понимаемая как совокупность лингвистических классов – парадигм; противопоставляется синтагматике как синониму понятия лингвистического процесса и текста (Л. Ельмслев)» [Кубрякова 1998, с. 366].

Функционирование выражения «научная парадигма» обусловлено расширением второго значения термина «парадигма».

Понятие *парадигма* всесторонне описывает В.З. Демьянков, указывая на раннее употребление этого слова в значении «пример» (II в. н.э.) [Демьянков 2008, с. 16]; особое внимание ученый обращает на функционирование термина «парадигма» в научном узусе, определяя вслед за Т. Куном ее черты, выделяя дескриптивную и оценочную («эвалюативную») парадигмы (об этих разновидностях парадигм пишет Д.У. Толлефсон) [Демьянков 2008, с. 32],

отмечая, что термин «научная парадигма» достаточно часто употребляется на рубеже XIX и XX веков [Демьянков 2008, с. 36].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, при изучении научной парадигмы следует понимать несколько разный характер семантики терминов «парадигма» и «концепция». Научная парадигма знания и концепция связаны между собой разным отношением к поставленной научной проблеме: если парадигма в лингвистике – это некоторая модель постановки проблем и схема их решения, то концепция – это идея, которой руководствуется ученый для решения поставленных проблем [Алефиренко 2005, с. 18]. При понимании того, что концепция позволяет определить парадигму, Н.Ф. Алефиренко считает, что парадигма и концепция соотносятся между собой как общее и частное [Алефиренко 2005, с. 19].

Ю.С. Степанов термин «парадигма» рассматривает в связи с понятием «стиль научного мышления» М.Борна (1953). Понимая под парадигмой «господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом таким именно образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка в свою очередь – для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем» [Степанов 1985, с.4], Ю.С. Степанов замечает, что «парадигма» связана с определенным стилем мышления в науке и стилем в искусстве. Понятая таким образом «парадигма» – явление историческое» [Степанов 1985, с.4]. Ученый использует и термин «философия языка» в качестве синонима к понятию «парадигма».

В рамках указанного выше понимания термина «парадигма» Ю.С. Степанов выделяет три «парадигмы»: семантическую парадигму, которую он называет «философией имени»; синтаксическую парадигму, названную «философией предиката» и прагматическую парадигму, которую называет

«философией эгоцентрических слов» [Степанов 1985, с. 5]. Ученый указывает на то, что в науке выделяются и межпарадигмальные периоды, среди которых самым ярким является XVII и XVIII вв.

Понимание научной парадигмы в работах Н.Ф. Алефиренко рассматривается в соотношении с историей языкознания, этапами развития научных лингвистических учений, конкретным историко-культурным периодом развития общества: «научная парадигма – это господствующая на каждом этапе истории лингвистических учений система воззрений на язык, определяющая предмет и принципы лингвистического исследования в соответствии с культурно-историческим и философским контекстом эпохи» [Алефиренко 2005, с. 17].

В.С. Швырев приводит ряд синонимов к понятию *парадигма* (научного знания): стили мышления, «темы», «исследовательские программы» (термин И.Лакатоса), «картины мира» – то, что представляет собой «исходные предпосылки формирования конкретного содержания научных концепций, теорий, объяснительных схем и пр.» [Швырев 1988, с. 3]. В.И. Постовалова называет научными парадигмами точки зрения на язык, или установки субъекта познания [Постовалова 2018, с.35]. По мнению В.А. Масловой, парадигма – это «модель постановки проблем в совокупности с приемами их решения» [Маслова 2008, с.6]. В.А. Маслова указывает на употребление термина «парадигма» в отдельных научных исследованиях как синонимичного понятию «направление» [Маслова 2008, с.6].

Изучая научные парадигмы знания в лингвистике XIX–XXI вв, В.М. Алпатов отмечает, что парадигмы – это «некоторые более общие течения, характеризующиеся своим объектом изучения, своими методами, своими теоретическими подходами (последние не всегда формулировались эксплицитно)» [Алпатов 2018, с.14]. В научной статье ученый не делает различий между методом и научной парадигмой знания, ср.: сравнительно-

исторический метод – сравнительно-историческая парадигма [Алпатов 2018, с. 14]. Определение В.А. Масловой термина «научная парадигма» также предполагает понимание синтеза научных представлений в совокупности с моделями (методами) решения проблем: «Научная парадигма – это совокупность научных представлений, теоретических установок, научных достижений, которые дают ученому модель постановки проблем» [Маслова 2008, с. 7].

По мнению Е.С. Кубряковой, без важнейшего понятия *парадигма* «невозможно проследить за сменой различных концепций, касающихся строения и организации языка и его сущностных характеристик, типичных для XX в., и выявить главные черты в эволюции взглядов на цели и задачи теоретической лингвистики и новые области исследования» [Кубрякова 2008, с. 4]. Под парадигмальностью познания понимается «рассмотрение познаваемой реальности через призмы различных исследовательских пардигм» [Постовалова 2018, с.35].

Развитие новых парадигм, по мнению Р.М. Фрумкиной, обусловлено «выходом науки за пределы уже освоенных территорий» [Фрумкина 1995, с.84], в результате появляется новый инструментарий и новые методы исследования, определяемые «эталонными» науками [Фрумкина 1995, с.84–85].

Поскольку понятие *парадигма* – одно из центральных в истории и методологии науки, учеными подробно разрабатывается теория данного вопроса, хотя исследователями отмечаются и проблемы в изучении парадигм (размытость границ, проблема понимания научных революций, недостаточность отражения представления о научной парадигме в вузовских курсах по истории языкознания и др.) [см.: Позднякова 2008, с.61–62]).

Если в 90-х гг. XX века выделялись три компонента парадигмы: установочно-предпосылочный, предметно-познавательный и процедурный

[Кубрякова 2008, с. 8], то в начале XXI века парадигма рассматривается, включая шесть параметров:

- «хронотопические рамки парадигмы;
- условия, предпосылки и мотивы ее появления;
- установки и цели;
- предметные области ее анализа;
- используемые здесь методики;
- эвалютивный (оценочный) аспект» [Кубрякова 2008, с. 9].

Понятие парадигмы тесно связано с совершенствованием методологии научного исследования, ср.: под парадигмой понимают и общепризнанный образец решения научной проблемы [Кун 1977, с. 244].

Проблема однозначного понимания термина «научная парадигма» до конца не решена, что характеризует процесс научного познания в данной области как развивающийся (множественность определений понятия «парадигма» свидетельствует об этом). Именно поэтому в современной лингвистике представлены разные подходы к выделению научных парадигм, их количеству и значимости для научного исследования.

Типология существующих в современном языкознании парадигм представлена в работе В.А. Масловой, отметившей функционирование следующих основных парадигм, охарактеризованных разными исследователями:

- 1) историческая, психологическая, системно-структурная, социальная (Ю.Н. Караулов);
- 2) имманентно-семиологическая, антропологическая, теoантропокосмическая (трансцендентальная) (В.И. Постовалова);
- 3) традиционная, генеративная, когнитивная, коммуникативная (Е.С. Кубрякова) [Маслова 2008, с.7].

Понимание парадигмы тесно связано с поиском оптимальных методов решения проблем (моделей, схем, образцов).

Проблемы в области методологии научного поиска являются предметом глубоких научных исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Например, при изучении проблемы разграничения историографии лингвистики и истории лингвистических учений Э. Ф. К. Кернер обращает внимание ученых на требующие решения «вопросы периодизации, контекстуализации и исследовательской процедуры (метода)» [Kerner 1995, с.7–16]. В своих работах Э. Ф. К. Кернер отмечает влияние естественных наук на формирование теории в лингвистике XIX и XX веков. На наш взгляд, это влияние наиболее ярко проявляется при развитии таких направлений в изучении языка, как лингвистическая география, ареальная лингвистика, этнолингвистика, лингвокраеведение.

Поиск новых решений, методик связан с образованием новых парадигм, субпарадигм, прежде всего возникающих на пересечении областей научного знания: лингвистики и этнографии, лингвистики и социологии, лингвистики и культурологии, лингвистики и психологии, лингвистики и краеведения.

Глобальную проблему языкознания настоящего время описывает В.Н. Телия: «Современное состояние лингвистики – поиск такого пространства исследования и описания «языка в действии», в котором подлинный субъект этого речемыслительного процесса, владеющий его порождением vs пониманием, был бы опознан по сплетенным и отраженным в процессах семиозиса как бы сокровенным следам этого процесса» [Телия 2021, с.19]. Решение данной проблемы предполагает и поиск соответствующих методов, а значит, и новых парадигм знания. Поскольку язык является своеобразной квинтэссенцией культуры и средством социализации человека, хранителем и транслятором национально-культурной парадигмы знаний, правомерна и

постановки проблемы «феномена культурно-языковой компетенции» [Телия 2021, с.19] и методологии ее решения.

В связи с вышеизложенным одной из важных проблем современной антропоцентрической лингвистики является изучение «истинной картины языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами» [Вендина 2021, с. 45]. С данной проблемой связано и решение вопросов национально-культурной специфики смыслообразования: «Перед методологами стоят серьезные задачи, требующие как теоретического, так и операционного определения национально-культурной специфики смыслообразования, отраженной в речевых действиях носителей разных культур, ведь именно она определяет этнические особенности концептуализации действительности. Понимание этой специфики практически обеспечивает эффективность межнациональных и межэтнических контактов, а теоретически позволяет создать методологическую основу межкультурной коммуникации» [Пищальникова 2018, с. 14], что также ведет к созданию новых теорий и парадигм или субпарадигм.

Ключевой для современного общества является и проблема сохранения единого культурного пространства на основе историко-культурной пресуппозиционной системы знаний, решить которую в определенной степени помогут и лингвистические методы, теории, подходы: «Исследование ономастических единиц и лексикографическое описание национального ономастического пространства способствует сохранению национально-культурной самобытности – основы существования этноса в современном поликультурном пространстве» [Бубнова 2015, с.46].

Спектр лингво-историко-социокультурных проблем, стоящих перед современной лингвистикой, требует выработки адекватных методов их решения, зачастую в рамках полипарадигмальной парадигмы.

Е.С. Кубрякова отмечает, что развитие современной лингвистики, а в ее рамках и лингвистической парадигматики, определяется такими

основополагающими установками, как экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или неофункционализм, экспланаторность. Именно с указанными положениями и связано возникновение новых парадигм научного знания.

Под экспансионизмом понимается расширение границы науки, объектов исследования, возникновение новых «сдвоенных» наук, увеличение эмпирической базы лингвистики [Кубрякова 1995, с.208–209]. Антропоцентризм предполагает, что при изучении языка человек является центральной составляющей лингвистического анализа, в том числе и лингвокультурологического (изучение духовной культуры человека, языковой картины мира): «антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995, с.212]. В основе функционализма – анализ единиц языка с позиции выполняемых ими функций, а неофункционализм «связан, во-первых, с гораздо более сложным пониманием функций языка, <...> а, во-вторых, с выдвижением разных теорий относительно иллокутивных (коммуникативных – Л.В.) целей высказывания» [Кубрякова 1995, с.220]. К наиболее активно развивающимся областям функциональной лингвистики следует отнести типологию и семантику: «Функционализм активно развивает типологические исследования, стремясь сделать их объяснительными» [Алпатов 2018, с.32]; «лишь функционализм сосредоточен на семантических исследованиях» [Алпатов 2018, с.33].

В основе следующей парадигмальной особенности современной лингвистики – экспланаторности (экспланаторность – «объяснительность», то есть доказательность, аргументированность, наглядность теории) – «стремление найти и внутренней организации языка, и его отдельным модулям, и архитектонике текстов, и реальному осуществлению дискурса, и порождению

и пониманию речи и т.п. то или иное объяснение» [Кубрякова 1995, с.221]. Т. Гивон разработал систематику лингвистических объяснений (функциональных по своему характеру): 1) объяснение лингвистических универсалий (в зависимости от соотношения формы и функций); 2) объяснение строения изучаемой языковой системы (отношения подсистем внутри системы, иерархия этих отношений); 3) исторический тип объяснения (онтогенез, филогенез, диахронические изменения и др.) [Цит по: Кубрякова 1995, с.226–227].

Таким образом, имеющая давние традиции употребления лексема *парадигма* в научной сфере актуализируется в работах Т. Куна, понимавшего под научной парадигмой «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун 1977, с. 11].

Научная прадигма включает теоретические обобщения, признаваемые членами научного сообщества, модели решения проблем, общепризнанные ценности (принципы, методы), образцы решения конкретных проблем. Функционирование и развитие современных парадигм связано с такими параметрами, как экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или неофункционализм, экспланаторность (Е.С. Кубрякова), а образование новых парадигм обусловлено выходом лингвистики за пределы освоенного (Р.М. Фрумкина).

1.2 Особенности современных лингвистических парадигм

Развитие языкознания неразрывно связано с совершенствованием лингвистической методологии, а следовательно, с возникновением новых путей изучения языковых явлений.

В методологии науки и теории языкознания учеными достаточно активно изучаются особенности развития парадигм научного знания в XIX–XXI вв,

среди наиболее значимых отметим следующие исследования: [Алефиренко 2005; Алпатов 2018; Арутюнова 1991; Демьянков 1995, 2008; Гак 1998; Караулов 2010; Кубрякова 1994, 1995, 1998, 2008; Кун 1977; Маслова 2008; Пищальникова 2018; Позднякова 2008; Постовалова 2018; Степанов 1985, 1995; Телия 2021; Фрумкина 1995 и др.].

Лингвистические парадигмы рассматривают, по мнению Ю.С. Степанова, «образы языка». В XX веке анализируются следующие «образы языка»: изучается язык отдельного индивида (в рамках теории позитивизма), язык как представитель семьи языков (с позиций сравнительно-исторического метода), язык как структура, или как структура системы (структуралистское понимание языка), как система (системно-структурное направление изучения языка), как определенный тип и характер (первоначально сопутствовал структурализму, затем стал изучаться с позиций лингвистической характерологии), язык с точки зрения компьютерного подхода (изучение языка в русле порождающей грамматики, генеративизма), в рамках когнитивистики, семиотики изучается «язык как пространство мысли и дом духа» [Степанов 1995, с.7–34].

Важные парадигмальные принципы современной лингвистики, по мнению Ю.Н. Караулова, связаны с пониманием исторического характера языка, его социальной природы, системно-знакового устройства и психической сущности [Караулов 2010, с.8].

В зависимости от уровня концептуального обобщения выделяют макропарадигмы и микропарадигмы (парадигмы-спецификаторы) (Ю.И. Сватко). Н.Ф. Алефиренко характеризует состав и основные свойства макропарадигм, микропарадигм и выделяет следующие типы лингвистических парадигм: сравнительно-историческая, системная (структурно-таксономическую) и антропоцентрическая, последнюю ученый называет над- или суперпарадигмой [Алефиренко 2005, с. 19–21, 24].

К основным лингвистическим парадигмам XX века относятся структурализм, генеративизм, когнитивизм, неофункционализм [Кубрякова 2008, с. 8].

Лингвистические парадигмы могут несколько отличаться реализацией своих идей, например, «структуралисту язык виделся как естественно-научный объект, вне культуры и в отвлечении от людей, говорящих на нем. В европейской же филологической традиции считалось неоправданным огрублением пренебрегать, в описании языка, экстралингвистическими сведениями из истории народа, говорящего на этом языке» [Демьяненко 1995, с. 242].

Для каждой парадигмы характерны определенные, собственные области исследования: в структурализме изучаются фонология и морфология, в генеративизме – синтаксис, в когнитивной лингвистике – семантика, в коммуникативных парадигмах – дискурс, в неофункциональных парадигмах – язык как функциональный механизм общения и познания мира [Кубрякова 2008, с. 12–13].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, основными парадигмами мировой лингвистической науки являются лингвистический компаративизм, системно-структурная парадигма, коммуникативно-прагматическая (включает теорию номинации, теорию референции и теорию речевых актов), в современной лингвистике идет развитие дискурсивно-когнитивной парадигмы [Алефиренко 2005, с. 18].

Парадигмы объединяют научные теории, и некоторые из теорий, приобретая всеобщее признание и распространение, становятся полноценными лингвистическими парадигмами. В.З. Демьянковым подробно охарактеризованы следующие доминирующие теории в лингвистике конца XX века: генеративная лингвистика, интерпретационизм, категориальные грамматики, функционализм, теория прототипов, лингвистика текста, теории

речевого действия, принцип кооперированности, когнитивная лингвистика [Демьяненко 1995, с. 245–307].

Е.С. Кубрякова считает, что ситуацию в лингвистике настоящего времени можно охарактеризовать трояко:

1) как формирование конструктивной парадигмы знания: Е.С. Кубрякова полагает, что с конца 80-х гг в изучении языка «преобладают интеграционные тенденции и что на наших глазах формируется новая конструктивная парадигма научного знания, синтезирующая подходы» [Кубрякова 1995, с. 227];

2) как развитие полипарадигмальности: каждая из научных школ «продолжает свой собственный путь развития, демонстрируя разные предметные области исследования и по существу являя собой отдельную (малую) парадигму научного знания» [Кубрякова 1995, с. 227];

3) образование оппозиции генеративистики и постгенеративистики, в результате чего «происходит становление новой, нефункциональной², или конструктивной (постгенеративной) парадигмы знания (иногда ее называют «интерпретирующей», определяющей чертой которой оказывается удачный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка)» [Кубрякова 1995, с. 228].

Современный этап развития науки В.Г. Гак называет неонеклассическим и выделяет такие важные особенности научной парадигматики, как антропоцентризм, «креативизм, аксиология науки, телеономия (подчинение целесообразности)» [Гак 1998, с. 14].

Развитие парадигм, по мнению Ю.С. Степанова, осуществляется по спирали: сначала развиваются семантическое направление, затем синтаксическое и вслед за ним прагматическое, а после смена парадигм повторяется по спирали [Степанов 1985, с. 5]. Ученый отмечает

² Нефункционализм – это «изучение языка в действии, имея в виду использование языка, его употребление» [Кубрякова 1995, с. 218].

односторонность парадигм: когда в процессе познания сменяются парадигмы, то «все же в известной мере одна односторонность сменяется другой» [Степанов 1985, с. 5].

Главной особенностью современной лингвистики является формирование «новой, интегральной парадигмы знания – функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей в своей установочной части выходы не только за горизонты традиционной структуральной лингвистики, но и за горизонты той жестко организованной и по преимуществу формализованной концепции языка, какой является генеративная парадигма знания» [Кубрякова 1995, с. 230]. Называя современную лингвистическую парадигму функциональной, В.М. Алпатов также считает, что «данная парадигма находится еще в стадии формирования, и окончательно ее место в развитии языкознания еще предстоит понять» [Алпатов 2018, с. 33].

К особенностям современной парадигмы научного знания исследователи относят расширение тематики лингвистических исследований, что наиболее ярко проявляется в функциональной лингвистике.

По мнению У. Чейфа, современная лингвистика представлена формализмом и функционализмом, при этом научные интересы функционалистов могут относиться к «области когнитивной лингвистики, антропологической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, прагматики, дискурсивных исследований, корпусной лингвистики, документирования языков или иных направлений» [Чейф 2015, с. 60–61]. Важной особенностью современной лингвистической парадигматики является ее полипарадигмальность, поэтому современный этап развития научного знания можно назвать неонеклассическим (В.В. Ильин) с его мультиаспектуальностью. Как считает В.И. Постовалова, полипарадигмальность или мультипарадигмальность является «конститутивной чертой научного познания»

[Постовалова 2018, с.37]. Такого же мнения придерживается В.Г. Гак, полагая, что «плюрализм в лингвистике не только возможен, но и неизбежен» [Гак 1998, с.16]. Ученый выделяет объективные и субъективные факторы, определяющие множественность научной интерпретации; к объективным факторам, в частности, относятся следующие:

- 1) «недискретность многих языковых явлений;
- 2) асимметрия, свойственная языковым знакам;
- 3) многоаспектность языковых явлений» [Гак 1998, с.16].

Полипарадигмальность современного процесса познания подчеркивает стремление науки отойти от односторонности, о которой писал Ю.С. Степанов [Степанов 1985, с. 5], в научных исследованиях, вывести их на качественно новый уровень, обеспечив в рамках многоаспектного исследования всесторонне изучение предмета научного анализа.

В.И. Постовалова считает, что полипарадигмальность современного гуманитарного познания проявляется в сосуществовании различных исследовательских парадигм: «традиционных и нетрадиционных, классических и неклассических, границы между которыми представляются достаточно подвижными» [Постовалова 2018, с.38]. Свойством полипарадигмальных парадигм является их неоднородность (как по составу, так и по способам взаимодействия), что способствует выделению локальных парадигм разного типа, мегапарадигм, интегральных парадигм, метапарадигм [Постовалова 2018, с.38–39].

Понимание того, что лингвистические объекты, факты создают определенный континуум, являющийся по сути зоной переходности, и дает обоснование полипарадигмальности в науке: «Крайние звенья этой цепи четко различаются между собой, но они связаны зоной постепенных переходов, где невозможно раз и навсегда провести разграничительные линии. Исходя из того или иного фактора исследователи проводят эти линии по-разному, различным

образом строят классификации внутри этого континуума, вследствие чего различно определяется природа одних и тех же фактов и формулируются различные теоретические решения» [Гак 1998, с. 17]. Кроме того, полипарадигмальность обусловлена и полиаспектностью объекта, обладающего множеством граней, связей для лингвистического анализа, ср.: «В процессе научного познания делается упор на определенную грань объекта, что позволяет углубленно изучить данный аспект явления, но вместе с тем делает возможными различные решения» [Гак 1998, с. 24].

Рассматривая особенности межпарадигмальных переходов, В.И. Постовалова выделяет три подхода, в рамках которых формировались парадигмы:

1) имманентно-семиотический (представлен в структурно-функциональной парадигме структурализма XX века) предполагает изучение языка в качестве самостоятельного семиотического образования, не затрагивая проявления духовного мира в языке;

2) имманентно-антропологический (проявляется в лингвокультурологической, лингвокогнитивной и дискурсивно-коммуникативной парадигмах) рассматривает язык как неотъемлемое свойство жизнедеятельности человека (язык в человеке и язык как отражение деятельности человека);

3) трансцендентно-религиозный предполагает максимально широкое рассмотрение языка с позиции изучения человека с его ценностными установками, как средство формирования целостного человека [Постовалова 2018, с.41–42].

Полипарадигмальность дала импульс образованию новых подходов, направлений в изучении языка, среди которых, например, мультимодальная (мультимодальная, бимодальная) лингвистика, изучающая «все реальное

многообразии «живой» коммуникации между людьми: слова, интонацию, жестикуляцию, направление взгляда, мимику» [Кибрик 2018, с. 181].

Проявлением полипарадигмального подхода к изучению единиц языка является развитие лингвокультурологии, поскольку в рамках данной дисциплины «взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры происходят в самых разнообразных формах и, соответственно, столь же многоаспектен предмет лингвокультурологии, куда входят и языковая и национальная картины мира, языковое сознание, языковая личность, ментальность (этнический менталитет, культурный код и пр.). Основной же эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию лингвокультурный)» [Воркачев 2011, с. 64]. Также полипарадигмальность характерна и для исследований в рамках лингвоконцептологии, поскольку «концепт – «зонтиковый термин», покрывающий предметные области нескольких научных направлений» [Воркачев 2011, с. 64].

Ономастические исследования в XXI веке также реализуют полипарадигмальный подход к изучению проприальной лексики.

Л.А. Климкова отмечает, что современная лингвистика, отличаясь объяснительностью (экспланаторностью) и полипарадигмальностью, сохраняет и традиционные парадигмы научного знания: «В последние десятилетия XX и в начале XXI века изучение нижегородских говоров, как и вся русистика, вышло на новый уровень – не просто описательный, но объяснительный, в этнолингвистическом, этнокультурном, социолингвистическом аспектах, через призму языковой картины мира – общей и индивидуальной, антропоцентризма, когнитивизма, языковой личности, коммуникативной прагматики. При этом в условиях полипарадигмальности русистики и диалектологии как ее составной части сохраняется и традиционная парадигма – системно-структурная организация языка и историзм» [Климкова 2008, с. 3].

О полипарадигмальности ономастических исследований пишет и И.А. Кюршунова: «В последнее время в изучении имен собственных наметилась определенная тенденция их введения в когнитивные, этнолингвистические, антропоцентрические, аксиологические научные изыскания, которые проводятся как в отдельно выбранном аспекте, так и в объединенном, полипарадигмальном направлении» [Кюршунова 2019, с. 73].

Еще одной особенностью современной лингвистической парадигматики является расширение границ науки. В.М. Алпатов замечает, что в лингвистике заметна склонность к подобной экспансии, что отражает процесс развития научной парадигмы [Алпатов 2018, с. 33]. Расширение границ науки связано, прежде всего, с выходом лингвистики в смежные науки, с развитием интеграции, с образованием синтезированных дисциплин, таких как лингвокультурология, этнолингвистика, психоллингвистика, лингвокраеведение и др.

Таким образом, современная лингвистика характеризуется формированием новой парадигмы научного знания, основу которой составляют следующие параметры: конструктивность, проявляющаяся в синтезе подходов и направлений; полипарадигмальность; столкновение генеративистики и постгенеративистики, выразившееся в развитии неофункционализма; синтез когнитивистики и коммуникативного подхода к языку. Кроме того, к особенностям современной научной парадигмы относится расширение тематики лингвистических исследований и расширение границ науки.

1.3 Понятие «лингвокраеведческая субпарадигма»

Функционирование новой парадигмы лингвистического знания, характеризующейся полипарадигмальностью, неофункционализмом, экспансионизмом, антропоцентричностью, экспланаторностью и в то же время сохраняющей традиционные установки сравнительно-исторической и системно-

структурной парадигмы, обусловило и формирование такого подхода к изучению языковых единиц, как лингвокраеведческий. Изучение языковых единиц в этом случае осуществляется средствами лингвокраеведения.

Лингвокраеведческое направление изучения языка является частью тех методологических решений, фактически субпарадигмой, которые призваны представить в системе комплексное описание региональных языковых единиц в соотношении с данными краеведения.

Понятие субпарадигмы связано с терминами «концепция» и «научная школа». Если парадигма и концепция соотносятся как общее и частное [Алефиренко 2005, с. 19], то концепция и научная школа как форма и содержание (как соотношение научной идеи и способов ее реализации учеными с помощью единых методов и установок).

В данной работе понятие «лингвокраеведческая субпарадигма» рассматривается с позиций Воронежской лингвокраеведческой школы, Воронежской ономастической школы (руководитель – профессор, доктор филологических наук Г.Ф. Ковалев).

Под лингвокраеведческой субпарадигмой понимается интегративная модель исследования системы русского языка, предполагающая привлечение краеведческих данных для лингвистического исследования. Научные изыскания в таком случае осуществляются на основе и с привлечением краеведческих сведений (материалов архивных фондов, исторических музеев, историко-художественных, историко-культурных центров и др.)

Разрабатываемая субпарадигма, как полагаем, находится на пересечении различных парадигм научного знания, однако центральными являются антропоцентрическая с ее обращенностью к человеку, сравнительно-историческая и системно-структурная.

Признаки парадигмы, охарактеризованные В.А. Масловой, по отношению к лингвокраеведческой субпарадигме соблюдаются. Так, В.А. Маслова считает,

что «для парадигмы нужно, чтобы она была общей для всякого гуманитарного знания» [Маслова 2008, с. 8], что «парадигма – это совокупность научных установок, которые дают ученому модель постановки проблемы и некоторый набор их решений в совокупности с процедурами исследования» [Маслова 2008, с. 8].

Лингвокраеведческое направление широко используется не только в лингвистике, но и в других науках, не только гуманитарных. Так, литературоведение уделяет особое внимание вопросам изучения языка и стиля местных писателей (особенно широко представлено краеведческое направление в изучении творчества известных поэтов и писателей), в большинстве вузов создаются научные школы, центры, посвященные изучению творчества того писателя, который родился или жил с данной местности. В биологии, геологии, географии изучение видов растений, животных, почв, географических особенностей всегда осуществляется с привязкой к конкретной местности: для каждого края характерны свои биологические, геологические, географические особенности. Что же касается исторического краеведения, то еще в конце XX века это уже была научная дисциплина со своим научным аппаратом, см.: [Историческое краеведение].

Лингвокраеведение обладает комплексом моделей решения лингвистических проблем, особым, комплексным характером набора методов и приемов, среди которых специфическим является лингвокраеведческий анализ региональных имен собственных, характеризумый в данном исследовании. Методологические решения, представленные прежде всего в работах по диалектологии и региональной ономаатике, выбираются учеными в зависимости от целей и задач исследования, общим является привлечение краеведческих данных для решения лингвистических задач: в качестве источника материала или в качестве дополнительных средств исследования.

Представим описание лингвокраеведческой субпарадигмы в соответствии с параметрами парадигмы, предложенными Е.С.Кубряковой [Кубрякова 2008, с. 9].

1. Хонотопические рамки парадигмы.

Временные рамки лингвокраеведческой субпарадигмы (истоки и ее дальнейшее развитие) в России удалось проследить с 30-х гг. XVIII века, когда начала осуществляться масштабная исследовательская историко-географо-этно-лингвокраеведческая работа В.Н. Татищевым, затем М.В. Ломоносовым. Л.А. Климкова замечает, что «при интерпретации фиксируемого, собранного диалектного материала (прежде всего лексики) во все времена исследователи не могли не соотносить его с особенностями местности, территории функционирования изучаемого говора, материальной и духовной жизни сельского жителя, диалектоносителя. Так постепенно складывалось, вычленяясь из общей диалектологии и сопрягаясь с краеведением (начало краеведческой деятельности в нашей стране также относится к XVIII в.), такое направление, как лингвокраеведение – изучение языковой составляющей жизни края, наряду с изучением его природно-климатических, историко-археологических, этнографических и иных особенностей» [Климкова 2017, с.94].

Территорию распространения лингвокраеведческого направления в изучении языка сложно определить однозначно, поскольку понимаем, что в силу объективных причин в данном исследовании рассмотрена только надводная часть того «айсберга» лингвистических исследований (и, возможно, обращенная только одной стороной), где лингвокраеведческий подход является ведущим или вспомогательным. По крайней мере, можно констатировать, что современные исследования авторитетных ученых России и других государств свидетельствуют о востребованности краеведческой информации для проведения научных лингвистических исследований. Более подробно данный

пункт охарактеризован нами при рассмотрении вопроса о развитии отечественного лингвокраеведения.

2. Причины развития лингвокраеведческой субпарадигмы.

К причинам развития лингвокраеведческой субпарадигмы научного знания отнесем следующие³:

1) развитие антропоцентризма, в соответствии с которым решаются поставленные задачи изучения региональной языковой картины мира через призму видения человека, восстановленного по данным регионального ономастикона, диалектологии;

2) действие принципа экспансионизма, в соответствии с которым лингвистика выходит за рамки чистой лингвистики, расширяя предмет своего анализа, формируя новый подход в изучении языка на стыке лингвистики и краеведения; увеличение эмпирической базы лингвистики происходит за счет включения в поле лингвистического анализа языковой компоненты, извлеченной из краеведческих источников;

3) проявление функционализма в научных исследованиях, направленного на выявление и характеристику функционально-значимых компонентов языковой системы, в число которых входит и региональная лексика (диалектная и ономастическая), изучаемая с привлечением краеведческих источников;

4) влияние экспланаторности, которая предопределяет всесторонний анализ языковых единиц и объяснение их семантической, функциональной и других особенностей; включение в эмпирическую часть исследования краеведческих сведений, способствующих объяснению бóльшего числа языковых единиц (что без привлечения краеведческих источников было бы проблематично);

³ Обоснование развития лингвокраеведческой субпарадигмы проведено в соответствии с парадигмальными особенностями современной лингвистики, охарактеризованными Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1995, с.208–220].

5) развитие полипарадигмальности в современной лингвистике; лингвокраеведческое исследование, являясь по сути интегрированным, предполагает многоаспектный анализ языковых единиц.

Основные мотивы развития лингвокраеведческой субпарадигмы непосредственно связаны с решением задач современного лингвокраеведения, имеющих высокое общественное и лингвистическое значение.

Стратегический потенциал лингвокраеведения для современной науки и общества связан с решением проблемы духовного возрождения человека, о чем пишет Г.Ф. Ковалев: «Возрождение России – проблема не столько экономики, сколько духовной жизни. Это, прежде всего, возрождение культурных традиций русского народа, бережное отношение к языковому и литературному наследию, накопленному нашими предками в течение многовекового исторического процесса созревания и существования русской нации, вобравшей в себя лучшие этнокультурные признаки не только славянства, но и всех соседних наций, представленных народами как индоевропейской семьи (индо-иранцы, готы славяне), так в равной степени и урало-алтайской (тюрки, финно-угры и др.). Решать проблему культурного возрождения необходимо комплексно» [Ковалев 2014, с. 226–227]. Г.Ф. Ковалев также отмечает: «Знать свой родной край, знать печальные и светлые страницы его истории, знать язык своей земли, завещанный нам прадедами, понимать сокровенный смысл местных традиций и обрядов – вот минимальные требования в решении далеко не простой проблемы лингвокраеведения» [Ковалев 2008, с.51]. М.М. Пришвин образно сформулировал крайнюю важность краеведческого знания: краеведение направлено «на улучшение породы самого человека непосредственно влиянием на его сознание» [Пришвин-8, с. 128].

В лингвистическом отношении лингвокраеведческая субпарадигма является важным инструментом изучения комплекса проблем, имеющих антропоцентрический вектор преломления.

Анализ ономастических и диалектных лексем с учетом краеведческих данных позволяет создать базу для изучения языковой личности человека, в том числе и с учетом его национальной специфики, представленной «относительно устойчивой во времени, то есть инвариантной в масштабе самой личности, частью в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов 2010, с. 42]. Привлеченные к лингвистическому исследованию научные краеведческие сведения (архивные данные, материалы ревизских сказок, памятных книжек, писцовых книг, приказных грамот, актов, материалов к изучению истории и культуры края, сведения о природно-климатических, этнографических особенностях местности и др.), дающие представление об истории заселения населенных пунктов, особенностях жизни и быта прежних и настоящих жителей местности, географических и этнографических особенностях местности будут способствовать углубленному изучению языковой личности человека по данным регионального ономастикона, что имеет важное значение для постижения основ национального мировосприятия.

Лингвокраеведческая субпарадигма позволяет изучать фрагменты региональной языковой картины мира, которые смогут стать основой для составления мозаики национальной языковой картины мира. Если принять во внимание, что язык тесно связан с мышлением, а «мышление – эта та область, в которую науки, смежные с лингвистикой, могут внести наибольший вклад» [Чейф 2015, с. 81], то становится понятным обращение к междисциплинарным областям знания, которые возможно применить и для изучения особенностей мировосприятия, мышления человека посредством изучения языка.

Краеведческие сведения, в первую очередь историко-культурного плана, дают возможность более полно изучить истоки и возможные причины возникновения тех или иных языковых единиц (в данном исследовании рассматривается преимущественно лексический уровень, репрезентированный

региональным ономастиком), участвующих в формирования региональной языковой картины мира.

Широкий спектр проблем и вопросов, которые затрагивает лингвокраеведение, отмечен Л.А. Климковой, отмечающей важное научное и практическое значение лингвокраеведческих исследований: «Лингвокраеведческая работа имеет большое научное и практическое значение. Прежде всего, интенсивным путем собирается преходящий материал, имеющий непреходящую ценность для науки о языке, для познания культуры, менталитета народа: унификация говоров – процесс необратимый, поэтому с во время не зафиксированным и не интерпретированным материалом уйдет ценное для самобытной истории края, для истории языка и народа» [Климкова 2017, с.96].

3. Предметные области анализа в рамках лингвокраеведческой парадигмы.

Лингвокраеведческая субпарадигма является исследовательской программой, находящейся на стыке следующих научных областей знания: лингвистика, краеведение, история, ономастика, диалектология, лингвокультурология, лингвострановедение, этнолингвистика. Исследования в рамках лингвокраеведческой субпарадигмы близки и этнопсихолингвистическим исследованиям в плане изучения проблем этнического самосознания (как правило, изучение регионального варианта языка коррелирует с изучением и вопросов этнического характера), определения региональной специфики речевой деятельности человека (при изучении говоров), что и определяет в перспективе возможное обращение к теории речевой деятельности А.А. Леонтьева, к теории языковой личности Ю.Н. Караулова.

4. Используемые методики. В качестве основных методов, применяемых для лингвокраеведческого изучения единиц языка используются традиционные

дескриптивный (описательный), системно-структурный, сравнительно-исторический, полевой метод, метод лингвокраеведческого анализа региональных языковых единиц, который ниже рассматривается особо, и другие методы и приемы.

6. Оценочный аспект научных исследований, проводимых в рамках лингвокраеведческой субпарадигмы.

В рамках лингвокраеведческой субпарадигмы изучения русского языка в настоящее время возможно решить ряд важных для современного языкознания проблем, основными из них являются следующие.

1. Изучение фрагментов ономастического пространства и региональных языковых картин мира для создания целостного представления об общерусской ономастической системе, о национальной языковой картине мира. Как полагает Н.В. Бубнова, «предварительное детальное изучение региональных ономастических систем во многом способствует последующему объективному описанию национального ономастического пространства по принципу «основание и вершина айсберга» [Бубнова 2015, с. 47].

2. Разработка теории и методик анализа языковых единиц регионов для определения лингвокраеведческих универсалий и лингвоспецифичности языковых явлений. В этом отношении особую значимость приобретает изучение диалектных ономастических единиц, поскольку, как замечает А.С. Щербак, «региональные единицы, восходящие к диалектным основам, отражают национально-языковые, культурно-исторические, общественно-бытовые и духовные черты жителей того или иного региона, несут в себе особые, специфически стереотипные идеи, мировоззренческие смыслы, выработанные многими поколениями людей, которые традиционно принято считать особым «русским» взглядом на мир» [Щербак 2022, с. 75].

3. Разработка теоретических основ лингвокраеведения в русском языке; описание развития лингвокраеведческой субпарадигмы в русском языке;

определение и обоснование лингвокраеведения как комплексной науки с лингвистическим предметом исследования и специфической методологией; характеристика методологической базы лингвокраеведческих исследований.

Особенностью лингвокраеведческого анализа является его комплексность, в основе которой объединение теоретических сведений и методологии разных наук. В отношении изучения региональных имен собственных данный факт особенно важен, поскольку, как отмечает В.И. Супрун, синтез методов и приемов позволяет «раскрыть краеведческую специфику этих языковых единиц» [Супрун 1994, с. 142].

4. Анализ региональных языковых единиц и их описание в аспекте решения проблем межкультурной коммуникации.

5. Разработка вопросов методики изучения лингвокраеведения в вузах и школах (прикладной характер лингвокраеведения). Определение научно-прагматических возможностей исследований в рамках лингвокраеведческой субпарадигмы, в частности, для трансляции данного направления анализа языковых явлений в вузовский и школьный компонент образовательной системы. Данная проблема в настоящее время активно решается, см.: [Абросимова 2015; Брысина, Супрун 2017, 2021; Верховых 2015, 2017; Климкова 1985, 1988, Ковалев 1996, 1998, 2005, 2014, 2017, Курносова 2013; Лыжова 2002; Мадиева, Супрун 2011, 2016; Майорова 2007; Полякова 2006; Попов 2003, 2021; Супрун 1997, 2021; Филатова 2002, 2016; Черенкова 2009, 2006; Шумарина 2011; Щербак 2015, 2017, 2022 и др.].

6. Подготовка эмпирического материала для создания региональных лингвокраеведческих словарей [см.: Бубнова 2015; Ковалев 2017, 2021; Попов 2021; Супрун 2014, 2022].

Таким образом, лингвокраеведение является той площадкой на базе антропоцентрической парадигмы, которая соединяет лингвистические и иные научные знания для решения целого комплекса важных общественных и

лингвистических проблем. В процессе «взаимообогащения и взаимодействия всех заинтересованных наук» [Кубрякова 1995, с.225] такая парадигмальная особенность, как экспланаторность приобретает особое выражение: «Принцип экспланаторности обретает тогда более конкретное содержание, ибо взаимопроникновение наук позволит выявить и обнаружить разные типы объяснений и придать каждому из них (когнитивным, функциональным, биологическим и пр. объяснениям) рациональное содержание» [Кубрякова 1995, с.225].

Рассматривая лингвокраеведческое направление изучения языка как субпарадигму, интегративную модель, отметим, что в данном случае речь идет не о смене парадигм, о научной революции, а лишь об уточнении, изменении вектора в исследовании языкового материала для всестороннего, более полного, объективного анализа языковых фактов, или, что еще точнее, речь идет об актуализации лингвокраеведческой субпарадигмы в исследовании системы языка, поскольку в России привлечение краеведческого материала к анализу языковых явлений имеет давние истоки, относящиеся к научной деятельности В.Н. Татищева, М.В.Ломоносова, Е.А. Болхолвитинова.

1.4 Лингво-философские основы лингвокраеведческой субпарадигмы

Образованная пересечением антропоцентрической, сравнительно-исторической и системно-структурной парадигм знания, лингвокраеведческая субпарадигма базируется на лингво-философских идеях о связи языка и человека, его мышления, особенностей мировосприятия, менталитета; на положениях, регламентирующих изучение языка неотрывно от исторических особенностей его развития, от общественных и историко-культурных условий формирования языковых единиц; на важных теориях, определяющих знаковый характер языка и его системность, проявляющуюся в четкой структуре.

Безусловным является применение основ историзма, реализуемого в сочетании с системно-структурным изучением языковых единиц [см.: Караулов 2010, с.8].

В данном параграфе рассмотрим лишь основные лингво-философские идеи, определившие основания для выделения лингвокраеведческой субпарадигмы в качестве научной субпарадигмы знаний.

Среди особо значимых научных концепций для лингвокраеведения отметим следующие:

1. Положения В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртене, Ю.Н. Караулова о связи языка с историей, об историческом характере языковых явлений.

С точки зрения сравнительно-исторического подхода особое внимание, по мнению В. фон Гумбольдта, нужно обращать на естественно-исторические различия (прежде всего связанные с различием племен) и интеллектуально-теологические (являющиеся средством формирования наций, народов с определенными культурными ценностями) [Гумбольдт 2000, с. 310–311]. Связь языка и истории отражается в следующем положении: «Язык как продукт народа и прошлого является для человека чем-то чуждым; поэтому человек, с одной стороны, связан, но, с другой стороны, обогащен, укреплен и вдохновлен наследием, оставленным в языке ушедшими поколениями» [Гумбольдт 2000, с. 320].

По мнению И.А. Бодуэна де Куртене, «механизм языка и вообще его строй и состав в данное время представляют результаты всей предшествовавшей ему истории, всего предшествовавшего ему развития, и наоборот, этим механизмом в известное время обуславливает дальнейшее развитие языка» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 68].

Характеризуя особенности сравнительно-исторического изучения языка, И.А. Бодуэн де Куртене отмечает, что существует внешняя история языка,

занимающаяся изучением распространения языка, влиянием иностранных языков на данный язык и др., и внутренняя история языка, которая «занимается развитием языка самого по себе, жизнью языка, не отвлекая его неестественным образом от его носителей, от людей, а, напротив того, понимая его всегда в связи с физической и психической организацией говорящего им народа. <...> Внутренняя история языка исследует, как народ говорит в известное время или же в течение многих веков и почему так говорит...» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 69]. И.А. Бодуэн де Куртене подчеркивает кумулятивную функцию языка, указывая на то, что в языке отражены представления человека о культуре, о духовном и материальном мире: «При помощи данных языка мы узнаем, как жил данный народ, как одевался, какие у него были жилища, какие домашние животные, был ли он земледельческим или кочевым народом, какие знал злаки и растения вообще, какие были у него семейные отношения, как он был организован в правовом отношении и т.д. и т.д.» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 219].

Подчеркивая исторический характер научных исследований языка, И.А. Бодуэн де Куртене в качестве основного метода изучения языка выделяет сравнительно-исторический индуктивный: «Истинно научное, историческое, генетическое направление считает язык суммой действительных явлений, суммой действительных фактов, и, следовательно, науку, занимающуюся разбором этих фактов, оно должно причислить к наукам индуктивным» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 55].

Фактически развитием данного положения является теория языковой личности Ю.Н. Караулова, предусматривающая изучение «волне определенного национального языка с определенными историко-этно-социопсихолингвистическими особенностями его носителей» [Караулов 2010, с. 8].

Как считает Ю.Н. Караулов, «все, что обычно связывают с национальным характером и национальной спецификой, имеет только один временной

характер – исторический, национальное всегда диахронно. Поэтому естественно, что все претендующие на научность рассуждения о национальном характере могут опираться только на историю. Историческое же в структуре языковой личности совпадает с инвариантной ее частью, и тем самым мы ставим знак равенства между понятиями «историческое», «инвариантное» и «национальное» по отношению к языковой личности» [Караулов 2010, с. 39].

Связь языка с человеком, народом, вытекающая из идеи В. фон Гумбольдта о тождестве духа народа и его языка обуславливает и общественный характер языка, что связано и с историей народа: «Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа» [Гумбольдт 1985, с. 349]; «язык развивается только в обществе» [Гумбольдт 2000, с. 77]. Изучение языка у В. фон Гумбольдта неотделимо от воспитания и изучения человека, исследования его души: «Вот это средоточие – воспитание человека; вот это здание – характеристика человеческой души со всеми возможными ее задатками и со всеми реальными различиями, какие раскрываются в опыте» [Гумбольдт 1985, с. 162].

Ценными с точки зрения исторического подхода изучения языка, изучения языка в совокупности с историко-культурными особенностями местности являются и теоретические положения краеведения, преимущественно историко-краеведческо-философского плана, использованные в данной работе, к ключевым отнесем следующие: взгляды Д.С. Лихачева, определяющие краеведение как науку и как особый вид деятельности: «Краеведение принадлежит к числу комплексных наук. Оно соединяет в себе сведения природоведческие, исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т.д. Объединяющее начало состоит в том, что все эти сведения относятся к одной местности» [Лихачев 2000, с. 159– 173]; мнения С.О. Шмидта и М.Н. Громова о специализированном характере краеведения на современном этапе его развития [Шмидт 2012, с.23; Громов 2012, с.26]; замечания В.К.

Ковылова о том, что «отечественное научное краеведение началось с М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева, академика Миллера (первое краеведческое описание Московской губернии), академика Рычкова П.И. («Топография Оренбургской губернии»)» [Ковылов 2004, с. 25–76] и др.

Социальный характер языка, его связь с историей и культурой общества – аксиома языкознания, которая становится основанием для различных концепций и методологий изучения языка. Здесь важными также являются идеи Ф. де Соссюра о социальном характере языка [Соссюр 1977, с. 47].

2. Концепция антропоцентрической обусловленности развития языка, теория антропоцентризма, развившаяся в научную парадигму знания.

В этом отношении исследование основывается на работах И.А. Бодуэна де Куртенэ, В. фон Гумбольдта, Е.С. Кубряковой и работах других исследователей. Как отмечает В.А. Маслова, «саму идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: человек предстает в качестве естественной точки отсчета в языковой картине мира и в ряде лингвистических концепций. И соответственно, антропоцентрическая парадигма в науке – это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционной – системно-структурной парадигме» [Маслова 2008, с. 16].

В лингвофилософии В. фон Гумбольдта антропоцентризм (в сочетании с историзмом) проявляется в теории, согласно которой язык народа – это дух народа. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 2000, с. 68]; «язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию» [Гумбольдт 1985, с. 349]; «среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты

народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны» [Гумбольдт 2000, с. 69]. Такое понимание В. фон Гумбольдтом языка, передающего «тончайшие черты народного духа», получило дальнейшее развитие в теории о языковой концептуализации мира, об отражении в языковой картине мира представлений человека. Развитие подобного представления связано в дальнейшем с гипотезой Э. Сепира – Б.Л. Уорфа, или с теорией лингвистической относительности, согласно которой не только мышление человека воздействует на язык, но и язык влияет на мировосприятие человека, его когнитивные возможности, способности, на поведение (современной науке известна строгая и мягкая версии данной гипотезы). Проблема изучения того, в какой степени язык влияет на мышление, понимается лингвистами неоднозначно.

Антропоцентрический характер положений В. фон Гумбольдта об отражении языком народного духа (фактически – о связи языка и мышления) повлиял на развитие идей русской языковой картины мира, которое представлено в современной лингвистике исследованиями Ю.Д. Апресяна, А.Вежбицкой, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева и др, считающих, что любой язык отражает «определенный способ восприятия и устройства мира» [Зализняк 2005, с. 9], или языковую картину мира, что «анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, которые представляются специфичными именно для русского видения мира и русской культуры» [Шмелев 2002, с.17]. Научные исследования, выполненные в рамках лингвокраеведческой субпарадигмы, и базируются в том числе и на данной идее, а эмпирический материал, выполненный в рамках лингвокраеведческого подхода, подтверждает справедливость научных идей, связанных с изучением русской языковой картины мира, в том числе и региональной. Особое значение для данного исследования имеет положение, согласно которому «анализ

русской лексики позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира» [Шмелев 2005, с. 25]. Также и научные идеи Н.Д. Арутюновой об отражении особенностей человеческого мировосприятия в языке, диалоге (на основе логико-коммуникативного подхода) [см.: Арутюнова 1999] могут быть востребованы при изучении диалектного дискурса.

Связь языка и народной культуры, особенностей отражения языком мировосприятия народа в рамках лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова – одна из важных для лингвокраеведения теорий, демонстрирующей гносеологические (познавательные) возможности языка. В теории Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова рассматриваются дискурсивно-логическая и кумулятивная функции языка [Верещагин 1990, с. 6–7], которые наиболее ярко проявляются и при изучении единиц языка средствами лингвокраеведения.

Продолжая научные воззрения В. фон Гумбольдта, научной школы Сепира–Уорфа, А.А. Потебни, Н.И. Толстой развивает идеи о связи языка и мышления человека, взаимосвязи языка и народной культуры, требующие дальнейшего обсуждения и в рамках лингвокраеведческого подхода. Ряд положений ученого являются особо ценными, например: «Структура культуры обнаруживает сходство со структурой языка» [Толстой 1995, с. 19]; «вся народная культура диалектна, <...> все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутрдиалектных вариантов с неравной степенью различия» [Толстой 1995, с. 20]; «диалект (равно как и макро- и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную духовную культуру выделять из этнографических рамок» [Толстой 1995, с. 20] и др.

Близки лингвокраеведческим исследованиям и научные антропоцентрические положения, развивающиеся в рамках

этнолингвистического изучения языка, в частности, диахронической этнолингвистики, использующей «язык и лингвистические методы как средство познания далекого прошлого, этнической истории народа, истории его материальной и духовной культуры» [Герд 2005, с.7]. Проблемы, изучаемые этнолингвистикой, – изучение «человека, индивида, его поступков и действий в его отношении к языку и через язык» [Герд 2005, с.7], – затрагиваются и в лингвокраеведении, а такие формы устной речи, как «диалект, наречие, диалектная зона, говор, региолект, профессиональная диалектная речь» [Герд 2005, с.17] изучаются и в этнолингвистике, и в лингвокраеведении.

Философско-эмпирическое изучение предметов и явлений, согласно лингвистическим взглядам В. фон Гумбольдта, – фундамент совершенствования человека: «Лишь на философско-эмпирическом знании людей можно основывать свою надежду на то, что со временем мы получим философскую теорию формирования человека» [Гумбольдт 1985, с. 162]. Данная мысль перекликается с взглядами Э. Ф. К. Кернера о влиянии естественно-научных знаний на лингвистические теории.

Лингво-философский антропоцентризм В. фон Гумбольдта отражен и в положении о том, что язык есть способ передачи внутреннего мира человека, – это та идея, которая фактически определяет необходимость рассмотрения языка как это средство изучения языковой картины мира человека (в том числе и региональной): «Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности только уводит» [Гумбольдт 1985, с. 377]; «если же язык не обнаруживает стремления подняться над действительностью в своей приверженности отдельному и в повседневном функционировании, тогда свернутая картина всех предметов, а также всех их невидимых соединений и связей будет покоиться в его лоне» [Гумбольдт 1985, с. 379].

По мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, важными факторами, обуславливающими развитие языка, являются привычка, стремление к удобству, забвение и непонимание, бессознательное обобщение (аперцепция), бессознательная абстракция, базирующиеся на физической стороне языка и чутье языка народом. Как считал ученый, «чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами. <...> Как законы, так и силы – не существа, даже не факты, а продукты умственной деятельности человека, имеющие целью обобщить и связать факты и найти для них общее выражение, общую формулу» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 60]. Антропоцентризм идей И.А. Бодуэна де Куртене также проявляется в мысли о том, что язык следует рассматривать как процесс, основывающийся на «общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в осязаемые продукты собственного организма и сообщать их существам ему подобным, то есть другим людям (язык – речь – слово человеческое)» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 77].

Важными в лингвокраеведческом отношении являются и идеи Ю.С. Степанова относительно определения языка как пространства мысли человека, что тоже характеризует антропоцентрическое направление изучения языка: «Образ языка» приобретает черты «образа пространства», во всех смыслах – пространства реального, видимого, духовного, ментального; это одна из самых характерных примет лингво-философских размышлений над языком в наши дни» [Степанов 1995, с. 32]. Заметим, что в таком случае особое внимание необходимо обращать на связь пространства, территории, духовного пространства (картины мира) и языка.

3. Изучение системы языка посредством составляющих его частей, или системно-структурная основа изучения языкового материала. Программными в этом отношении можно считать взгляды Ф. де Соссюра о языке как знаковой

системе и диахронном и синхронном изучении языка [Соссюр 1977]. И.А. Бодуэн де Куртене также рассматривает вопросы изучения языка в связи с анализом его компонентов, ученый считает, что «каждый из исследователей языка держит в своей голове только отрывок, только небольшой обломок целого, который дает ему возможность дойти до общего взгляда на целое и создать себе менее или более точную картину языковой жизни вообще. <...> Как по куску кристалла разум минералога воспроизводит картину целого, так по частице усвоенного знания мы можем воссоздать понятие об однородном целом, которому эта частица принадлежит» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 206–207].

Необходимость сравнительно-исторического и системного изучения языковых фактов также вытекает из лингвистической теории В. фон Гумбольдта, которая может стать основой комплексного научного исследования, ср.: «Только в том случае, если мы будем проводить наше исследование в этом направлении (в направлении сравнительного изучения языков – Л.В.), мы будем испытывать все меньше склонности трактовать языки как произвольные знаки и, проникая вглубь, в духовную жизнь, обнаружим в своеобразии их строения средство изучения и познания истины, а также форму становления сознания и характер» [Гумбольдт 2000, с. 322], при этом важно осуществлять и «исследования отдельных частей языкового строения» [Гумбольдт 2000, с. 312]; «в языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [Гумбольдт 2000, с. 313–314].

Основные положения теории В. Гумбольдта актуальны и для лингвокраеведческих исследований.

1. Язык народа – это его дух.
2. Язык есть система («в языке нет ничего единичного»).
3. Язык – знаковая система (слово является знаком отдельного понятия).
4. Язык и речь различны. Важно изучать живую речь.

5. Форма языка – способ выражения в языке мыслей и чувств народа. Форма – средство выражения народного, национального духа.

6. Описание языка не может быть абсолютным [Березин 1975, с.48–51].

Изучение разных проявлений языкового сознания тесно связано с одним из важных положений концепции Ф. де Соссюра о разграничении языка и речи: язык является социальным явлением, а речь – индивидуальным. Изучение функционирования регионального варианта языка даст возможность установить историко-социальные особенности употребления диалектных слов, ономастических единиц, в том числе и индивидуальные (при условии подключения коммуникативно-дискурсивной парадигмы научного знания).

Язык и речь, речевая деятельность изучаются как составляющие единого целого, как компоненты системы языка. В.И. Постовалова замечает, что, «по Гумбольдту, язык и мышление неразрывно слиты и составляют единую духовно-интеллектуальную деятельность человека. В изложенной концепции идеального идеализирующая деятельность (мышление) и собственно языково-символическая отстоят друг от друга во времени» [Постовалова 1982, с. 194].

Выделим ряд научных идей в области современной лингвистики, ономастики и лингвокраеведения, имеющих важное значение для обоснования лингвокраеведческой субпарадигмы как интегративной модели исследования языковых единиц.

1. В качестве основополагающей для данного исследования выделим идею Л.А. Климковой о лингвокраеведении как научном направлении и виде деятельности [см: Климкова 2017].

2. Особое значение для обоснования лингвокраеведческой субпарадигмы имеют положения Г.Ф. Ковалева о высоком научном, культурном и лингводидактическом потенциале лингвокраеведения [см.: Ковалев 1996, 1998, 2005, 2014 и др.]; об интегративном характере лингвокраеведческого знания [см.: Ковалев 2005, 2017 и др.], проявившиеся в применении

лингвокраеведческого подхода при исследовании различных классов имен собственных: единиц региональной ономастики (антропонимы, астрономимы, зоонимы, топонимы, микротопонимы) и единиц литературной ономастики [см.: Ковалев 1996, 2007, 2014, 2018, 2021 и др.].

3. Основой системно-структурного изучения регионального ономастикона являются концепция ономастического пространства, обоснованная В.И. Супруном: «Ономастическое пространство представляет собой полевую структуру с ядерными и периферийными конститuentами. Ядром русской ономики являются антропонимы, в сопоставлении с которыми определяется онимичность других единиц, их тяготение к центру или периферии ономастического поля» [Супрун 2000, с. 6]; «русская антропонимическая система располагает присущей только ей трехкомпонентной структурой, являющейся этнолингвистическим (культурно-историческим) феноменом русского национального языка» [Супрун 2000, с. 7] и определение Л.А. Климковой региональной языковой картины мира как «системы частных систем, в которых сосуществуют собственно топонимия (мезотопонимия) как часть общей топонимической картины мира и микротопонимия. Последняя, в свою очередь, есть система систем, микросистем, каждая из которых уникальна, это – «самоценное культурно-историческое образование» (Н.Л. Сухачев)» [Климкова 2008, с.13]. Важным для данной работы является понимание Л.А. Климковой общенациональной ЯКМ (языковой картины мира – Л.В): «Общенациональная ЯКМ (языковая картина мира – Л.В), являясь инвариантом, представляет собой систему фрагментов (частных языковых картин мира – Л.В.) – этнического, территориального (регионального), социального, индивидуального, отражая восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определенной территории (региона), социума, как личностью» [Климкова 2008, с.12].

4. Также существенным, базовым понятием работы является положение А.С. Щербак о региональной ономастической картине мира, о таком ее свойстве, как «повышенная динамичность, которая определяется миграцией населения, определяющей состав диалектов и говоров территории, социальным и профессиональным составом переселенческих групп, соотношением междиалектных границ и административных границ внутри региона и границ между регионами» [Щербак 2006, с. 235–236].

Теоретические положения исследования также базируются на исследованиях следующих ученых:

в области парадигмального изучения современной лингвистики, в том числе и лингвокраеведческой субпарадигмы: трудах Н.Ф. Алефиренко, В.М. Алпатов, Н.Д. Арутюновой, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Т.И. Вендиной, В.Г. Гака, С.Г. Воркачева, В. фон Гумбольдта, В.З. Демьянкова, Ю.Н. Караулова, А.А. Кибрика, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Е.С. Кубряковой, Т.Куна, В.А. Масловой, А.М. Мезенко, В.А. Пищальниковой, Е.М. Поздняковой, В.И. Постоваловой, С.Г. Проскурина, В.И. Супруна, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, О.В. Федоровой, Р.М. Фрумкиной, А.Т.Хроленко, У. Чейфа, С.В. Швырева, А.С. Щербак и др.;

в области теории и методики ономастики, региональной ономастики, ономастической лексикографии: работах А.В. Барандеева, В.Д. Бондалетова, Н.В. Бубновой, А.А. Бурыкина, Е.Л. Березович, Н.Б. Бугаковой, В.Л. Васильева, Н.В. Васильевой, И.А. Воробьевой, И.М. Ганжиной, М. Гарвалика, Л.Д. Гореловой, И.В. Данилова, Л.И. Дмитриевой, О.П. Дмитриевой, Д.Ю. Ильина, Ю.А. Карпенко, Н.А. Кичиковой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, И.А. Королевой, И.В. Крюковой, И.М. Курносковой, И.А. Кюршуновой, В.А. Никонова, Г.Б. Мадиевой, Н.А. Максимчук, Э.Б. Манджиевой, А.К. Матвеева, А.М. Мезенко, Э.М. Мурзаева, Е.С. Отина, Э.О. Пархоц, Н.В. Подольской, Е.И. Поляковой, С.А. Попова, А.И. Попова, А.Ф. Рогалева,

М.Э. Рут, А.М. Селищева, В.А. Семушкина, С.А. Скуридиной, Т.Г. Смирновой, О.В. Смирновой, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Е.И. Сьяновой, Т.В. Толбиной, О.Н. Трубачева, Н.М. Тупикова, Б.О. Унбегауна, Н.К. Фролова, Е.В. Цветковой, Ч. Цзыди, Г.Л. Шеулиной, Л.В. Шулуновой, А.С. Щербак, А.И. Яценко; М.І. Зубова, О.Ю. Карпенко, Л.Ф. Фоміной, В.М. Калінкіна, T. Witkowski и др.;

в области лингвокраеведения и лингвострановедения: исследованиях В.Ф. Барашкова, Е.В. Барсова, Н.П. Барсова, Е.А. Болховитинова, Е.В. Брысиной, Н.Ф. Бунакова, Е.М. Верещагина, А.Н. Гвоздева, Е.А. Грибоедовой, Ю.В. Зверевой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, В.Г. Костомарова, М.В. Ломоносова, Н.А. Максимчук, Т.В. Майоровой, Н.И. Надеждина, Р.Ю. Намитоковой, Т.Ф. Новиковой, В.М. Пескова, Е.И. Поляковой, Т.Ф. Пуховой, В.И. Супруна, В.Н. Татищева, В.К. ТрEDIAKовского, С.Г. Шейдаевой, В.И. Шенкмана, М.Р. Шумариной, А.С. Щербак, В.Ф. Филатовой и др.;

в области изучения языковой картины мира: трудах В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяна, Е.Э. Бабаевой, О.Ю. Богуславской, А.Вежбицкой, А.А. Зализняк, Б.Л. Иомдина, Ю.Н. Караулова, Л.А. Климковой, Т.В. Крыловой, И.Б. Левонтиной, А.В. Санникова, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, А.С. Щербак и др.;

в области диалектологии, лингволультурологии, этнолингвистики, этнопсихоллингвистики: исследованиях Р.И. Аванесова, М.Т. Авдеевой, Т.А. Агапкиной, Н.Ф. Алефиренко, О.В. Беловой, Е.Л. Березович, Е.А. Богдановой, Е.В. Брысиной, Т.И. Вендиной, А.В. Войтенко, Н.С. Ганцовской, А.С. Герда, А.Н. Гвоздева, Л.И. Гончаровой, Н.П. Гринковой, В.И. Даля, В.И. Дьяковой, О.В. Загоровской, Т.В. Карасевой, Л.Л. Касаткина, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Л.Я. Костючук, В.В. Красных, Е.П. Куйдиной, Т.А. Литвиновой, И.М. Курносой, Р.И. Кудряшовой, В.А. Масловой,

С.А. Мызникова, Г.Д. Негановой, Л.В. Недоступовой, С.В. Пискуновой, Ф.М. Пискунова, М.В. Пановой, А.М. Селищева, А.И. Соболевского, Ф.И. Сороколетова, В.И. Собинниковой, В.И. Супруна, В.И. Хитровой, А.Д. Черенковой, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.Ф. Филатовой, Ф.П. Филина, В.И. Чернышова, А.А. Шахматова, А.С. Щербак и др.;

в области краеведения: работах А.Н. Акиньшина, А.В. Белаенцевой, В.Д. Березуцкого, Е.А. Болховитина, Н.И.Второва, С.Г. Гмелина, М.Н. Громова, И.И.Дубасова, В.П. Загоровского, М.Д. Карпачёва, Т.С. Киссер, В.К. Ковылова, О.Г. Ласунского, В.В. Литвинова, Д.С. Лихачева, М.В. Ломоносова, И.И. Малышева, Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, М.А. Никоновой, Е.А. Орловой, А.И. Пашкова, В.И. Пановой, В.А. Прохорова, В.С. Соболева, В.Н. Татищева, Туникиной, С.О. Шмидта и др.;

в области методики организации лингвокраеведческих исследований: исследованиях О.Л. Абросимовой, Н.Г. Благовой, Л.К. Лыжовой, А.П. Моисеева, Р.Ю. Намитоковой, Т.Ф. Новиковой, Ц.Ц. Огдоновой, О.В. Смирновой, В.И. Супруна, В.Ф. Филатовой, А.Д. Черенковой, В.И. Чернышова, Т.И. Шаталовой, Г.Л. Шеулиной, В.И. Шенкмана, А.С. Щербак и др.

Принципиальным для развития лингвокраеведческой парадигмы является современная идея о комплексном подходе к изучению языковых фактов, об интегральности, полипарадигмальности лингвистических исследований, расширении границ науки, что связано с появлением смежных наук, см. исследования Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1995, с. 227; с.208–209].

Идея комплексного изучения языка В. фон Гумбольдта имеет особое значение для лингвокраеведческих исследований. В основе данной идеи тезис о том, что изучение языковых явлений необходимо осуществлять комплексно, на основе анализа историко-социальных, индивидуально-психологических и лингвистических особенностей функционирования языка: «Только тогда, когда

научное рассмотрение объединит характер народа во всех его независимых от языка проявлениях, субъективный характер индивидуальности, не зависящий от различных путей мысли и дела, и характер, которым обладают, или который могут принимать языки, только тогда мы приблизимся к проникновению в то многообразие и единство, в котором сходится бесконечное и неисчерпаемое целое духовных устремлений» [Гумбольдт 1985, с. 373].

Вопрос о полипарадигмальности в лингвистике соотносится с пониманием Ю.С. Степановым и С.Г. Проскуриным репрезентации научных знаний в виде фасет: «В настоящее время нам представляется целесообразным репрезентировать научное знание в виде набора фасет, каждая из которых в свою очередь по-своему упорядочивает данные о мире. Понятие фасеты, или «предметной области» является, на наш взгляд, оптимальным для выделения интерпретационного аспекта знания. Предлагаемый термин, а вместе с ним и особый подход к анализу этапов теоретической мысли, базируется на концепции «научной парадигмы. <...> Таким образом, в сфере науки наблюдаются переходные ситуации, когда исследователь, оперируя исходными понятиями, принадлежащими разным парадигмам, получает возможность достигнуть уникальной интерпретации, которая не является семантически избыточной. В этом случае одна «фасета», то есть один способ упорядочения фактов, кристаллизируют «аномалию», которая оказывается замеченной благодаря введению особого масштаба интерпретации – выхода за пределы какой-либо парадигмы» [Степанов, Проскурин 1993, с. 13–14, 15]. Ю.С. Степанов и С.Г. Проскурин замечают при этом, что «научно-теоретическое знание стремится к рефлексии и, как следствие, к креации все новых и новых фасет, создающих возможность объяснения всех условий реализации знания путем смены «научных парадигм» – способов философствования» [Степанов, Проскурин 1993, с. 13–14, 15].

Важными для лингвокраеведения являются и следующие замечания Ю.С. Степанова о комплексном характере языка и, следовательно, необходимости его комплексного изучения: «Но если язык – это «дом духа, то естественно, что в нем протекает и «жизнь» духа». И если не отделять (а предпринимались и такие, напромаерные, попытки) мышление и логику от других облатей «духа», то надо признать, что язык – это и «дом логики», и «дом знания», и «дом философствования» [Степанов 1995, с. 7–8].

Мысль об интегративности лингвистических исследований поддерживается многими исследователями. Ф. де Соссюр считал, что «лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее ее данные, то предоставляют свои. Границы, отделяющие ее от этих наук, не всегда выступают вполне отчетливо» [Соссюр 1977, с.44].

Особую значимость приобретают полипарадигмальные исследования для изучения диалектов и регионального ономастикона: Н.И. Толстой писалт о «плодотворности многостороннего подхода» в этнолингвистических исследованиях [Толстой 1995, с.22].

На полипарадигмальность современных исследований обращает внимание Л.А. Климкова, обосновывая применение интегрального подхода в лингвистике [Климкова 2008, с. 3].

По мнению В.А. Масловой, «всякая новая парадигма не отменяет предыдущую, а, активно используя ее достижения, заставляет обратить внимание на те аспекты языка, которые в старой парадигме почти не исследовались» [Маслова 2008, с. 18]. Положительный эффект применения полипарадигмального подхода состоит в том, что исследование, выполненное в русле мультипарадигмальности, как бы вбирает достижения все предыдущих исследований, «при таком интегральном подходе границы между дисциплинами, изучающими человека и его язык, разрушаются и наблюдается

положительный эффект усиления результатов исследования» [Маслова 2008, с. 18].

Таким образом, основные лингво-философские идеи, определившие изучение языка с помощью лингвокраеведческого подхода позволят комплексно, полипарадигмально проводить научное исследование с русле синтеза сравнительно-исторической, антропоцентрической, системно-структурной парадигм, в том числе и с учетом понимания, что «язык, как и другие явления действительности, может изучаться в четырех аспектах: во времени и в пространстве, в структуре и в функционировании» [Гак 1998, с.17].

Выводы по первой главе

В данной главе были рассмотрены теоретические вопросы, связанные с пониманием термина «научная парадигма знания», с выделением лингвокраеведческой субпарадигмы изучения русского языка.

В ходе исследования было установлено, что закрепившееся в научной сфере понятие «парадигма знания» после употребления этого термина Т. Куном преимущественно употребляется в значении «совокупность мнений и установок, которые присущи определенным сообществам ученых в определенный период времени» [Кубрякова 2008, с. 4].

В качестве синонимов к термину «парадигма» ученые употребляют различные понятия: «дисциплинарная матрица» (Т. Кун), «стиль научного мышления» (Ю.С. Степанов), «темы», «картины мира» (В.С. Швырев), «исследовательские программы» (И.Лакатос), «модель постановки проблем в совокупности с приемами их решения» (В.А. Маслова) и др.

В зависимости от стиля научного мышления и выбора метода исследования выделяются следующие парадигмы научного знания: семантическая парадигма, синтаксическая парадигма, прагматическая парадигма (Ю.С. Степанов); историческая, психологическая, системно-

структурная, социальная (Ю.Н. Караулов); имманентно-семиологическая, антропологическая, теoантропокосмическая (транцедентальная) (В.И. Постовалова); традиционная, генеративная, когнитивная, коммуникативная (Е.С. Кубрякова).

Е.С. Кубряковой выделены и охарактеризованы особенности развития современного лингвокраеведения, лингвистической парадигматики: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или неофункционализм, экспланаторность.

К особенностям современных лингвистических парадигм относятся следующие:

- 1) формирование новой интегральной функциональной парадигмы знания;
- 2) полипарадигмальность современного гуманитарного познания;
- 3) выделение локальных парадигм разного типа, мегапарадигм, интегральных парадигм, метапарадигм.

В данной работе понятие «лингвокраеведческая субпарадигма» рассматривается с позиций Воронежской лингвокраеведческой школы, Воронежской ономастической школы (руководитель – профессор, доктор филологических наук Г.Ф. Ковалев).

Под лингвокраеведческой субпарадигмой понимается направление изучения языковых единиц регионов, предполагающее привлечение краеведческих данных для лингвистического исследования. Разрабатываемая субпарадигма находится на пересечении следующих парадигм научного знания: антропоцентрической, сравнительно-исторической и системно-структурной.

В данной главе представлено описание лингвокраеведческой субпарадигмы в соответствии с параметрами парадигмы, предложенными Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2008, с. 9].

В ходе изучения лингво-философских аспектов выделения лингвокраеведческой субпарадигмы были определены ключевые для лингвокраеведения лингво-философские идеи, среди которых следующие:

- 1) положение о связи языка с историей, об историческом характере языковых явлений (исследования В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртене, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой);
- 2) антропоцентрические теории изучения языка и менталита, отраженного в языке (И.А. Бодуэн де Куртенэ, В. фон Гумбольдт, Е.С. Кубрякова, Ю.Д. Апресян, А.Вежбицкая, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.И. Толстой, А.С. Герд, Ю.С. Степанов и др.);
- 3) системно-структурная основа изучения языкового материала (идеи комплексного изучения языка В. фон Гумбольдта, взгляды Ф. де Соссюра, современных лингвистов Л.А. Климковой, Ю.Н. Кураулова и др.);
- 4) Современным лингвокраеведческим исследованиям характерна полипарадигмальность, интегративность [Климкова 2008, с. 3].

Лингвокраеведческая субпарадигма образована пересечением антропоцентрической, сравнительно-исторической и системно-структурной парадигм знания, основывается на лингво-философских идеях о связи языка и мышления на положениях, связанных с изучением языка неотрывно от исторических особенностей его развития, от общественных и историко-культурных условий формирования языковых единиц; на важных теориях, определяющих знаковый характер языка и его системность, проявляющуюся в четкой структуре.

ГЛАВА II.

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОЙ СУБПАРАДИГМЫ В ИЗУЧЕНИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА**2.1 Лингвистическое краеведение в системе языковедческих дисциплин****2.1.1 Понятие «лингвистическое краеведение» в современной лингвистике**

Лингвокраеведческой проблематике посвящено значительное число научных исследований и учебных и учебно-методических пособий, см.: [Брысина 2020; Брысина, Супрун 2017, 2020, 2021; Верховых 2017; Войтенко 2006; Волченков 2014; Зверева 2019; Карасева 2009; Климкова 1985, 1988, 2008, 2013, 2014, 2017 и др.; Ковалев 1996, 1998, 2005, 2014, 2017, 2021 и др.; Лыжова 1994, 2002; Майорова 2000, 2007; Максимчук 2012; Намитокова 1993; Огдонова 2016, 2018; Полякова 2006 и др.; Попов 2003; Смирнова 2004, 2009; Супрун 1994, 2014, 2020 и др.; Филатова 2002, 2016; Филатова, Шаталова 2016; Шулунова 2021; Шумарина 2011; Щербак 2013, 2015, 2017, 2021, 2022 и др.].

Исследователи отмечают важное научное и практическое значение лингвокраеведения в лингвистике и методике обучения русскому языку, поскольку в ходе лингвокраеведческих исследований «собирается преходящий материал, имеющий непреходящую ценность для науки о языке, для познания культуры, менталитета народа» [Климкова 2017, с.96].

В современном научном узусе функционируют следующие термины, отражающие взаимосвязь изучения языка региона и краеведения: традиционный термин *лингвокраеведение*, который прежде всего обозначает «научное направление, имеющее огромный потенциал для обучения и воспитания подрастающего поколения, сформировавшееся в недрах диалектологии, выделившееся из нее и объединившееся с краеведением и шире – регионоведением» [Климкова 2017, с. 96]; понятие *краеведческая ономастика* [Супрун 1994, с.142–144]; термин *лингворегионоведение* [Новикова 2010].

Актуализация лингвокраеведческого подхода к изучению региональных языковых систем, выполнение научных исследований на лингвокраеведческом материале, вовлечение лингвокраеведческой составляющей в проектную исследовательскую работу студентов и школьников – все это способствует активному употреблению термина *лингвокраеведение*, что и обуславливает актуальность уточнения содержания понятия *лингвокраеведение* на основе анализа лексикографических источников.

Для установления семантики термина *лингвокраеведение* (лингвистическое краеведение) в современном научном узусе, определения актуальных значений лексико-семантических вариантов лексемы *лингвокраеведение* проанализируем толковые словари и словари лингвистических терминов.

«Словарь Академии Российской» конца XVIII в. не включает лексем *краеведение* и *лингвокраеведение*, но слово *край* фиксирует [Словарь Академии Российской-3, с.896–898]. Словарь В.И. Даля также не отмечает лексему *краеведение* [Даль-2, с. 186–187], хотя и включает слово, обозначающее край чего-либо.

«Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) включает многозначную лексему *край* в значениях «предел протяжения тел; оконечность», *церк.* «берег», «страна, земля», «конец, окончание», «близость» (в выражении *быть на краю погибели*) [Словарь церковно-слав. и рус. яз.-2, с. 214–215].

Только в 1935 году «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова фиксирует термин *краеведение* [ТСРЯУ-1, с.1494]. Понятие же *краеведение лингвистическое* включено в 1988 году в «Словарь-справочник по методике русского языка» М.Р. Львова в значении «вид внешкольной работы учащихся» [Львов 1988, с. 87].

Современные толковые и лингвистические словари и справочники термин *лингвистическое краеведение / лингвокраеведение* не отмечают [Языкознание.

БЭС; Ахманова 1966; Розенталь, Теленкова 1985; Жеребило 2010; Словарь социалинг. терм. 2006; Марузо; Марчук, Яковлева 2005; Азимов, Щукин 2009; ССРЛЯ-6; БТСК], понятия же, обозначающие смежные дисциплины, – *лингвокультурология* и *лингвострановедение* – словари фиксируют. Если лингвокультурология рассматривается как теоретическая научная дисциплина, то *лингвострановедение* – как «аспект в практическом курсе иностранного языка и учебная дисциплина» [Азимов, Щукин 2009, с. 127, 128], при этом дается пояснение: «среди методистов и лингвистов нет единого мнения о существовании принципиальных различий между названными дисциплинами» [Азимов, Щукин 2009, с. 128].

Рассмотрим в словарях значение лексем, называющих смежные понятия: *страноведение*, *обществоведение*, *языкознание (языковедение)*, *краеведение*, *лингвокраеведение*.

Страноведение – «научная дисциплина в системе географических наук, занимающаяся комплексным изучением стран или отдельных крупных районов, их природы, населения, хозяйства, культуры, социальной организации» [БТСК]; *обществоведение* – «1) совокупность наук об обществе; 2) школьная дисциплина, излагающая основы Конституции России» [БТСК]. *Языкознание (языковедение, лингвистика)* – «наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как индивидуальных его представителях» [Языкознание. БЭС, с. 618].

Смежные лингвокраеведению дисциплины *страноведение*, *обществоведение*, *языкознание* в словарях названы понятиями, обозначающими науки, научные дисциплины. Особо обратим внимание на термин *страноведение*, включающий сему 'научная дисциплина', являющийся родовым по отношению к понятию *краеведение*.

Термин *краеведение* в настоящее время в лексикографических источниках отмечен в значении «совокупность знаний о том или другом крае (4 знач.),

изучение его природы, истории, экономики, быта и т.п.» [БТСК]. *Краеведение* – «изучение какого-н. края, изучение отдельных местностей, районов со стороны их природы, истории, экономики, быта и т.п., производимое преимущественно местными силами» [ТСУ-1, с.1494]. В данном значении слова актуализированы семы ‘совокупность знаний’, ‘изучение’. ‘тот или другой край’, ‘производимое местными силами’, сема ‘научный’ отсутствует. Логично предположить, что обозначающий более узкое понятие термин *краеведение* также должен включать в структуру значения сему ‘научная дисциплина’, как и термин *страноведение*.

Сема ‘производимое местными силами’ применительно к 1935 году – году издания первого тома толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова – характеризует субъект краеведческой деятельности, соотносимый, видимо, не с академической наукой, а с жителями края, изучающими его историю, географию, этнографию и др.

В настоящее же время, кроме общественного, воспитательного, культурно-просветительского, памятникоохранительного аспектов, краеведение рассматривается и в научном аспекте. В настоящее время учеными подчеркивается специализированный характер научного краеведения [Шмидт 2012, с.23; Громов 2012, с. 26]. Действительно, изучение родного края осуществляется не только в рамках школьного краеведения, но и академического, научного (как правило, лингвисты, историки, биологи, выполняя краеведческие исследования, изучают именно родной край). Д.С. Лихачев обозначил статус краеведения как комплексной науки, научной дисциплины [Лихачев 2000, с. 159–173].

На основании изменившихся условий функционирования термина в настоящее время предлагаем рассматривать его в следующих значениях: *краеведение* – это 1) комплексная наука, изучающая историю, культуру, язык, географию и другие особенности края; 2) учебный предмет, изучающий эту

науку; 3) совокупность знаний о том или ином крае, а также процесс получения этих знаний.

Лингвокраеведение в своем развитии тесно связано с краеведением, с лингвострановедением, лингворегионоведением, лингвокультурологией.

В парадигме научного знания лингвокраеведение находится на стыке лингвистики, краеведения и лингвострановедения (здесь имеется в виду прежде всего руссиеведческое, отечествоведческое направление), ср.: отечествоведение – «старое название учебного предмета, сообщавшего общие исторические, географические, экономические и прочие сведения о родной стране» [БАС-14, с.441]. Одна из первых фиксаций термина *отечествоведение* представлена в работе Ф.-Э. Г. Толля «Настольный словарь для справок...» (1866).

Возникает вопрос: можно ли в этой связи назвать лингвокраеведение научной дисциплиной применительно к современному состоянию науки? Полагаем, что можно. Причинами этому являются следующие.

1. Интергация двух наук должна порождать науку, а соединение лингвистики и краеведения, которое в XXI веке приобрело специализированный, научный характер [см.: Громов 2012, с. 25–33; Лихачев 2000, с. 159–173; Шмидт 2012, с. 15–24 и др.], безусловно, дает научную дисциплину.

2. Авторитетные ученые рассматривают лингвистическое краеведение как самостоятельную научную дисциплину или обосновывают связь лингвокраеведения с региональной лингвистикой. В качестве иллюстрации приведем лишь отдельные мнения лингвистов.

Л.А. Климкова определяет лингвокраеведение как научное направление [Климкова 2017, с. 92]; С.Г. Шейдаева считает, что лингвокраеведение является разделом лингвистики [Шейдаева 2012, с.79–80]; Е.В. Брысина указывает на связь краеведения и региональной ономастики, полагая, что краеведение «должно стать отправной точкой развития региональной лингвистики»

[Брысина 2020, с.151]; В.И. Супрун отмечает, что краеведческая ономастика является составляющей региональной лингвистики [Супрун 1997, с.26]; М.Р. Шумарина считает, что лингвистическое краеведение является «междисциплинарной областью исследований на стыке краеведения и лингвистики» [Шумарина 2011, с.4].

На тождественность терминов лингвистическое краеведение и региональная лингвистика в научном узусе указывают В.Ф. Филатова и Т.И. Шаталова, отмечая, что «термин лингвистическое краеведение употребляется как тождественный термину региональная лингвистика» [Филатова, Шаталова, с. 65], но при этом в методической литературе лингвистическое краеведение «понимается как направление внеурочной работы по русскому языку в школе» [Филатова, Шаталова, с. 65].

На практике успешно изучаются региональные единицы языка в краеведческом аспекте, например, вопросы адыгейского лингвокраеведения рассматривает Р.Ю. Намитокова [Намитокова 1993]; проблемы воронежского лингвокраеведения изучает Г.Ф. Ковалев, отмечая важный научный и дидактический потенциал лингвистического краеведения [Ковалев 2014, с.231, 242, 251, 256]; особенности тамбовского лингвокраеведения становятся предметом анализа в работах А.С. Щербак [Щербак 2012, 2015, 2017] и др.

3. Де факто в школах и вузах лингвокраеведение уже является учебной и научной дисциплиной, свидетельство тому – значительное число разработанных учебных пособий и методических материалов по лингвокраеведению для школьников и студентов, которые знакомятся с лингвокраеведческим материалом, особенностями организации лингвокраеведческой работы, что крайне важно для формирования умения у обучающихся разграничивать литературный язык и диалект.⁴ Лингвокраеведение в его различных вариантах

⁴ Брысина Е.В., Супрун В.И. Преподавание русского языка в условиях южнорусского диалекта // Русский язык в школе, 2017. №6. С. 27–31; Верховых Л. Н. Лингвокраеведение в школе: учеб. пособие. Воронеж :

включено в школьную и вузовскую практику преподавания: это курсы «Лингвокраеведение», «Региональная ономастика», «Русская ономастика», «Славянская ономастика», «Региональные варианты языка» и др.

4. Предмет изучения лингвокраеведения – лингвистический, что свидетельствует не только об отнесенности лингвокраеведения к языкознанию, но и цели и специфике исследований, имеющих научный характер.

Образуя комплексную, интегративную дисциплину, лингвокраеведение объединяет следующие разделы языкознания: диалектологию, ономастику, отчасти лингвистическую географию и этнолингвистику, а также науку, занимающуюся изучением данных о каком-либо крае, – краеведение. Здесь

Воронеж. гос. пед. ун-т, 2017. 255 с.; Казанкова А.А. Изучение лингвокраеведческого материала в школе // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10–12 сент. 2014 г.) / Под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 342–344; Карасева Т.В. Спецкурс «Воронежское лингвокраеведение» на филологическом факультете ВГУ // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания: Материалы II Международной научно-методической конференции (Борисоглебск, 19–20 октября 2009 г.) / Под ред. Е.В. Борисовой, М.В. Шамановой. Борисоглебск, 2009. С.158–160; Климкова Л.А. Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе. Арзамас, 1988. 91 с.; Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.; Ковалев Г.Ф. Лингвокраеведение в средней школе как средство воспитания патриотов родного края // Культура в системе общественного воспитания: прикладные проблемы. Воронеж, 1998. Кн.1. С.127-132; Ковалев Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1./ науч. ред. проф. Г.Ф. Ковалев. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 3–23; Лингвистическое отечествоведение: [Коллективн. моногр. : В 2 т. / [Л.И. Анохина, Г.Н. Абреимова, Н.В. Борисова и др.]. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. Т.1. 275 с.; т.2. 239 с.; Лингвокраеведение: Учеб. пособие для 8-9 кл. общеобразоват. учреждений / Авт.-сост.: С.В. Пискунова (отв. ред.), И.В. Поповичева, А.С. Щербак, Л.С. Моисеева, М.И. Иванова, В.В. Губарева, Т.В. Махрачева. Тамбов, 2005. 187 с.; Лыжова Л.К. Региональный компонент в преподавании русского языка // Русский язык в школе. 1994. №1. С.11–14; Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка: Моногр. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. 285 с.; Моисеев А.П. Топонимическое краеведение. Челябинская область: (лингвистическое). Челябинск: Абрис, 2013. 156 с.; Огдонова Ц.Ц. Лингвистическое краеведение: учебное пособие. Иркутск: Изд-во Аспринт, 2016. 170 с.; Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж: Изд. Дом Алейниковых, 2003. 285 с.; Супрун В.И. Краеведческая ономастика // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция 11–14 мая 1994 г. Тезисы докладов. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры. Сыктывкар, 1994. С. 142-144; Филатова В.Ф. Курс краеведения как возможность реализации вариативной части ООП в свете требований ФГОС: лингвистическое краеведение // Педагогическое регионоведение. Научно-методический журнал. 2016. №2(10). С.5–20; Филатова В.Ф., Шаталова Т.И. Программа курса «Лингвистическое краеведение. I часть» // Педагогическое регионоведение. Научно-методический журнал. 2016. №2(10). С.64–77; Шенкман В.И. Русская речь Прикамья: Лингвистическое краеведение: Учеб. программа. Пермь: Книжный мир, 2004. 15 с.; Щербак А.С. Лингвокраеведение Тамбовской области: электронное учебное пособие для магистров и бакалавров по направлению «Филология», «Отечественная филология (русский язык и литература)» и для иностранных студентов-филологов / Информрегистр № 0321502524 от 10 сентября 2015 года и др.

области интеграции – язык людей, живущих на определенной территории, и знания о крае.

Становится понятным, что предметом изучения лингвокраеведения являются особенности языка того или иного края (диалектов, ономастической лексики, этнолингвистической специфики) в соотношении с краеведческими данными. Объектом исследования является язык в региональном употреблении, представленный в диалектной системе, ономастической, художественной, фольклорной, а также в текстах исторических документов и в публицистике, относящейся к краю.

Фактически можно говорить о существовании лингвокраеведческого направления исследований в лингвистике, лингвокраеведческих исследований. Данное направление тесно переплетается с этнолингвистическим, которое направлено на изучение взаимосвязи языка и этнической специфики региона.

Под лингвокраеведческими мы понимаем осуществляемые лингвистами научные исследования, имеющие своей целью изучение языковой специфики региона с участием местных жителей (полевой метод), с опорой на краеведческие сведения различного плана (исторические, географические, историко-культурные, этнографические и иные). Преимущественно это диалектологические, ономастические и этнолингвистические исследования.

Значительная часть научных исследований, посвященных изучению языка региона (как диалектологических, так и ономастических и этнолингвистических) опирается на лингвокраеведческие данные, укажем в качестве примера лишь некоторые монографии и диссертации по диалектологии, региональной ономастике, отчасти этнолингвистике, выполненные на основе привлечения историко-культурных, географических, этнографических и иных сведений о крае [см.: Березович 2007; Гордова 2018; Климова 2007; Ковалев 2014; Майорова 2007; Кюршунова 2017, Полякова 2006; Попов 2003; Толстой 1995; Толстая 2010; Щербак 2006 и мн. др.].

Не только в России, но и за рубежом активно привлекаются краеведческие сведения для решения лингвистических задач. Так, значительное число докладов на XXII Международной и всепольской ономастической конференции (Жешув, Польша, 14–16 октября 2021 г.) содержит обращение к источникам лингвокраеведческого характера при изучении единиц языка: Корино Ровано Сильвия (Италия) использует материалы судебного списка Турина XIV в. для анализа именованных мужчин и женщин, отражающих семейные отношения [Corino 2021]; Карпецки Лукаш (Польша), анализируя имена жителей Новосёлков Дыдынских в предгорьях Пшемысля (XVIII – XXI вв.), обращается к изучению краеведческих данных – культурных условий, религии жителей в данной области, истории и географии изучаемой территории [Karpecki 2021]; Куць Иоанна (Польша) характеризует имена собственные в социальной коммуникации на основе анализа нотариальных актов XIX века Подлясья [Kuc 2021]; Волошин Марцин (Польша–Германия) при изучении топонимии Червенских городов (район верхнего Буга) использует данные археологических и географических исследований района [Wołoszyń 2021] и др.

Поскольку научное изучение языка региона выполняется с привлечением краеведческих данных, то можно констатировать, что лингвокраеведение в настоящее время становится важным научным направлением. Отметим здесь крайне важное замечание Л.А. Климковой о том, что «лингвокраеведение предстает как научное направление, имеющее огромный потенциал для обучения и воспитания подрастающего поколения, сформировавшееся в недрах диалектологии, выделившееся из нее и объединившееся с краеведением и шире – регионоведением» [Климкова 2017, с.96].

Поскольку лингвокраеведение имеет лингвистический предмет изучения и образуется на стыке смежных лингвистических дисциплин (диалектологии, ономастики, отчасти этнолингвистики) и комплексной научной дисциплины краеведение, то, следовательно, лингвокраеведение имеет лингвистический

характер (ср: социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика; лингворегионоведение – «комплексная наука, возникшая на стыке диалектологии, социолингвистики, лингвокультурологии и др. наук» [Новикова 2010, с. 11]).

В настоящее время учеными-лингвистами и методистами ведется разработка актуальных вопросов лингвокраеведения, учебных и учебно-методических пособий, справочных изданий для конкретного региона, предлагаются различные варианты организации лингвокраеведческой деятельности [см.: Брысина, Супрун 2017; Верховых 2021;; Гордова 2018; Казанкова 2014; Карасева 2009; Климкова 1988, 2013; Ковалев 2005, 2014, 2017; Кюршунова 2017; Полякова 2006; Филатова 2002; Щербак 2006 и др.]. Эта работа является крайне важной для лингвистики и образования.

Новейший этап развития лингвистической сферы научного знания как в России, так и за рубежом отмечен научными исследованиями, выполненными на региональном материале с использованием краеведческих данных [см., например: Брысина, Супрун 2021; Неганова 2021; Попов 2021; Nash 2021; Schaarschmidt 2018 и др.].

Все указанное выше свидетельствует о научном характере лингвокраеведческих исследований, о том, что в настоящее время завершается процесс формирования новой научной лингвистической дисциплины лингвокраеведение.

Отметим важный факт: более двадцати лет назад авторитетный лингвистический энциклопедический словарь указывал на общность таких разделов языкознания, как лингвистическая география, диалектология, социальная диалектология, социолингвистика, ономастика, топонимика и отмечал, что эти разделы пока еще не образовали единого целого [Языкознание. БЭС, с. 620, 268]. Отмеченные выше науки, изучающие социальные, региональные, временные особенности функционирования языка, имеют такие

интеграционные признаки, как социум и региональные варианты языка, а диалектология, ономастика и краеведение образуют интеграционные зоны язык региона и историко-культурная специфика региона. То есть на данном этапе развития науки мы можем полагать, что такой интеграционной дисциплиной, объединяющей диалектологию, ономастику и краеведение стало лингвокраеведение.

В современном научном узусе термин *лингвокраеведение* (лингвистическое краеведение) употребляется в следующих значениях, являясь многозначным:

лингвокраеведение – 1) это комплексная лингвистическая наука, изучающая особенности языка какого-либо края с учетом данных краеведения; научное направление исследований; 2) учебный предмет, изучающий данную науку; 3) система знаний об особенностях языка того или иного края и процесс получения подобных знаний.

Таким образом, на основании анализа работ научного и научно-методического характера нами было определено значение термина *лингвокраеведение* в современном русском языке, что вносит определенный вклад в теоретическое значение проведенного исследования.

Установлено, что в лексикографические источники, за исключением «Словаря-справочника по методике русского языка» М.Р. Львова, пока не включен термин *лингвокраеведение* (*лингвистическое краеведение*), несмотря на то что в современном научном узусе термин *лингвокраеведение* широкоупотребителен. Устоявшимися значениями лексемы *лингвокраеведение* являются ‘учебный предмет’, ‘система знаний об особенностях языка того или иного края и процесс получения подобных знаний’, также в научных исследованиях отмечено функционирование термина *лингвокраеведение* в значениях ‘научное направление исследований; комплексная лингвистическая наука, изучающая особенности языка какого-либо края с учетом данных краеведения’.

2.1.2 Соотношение понятий *лингвистическое краеведение* – *лингвострановедение* – *лингвореггионоведение* – *региональная лингвистика*

В современной лингвистике широко представлен лингвокраеведческий подход к изучению системы национального языка. Исследования авторитетных лингвистов, изучающих языковую специфику региона, опираются в том числе и на краеведческую составляющую [см.: Брысина, Супрун 2021; Бурыкин 2019; Васильев 2021; Ганцовская, Неганова 2018; Климкова 2007, 2018; Ковалев 2007; 2014, 2017; Королева 2021; Костючук 2020; Курносова 2013; Мезенко 2020; Мызников 2020, 2021; Неганова 2021; Супрун 2018, 2020; Щербак 2017, 2020 и др.].

Особое значение в настоящее время приобретает выделение специальной лингвистической дисциплины, изучающей языковую специфику региона в соотношении с данными краеведения.

Рассматривая вопросы филологического краеведения, В.И. Супрун отмечает: «среди проблем филологического краеведения немаловажное значение имеет изучение обширного пласта имен собственных, бытующих на той или иной территории России» [Супрун 1994, с. 142]; «все разряды ономастики нуждаются в детальном изучении во взаимосвязи с краеведением» [Супрун 1994, с. 144]. Ученый выделяет краеведческую ономастику, входящую в состав региональной лингвистики: региональная лингвистика «изучает языковые особенности каждого населенного пункта и даже, в случае необходимости, его отдельных частей, определяет сходства и различия между явлениями и фактами в соседних говорах на каждом из лингвистических ярусов, классифицирует говоры одного языка, распространенные на территории региона» [Супрун 1997, с. 26]; «в региональную лингвистику входит краеведческая ономастика, изучающая особенности всех онимических пластов» [Супрун 1997, с. 26].

А.М. Мезенко отмечает, что в настоящее время «одним из приоритетных направлений развития современной лингвистики, и ономастики в частности, становится регионалистика» [Мезенко 2016, с. 28]. Исследователь считает, что отсутствие единообразия терминов, обозначающих направление в языке, изучающее язык региона (региональная лингвистика, лингвистическая регионалистика, лингворегионология, лингворегионоведение) [см. и Бондалетов 2005], свидетельствует о становлении этого лингвистического направления [Мезенко 2016, с.28]. По мнению А.К. Матвеева, «путь к преодолению терминологического разнобоя – использование демократического принципа соревновательности терминов и их серьезное обсуждение» [Матвеев 2005, с.9].

Рассматривая в качестве научной дисциплины, изучающей языковую специфику региона, региональную лингвистику, Е.В. Брысина определяет ее как науку культурологического плана [Брысина 2020, с. 151].

В настоящее время происходит и уточнение термина *лингвокраеведение* исходя из особенностей его употребления и функционирования в научной сфере. Безусловно, важными компонентами семантики данного слова являются семы 'научный подход', 'наука', 'учебный предмет', 'вид деятельности' [см.: Верховых 2021, с.104].

Современные ученые приходят к выводу о важности и необходимости изучения лингвистической специфики региона с учетом данных краеведения. Как верно замечает Л.Я. Костючук, «макро-, минитопонимы, как и псковские говоры, нельзя рассматривать без учета соседних языков, без истории изучаемых говоров и истории их носителей – без «родиноведения». Это термин И.И. Васильева в его исследовании-пособии о «Псковской стране» в помощь народным учителям» [Костючук 2020, с.59–60]. По мнению Е.В. Брысиной, «краеведение, являясь одним из проверенных средств патриотического и нравственного воспитания, по-видимому, и должно стать отправной точкой развития региональной лингвистики, т.к. соединение учебно-познавательных

задач с воспитательными происходит здесь естественным путем, ненавязчиво, без настойчивой назидательности» [Брысина 2020, с. 151].

В настоящее время лингвокраеведение входит в сферу лингвистического знания, обладая лингвистическим предметом изучения, одновременно с этим лингвокраеведение носит интегративный характер, соприкасаясь в рамках краеведческой составляющей с различными областями научного знания. Современное лингвокраеведение имеет важное научное и прикладное (лингводидактическое) значение [см.: Климова 2014, 2017].

Содержание современных научных лингвистических работ, включающих в качестве источников исследования и краеведческий материал, краеведческие сведения дает основание рассматривать лингвокраеведение как комплексную, интегративную дисциплину, которая образована единением краеведения, диалектологии, ономастики, отчасти – этнолингвистики и лингвистической географии.

Интеграция лингвистики и краеведения в научных лингвистических исследованиях – закономерный процесс, обусловленный множеством факторов. К главному из них отнесем действие принципов экспансионизма, антропоцентризма, функционализма и эксплантарности в современной лингвистике [см.: Кубрякова 1994, с. 3–15]. «Экспансионизм – это выход в другие науки, выделение новых областей знания на границах науки, возникновение новых «сдвоенных» наук. Антропоцентризм – изучение языка с целью познания его носителя, выявление в языке человеческого фактора» [см.: Хроленко 2013, с.88–89].

Синтез лингвистических и краеведческих знаний позволяет провести комплексное научное исследование языка региона, сделать выводы, имеющие высокую практическую значимость как для лингвистики, так и для краеведения. Лингвокраеведческий подход к изучению единиц языка позволяет изучить

национально-региональную специфику языковых единиц и при этом учесть особенности регионального мировосприятия человека.

Вторым фактором является влияние процесса глобализации на развитие лингвистики, что и обусловило процессы интеграции и дифференциации в лингвистических исследованиях. А.М. Мезенко отмечает, что «начавшаяся на рубеже XX –XXI вв. глобализация привела к интегративным процессам, во многом определившим современные направления в мировой лингвистике и в частности антропонимике» [Мезенко 2020, с. 96]. Процессы интеграции и дифференциации в отечественной филологии рассматривает Л.А. Климкова, замечая, что «даже в названиях некоторых направлений отражен выход за пределы лингвистики – в этнографию, социологию, культурологию, литературоведение, то есть своеобразное сопряжение процесса дифференциации с элементами интеграции» [Климкова 2017, с.92].

Третьим фактором развития лингвокраеведения как науки является процесс регионализации. А.М. Мезенко считает, что актуализация исследований региона обусловлена регионализацией: это «процесс, интенсифицировавшийся в последние годы благодаря и вопреки активизации глобализации (процессы глобализации усилили роль региональных факторов, способствовали складыванию тенденций регионального развития, использующих местные особенности в качестве базы для новых стратегий) и приводящий к формированию региональной идентичности, другими словами, появлению в массовом сознании соотнесения себя с региональным локусом» [Мезенко 2016, с. 28]. Указанные факторы и способствуют развитию лингвокраеведения как научной и учебной дисциплины, как одного из важных подходов в изучении языковой картины мира.

В XXI веке лингвокраеведение рассматривается как научное направление [Климкова 2017, с. 92] и как раздел лингвистики [Шейдаева, с.79–80]. Действительно, научная составляющая лингвокраеведения обуславливается как

спецификой предмета исследования – изучаются языковые особенности местности, так и интеграцией лингвистики и краеведения, которое в XXI веке приобретает специализированный, научный характер [см.: Лихачев 2000] (см. также исследования М.Н. Громова, В.С. Соболева, С.О. Шмидта).

С.Г. Шейдаева отмечает: «Лингвокраеведение занимается исследованием местной истории и культуры на языковом материале. По своей направленности (от языка – к культуре и истории народа) этот раздел лингвистики можно поставить в один ряд с таким современным направлением языкознания, как лингвокультурология. <...> И хотя лингвокраеведение обычно ассоциируется только со школьным преподаванием и большинство работ по этой тематике до недавнего времени писалось именно учителями, но в настоящее время приходит осознание того, что оно имеет не только важно прикладное (дидактическое) значение, но и собственно научное. Это связано с тем, что все большую актуальность приобретают работы, выявляющие в языке различные аспекты человеческого восприятия мира» [Шейдаева 2012, с.79–80].

Возникает закономерный вопрос: как соотносятся термины *лингвокраеведение*, *лингвострановедение*, *лингворегионоведение* и *региональная лингвистика*?

Здесь существуют несколько подходов к рассмотрению данной проблемы.

Один из них связан с пониманием того, что лингвокраеведение является частью лингворегионоведения. Это понимание обусловлено тем, что лексема *регион* имеет более широкое значение, чем *край*.

Проводя различие между лингвокраеведением и лингворегионоведением, Л.А. Климова отмечает, что «*лингвокраеведение* является традиционным термином, и в то же время он более связан с изучением отдельных микросистем (поэтому и считается более характерным для школы), термин же *лингворегионоведение* – с изучением совокупности микросистем в пределах региона большего или меньшего масштаба» [Климова 2017, с. 94],

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова слово *край* имеет пять значений, из них четвертое – ‘страна, область, местность’ [БТСК], пятое – ‘в России: крупная административно-территориальная единица’ [БТСК]. Лексема *регион* фиксируется в значении: ‘обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединенных по нескольким общим признакам (географическим, экономическим, политическим)’ [БТСК], от латинского *regio (regionis)* – область.

В «Большом академическом словаре русского языка» второе значение лексемы *край* – ‘страна, область, местность’, третье – ‘крупная административно-территориальная единица в России’ [БАСРЯ-8, с. 570], *регион* – ‘обширный район, соответствующий нескольким областям страны или нескольким мелким странам, имеющим какие-либо общие экономико-географические, политические и другие особенности’ [БАСРЯ-23, с. 515]. Более позднее слово *регион*, видимо, изначально при заимствовании и было синонимично лексеме *край*. Однако в настоящее время актуализируется сема ‘соответствующий нескольким областям страны’, поэтому лингворегионоведение понимается шире, чем лингвокраеведение.

Что же касается соотношения терминов *лингвокраеведение* и *лингворегионоведение*, то здесь нужно понимать, что лингворегионоведение рассматривается как область культурологического знания и актуального научно-прикладного направления [Новикова 2009, с. 109–110]. Отметим, что при безусловном пересечении лингвокраеведение и лингворегионоведение имеют и несколько различные аспекты анализа языкового материала: ср.: под лингворегионоведением понимается «комплексная наука, возникшая на стыке диалектологии, социолингвистики, лингвокультурологии и др. наук» [Новикова 2010, с. 11], а лингвокраеведение образуется пересечением предметных областей лингвистики и краеведения, представляя собой раздел лингвистики, комплексную научную дисциплину, которая интегрирует диалектологию,

ономастику, краеведение. Предметом изучения лингвокраеведения являются языковые особенности какого-либо края (региона) на основе анализа лингвистических и краеведческих данных.

В конце XX века в связи с актуализацией проблем краеведения, в том числе и лингвистического, поднимались вопросы о необходимости изучения региональной лингвистики, определении места региональной лингвистики среди лингвистических наук [см.: Супрун 1997, с. 27]. В.И. Супрун отмечает тесную связь региональной лингвистики с краеведением и диалектологией: «Безусловно, между диалектологией и региональной лингвистикой нет непреодолимых, четких границ. По мере расширения объекта исследования, территории сбора материала региональная лингвистика плавно переходит в диалектологию» [см.: Супрун 1997, с. 26]; региональную лингвистику входит краеведческая ономастика, «язык фольклора и произведений местных писателей, персоналии ученых-филологов региона и т.п.» [см.: Супрун 1997, с. 26, 25], а также «материалы по истории науки, относящиеся к краю» [Супрун 1997, с. 27].

В.Ф. Филатова отмечает, что термин *лингвистическое краеведение* «употребляется как тождественный термину «региональное краеведение» [Филатова 2002, с. 3], и в то же время указывает на «содержательную тождественность терминов «региональная лингвистика», «лингвистическое краеведение» при генетическом различии их» [Филатова 2002, с. 4].

Рассматривая соотношение терминов *лингвистическое краеведение* и *региональная лингвистика*, можно отметить, что здесь области соприкосновения такие же, как и при изучении соотношения терминов *лингвострановедение* и *диалектология*. При этом мы понимаем, что предмет изучения дисциплин лингвострановедение, лингвокраеведение и региональная лингвистика разный.

Если учесть, что лингвострановедение – научная и учебная дисциплина в рамках русского языка как иностранного, имеющая культурологический

характер [Верецагин, Костомаров 1990, с. 9], а лингворегионоведение и региональная лингвистика – дисциплины, имеющие культурологическую направленность [Новикова 2009, с. 109–110; Брысина 2020, с. 151], то становится понятным, что лингвокраеведение отличается от данных наук более широкими областями интеграции: лингвистика, в том числе и региональная, сочетаясь с краеведением, образует научную дисциплину, предметом изучения которой является язык региона (регионов) на основе привлечения краеведческих сведений *различного* плана, включающих и историко-культурные: исторические, историко-культурные, географические, этнографические, экономические, биологические и иные.

В рамках лингвистического краеведения могут осуществляться и исследования по литературной ономастике, относящейся к краю. Но главными компонентами, отличающими лингвокраеведение от региональной лингвистики, конечно же, являются предмет изучения и методология – для лингвистического краеведения характерно изучение языка региона с помощью лингвокраеведческого анализа – специального метода анализа языкового материала, в основе которого изучение региональных языковых единиц на основе синтеза лингвистических и краеведческих данных (исторических, историко-географических, историко-культурных, историко-этнографических). Основными приемами лингвокраеведческого анализа являются: историческая справка, историческое (историко-культурное, историко-географическое, историко-этнографическое и др.) комментирование, краеведческое и лингвокраеведческое комментирование, полный и частичный синтезированный анализ языковых единиц, прием краеведческого иллюстрирования языкового материала.

Если же сопоставить термины *лингвокраеведение* и *лингвострановедение*, то можно увидеть, что в настоящее время лингвокраеведческий аспект изучения языковых единиц понимается уже, чем лингвострановедческий

(лингвокраеведение рассматривается как часть лингвострановедения в широком понимании этого термина), а между тем общепринято, что лингвострановедение – учебная и научная дисциплина; «аспект в практическом курсе иностранного языка и учебная дисциплина» [Азимов, Шукин 2009, с. 127, 128]. В данном словаре [Азимов, Шукин 2009] акцентируется практический характер указанной дисциплины при наличии у термина *лингвокультурология* теоретического, при этом существенно следующее замечание: «среди методистов и лингвистов нет единого мнения о существовании принципиальных различий между названными дисциплинами» [Азимов, Шукин 2009, с. 128].

В.А. Маслова дает следующее определение лингвокультурологии – «это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001, с. 9]. Здесь важно и замечание о том, что «лингвострановедение и лингвокультурология разнятся тем, что лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке» [Маслова 2001, с. 12], ср.: страноведение – это «научная дисциплина в системе географических наук, занимающаяся комплексным изучением стран или отдельных крупных районов, их природы, населения, хозяйства, культуры, социальной организации» [БТСК].

Применительно к значению «аспект в практическом курсе иностранного языка», данному в [Азимов, Шукин 2009], *лингвострановедение* употребляется в узком понимании термина. Заметим, что в методике обучения русскому языку как иностранному широко употребляются и термины *лингвострановедческая компетенция*, *лингвострановедческий комментарий* [Азимов, Шукин 2009, с. 128].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров характеризуют лингвострановедение как дисциплину, которая «занимается изучением языка с точки зрения его культуроносной функции» прежде всего в рамках русского языка как

иностранный [Верещагин, Костомаров 1990, с. 9]; «в лингвострановедении изучаются приемы и способы включения ознакомительно-познавательного потенциала языка в процесс преподавания этого языка иностранцам...» [Верещагин, Костомаров 1990, с. 9]. Термин «лингвострановедение» соотносится с зарубежным понятием *культурная грамотность* [Hirsch 1987].

Применительно к методике изучения русского языка и русского родного языка целесообразно использовать термин *лингвокраеведение*. В словарь лингвистических терминов и новые методические словари и справочники должны быть включены такие понятия, как *лингвокраеведение* (как научная и учебная дисциплина), *лингвокраеведческая компетенция*, *лингвокраеведческий комментарий*.

Предлагаем следующие формулировки указанных понятий. *Лингвокраеведческая компетенция* – знание лингвистических особенностей языка региона, связанных с историей, культурой, географией, этнографией и другими особенностями края, способность обучающегося устанавливать взаимосвязь региональных языковых единиц и данных краеведения, готовность изучать региональные особенности языка с учетом и на основе краеведческих данных.

Лингвокраеведческий комментарий – пояснительные замечания о связи тех или иных особенностей языка региона с историей, культурой, географией, этнографией и другими особенностями края.

В данной работе мы разграничиваем понятия *лингвокраеведение* и *лингвострановедение*, *лингворегионоведение* как минимум по двум параметрам: в аспектном отношении (что изучается) и субъектно-объектном (кто изучает и для кого предназначены получаемые знания).

Полагаем, что термины *лингвокраеведение* и *лингвострановедение* различаются не только по изучаемому объему языкового материала (в пределах края / в пределах страны), но и аспектом рассмотрения: если

лингвострановедение изучает язык в его отношении к культуре и прежде всего изучает «национальные реалии, нашедшие отражение в языке» [Маслова 2001, с. 12], лингвострановедение является прежде всего дисциплиной для обучения русскому языку как иностранному, то лингвокраеведение изучает языковые особенности края в различных аспектах, учитывая не только национальную, но и региональную специфику, рассматривая не только культурные особенности, но и географические (изучение топонимии, микротопонимии), этнографические (изучение говоров и ономастикона, отражающих этнографические особенности края) и др. Отметим при этом, что лингвокраеведение необходимо рассматривать как научную и учебную дисциплину, которая изучает язык родного края и изучение осуществляется *носителями этого языка*.

Если изучение языка родного края осуществляется научным сообществом, можно говорить об академическом лингвокраеведении, а если учителями и школьниками, – то о школьном. Все же «основной компонент лингвокраеведения – вузовский» [Климкова 2013, с.457], – считает Л.А. Климкова.

Можно соотнести термин *лингвокраеведение* с употреблявшимся в XIX веке термином *родиноведение*. Н.Ф. Бунаковым была написана «Программа родиноведения», которую он включил в «Родной язык как предмет обучения в народной школе с трехгодичным курсом» [Бунаков 1900, с.27–35], рассматривая *родиноведение* вместе с *отечествоведением* и *мироведением* [Бунаков 1900, с.27].

Обладая мультипредметной основой (в рамках лингвокраеведения языковая специфика края изучается исходя из синтеза различных знаний о крае: географических, исторических, архитектурных, археологических, культурных, биологических и иных), лингвокраеведение демонстрирует нам высокий научный и методический потенциал. Лингвокраеведение позволяет решать

«задачи истинного познания своей Малой Родины», воспитания истинного патриотизма [Ковалев 2014, с.231; 268].

Таким образом, находясь в системе лингвистических дисциплин, лингвокраеведение представляет собой научную и учебную дисциплину, которая отличается от смежных дисциплин по следующим основным параметрам:

- 1) предмету изучения (специфический предмет изучения лингвокраеведения – региональные особенности языка, рассматриваемые в соотношении с краеведческими данными);
- 2) связи с разнообразными сведениями краеведческого характера (изучение языка региона осуществляется в связи с обращением к историческим, историко-культурным, этнографическим, археологическим, географическим и иным сведениям о крае);
- 3) субъекту, осуществляющему лингвокраеведческие исследования (в отличие от лингвострановедения, ориентированного на изучение сведений о стране иностранными гражданами, лингвокраеведение предполагает изучение языка родного края носителями этого языка).

2.1.3 Объект, предмет, цель и задачи лингвистического краеведения

Дифференциация терминов *лингвокраеведение*, *региональная лингвистика*, *лингворегионоведение*, *лингвострановедение* дает понимание того, что лингвокраеведение обладает специфическими свойствами, позволяющими говорить об особом характере данной науки.

Термин *лингвокраеведение* в настоящее время употребляется в следующих значениях, являясь многозначным: «*лингвокраеведение* – 1) это комплексная лингвистическая наука, изучающая особенности языка какого-либо края с учетом данных краеведения; научное направление исследований; 2) учебный предмет, изучающий данную науку; 3) система знаний об особенностях языка

того или иного края и процесс получения подобных знаний» [см.: Верховых 2022, Неофилология].

Ранее нами уже обосновывался научный характер лингвокраеведения, лингвистический объект и предмет изучения лингвистического краеведения, о котором пишут многие исследователи [см.: Климкова 2017; Майорова 2007, с.17; Новикова 2009; Шейдаева 2012; Шумарина 2011].

О научном характере лингвокраеведения пишет Л.А. Климкова, указывая на то, что лингвокраеведение выделилось из диалектологии, объединившись с краеведением и регионоведением в результате действия процессов интеграции и дифференциации: «Этот же характер динамики отличает вышедшие в свое время из недр филологии науки, в частности лингвистику, в том числе русскую диалектологию, лингвокраеведение, лингворегионалистику» [Климкова 2017, с. 96]. Заметим, что здесь речь идет о лингвокраеведении как о науке.

Считаем, что название дисциплины *лингвистическое краеведение* (ср.: литературное краеведение, историческое краеведение, географическое краеведение) только подчеркивает лингвистический объект и предмет изучения лингвокраеведения, лингвистический характер дисциплины: буквально *лингвистическое краеведение* – это «совокупность лингвистических знаний о крае»: лингвистический + компонент *краеведение*, имеющий сему ‘совокупность знаний’ [БТСК]; это наука, занимающаяся изучением языка какого-либо края на основе и с учетом других, нелингвистических, краеведческих данных.

Объектом исследования в лингвокраеведении является язык в его местном употреблении – диалект, говор края и местный ономастикон, а также «язык местных произведений устного народного творчества, в том числе частушки, язык художественных произведений поэтов и писателей, биографически связанных с данным регионом, язык местных СМИ и местных исторических документов, живая речь местных жителей, городское и деревенское

просторечие, речевой этикет» [Майорова 2007, с. 17]. Действительно, «язык региона всегда был объектом исследования традиционного лингвокраеведения» [Новикова 2009]. Лингвистический характер объекта исследования в лингвокраеведении отмечается и в [Шумарина 2011]. Наиболее ценным является изучение живой речи старожилов, поскольку такая речь отражает наиболее архаичные явления диалектного языка (в том числе и диалектного ономастикона), возможно, еще не зафиксированные и не описанные.

Язык в региональном употреблении – объект исследования лингвокраеведения – может функционировать в различных формах и сферах национального языка: в народных говорах, в региональном ономастиконе и фольклоре, в художественной литературе и публицистике, относящихся к краю, в исторической литературе и архивных документах.

Предмет изучения лингвокраеведения – диалектная, ономастическая, этнолингвистическая и иная специфика регионального употребления языка в соотношении с краеведческими данными. В зависимости от аспекта изучения выделим следующие направления лингвистического краеведения, имеющие и свою специфику предмета изучения: диалектологическое, ономастическое, этнолингвистическое (этнолингвокраеведение), лингвофольклорное краеведение, лингвокультурологическое, этнолингвокультурологическое, этнопсихоллингвистическое, лингводидактическое.

Основная цель лингвистического краеведения – изучить особенности языка региона в различных формах и сферах функционирования (в народных говорах, в региональном ономастиконе и фольклоре, в художественной литературе и публицистике, относящихся к краю, в исторической литературе и архивных документах) на основе привлечения краеведческих сведений.

К основным задачам научного лингвокраеведения отнесем следующие:

- сбор и фиксация диалектного, онимического и иного языкового материала, относящегося к краю, представленного в народных

говорах, в региональном ономастиконе и фольклоре, в художественной литературе и публицистике, относящихся к краю, в исторической литературе и архивных документах;

- систематизация и паспортизация собранного языкового материала;
- интерпретация полученных лингвистических данных на основе привлечения разноплановой литературы о крае (исторической, географической, демографической, этнографической и другой) и классификация их;
- монографическое и лексикографическое описание собранного материала;
- разработка методических материалов по выполненному языковому исследованию;
- подготовка научных и научно-популярных изданий, посвященных изучению языковой специфики региона на основе привлечения краеведческих данных и др.

Задачи лингвокраеведения рассматриваются в работах Г.Ф. Ковалева [1996, 1998, 2005, 2014, 2017 и др.], Л.А. Климковой [2017], Ц.Ц. Огдоновой [2018], М.Р. Шумариной [2011], В.Ф. Филатовой [2002], В.Ф. Филатовой и Т.И. Шаталовой [2016] и др.

Отметим, что в настоящее время лингвистическое краеведение рассматривается как наука и как учебная дисциплина и, соответственно, выделяются разные задачи для научной дисциплины и учебного предмета лингвокраеведения.

Задачи научного лингвокраеведения последовательно и подробно рассмотрены Л.А. Климковой [Климкова 2017]. Приведем здесь в качестве примера некоторые: «лингвокраеведческое, лингворегионоведческое и шире – этнолингвистическое, этнокультурное прочтение текстов, зафиксированных во время полевой работы, индивидуальной или групповой, а также текстов в

изданных хрестоматиях, региональном словаре (или хрестоматиях, словарях); <...> создание банка (корпуса) диалектных и онимических текстов (в рамках коммуникативной диалектологии и коммуникативной ономастики), а также фольклорных произведений (текстов); исследование языковой личности сельского жителя, диалектоносителя (диалектоносителей), бывшего сельского жителя; создание их речевых портретов; изучение языка города; изучение языка региональных СМИ» [Климкова 2017, с.95].

Рассматривая курс «Лингвистическое краеведение» (разработанный для студентов педагогических вузов) как интеграцию разделов «Введение в региональную лингвистику», «История региона (края) и региональный язык в историческом аспекте», «Региональная ономастика», «Региональная этнолингвистика», «Методика организации и проведения лингвокраеведческой работы в школе» В.Ф. Филатова выделяет среди задач курса образовательные, развивающие и воспитательные, общетеоретические и практические, связанные с умением применять на практике полученные знания о крае.

В.Ф. Филатовой выделяются задачи лингвокраеведения как учебной дисциплины. Приведем в качестве примера некоторые образовательные задачи: «показать содержательную тождественность терминов «региональная лингвистика», «лингвистическое краеведение» при генетическом различии их» [Филатова 2002, с. 4]; «дать понятие о региональном языке и его компонентах (народный язык, язык фольклора, язык писателей региона и другие)» [Филатова 2002, с. 4]; «показать значение данных об истории заселении края для лингвистических описаний и важность лингвистических фактов для уточнения исторических сведений о крае; формировать умения и навыки, связанные с методикой собирания, обработки и систематизации лингвокраеведческого материала <...>; развивать умение использовать данные смежных дисциплин (истории, археологии, этнографии, географии) для лингвокраеведческих описаний» [Филатова 2002, с. 7].

2.1.4 Типы и виды лингвистического краеведения

В зависимости от поставленных целей и состава участников можно выделить следующие типы лингвокраеведческих исследований – *школьное лингвокраеведение* и *академическое, или научное лингвокраеведение*.

В рамках школьного лингвокраеведения язык местного края изучается прежде всего с образовательными (ознакомительными, учебно-исследовательскими), воспитательными целями, субъектами учебно-исследовательской деятельности выступают учителя и школьники. В рамках научного лингвокраеведения изучение местной лингвосистемы осуществляется с целью фиксации лингвистических фактов и определения их места в системе языка, классификации, подготовки научных монографических описаний языка определенной местности, создания словарей и справочников, включающих функционирование нарицательной и проприальной лексики края, а также с целью подготовки методических материалов для школьного и вузовского изучения лингвокраеведения. В этом случае субъектами научно-исследовательской и учебно-научной деятельности выступают ученые-лингвисты и студенты или аспиранты.

В рамках данного исследования характеризуется именно академический, научный тип лингвокраеведения. Основная цель научного лингвокраеведения – изучение и научное описание языка региона в качестве системы, которая отражает историко-культурные, географические, этнографические и иные особенности региона. В этом случае исследователь для анализа языкового материала привлекает разнообразные краеведческие данные, содержащиеся в исторических источниках, архивных документах, газетах, фольклоре и т.п.

В научных исследованиях лингвистами отмечается тесная связь региональных лексем с историей и культурой изучаемого края: «Сложение и развитие системы названий населенных пунктов Тамбовской области связано с историей заселения этого региона различными территориальными и

социопрофессиональными группами русского населения и взаимоотношением между этими группами в имущественной и социальной сфере» [Щербак 2006, с. 243]; «фамилии окрашивают язык города в особый местный цвет, создают нечто вроде диалекта», «русские фамилии несут в себе ценнейшую историческую информацию» [Ковалев 2014, с. 242]. Научное лингвокраеведение рассматривает, например, такие вопросы: «заселение региона и формирование на его территории русских говоров, взаимодействие их с другими языками, состав и закономерности развития лексики и ономастики края, методы их изучения, происхождение и история отдельных лексем и онома» и др. [Полякова 2006, с. 3].

В зависимости от краеведческих источников, привлекаемых для анализа языковых единиц, и интергации с лингвистикой определенного направления краеведения выделяются следующие виды лингвокраеведения.

1. Историческое лингвокраеведение – вид лингвокраеведения, посвященный изучению языка региона на основе привлечения исторических источников (ревизских сказок, памятных книжек, метрических выписок, челобитных, вкладных грамот, поручных, мировых записей и др.). Здесь области интеграции – лингвистика и историческое краеведение. Историческое лингвокраеведение выделяет Л.А. Климкова, определяя его сущность и одновременно цель – «изучение языка местных памятников письменности – историческое лингвокраеведение» [Климкова 2017, с.95]. В рамках данной разновидности лингвокраеведения выполнены, например, работы [Верховых 2012, 2018, 2019, 2021; Горелова 2011; Жамсаранова 2021; Королева 2017; Кюршунова 2009, 2017, 2020; Назаров 2021; Полякова 2006; Соболев 2017; Фролов 1978 и др.].
2. Географическое лингвокраеведение – вид лингвокраеведения, посвященный изучению языка региона на основе привлечения

географических источников (карт, научной географической литературы, справочников по географии), области интеграции – лингвистика и географическое краеведение. В области географического лингвокраеведения выполнены, например, работы [Васильев 2021; Васильев, Вихрова 2019; Дьякова, Хитрова 2009; Ковалев 2017, 2021; Королева 2021; Мызников 2020; Неганова 2021; Пархоц 2015; Флягина 2020 и др.].

3. Этнографическое лингвокраеведение – вид лингвокраеведения, посвященный изучению языка региона на основе привлечения материалов по этнографии региона, области интеграции – лингвистика и этнографическое краеведение. Как правило, в области этнографического лингвокраеведения выполнены работы по региональной этнолингвистике, этнолингвокультурологии, см. [Брысина, Супрун 2017, 2021; Ганцовская 2018; Супрун 2020 и др.]. Привлекается этнографический материал, относящийся к региону, и для выполнения исследований в области диалектологии и региональной ономастики.
4. Литературно-лингвистическое краеведение – вид лингвокраеведения, посвященный изучению языка региона на основе привлечения текстов произведений поэтов и писателей края, их дневников, писем, а также местного фольклора, региональной паремиологии. Задачи данного вида лингвокраеведения определяет Л.А. Климкова: «анализ языка художественных произведений, в том числе писателей-земляков, в чьем творчестве отразилась диалектная, региональная стихия; определение функций диалектных элементов в художественном тексте (сопряжение лингвистического и литературного краеведения)» [Климкова 2017, с.95].

Здесь области интеграции – лингвистика и литературное или фольклорное краеведение. Об использовании фольклора в лингвокраеведческих исследованиях пишет Л.А. Климкова [Климкова 2015]. К области литературно-лингвистического краеведения относятся исследования по литературной ономастике края, например, в пределах Воронежского и в целом Центрально-Черноземного региона это следующие работы: [Ковалев 2014, 2018, 2020; Курносова 2013; Скуридина, Бугакова 2021 и др.].

5. Интегрированное лингвокраеведение – вид лингвокраеведения, посвященный изучению языка региона на основе комплексного применения краеведческих материалов, касающихся различных сфер: исторической, историко-культурной, географической, этнографической и др. Здесь могут быть самые разные области интеграции: литература, история, география, археология, этнография, демография, биология, фольклор и др.

Интегрированный вид лингвокраеведческих исследований – самый сложный, трудоемкий в исполнении, поскольку требует всестороннего анализа краеведческой литературы и источников в ходе изучения языка региона. В настоящее время, когда в лингвистике развивается полипарадигмальный подход, лингвокраеведческие исследования интегрированного типа становятся одними из актуальных. К научным исследованиям, выполненным в полипарадигмальном ключе и обращенным одновременно и к историческим, и географическим, и этнографическим сведениям о крае отнесем следующие [Васильев 2021; Климкова 2007; Ковалев 2017; 2021; Костючук 2020; Мызников 2021; Брысина, Супрун 2021; Щербак 2006 и др.].

6. Педагогическое лингвокраеведение – вид лингвокраеведения, посвященный разработке методических материалов, связанных с

изучением языка региона на основе привлечения краеведческих материалов, для обучающихся (аспирантов, студентов и школьников) и учителей русского языка и литературы. Как правило, подобные исследования и методические разработки выполняются учеными-лингвистами. В настоящее время педагогическое лингвокраеведение – один из самых распространенных видов лингвокраеведения не только по разработанности, но и востребованности в учебном процессе⁵.

2.1.5 Аспекты лингвистического краеведения в зависимости от предмета изучения

В зависимости от предмета изучения и с учетом сложившейся практики выполнения научных лингвокраеведческих исследований можно выделить следующие основные аспекты академического, или научного лингвокраеведения: *диалектологическое, ономастическое, этнолингвистическое (этнолингвокраеведение), лингвофольклорное краеведение, лингвокультурологическое, этнолингвокультурологическое, этнопсихоллингвистическое, лингводидактическое.*

Диалектологическое лингвокраеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучаются диалектные особенности языка региона в

⁵ См.: Абросимова О.Л. Основные направления лингвистического краеведения Забайкалья: учебное пособие. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. 118 с.; Верховых Л. Н. Лингвокраеведение в школе: учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2017. 255 с.; Войтенко А.В. Русская диалектология. Диалектологическая практика. Лингвистическое краеведение. Украинский язык: учебно-методические комплексы для студентов, обучающихся по специальностям «021700 – Филология», «032900 – Русский язык и литературы». М.: Изд-во МГОУ, 2006. 102 с.; Зверева Ю. В. Лингвистическое краеведение: учебное пособие. Пермь: ПГГПУ, 2019. 1 электр. опт. диск (CD-ROM); Климкова Л.А. Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе. Арзамас, 1988. 91 с.; Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.; Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка: Моногр. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. 285 с.; Моисеев А.П. Топонимическое краеведение. Челябинская область: (лингвистическое). Челябинск: Абрис, 2013. 156 с.; Огдонова Ц.Ц. Лингвистическое краеведение: учебное пособие. Иркутск: Изд-во Аспринт, 2016. 170 с.; Щербак А.С. Лингвокраеведение Тамбовской области: электронное учебное пособие для магистров и бакалавров по направлению «Филология», «Отечественная филология (русский язык и литература)» и для иностранных студентов-филологов / Информрегистр № 0321502524 от 10 сентября 2015 года и др.

соотношении с краеведческими данными. Предмет изучения диалектологического лингвокраеведения – языковые свойства диалектных единиц края (состав, происхождение, особенности употребления, фонетика, словообразование, лексические и грамматические свойства) в связи с историко-культурной, этнографической, географической и иной спецификой региона.

Ономастическое лингвокраеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучается ономастическая лексика региона на основе привлечения краеведческого материала. Предмет изучения ономастического лингвокраеведения – языковые свойства ономастических единиц края (их структура, происхождение, особенности употребления, фонетика, словообразование, лексические и грамматические свойства) в связи с историей, этнографией, культурой, географией и другими особенностями региона.

Этнолингвокраеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучается этнолингвистическая специфика региона с учетом данных краеведения. Предмет изучения этнолингвокраеведения – особенности языковой репрезентации традиционной народной духовной культуры и особенностей быта определенного этноса (этносов) на основе привлечения краеведческого материала (ср.: «этнолингвистика изучает язык в аспекте его соотношения с этносом» [Толстой, Толстая 2013, с. 19]).

Этнолингвисты, по словам Н.И. Толстого, занимаются «культурно-языковой диалектологией славянского мира» [Толстой, Толстая 2013, с. 16], восстанавливая быт и культуру древних славян на основе анализа не только лингвистического, но экстралингвистического материала: «этнолингвисты видят в этнографическом и фольклорном материале серьезный дополнительный источник» [Толстой, Толстая 2013, с. 16],

Лингвофольклорное краеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучается язык фольклора конкретного региона на основе привлечения краеведческого материала. Предмет изучения лингвофольклорного краеведения

– особенности языка фольклора в соотношении с историко-культурными, этнографическими, географическими и иными данными о крае. В рамках лингвофольклорного краеведения особое значение имеют работы, выполненные в аспекте фольклорной диалектологии, и сопоставительные исследования, прежде всего кросскультурные, ср.: «цель кросскультурной лингвофольклористики – выявление культурных смыслов, аккумулированных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в совокупностях текстов как атрибутов фольклорной картины мира и как манифестантов этнической ментальности, поиск общего и специфичного в традиционной культуре этносов, углубленное исследование феномена этнической ментальности; разработка эффективного инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка» [Хроленко, Бобунова, Завалишина 2004, с. 49].

Лингвокультурологическое краеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучаются факты культуры, отраженные в языке, на основе привлечения исторических, этнографических, географических и иных данных о крае. Предмет изучения лингвокультурологического краеведения – особенности репрезентации в языке фактов культуры, рассмотренные в тесной связи с историей, этнографией, культурой, географией и другими особенностями региона. Лингвокультурологическое краеведение дает возможность исследователю изучать языковую картину мира с помощью краеведческих сведений различного плана. Понятие *языковая картина мира* тесно связано с этническими, региональными особенностями мировосприятия. «Языковая картина мира представляет собой совокупность наивных знаний о мире, зафиксированных на разных уровнях (подуровнях) языковой системы: лексическом, фразеологическом, грамматическом. Такого рода вербализация знаний связана с этноязыковой концептуализацией мира. В лингвокультурологии ведется неустанный поиск «ключевых слов», означающих

константы этноязыкового сознания – инвариантные концепты той или иной культуры (ее самобытное ядро)» [Алефиренко 2010, с.135]

Этнолингвокультурологическое краеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучается взаимосвязь языка и культуры определенных этнических групп, взаимосвязь языка и культуры, опосредованную спецификой одного или нескольких этносов, на материале данных о крае – исторических, этнографических, географических, экономических и др. (ср.: этнолингвокультурология «изучает связи языка и культуры в их взаимодействии с учетом особенностей отдельного этноса в ситуации взаимодействия этносов» [Этнолингвокультурология 2014, с.6])

Предмет изучения этнолингвокультурологического краеведения – характер взаимоотношений языка и культуры этноса (этносов, субэтносов), обусловленных этнической спецификой, изучаемый в том числе и с помощью краеведческого материала. Исследования по этнолингвокультурологии, выполненные на основе привлечения краеведческого материала, актуальны и обладают значительной перспективой, в качестве примера подобного исследования укажем монографию Е.В. Брысиной, В.И. Супруна «Духовная культура казачества: язык и образы» [Брысина, Супрун 2021].

Этнопсихолингвистическое краеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучаются речевые события и ситуации национального дискурса, ср.: этнопсихолингвистика – «направление, которое рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихолингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации» [Красных]. Предмет исследования этнопсихолингвистического краеведения – специфика национального дискурса, изучаемая в том числе и с помощью краеведческих данных.

Психолингвистическое краеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучается языковая личность на основе привлечения данных краеведения. Предмет исследования психолингвистического краеведения – языковая личность в индивидуально-психологическом аспекте, изучаемая в том числе и на основе привлечения данных краеведения ср.: предмет исследования психолингвистики – «соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей образа мира человека, с другой» [Леонтьев]. Среди психолингвистических работ, ориентирующихся в том числе и на краеведческие данные, отметим следующие работы [см.: Щербак 2006; Щербак, Казанкова 2017, Щербак 2021].

Лингводидактическое краеведение – аспект лингвокраеведения, в рамках которого изучаются методические основы лингвокраеведческой работы в вузе и школе. Принципиальное отличие данного вида лингвокраеведения от школьного состоит в том, что в рамках данного вида лингвокраеведения работа ведется учеными-лингвистами: создаются методические материалы, программы, учебные и учебно-методические пособия как для студентов, так и для школьников. Предмет исследования лингводидактического краеведения – особенности организации лингвокраеведческой деятельности в вузе и школе (формы, методы и приемы организации лингвокраеведческой работы, содержание учебного материала дисциплин «Лингвокраеведение» / «Основы топонимики» / «Русская ономастика» и под., принципы организации лингвокраеведческой исследовательской деятельности студентов и школьников и др.). Выше нами указаны учебные и учебно-методические пособия, методические материалы по лингвокраеведению: здесь отметим лишь новейшие работы [Брысина, Супрун 2017, Верховых 2017; Ковалев 2017; Зверева 2019; Огдонова 2016; Райхлина 2019; Филатова, Шаталова 2016; Щербак 2015 и др.].

Наиболее широко курс лингвистического краеведения представлен в высшей школе с конца XX века, например, в Пермском государственном

педагогическом университете данный курс был включен в программу обучения с 1988 года (в Пермском государственном университете им. А.М. Горького – с 2001 г.) [Шенкман 2001].

Лингвокраеведческие курсы включены в содержание обучения студентов в разных вузах страны, например, на историко-филологическом факультете Арзамасского филиала ННГУ в 2013 году читались следующие учебные дисциплины лингвокраеведческой направленности: «Русская диалектология» (заметим, что данный курс присутствует практически во всех учебных планах, предназначенных для обучения студентов-филологов), «Лингвистическое и литературное краеведение», «Говоры Нижегородского края», «Основы регионалистики», «Нижегородский край как историко-культурная зона», «Имена и названия в нашей жизни», «Языковое выражение русскости» [см. Климова 2013, с. 462]. В Воронежском государственном университете в учебный план включены дисциплины «Русская диалектология», «Проблемы славянской ономастики», «Воронежское лингвокраеведение»; в Борисоглебском филиале Воронежского государственного университета – «Русская диалектология» и «Лингвистическое краеведение».

Одними из самых ранних изданий, посвященных вопросам лингвокраеведения, являются работы «Вопросы лингвистического краеведения Прикамья» (отв. ред. А.С. Гантман, 1975) и пособие В.Ф. Барашкова «Лингвистическое краеведение в сельской школе» (1979).

2.2 Истоки лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении русского языка

2.2.1 Предпосылки развития лингвокраеведческого направления изучения языка в России

При всем многообразии применения лингвокраеведческого подхода в изучении языка истоки возникновения лингвокраеведения в России не

охарактеризованы в полной мере. В данном параграфе последовательно охарактеризуем развитие краеведческих исследований, в рамках которых и начинались первые, пока еще не собственно лингвистические, записи о языке регионов; укажем предпосылки развития лингвокраеведческого направления изучения языка в России.

Ненаучная характеристика края – составление погодных записей о наиболее значимых событиях в какой-либо местности за год, запись и упоминание в памятниках письменности местных названий географических объектов, местных названий предметов и явлений – берет истоки с начала возникновения письменности на Руси. Древние летописи отражали не только данные о сотворении мира, но и, сохраняя региональные номинации, включали сведения о наиболее примечательных событиях того места, где производились записи. Возможно, именно это и дало импульс изучению исторических, географических и иных особенностей края.

Применительно к раннему периоду развития отечественной филологии речь может идти только о начальной ступени развития лингвокраеведения, о лингвокраеведении как о совокупности знаний о языковых особенностях того или иного края, о процессе получения этих знаний. Здесь мы имеем в виду именно научное применение лингвокраеведческого подхода – изучение языковых особенностей региона с учетом краеведческих сведений.

Отдельные аспекты проблемы изучения истоков отечественного лингвокраеведения, в том числе и региональной ономастики, рассматриваются в работах: [Климкова, 2017; Ковалев, 2008, 2014; Майорова, 2007; Полякова, 2006; Супрун, 1994; Щербак, 2017 и др.]. В данном исследовании осуществляется анализ научной литературы, связанной с изучением языка региона, начиная с 20-х гг. XVIII века.

История лингвокраеведческих исследований тесно связана с развитием научных вообще и краеведческих исследований в частности. Зародившись в

недрах естественно-научных исследований, тесно соприкасаясь с историей, географией, этнографией, лингвокраеведение постепенно приобретало самостоятельный характер. Поскольку лингвокраеведческими являются преимущественно исследования по диалектологии, региональной ономастике и отчасти этнолингвистике, то и истоки отечественного лингвокраеведения связаны с возникновением научного изучения региональных вариантов языка, региональных имен собственных.

Естественно-научное изучение регионов России, в рамках которого были предприняты попытки зафиксировать и языковые особенности той или иной местности, начинается со времени организации первых исследовательских экспедиций. Самые ранние упоминания о возможных в перспективе научных исследованиях относятся к 1718 году, когда Петр I предлагает создать академию: «На этом-то докладе (имеется в виду доклад Г. Фика, 1718 г. – *Л.В.*) Петр Великий, конечно, имея в виду учебное заведение для молодых русских, написал: «Делать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет...» [Пекарский 1870: 24]. Огромное желание Петра I создать в России центр передовой научной мысли способствовало тому, что многие иностранные ученые были приглашены в Россию. Одним из них был одаренный доктор Д.Г. Мессершмидт, с которым Петр I познакомился в Данциге [см. подробнее: Messerschmidt 1962: 4–5].

В 1719 году по поручению Петра I доктором медицины Д.Г. Мессершмидтом была предпринята в Сибирь первая экспедиция (Коломна – Казань – Тобольск – Иркутск, 1719–1727 гг.) «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей...» [См. подробнее: М.В. Ломоносов и академические экспедиции [http](http://)]. В ходе путешествия-экспедиции Д.Г. Мессершмидт в своих дневниках делал записи, относящиеся к языку татар, языку самоедов, пытался расшифровать древний хакасский язык, ученый обнаружил один из самых

известных памятников древнетюркской письменности в мае 1721 года [См.: Messerschmidt 1962: 31–35; Тункина 2017: 103–109].

Краеведческо-исследовательская деятельность Д.Г. Мессершмидта была обширной, и некоторые его труды были опубликованы только во второй половине XX века. В сопровождении к изданию его трудов написано: «Die Herausgabe dieser Tagebücher mit ihren reichen Exkursen auf den Gebieten der Botanik, der Zoologie, der Mineralogie, der Medizin, der Sprachwissenschaft, der Archäologie, der Geschichte und der Ethnographie ist deshalb schon seit langem ein Desiderat der internationalen Wissenschaft⁶ [Steinitz 1962: 5]. Здесь отмечается и лингвистический аспект исследовательской работы доктора медицины.

Исследования Д.Г. Мессершмидта стали отправной точкой для дальнейших исследований России, уже «академическими отрядами», дифференцированно, в соответствии с отраслями научного знания.

Для всестороннего изучения территории, ресурсов России и ее населения, для решения важных географических вопросов практического свойства предпринимаются и дальнейшие экспедиции.

Целенаправленное научное изучение регионов России стало возможным только после образования Петербургской (Императорской) академии наук (в 1724 году был опубликован указ об учреждении Академии наук, а в 1725 состоялось ее официальное открытие).

В ходе Первой Камчатской экспедиции (1725–1730)⁷ с 1727 по 1730 гг. было проведено астрономическое и географическое изучение северных регионов России – это первые краеведческие исследования⁸. Последующие

⁶Перевод: Публикация этих дневников с их обширными экскурсами в области ботаники, зоологии, минералогии, медицины, лингвистики, археологии, истории и этнографии долгое время была желанным событием международной науки.

⁷В 1725 году Петр I написал инструкцию В. Берингу для экспедиции, основной целью которой было установить, есть ли пролив между Азией и Америкой.

⁸29 марта 1727 по поручению Петербургской академии наук профессор Луи (Людовик) Делиль де ла Кройер с переводчиком и служителем отправился в экспедицию, которая продлилась три года. Были произведены простые, широтные определения географических пунктов (Архангельск, о. Кильдин, Кола, Кандалакша, Ковда,

экспедиции уже включали «академические отряды» – ученых и студентов (конечно, и помощников из числа переводчиков, служителей, местных жителей), всесторонне изучающих отдаленные регионы России.

В 1733 году⁹ была организована Великая Северная экспедиция под руководством В. Беринга, участниками которой стали и академики Л. Делиль де ла Кройер (астрономия, география) и его помощник геодезист А.Д. Красильников, академики И.Г. Гмелин (ботаника), Г.-Ф. Миллер (история, география и этнография), граф Франческо Локателли, С.П. Крашенинников и др. [см. подробнее: МИИАН 1890: 53; Делиль де ла Кройер Луи [http](http://)].

За год до Великой Северной экспедиции, в 1732 году, академик Петербургской академии наук Г.Ф. Миллер опубликовал программу научных краеведческих исследований (программа предполагала изучение и описание истории и географии российских городов). Историко-географические исследования академика сопровождали и лингвистические описания, посвященные характеристике языков и диалектов сибирских народов [Миллер [http](http://)].

Некоторые работы историко-географического содержания публиковались в научном журнале «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» [Там же]. Отдельные опубликованные в журнале труды историко-географического содержания включали и сведения лингвокраеведческого характера. Например, в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях в «Ведомостях» 1765 года были перепечатаны некоторые работы 1729 года и последующих лет издания, и это дает возможность проследить, каков был круг научных воззрений авторов того времени.

Кереть, Кольский полуостров) [Делиль да ла Кройер Луи // Информационная система «Архивы Российской академии наук». URL: <https://isaran.ru/?q=ru/person&guid=690040C4-50DD-89D0-7ECC-D1432B1C4CAC> (дата обращения 14.10.2021)]

⁹ Великую Северную экспедицию (1733–1743) еще называют Второй Камчатской экспедицией.

В статье «О Камчатских огнедышащих горах и происходящих от них опасностях» находим одни из первых строк лингвокраеведческого характера, сопровождающие географическое описание Камчатки: дается характеристика гор на Камчатке, приводятся их названия, упоминаются камчатские микротопонимы, местные названия этих гор: «Тамошные казаки называют их Горелыми Сопками, большеерецкие камчадалы – Агитескик, а прочие – Апагачучь» [ИГГПВ 1765: 98]. Поскольку в статье очевидцы повествуют о землетрясении 1737–1738 гг, предположим, что это описание было подготовлено в ходе Великой Северной (Второй Камчатской экспедиции).

В рассматриваемом тексте встречаются и другие топонимы и микротопонимы: *Большая река, Кошка, Курильская Лопатка, Толбачинская гора, Камчатская река, Толбачик, Камчатская Острога, Большеерецк, хребет Оглукоминский, Верхний и Нижний Камчатские остроги, Жупановская сопка, сопка Шевелич, Апальская гора, река Апала, Вилючинская гора, река Вилючик* и др. [Там же: 98–106]. В конце статьи есть следующая запись: «Большеерецкие камчадалы огнедышащую гору называют Ангитескик, как уже выше объявлено, а курящуюся – Пигташ. На нижнешантальском языке огнедышащая гора Апахончич или Апагачучь, а курящаяся – Суеличь»¹⁰ [Там же: 106].

Первоначально лингвокраеведческое изучение региона сопровождало основное исследование – географическое, историческое и этнографическое. В первых инструкциях по изучению края вопросы относительно языка и местных названий только дополняли основное историко-географическое содержание.

В 1734–1736 гг. для сбора краеведческого материала естественно-исторического (ботаника, зоология, геология), географического, этнографического, лингвистического, исторического характера воеводскими канцеляриями были составлены «вопросные пункты» [Татищев 1950: 96]. В

¹⁰ По-видимому, эти строки принадлежали С.П. Крашенинникову из «Описания земли Камчатки» (1756).

1735 году В.Н. Татищевым¹¹ был составлен первоначальный список «вопросных пунктов» (92 вопроса), а в 1736 году из-за неудовлетворенных ответов ученый составляет более полный список вопросов, охватывающий все сферы жизни края [Там же: 96]. Фактически это была программа изучения и описания края.

В «Предложении о сочинении истории и географии Российской» (1737¹²) В.Н. Татищев объясняет значение истории и географии для государства и человека и фактически предлагает провести краеведческие описания земств с практическими целями: для Военной коллегии с целью создания карт, для Сената, коллегий, губернаторов и земских управителей для государственной пользы с целью умножения доходов, приведения земель и торгов в лучшее состояние [Там же: 78].

На разосланные В.Н. Татищевым вопросы было получено мало ответов. Объяснение этому находит Т.С. Киссер: «Схема Татищева, представленная в его анкете, более подробна и детальна, чем у Миллера или у автора первого этнографического свода народов России И.Г. Геогри. Татищев планировал получить ответы на данные вопросы, но их обилие и разрозненность стали причиной отсутствия таковых практически наполовину» [Киссер 2015: 50].

Наряду с изучением истории, географии, этнографии, археологии, ботаники, народной медицины, верований жителей края в программе сбора краеведческих данных у В.Н. Татищева присутствуют и вопросы, связанные с изучением местных слов, региональных названий.

В разделе «О званиях» включены следующие вопросы для изучения в регионах, краях: «како древние звания тех мест наперед сего было... <...>. Тако ж и провинциям многим древние имена находятся. Имяна некоторых поль и урочищ, ежели в гистории коего либо рода обстоятельства памятны для

¹¹ Василий Никитич Татищев – государственный и военный деятель, историк, географ, этнолог, основатель Ставрополя (сейчас Тольятти), Екатеринбург и Перми, создатель первого систематического научного описания истории России («История Российская»).

¹²Списки «Предложения» были присланы в Академию наук при письме В.Н. Татищева от 16 октября 1737 года, хотя «вопросные пункты» были составлены ранее, в 1735 г., а расширены в 1736 гг. [Татищев 1950: 96].

учинившейся битвы или съезда, яко Куликово поле от Мамаева поражения, или иным чим заняты, от известей и положения описать» [Татищев 1950: 79]. В разделе «О природном состоянии земли» есть вопрос «какие горы великие находятся, их общественные имена объявить...» [Там же: 82].

В разделе «О жилищах» есть пункт, где предлагается изучить «как оные (жилища – Л.В.) издревле именовались и как ныне имянуются, и ежели имя переменено, когда и кем, и что прежнее и последнее с какого языка по-русски значит» [Там же: 86].

В разделе «О народах идолопоклоннических какое известие о оных требуется» есть вопросы лингвистического содержания: «Как который народ от русских именован и с какой причины; ежели ж именование не славенского языка, яко чюваша, черемиса, мордва и протчие, которые с их же или татарского языка, то испытать, что оное значит»; «как они сами себя имянуют...»; «как они русских и другие народы соседние имянуют...»; «как они которой город, реку, озеро, горы имянуют... <...>, что оные имяна по-словенски значит, например: Казань с татарского котел, Сибирь первейший или главнейший город, от которого мы всю землю имянуем...» [Татищев 1950: 88–89]; «как они ветры на своем языке имянуют, и что оное значит»; «имеют ли звездам и звездицам или совокупленным в начертании неколиким звездам имян, и что оное значит...»; «знают ли планеты, яко: Сатурна, Юпитера, Марса, Венуса и Меркурия, как их имянуют» [Там же: 92].

Приведенные здесь «вопросные пункты» В.Н. Татищева – практически вопросник по региональной ономастике для того периода времени. При этом В.Н. Татищев дает и рекомендации по проведению самого опроса: «все обстоятельства испытать без принуждения, но паче ласкою и чрез разных искусных людей, знающих силу сих вопросов и язык их основательно»; «не одна, но чрез несколько времени спрашивать от других»; известия посылать в Академию наук, а в Сибири – действительному статскому советнику Татищеву

за вознаграждение; «остерегать же и то, чтоб кто от крещеных или иного народа умысленно в поношение или хвастание чего лишнего не прибавил, или истинного не убавил...» [Там же: 92].

В разделе «Обсче паки до всех народов» В.Н. Татищев указывает на то, что нужно описать язык каждого народа, главные слова и при этом графически правильно выполнять запись слов, ставить верное ударение, обращать внимание на разное произношение одного и того же звука у разных народов (видимо, речь идет о произношении одного звука у разных народов или о диалектном произношении слов): «некоторые народы имеют такое изречение, чего нашими буквами изобразить не можно, например, у немцев и латинистов *h* легче нашего *z*, у горских есть подобие нашему *хч*, но еше легче и для того нужно буквами изобразовать, но, чтоб разницу знать, над одною точку класть и особливо описать, что оная точка значит, легче или жесточае выговаривать» [Там же: 95].

Интересно, что В.Н. Татищевым была составлена первая часть «Лексикона российского исторического, географического, политического и гражданского» (написан до 1750 г., не доработан, опубликован в 1793), по сути являвшегося энциклопедическим, толковым, этимологическим словарем, словарем иностранных слов, частично ономастическим словарем того времени. «Лексикон российский...» включает в качестве заглавий словарных статей не только по имена нарицательные, но и собственные. Словарные статьи разные по объему, содержат информацию неоднородного характера, но характеристика отдельных слов включает и сведения лингвокраеведческого характера, например:

«АБАКАН, река в Красноярском уезде, впадает в Енисей с левой стороны выше Абаканского 40 верст. Слово татарское, *Многоводная*» [Татищев 1793: 2]; «АРАЛ, и Аральское морьце, на калмыцк. острова или островистое озеро, ибо множество на нем островов. Русские имяновали Синее море... » [Там же: 50]; «АХТУБА, река, тат. Актуба, *Белый бугор*, отделившаяся от Волги в левую

сторону выше Царицына 25 верст, и продолжает течение до 400 верст, впадает при Красном Яре в реку Бузан... » [Там же: 87]; «БИРЬ, река в Уфимском уезде, течет в Белую с левой стороны, имя татар. *Первая*» [Татищев 1793: 161]; «БИТЮГ, река в Воронежской губернии, течет из болот и впадает в Дон с левой стороны, при устье Битецкой станицы Донской, имя татарское»; «БИТЮГ, город в Воронежской губернии на реке Битюг, Битюг татара называют Бетек, значит, *Писмо* или *Писменная*» [Там же: 163]; «ВОЛОК-ЛАМСКОЙ, город в Московской провинции на реке Ламе, от Москвы в северо-западной стране 90 верст, имя его от великого прежде бывшего леса произошло...» [Там же: 273–274] и др. Если рассматривать только словарные статьи с региональными именами собственными в «Лексиконе российском...», то можно этот труд В.Н. Татищева назвать прототипом будущих ономастических словарей, черновой пробой пера.

Деятельность В.Н. Татищева по изучению и упрочению русского языка отмечена М.В. Ломоносовым. В письме от 27 января 1749 года М.В. Ломоносов пишет: «Милостивый государь Василий Никитич! Письмо, чрез которое ваше превосходительство изволили мне объявить о удостоверении меня вашего снисходительства, принесло мне немалую радость, ибо, кроме того, что особою вашего превосходительства к почтению всяк побужден быть должен, имел я издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российскому языку слышал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю» [Ломоносов-10: 461].

Анализ материала показывает, что истоки научной краеведческой деятельности в России относятся к 20-м – 30-м гг. XVIII века и восходят к деятельности Д.Г. Мессершмидта, В.Н. Татищева и И.Г. Гмелина. Отметим особое значение деятельности В.Н. Татищева, заложившего основы методологии краеведческих и в том числе лингвокраеведческих исследований, предлагая изучать естественно-научные, этнографические и историко-

культурные особенности края параллельно с изучением языка, местных названий.

2.2.2 М.В. Ломоносов и научные лингвокраеведческие исследования в изучении национального языка

В современной лингвистике сравнительно мало трудов, посвященных изучению лингвокраеведческих трудов М.В. Ломоносова, да и в целом не так много работ, посвященных различным аспектам лингвистической деятельности М.В. Ломоносова (например: [Филологическое наследие М.В. Ломоносова]), ср.: «Высказывается мнение, что из всего культурного наследия М.В. Ломоносова как раз менее всего изучен языкотворческий вклад великого россиянина» [Хроленко 2013, с. 34].

Среди важных в аспекте изучения вклада М.В. Ломоносова в развитие отечественного лингвокраеведения отметим работу Л.А. Климовой, в которой подробно проанализированы особенности развития лингвокраеведческой деятельности в России на протяжении нескольких столетий и в том числе отмечена особая роль В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова в становлении диалектологии [Климова 2017, с. 92].

Истоки топонимических исследований рассматриваются в работе В.И. Супруна, изучающего вопросы краеведческой ономастики [1994]. Отдельные аспекты начального этапа лингвокраеведческих исследований рассматривают в работах Е.Н. Полякова, А.С. Щербак, однако подробно в лингвистике не изучался вопрос о роли М.В. Ломоносова в развитии отечественного лингвокраеведения.

Среди исследований, посвященных изучению лингвистического наследия М.В. Ломоносова, особо отметим работу Г.Ф. Ковалева, в которой рассматривается вклад М.В. Ломоносова в изучение проблемы происхождения имени Русь [Ковалев 2012], и географо-филологическое исследование

А.А. Бурыкина, в котором анализируется употребление М.В. Ломоносовым в научных работах и художественном творчестве топонимов Арктических территорий, Тихоокеанского побережья России и Сибири [Бурыкин 2013].

Охарактеризуем вклад М.В. Ломоносова в развитие лингвокраеведческого направления в изучении национального языка, рассмотрев основные достижения ученого и их отражение в дальнейших лингвокраеведческих исследованиях. Новизна исследования данной части работы обусловлена выбранным аспектом рассмотрения – изучением лингвокраеведческой деятельности выдающегося лингвиста и определением значения проведенной М.В. Ломоносовым лингвокраеведческой работы для современной лингвистики.

Материалом исследования послужили научные труды, письма М.В. Ломоносова, раскрывающие характер лингвокраеведческой деятельности ученого, представленные в полном собрании сочинений М.В. Ломоносова. Также для анализа привлекались исследования В.К. Третьяковского и ученых, продолживших лингвокраеведческую деятельность М.В. Ломоносова в XIX веке: Е.А. Болховитинова, Н.И. Надеждина, Е.В. Барсова. Для исследования в данном разделе нами привлекались следующие методы: дескриптивный (описательный), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный.

Одним из предшественников М.В. Ломоносова в области краеведческого изучения (в том числе и отчасти лингвокраеведческого) регионов России является В.Н. Татищев, его деятельность была уже рассмотрена нами подробно.

Важной в лингвокраеведческом аспекте является научная деятельность другого предшественника М.В. Ломоносова в области лингвокраеведения В.К. Третьяковского.

Именно деятельность первых русских филологов В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова дала начало научным лингвокраеведческим исследованиям, ср.: «В.К. Третьяковский был первым человеком в России, кто решился назвать

себя филологом по призванию и по научной специальности» [Хроленко 2013, с. 27].

Л.А. Климкова совершенно справедливо отмечает: «Отечественная филология, возникнув в XVIII веке, начавшись трудами В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, Словарем Академии Российской (1789–1794), блестяще, чрезвычайно продуктивно продолжилась в XIX, затем в XX веке...» [Климкова 2017, с.92].

В 1748 году в труде ученого, поэта, переводчика В.К. Третьяковского «Разговор об орфографии...» рассматривались вопросы русского языка (правописания) на основе региональных вариантов языка.

В.К. Третьяковский делает несколько замечаний, касающихся разности произношения звуков в зависимости от региона: ученый замечает различное произношение звуков, обозначаемых буквами *e* и *ять*: «легкий звон» (буква *e*) и «густой звон» (буква *ѣ*) (поскольку эти звуки уже смешивались, то различие их было возможно только в диалектах); рассуждая о букве *ѣ*, В.К. Третьяковский пишет: «Однако такое произношение токмо малой России есть особенное, а не всей повсюду России общее. Того ради, сей способ произношения есть токмо провинциальный, а не повсюдный...» (произношение «ѣ» как «ѣт»: *Марѣта, ѣтекла, Матѣтей*) [Третьяковский 1950, с. 54, 63, 159]. Также В.К. Третьяковский пишет об особом свойстве буквы «о» (процессе аканья), «которое весьма чувствительно в московском произношении»: неударяемые «о» произносятся как «а» [Там же, с.148].

Если В.К. Третьяковский высказал ряд интересных наблюдений в «Разговоре об орфографии...», выполненном в жанре научно-популярной пьесы, где автором даются отдельные замечания о диалектных особенностях произношения звуков, дав импульс к научно обоснованному применению лингвокраеведческих знаний при изучении различных языковых явлений, то

М.В. Ломоносов успешно применил и развил лингвокраеведческий подход в описании национального языка.

До ломоносовского периода развития научных знаний еще пока нельзя говорить об отечественном лингвокраеведении. М.В. Ломоносов пошел далее своих предшественников, впервые научно описав национальный язык в системе на русском языке, привлекая сведения об особенностях языка российских регионов. К основным видам лингвокраеведческой деятельности М.В. Ломоносова отнесем научно-исследовательскую и просветительскую.

В научных трудах М.В. Ломоносова мы отмечаем, что при изучении и описании русского языка автором учитываются его региональные варианты.

«Российская грамматика» – это первое описание системы отечественного языка на русском языке, выполненное на основе учета территориальной дифференциации языка того времени. В данном труде М.В. Ломоносова мы видим реализацию лингвокраеведческого подхода на практике при описании российской грамматики.

В «Российской грамматике» М.В. Ломоносовым впервые был представлен анализ русской грамматики, русского языка и его описание на основе учета его региональной специфики. Здесь мы можем говорить о впервые проведенных исследованиях ученого-лингвиста, рассматривавшего и региональные особенности языка, то есть о научных лингвокраеведческих исследованиях. Опора на «северный» диалект дала возможность М.В. Ломоносову рассматривать языковые явления, в нужных случаях сравнивая их с фактами народной речи.

Обращение М.В. Ломоносова к диалектам, диалектному произношению на страницах Грамматики отмечается неоднократно:

1) в «Наставлении втором «О чтении и правописании российском» (глава первая) при характеристике букв русского алфавита М.В. Ломоносов обращает

внимание на букву «щ», которой соответствует «в некоторых русских провинциях звук «шш» [Ломоносов 1757, с. 42];

2) во второй главе «О произношении букв российских» описывается процесс аканья без употребления самого термина: «О под ударением произносится чисто. Но когда нет на нем ударения, выговаривается, как А, несколько с О смешанное: *хорошо, подобен* выговаривают *харашо, падобен*» [Там же, с. 47];

3) в «Российской грамматике» дается и описание произношения звуков, обозначаемых буквами «е» и «г», при этом упоминается о пяти вариантах произношения, соответствующих букве «е», и о стольких же вариантах, соответствующих букве «г», но комментария относительно регионального употребления рассматриваемых звуков не дается, хотя, видимо, это подразумевается [Там же, с.46–47; 48];

4) в главе пятой «О правописании» впервые находим упоминание о диалектах русского языка: в частности отмечено, что правописание не должно далеко отходить от главных российских диалектов, «которые суть три: московский, северный, украинский». Таким образом, впервые в научном труде названы российские диалекты XVIII в., а «московское наречие» охарактеризовано особо [Там же, с. 52];

5) свойства малороссийского произношения, для которого характерно различие Е и Ъ, рассматриваются М.В. Ломоносовым при характеристике буквы Ъ [Там же, с. 54].

В черновых материалах к «Российской грамматике» под рубрикой «Присовокупления» М.В. Ломоносов дает пять заголовков, которые, видимо, нужно было добавить в «Российскую грамматику», и третий пункт называется «О диалектах российских» [Там же, с. 606]. В этих же материалах (к трудам по филологии) М.В. Ломоносовым впервые дана характеристика российских диалектов: «Российский язык <главно> можно разделить на три диалекта:

1) московский, 2) поморский, 3) малороссийский. Первой главной и при дворе и в дворянстве употребительной и особливо в городах, близ Москвы лежащих. Другой несколько склонен ближе к старому славенскому и великую часть России занял. Третий больше всех отличен и смешен с польским. Пограничные жители употребляют много слов близлежащих народов – чум, вежа, ворока» [Там же, с. 608].

Также в черновых материалах к Грамматике М.В. Ломоносов с пометой NB отмечает: «Писать о разности в русском между *h* и *g*, также *жжот* и *жджот*, *жжигаю*, *зжигаю*» [Там же: 614], что свидетельствует о разграничении ученым г-фрикативного, свойственного южнорусским говорам, и г-взрывного, преимущественно употребляемого в севернорусских говорах.

Изучению и описанию в «Российской грамматике» подверглась не только нарицательная, но и ономастическая лексика. Как основной текст «Российской грамматики», так и материалы к ней включают рекомендации М.В. Ломоносова относительно изменения и употребления имен собственных и отонимических прилагательных (антропонимов – отчеств) и существительных (катойконимов) [Там же, с.461–462, 465, 469– 472; 637–639, 641, 646–647, 675, 676, 708–709 и др.], здесь косвенно реализуется лингвокраеведческий подход, поскольку рассматриваются названия, относящиеся к региональной специфике языка. Описание всех единиц языковой системы, включая и ономастические, здесь правильнее будет квалифицировать как стремление М.В. Ломоносова комплексно рассмотреть все языковые единицы. Отметим, что и обращение к региональным особенностям языка при характеристике национального языка тоже было продиктовано принципом системности в научном описании.

В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» М.В. Ломоносов указывает на то, что российские диалекты близки друг другу: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнее

расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах» [Ломоносов-7, с. 590].

Отметим, что материал для лингвистических трудов М.В. Ломоносова собирался в конце 40-х гг. XVIII в.: в письме Л.Эйлеру, датированному маем 1749 года, М.В. Ломоносов отмечает, что в течение последнего года «был занят совершенством родного языка» [Там же, с. 845].

После выхода в свет «Российской грамматики» А.П. Сумароков упрекал М.В. Ломоносова в том, что он в своей работе опирается на севернорусский диалект [Там же: 851], а в материалах к «Российской грамматике» находим запись «диалект северной» среди прочих замечаний к Грамматике – эти замечания были записаны М.В. Ломоносовым особо [Там же, с. 672].

Полагаем, что опора на севернорусский диалект при написании первой русской грамматики как раз и свидетельствует о применении лингвокраеведческого подхода М.В. Ломоносовым на практике. Именно поэтому можно считать М.В. Ломоносова первооткрывателем лингвокраеведческого подхода в научных исследованиях, основоположником отечественного лингвокраеведения.

В дальнейшем применение лингвокраеведческого метода изучения языка распространилось и на работу М.В. Ломоносова по составлению новейшего «Российского атласа». В частности, после того как ученый возглавил Географический департамент (с 1758 года) для сбора информации М.В. Ломоносов составляет географические вопросы [Ломоносов-9, с. 721–722], которые предполагали запись и объяснение местных названий [Там же, с. 203].

Географические «запросы, которыми требуются в имп. Академию наук географические известия изо всех городов во всех губерниях и провинциях Российского государства для сочинения вновь исправнейшего «Российского атласа» в оной Академии», содержавшие в 1759 году 13 пунктов историко-географического характера [Ломоносов-9 1955, с. 195–196] по мере

совершенствования стали включать 30 вопросов (1760), среди которых три вопроса включали формулировку «и как называют», то есть касались и лингвокраеведческой составляющей [Ломоносов-9 1955, с. 203], не считая при этом и остальных географических вопросов, которые предполагали запись топонимов и микротопонимов. Отметим при этом, что сбор информации по географическим «запросам» должен был осуществляться с помощью расспросов местных жителей, «знающих обывателей городских и лучших крестьян» [Ломоносов-9 1955, с. 199], что еще раз подчеркивает краеведческий характер проводимой работы.

Подчеркнем еще раз, что масштабная краеведческая, и в том числе лингвокраеведческая, работа М.В. Ломоносова характеризовалась и тем, что в сборе информации по географическим «запросам» должны были принимать участие и местные жители: «По силе запросов опросить знающих обывателей городских и лучших крестьян, взяв с них сказки за руками» [Ломоносов-9, с. 204], что можно рассматривать как начало полевых лингвокраеведческих исследований.

Приведем примеры «географических запросов» М.В. Ломоносова (1760), имеющих и лингвокраеведческую составляющую: «Каждой губернии и провинции назначить пограничные города и крепости, села и деревни или разделяющие их реки и другие воды поимянно»; «назначить, где есть старых городов оставшие развалины или городища, в каких состоят остатках и признаках и как их называют»; «также показать, где есть следу старых рек, которые ныне заросли и высохли, в которую сторону простираются и как их ныне называют»; «...как и оные острова (на Ледовитом море – *Л.Н.*) называются» [Ломоносов-9, с.203].

В отличие от проведенного В.Н. Татищевым сбора информации, исследовательская работа по «географическим запросам» М.В. Ломоносова была более успешной. Фактически на практике в масштабах всей страны

осуществлялись общекраеведческие, и в том числе лингвокраеведческие, исследования. Отметим, что подобная организация научных исследований соответствовала основному принципу научно-исследовательской деятельности М.В. Ломоносова: «Из наблюдений устанавливать теорию, через теорию исправлять наблюдения – есть лучший всех способ к изысканию правды» [Ломоносов-4, с.163]. Так методы, используемые для описания в филологической сфере, с успехом были применены в историко-географических исследованиях, а естественно-научное мировоззрение выдающегося ученого при написании филологических трудов позволило изучать и гуманитарные науки, опираясь на региональный, краеведческий материал как на натуру.

В просветительской сфере М.В. Ломоносов ратовал за изучение наук русскими гимназистами и студентами на родном для них языке – русском, за обучение русскому языку. Здесь лингвокраеведческая (мыслится – патриотическая, отечествоведческая) деятельность М.В. Ломоносова представлена обобщенно как изучение местного, народного, родного языка, как самое высшее проявление патриотизма.

Безусловно, важнейшей заслугой М.В. Ломоносова является создание русской научной школы, поставившей Россию в число ведущих просвещенных государств. Прорывные и перспективные исследования ученого в различных областях научного знания, написание учебных пособий на русском языке и перевод имеющихся на русский язык, организация подготовки будущих российских ученых с помощью системы *гимназия – университет – академия*, разработка программных материалов и инструкций для развития научной мысли в России – это только часть многогранной просветительской деятельности М.В. Ломоносова [См. «Указ ... об учреждении гимназий и школ» (1760)] [Ломоносов-9: 570–571]. В просветительской деятельности не было равных таланту М.В. Ломоносова как ученого и организатора, хотя известно о различных препятствиях его научно-просветительской деятельности, например:

[ПССЛ-9, с.266–267, 269–274; ПССЛ-10, с. 472–473; ППСЛ-10, с. 547– 554 (письмо Теплову – о выговоре Теплова Ломоносову) и др.].

В методике обучения русских гимназистов и студентов М.В. Ломоносова особое внимание уделялось обучению русскому языку и изучению наук на русском языке. М.В. Ломоносов понимает, настолько велик и значим язык, что даже сравнивает его с военной силой на примере Франции: «Военную силу ее (Франции – *Л.Н.*) чувствуют больше соседние народы, употребление языка не токмо по всей Европе простирается и господствует, но и в отдаленных частях света разным европейским народам, как единоплеменным, для сообщения их по большей части служит. Посему легко рассудить можно, коль те похвальны, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного» [Ломоносов-7, с.581–582].

В «Проекте регламента академической гимназии» М.В. Ломоносов пишет об обучении гимназистов и студентов чистоте и красоте русского языка [Ломоносов-9, с. 481, 488, 489, 492, 493].

На основе «Российской грамматики» М.В. Ломоносов планировал «написать увещание для известия учащимся россиянам российской грамматике» (это замечание в «Материалах к трудам по филологии» дано после пометы NB – *Nota bene* (заметь хорошо, обрати внимание)) [Ломоносов-7, с.610].

Исследования М.В. Ломоносова заложили прочный фундамент изучения языка регионов профессиональными лингвистами, стали основой научных исследований в области русской диалектологии, региональной ономастики, лингвокраеведения. Отметим основной вклад М.В. Ломоносова в развитие отечественного лингвокраеведения.

1. Создание первичной научной классификации диалектов, ставшей основой разграничения наречий в русском языке.

2. Обращение в научной практике при лингвистическом описании к народному языку. В дальнейшем изучение языковых особенностей регионов

выльется в обширные диалектологические, ономастические, этнолингвистические исследования.

3. Разработка вопросников для изучения местной истории, географии, географических объектов и их названий. Как в XIX– XX вв, так и в настоящее время данный метод широко используется: это и Программа ЛАРНГ, разработанная учеными ИЛИ РАН (Санкт-Петербург), и вопросник З.В. Рубцовой (1991), и инструкции по сбору ономастического материала (Г.Ф. Ковалев, 1996 и др.), и различные программы-вопросники по изучению регионального ономастикона.

4. Применение метода непосредственного опроса коренных жителей населенного пункта, что в настоящее время трансформировалось в полевые исследования, экспедиционную деятельность ученых и студентов.

5. Соединение историко-географической краеведческой и лингвистической информации в научном описании, первоначально географическом (при подготовке материалов для «Российского атласа»). Применение подобного синтезированного вида описания и стало основой лингвокраеведческого направления в изучении языка.

6. Обращение особого внимания на фонетические признаки диалектов, как на одну из главных отличительных особенностей языка изучаемого края (что было учтено представителями Московской диалектологической комиссии).

7. Применение собранного достоверного (проверенного и перепроверенного) топонимического материала для уточнения (составления) карт. Впоследствии потенциал географии был успешно применен в лингвистике при разработке вопросов лингвистической географии Р.И. Аванесовым и использовании метода картографирования в академической среде (ЛАРНГ).

Безусловно, первоначальное научное изучение русского языка с учетом и на основе данных о крае связано с научной деятельностью М.В. Ломоносова, хотя ряд интересных наблюдений принадлежит и В.К. Третьякову,

сделавшему отдельные замечания о диалектных особенностях произношения звуков, что фактически дало импульс к научно обоснованному применению лингвокраеведческого подхода в научных исследованиях М.В. Ломоносова.

2.2.3 Лингвокраеведческое направление научных исследований в России второй половины XVIII – XIX вв.

В дальнейшем традиции изучения местных особенностей языка продолжились как учеными-нефилологами, так и лингвистами. В этом отношении интересны записи биолога С.Г. Гмелина 1769–1770 гг, опубликованные в период с 1770 по 1784 гг, которые содержат не только историко-географические, но лингвистические сведения.

Во второй половине XVIII века фрагментарные лингвокраеведческие записи, сопровождающие основное естественно-научное описание края, характеризуют работы «доктора врачебных наук», биолога С.Г. Гмелина¹³. В частности, в исследовании «Путешествие по России для исследования трех царств природы» (1777) при описании Царицына содержатся сведения о существовавшем прежде старинном татарском городе, остатки которого называют Царевыми Падами или Царскими лугами, об озере Сахарном. Приводится топонимическая легенда, раскрывающая причину названия озера [Гмелин [http](#)]. Также вместе с географическими описаниями в исследовании содержатся и отдельные лингвистические пояснения, топонимические легенды, раскрывающие историю и других местных названий (гора Богда, Соляное озеро, озеро Малая Богда и мн. др.). В заметках С.Г. Гмелина дается и пояснение местных слов: «Тут кончатся, при славном Елтонском озере недалеко от Саратова начинающиеся и вдоль степи идущие песчаные бугры, ухвостья коих

¹³ Доктор медицины, биолог Самуил Готлиб Гмелин (1745–1774) был приглашен в Петербургскую академию наук, по поручению которой совершил путешествие с 1768 по 1774 гг. по южным провинциям России, Персии. Труды ученого содержат сведения о географии, растительном, животном мире, культуре, сельском хозяйстве, полезных ископаемых южных территорий России.

калмыки называют нарин, а татары рынь. Песками проименовали их россияне» [Там же]. Отметим, что региональная ономастическая лексика рассматривалась путешественником-натуралистом прежде всего в историко-культурном аспекте.

В конце XVIII – начале XIX вв. основные научные историко-географические исследования края включают и лингвокраеведческие описания, преимущественно топонимические; диалектологическими по содержанию являются отдельные записи ученых (безусловно, такие работы символизируют истоки развития указанных наук, получивших научный статус и место в системе лингвистики значительно позже).

В конце XVIII – начале XIX века одни из первых научных лингвокраеведческих исследований в рамках исторического изучения края велись Е.А. Болховитиным, который составил описание Воронежской губернии (1800), включив в него и характеристику с лингвокраеведческими комментариями отдельных топонимов и микротопонимов Воронежского края и именования известных в то время людей [Болховитинов 1800]. Безусловно, справедливо замечание Г.Ф. Ковалева о том, что ученый-энциклопедист Е.А. Болховитонов является одним из основоположников отечественного лингвокраеведения [Ковалев 2008, с. 47]. После М.В. Ломоносова именно Е.А. Болховитинов на высоком научном, лингвистическом, уровне продолжил лингвокраеведческие исследования на материале Воронежского края.

Научная деятельность Е.А. Болховитинова, одного из самых образованных людей своего времени, историка, археографа, библиографа, епископа Русской православной церкви, митрополита Киевского и Галицкого, почетного члена Московского университета (с 1805), действительного члена Российской академии (с 1806 г.), почетного члена Императорской академии наук (с 1826 г.)¹⁴, стала ценной не только для истории, но и для лингвистики.

¹⁴См.: [Евгений Болховитинов [http](http://)]; [Евгений Болховитинов (митрополит) [http](http://)].

Остановимся здесь на трех работах Е.А. Болховитинова: «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (1800), «О личных собственных именах у славянорусов» (1813), «Мнение митрополита Евгения (Болховитинова) о русских наречиях...» (1820).

В капитальном труде «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» Е.А. Болховитинов при характеристике населенных пунктов Воронежской области объясняет происхождение воронежских микротопонимов и топонимов историко-географическими данными, например.

«*Пушкарская слобода*, где ныне Богоявленская церковь, названа так от выселенных в старину там пушкарей» [Болховитинов 1800, с. 81]; «*Попов рынок* на Акатове близ Петрово-Павловской церкви, прозван так сперва от нескольких торговых съестных лавок, выстроенных по бывшей улице, на коей сряду жили три попа: Онуфриевской, Петро-Павловской и губернатора Пушкина» [Болховитинов 1800, с. 81]; «*Чернавской балк* или *балчуг*, то есть яр, лежит близ Тихвино-Онуфриевской церкви и простирается к реке на полверсты. Он в старых грамотах именован *Черным логом* по причине великого дубового по нем и над ним росшего лесу. Есть предание, что там были и пещеры разбойничьи. При государе Петре Великом лог сей начал быть более известен под именем *Чернавского балка*, против его над рекою страивались суда» [Болховитинов 1800, с. 81]; «*Стрелецкой лог* или *лоск*, или *балк*, лежит между горами Ильинскими и Чижевскими, вдоль к реке простирается на полверсты. Он так назван от живших по нему стрельцов» [Болховитинов 1800, с. 81].

«*Усмось* река начинается в Танбовской губернии в Липецкой округе близ села Дрязгов и, оттуда протекая мимо бывшего города Усмони, входит через 5 верст от онаго в Воронежский уезд, в коем на оной лежит вышеупомянутый бывший город *Орлов*, а потом мнигия села, из коих больше всех есть называемое по ней *Усмосью* с проименованием *Собакиною* для отличия от

города *Усмони*. Река сия впадает в реку Воронеж с леваго берегу оныя. Имя *Усмонь* есть татарское и значит *красавицу*» [Болховитинов 1800, с.104–105].

«*Хава* река начинается в Танбовской губернии в бывшей Усмонской округе и, входя в Воронежский уезд, впадает с леваго боку в реку Усмонь. Слово *Хава* на татарском языке значит *девица*, и есть предание, что по сей реке, лежащей в татарской Нагайской степи, кочевала с Ордою своею в конце 16 и начале 17 столетия одна храбрая татарская принцесса, дочь знаменитаго некоего нагайскаго князя, от коей получила имя свое и река. По сей реке, кроме других многих сел и деревень, лежит 7 сел, именующихся *Хавами*, а именно: 1) Верхня *Хава*, 2) *Хава* просто или деревня, 3) *Хава* другая, деревня, 4) *Хава* третья, деревня, 5) *Хава* Рождественская, 6) *Хава* Новоуспенская, 7) *Хава* Казанская. В реку Хаву втекает еще с леваго берегу речка, именуемая также *Хавою* с различием *Правою*. Все земли, лежащая по сим рекам Хавам, весьма хлебородны и для скотоводства способны» [Там же, с.104–105]. Подобных объяснений в работе Е.А. Болховитинова множество.

Рассмотрим только еще один пример, иллюстрирующий глубину и тщательность проведенного автором исследования для объяснения географического названия. Рассказывая о судьбе воронежского города Костенск, ставшего селом (в настоящее время село Костёнки Хохольского района Воронежской области, расположено на правом берегу Дона), кроме историко-географического описания, Е.А. Болховитинов приводит и лингвокраеведческое (это объяснение с примерами из истории края занимает 4 страницы, здесь дадим только небольшой фрагмент текста):

«Но с 1779 года упразднен он (город Костенск – *Л.В.*) и обращен в село Воронежского уезда, под прежним наименованием Костенска.

Что касается до названия сего, то оно и сперва произошло от весьма многих по берегу реки Дона находимым великим костям. Государь Петр Великий многия из сих костей вытребовал в Санкт-Петербургскую свою

Кунсткамеру. Г., доктор Сам. Георг Гмелин, проезжавший и описывавший в 1768 и 1769 году Воронежскую губернию, был в сем городе и сыскивал сии кости¹⁵. <...> Но, кажется, не нужно так далеко возводить происхождение сих слоновых костей. Разгнем российския летописи, и в них увидим гораздо достовернейшую и новейшую эпоху сих костей под 1237 годом, в котором описывается при Воронеже бывшее кровопролитнейшее и роковое для всей России сражение российских князей с татарским ханом Батыем, шедшим с войсками в сии места и по обычаю древних азиатских армий ведшим за собою, конечно, и слонов, нагруженных военными снарядами...» (далее Е.А. Болховитинов указывает на то, что древние чертежи указывают местом Батыева сражения территорию близ Костенска, приводит известные предания) [Болховитинов 1800: 99–103].

Е.А. Болховитиновым зафиксировано значительное число воронежских топонимов и микротопонимов: *Площадь, Беломестная, Пушкарская слобода, Попов рынок, Чернавской балк, Стрелецкой лог или лоск, или балк*; предместья Воронежа и уездных городов: *Акатова, Чижевка, Ближняя Чижевка и Дальняя Чижевка, Ямская Слобода, Гусиная слободка, Придача*, слободка *Гумны* (близ Чижевского поля), слобода *Троицкая, Усмань, Собакина Усмань, Верхняя Хава, Хава* (три названия), *Хава Рождественская, Хава Новоуспенская, Хава Казанская, Правая Хава, Крепость на Осереде, Шипов лес, Большой шлях* и др. [Болховитинов 1800, с. 81–86, 104, 105, 111, 123].

Микротопонимы и именованья известных людей Воронежского края приведены Е.А. Болховитиновым в виде словника «Роспись материй, содержащихся в описании Воронежской губернии» [Болховитинов 1800, с. 221–228]. Подробное описание просветительской деятельности Е.А. Болховитинова дано в [Клочкова 2020].

¹⁵ Автор приводит цитаты из работы С.Г. Гмелина и его рассуждения, в которых исследователь недоумевает, откуда в воронежской земле могло быть такое большое количество костей слонов. Также приводится топонимическая легенда о происхождении названия Костенск, бытующая среди старожилов.

Значение «Исторического, географического и экономического описания Воронежской губернии» Е.А. Болховитинова не только для отечественной истории, но и лингвистики велико, поскольку позволяет понять, что истоки региональных ономастических исследований связаны с научной деятельностью Е.А. Болховитинова, его лингвокраеведческими трудами.

В ономастическом исследовании «О личных собственных именах у славяноруссов» (1813) Е.А. Болховитинов дает характеристику процессу номинации детей, сравнивая особенности имянаречения и переименования лиц в Древней Руси, Древнем Риме, Древней Греции, Персии и других странах. Для комментария языковых фактов ученый обращается к летописи Галицко-Волынского княжества:

«Таким образом, в Галицкой летописи Воскресенскаго монастыря записано: В лето 6858 (1350) родился князю Андрею Федоровичу (Галицкому) сын Иван, нарекоша имя ему Василий» [Болховитинов 1813, 22– 23].

В письме к П.И. Кеппену, изданном под названием «Мнение митрополита Евгения (Болховитинова) о русских наречиях...» (1820) Е.А. Болховитинов предлагает свою классификацию русских наречий, основанную на изученных исторических документах: 1) новгородский (Болховитинов считает его самым древним после церковно-славянского), 2) киевский, 3) владими́ро-суздальский, 4) белорусский, 5) киево-малороссийский, при этом ученый отмечает отличительные черты каждого диалекта, указывает, где они распространены [Болховитинов [http](#)]. Термины *наречие* и *диалект* у Е.А. Болховитинова являются синонимами.

В дальнейшем изучение языка различных регионов России осуществлялось коллективом авторов «Словаря Академии Российской», в который включались и областные слова. Также краеведческие начинания М.В. Ломоносова продолжил Н.И. Надеждин, изучая географию и историю в связи с анализом местных названий.

Указывая на тесную связь человека с окружающей природой, Н.И. Надеждин отмечает: «Гораздо определенной и ясней говорят следы, которые сами люди, в свою очередь, оставляют на местностях. В этих следах выражается уже действительность, то, что было. И между ними красноречивее всех географические названия, в которых звучит язык, это первое свидетельство, первый акт исторического существования народов. <...> Издавна почувствована была историческая важность географической номенклатуры. Древнейшие бытописатели представляют названия стран, урочищ и городов как памятники событий» [Надеждин 1837, с.27–28]. В историко-географических исследованиях Н.И. Надеждин попутно затрагивает и лингвистическую составляющую географических названий, делая интересные замечания о топонимах, их сходстве, например: «Но прилагательное «Северная», издревле присовокупляемое к Двине, показывает, что, называя ее таким образом, Русские земли знали уже другую Двину, которая не была северная. <...> Что касается до Юга, то в этой гиперборейской реке как можно предполагать какое-нибудь отношение к значению русского слова «юг»? Не лучше ли обратить внимание на соседние реки, в именах которых оно слышится слишком ощутимо: *Уфтыуга* малая и большая *Лопитыуга*?» [Надеждин 1837, с.51]. Интересны его замечания по этимологии гидронима Волга [Надеждин 1837, с.49–50].

Ученый советует привлекать географические данные о крае для изучения происхождения названий. Географические названия, по мнению Н.И. Надеждина, свидетельствуют об этнографической составляющей региона, о том, какие племена здесь жили прежде, см. например: [Надеждин 1837, с.82].

Продолжающими отечественную лингвокраеведческую традицию и, безусловно, особо ценными в лингвистическом отношении являются работы А.И. Подвысоцкого, В.И. Даля, И.И. Срезневского, Ф.М. Пискунова, А.И. Соболевского и др. исследователей, особенности деятельности которых

рассматривались в научной литературе. Здесь кратко остановимся только на отдельных исследованиях Е.В. Барсова, которые менее изучены в лингвистическом плане.

В лингвокраеведческом отношении работы филолога и этнографа Е.В. Барсова интересны тем, что исследователь использует прием лингвокраеведческого комментария. В процессе исторического описания Ростовского края ученый характеризует историю заселения Ростовского края и через местную топонимию: «Что на Шексне были меряне, на это указывают многие географические названия, однородныя с ростовскими» [Барсов 1902, с.4]. Историческое описание Е.В. Барсова сопровождают отдельные лингвокраеведческие комментарии, посвященные микротопонимам Славянские пороги [Барсов 1902, с. 5], Царицын колодец [Барсов 1902, с.7], хронониму Кириллова память [Барсов 1902, с.7], микротопонимам Азарьева Выксинская пустынь [Барсов 1902, с.7], Досифеева пустынь [Барсов 1902, с.7]. Историко-географо-этнографическое описание у Е.В. Барсова может включать и заметку о происхождении слова, например реки Сверь (Свирь) [Барсов 1876, с.221–222]; название некоторых микротопонимов автор связывает с мифологическими преданьями [Барсов 1876, с.219–220].

Таким образом, лингвокраеведческая деятельность, истоки которой связаны с деятельностью В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова, во второй половине XVIII – XIX вв. была успешно продолжена как учеными-нефилологами С.Г. Гмелиным, Е.А. Болховитиновым (несмотря на основной круг исторических исследований, считаем, что на то период времени – конец XVIII – начало XIX века – можно считать специалиста в области гуманитарных наук Е.А. Болховитинова и лингвистом, понимая всю значимость проведенных историко-лингвистических исследований), Н.И. Надеждиным, Е.В. Барсовым, так и лингвистами, в числе которых А.И. Подвысоцкий, В.И. Даль, И.И. Срезневский, Ф.М. Пискунов, А.И. Соболевский и др.

Дальнейшее изучение местной лингвосистемы учеными-лингвистами способствовало развитию диалектологии, региональной ономастики и лингвокраеведения.

2.3.3 Отечественное лингвокраеведение в XX–XXI вв.

2.3.1. Этапы развития отечественного лингвокраеведения

В современной лингвистике практически все исследования по региональной ономастике и диалектологии выполнены в лингвокраеведческом аспекте, предполагающем изучение региональных языковых единиц на краеведческой основе. Обращение лингвистов к историческим документам, историко-культурным, географическим, этнографическим данным, подтверждающим или опровергающим то или иное языковое явление, дает возможность говорить о высокой объективности выводов, сделанных в научной работе.

В отечественном языкознании и методике обучения русскому языку лингвокраеведческая тематика становится все более актуальной и обширной: рассматриваются как теоретические [Климкова 1985; 2013, 2014, 2017; Ковалев 1996, 2005, 2006, 2014, 2017а; Намитокова 2005; Новикова 2009; Супрун 1994, 2014, 2021; Щербак 2017 и др.], так и сугубо прикладные вопросы лингвокраеведения [Брысина, Супрун 2017; Верховых 2017, 2021; Карасева 2009; Климкова 1988; Ковалев 2007, 2017б; Кульпинов 2009; Лыжова 2002; Моисеев 2013; Огдонова 2016; Попов 2003; Смирнова 2009; Филатова, Шаталова 2016; Щербак 2015, Щербак, Бурыкин 2013 и др.].

Несмотря на кажущуюся полноту анализа проблем лингвокраеведения, в лингвистике остается неизученным вопрос об этапах развития лингвокраеведения в России. Новизна данного параграфа исследования связана описанием этапов развития отечественного лингвокраеведения, осуществляемым в русистике впервые.

Рассмотрим основные этапы лингвокраеведческих исследований, лингвокраеведческой деятельности в России. Под лингвокраеведческой деятельностью мы понимаем прежде всего изучение региональных особенностей языка с учетом и на основе краеведческих сведений.

Наиболее ранними являются записи местных лексем, как диалектных слов, так и онимов, в древнейших исторических и историко-географических источниках, летописях, однако здесь речь идет только о фиксации лексем. Значительное число местных названий содержится в «Дозорной книге» (1615), «Книге Большому чертежу», составленной в 1627 году, писцовых, переписных книгах, топографо-географических описаниях.

Не повторяя предыдущий материал, содержащий сведения об истоках отечественного лингвокраеведения, все же кратко отметим основные факторы, которые нужно учитывать при составлении периодизации развития лингвокраеведения в России. Данные сведения необходимы для того, чтобы представить процесс развития лингвокраеведения в системе.

1. В Петровскую эпоху были предприняты масштабные по тем временам (да и сегодняшним тоже) имеющие государственное значение экспедиции с целью изучения и описания географии, истории, этнографии Российского государства. В ходе экспедиционного исследования России Д.Г. Мессершмидтом были сделаны записи, касающиеся отдельных аспектов употребления языков местных племен (записи были сделаны, по-видимому, в 1721 г.) [Messerschmidt 1962].

2. Г.Ф. Миллером в ходе Второй Камчатской экспедиции, когда изучались в первую очередь регионы Сибири, Камчатки, см., например, [Материалы для истории Императорской академии наук, с. 53], были составлены путевые описания, включающие не только разнообразные материалы по географии, истории, экономике, торговле, этнографии, традиционной народной культуре, но и лингвистике обследуемых районов (Кузнецкий, Томский уезды Тобольской

провинции, Енисейский, Красноярский уезды Енисейской провинции, Селенгинский, Нерчинский уезды Иркутской провинции и др.) [История Сибири. Первоисточники (архивы Миллера)]. В качестве программы описания истории и географии российских городов использовалась созданная Г.Ф. Миллером в 1734 г. анкета, в которой косвенно затрагивались и вопросы, связанные с употреблением местных названий¹⁶.

Полученные лингвокраеведческие сведения, сопровождавшие основные естественно-научные описания, были отрывочными, второстепенными и не носили научного лингвистического характера в полной мере.

3. Важной в лингвокраеведческом аспекте явилась деятельность В.Н. Татищева, разработавшего подробные «вопросные пункты» (1734–1736) для всестороннего описания городов России. Значительная часть вопросов анкеты была этнографической и предполагала описание народов. Отдельные пункты прямо касались языка народов, проживающих на данной территории, и местных названий. Также, например, в ответах на «вопросные пункты» В.Н. Татищева содержалось описание языка вогулов (район рек Тагил, Тура, Чусовая) [Татищев 1950, с. 49].

4. Особое значение для лингвокраеведения имеет работа В.К. Третьяковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи» (1748), где автор обращает внимание читателя на отдельные диалектные особенности произношения звуков [Третьяковский 1748, с.54, 63, 159], что в дальнейшем позволило М.В. Ломоносову развить идеи ученого в «Российской грамматике».

¹⁶ В научном сообществе высказывались предположения о том, что миллеровская анкета была составлена на основе «вопросных пунктов» В.Н. Татищева, однако Д.Я. Резун полагает, что, составленные почти одновременно, в 1734 году, анкеты отличаются по содержанию, и, следовательно, «вопросные пункты» Г.Ф. Миллера 1734–1742 гг. самостоятельны [Анкеты Г.Ф. Миллера].

5. Основы *научного* изучения русского языка, региональных вариантов языка русского народа связаны с деятельностью выдающегося ученого М.В. Ломоносова, который впервые на русском языке осуществил научное описание отечественного языка в «Российской грамматике», при характеристике языковых единиц обращалось внимание и на региональные языковые особенности. М.В. Ломоносов предложил классификацию диалектов русского языка (московский, северный, украинский) [Ломоносов 1757, с. 52].

6. С 1758 года, когда М.В. Ломоносову было поручено Академией наук «в особое смотрение Географический департамент», ученый занимается вопросами создания нового «Российского атласа», для подготовки которого и разрабатывает географические вопросы [Ломоносов-9 1955, с.721–722], включающие и лингвокраеведческую составляющую.

В конце XVIII – начале XIX вв. развитие лингвокраеведческого направления изучения языка отмечено процессом дифференциации научных исследований [см. подробнее: Климкова 2017]. При основном лингвистическом или историко-географическом аспекте описания предметом научного исследования становились и единицы диалектологии и региональной ономастики (безусловно, такие работы символизируют истоки развития указанных наук, получивших научный статус и место в системе лингвистики значительно позже).

7. На рубеже XVIII–XIX вв. интегративным характером исследований (история, география, лингвистика и др.) отличались научные работы Е.А. Болховитинова – образованнейшего человека своего времени, епископа Русской православной церкви, митрополита Киевского и Галицкого, историка, археографа, библиографа. Е.А. Болховитиновым написано значительное число научных трудов, среди которых ««Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии»» 1800 года, «О личных собственных именах у славяно-руссов» (1813).

В работе «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» Е.А. Болховитинов впервые рассматривает воронежские микротопонимы и топонимы, автор объясняет названия краеведческими данными (историко-географическими и этнографическими сведениями).

8. Лингвокраеведческие исследования в конце XVIII – XIX вв.полнились лексикографическими трудами, включавшими областную лексику: «Словарем Академии Российской» (1789–1794), «Словарем Академии Российской, по азбучному порядку расположенным» (1806–1822), «Опытом областного великорусского словаря» (1852), в работе которого принимали участие И.И. Срезневский, А.В. Востоков, М.А. Коркунов и другие ученые, ценными словарями В.И. Даля (1863–1866), Ф.М. Пискунова (1882), включавшими диалектные слова, ономастическими словарями М.Я. Морошкина (1867), А. Соколова (1891), составленными на основе местных исторических источников, капитальным трудом И.И. Срезневского (1890–1912), отражавшим и народную лексику; научными работами А.А. Потебни, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, В.И. Чернышова и мн. др.

Лингвокраеведческая деятельность ученых XIX – конца XX вв. рассматривается Л.А. Климковой [Климкова 2017].

9. Дальнейшее развитие лингвокраеведения связано с такими важными моментами современного языкознания, как становлением региональной ономастики как учебной и научной дисциплины и развитием этнолингвистики – раздела языкознания или – шире – направления в языкознании, «ориентирующего исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции...» [Толстой 2013, с. 19]; предметом изучения этнолингвистики выступает язык в его соотношении с народом, место языка и его роль в обществе [Герд 1995].

Изучение диалектной лексики, региональных ономастиконов, этнолингвистической специфики отдельных языковых систем с привлечением или на основе краеведческого материала, то есть результаты научных лингвокраеведческих исследований современности, прежде всего представлены в диссертациях, монографиях и лексикографических трудах.

Отметим здесь только отдельные, преимущественно лексикографические, исследования ученых, понимая при этом, что подобный список может быть крайне обширным, поскольку в российской лингвистике представлено значительное число работ, выполненных с привлечением или на основе краеведческого материала, имеющих огромную научную ценность и представляющих собой результат самоотверженного, кропотливого, подвижнического труда лингвистов современности:

в области диалектологии: «Словарь русских народных говоров», т. 1–51– (ИЛИ РАН, гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников, 1965–), «Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ)», т. 1. Растительный мир (ИЛИ РАН, Институт славяноведения РАН, отв. ред. Т.И. Вендина, 2017), «Словарь смоленских говоров», т.1–11. (науч. ред. А.И. Иванова, 1975–2005), «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия», т.1–8 (1976–2006, сост. Э.С. Большакова и др.), «Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии», т.1–12 (науч. ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина, 1983–2007), «Словарь говоров Карелии и сопредельных областей» (гл. ред. А.С. Герд, 1994– 2005), «Словарь пермских говоров» (науч. ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева, 2000–2002), «Словарь говоров Русского Севера», т. 1–6– (гл. ред. А.К. Матвеев, М.Э. Рут; авт.-сост. Ю.В. Алабугина, И.И. Бакланова, Е.Л. Березович и др., 2001–), «Словарь воронежских говоров», т. 1–3– (науч. ред. Г.Ф. Ковалев, 2004, 2007, 2019 –), «Словарь донских говоров Волгоградской области», т. 1–6 (авт.-сост. Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун, 2006–2009), «Словарь украинских говоров Воронежской области»

М.Т. Авдеевой, т.1–2 (2008, 2012), «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) В.И. Дьяковой, В.И. Хитровой (2009), «Словарь русских говоров севера Пермского края», т.1– (гл. ред. И.И. Русинова, 2011), «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» Т.В. Михалевой, Р.В. Семенковой, Л.К. Чижиной (2013), «Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской (2015), «Словарь вологодского режского говора» (науч. ред. Л.Ю. Зорина, 2017) и др.;

в области ономастики и региональной ономастики: «Словарь русских фамилий» В.А. Никонова (1993), «Русская ономастика и ономастика России. Словарь» (под ред. акад. РАН О.Н.Трубачева, 1994), «Фамилии Тамбовской области: Словарь-справочник», т. 1–8 (общ. ред. Л.И. Дмитриева, сост. Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак, 1998–2003), «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжиной (2001), «Ономастика Тамбовской области. Опыт энциклопедии» Л.И. Дмитриевой, А.С. Щербак (2001–2002), «Топонимический словарь Центральной России: Географические названия» Г.П. Смолицкой (2002), «Словарь пермских фамилий» Е.Н. Поляковой (2005), «Словарь фамилий Смоленского края» И.А. Королевой (2006), «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» Л.А. Климковой (2006), «Микротопонимия Воронежской области. Словарь» Г.Ф. Ковалева (2007), «Названия населенных пунктов Центрального Черноземья: словарь» А.С. Щербак, А.А. Бурыкина (2013), «Словарь микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалева, т. 1–2 (2017), «Топонимия Воронежского Края» С.А. Попова, Т.Ф. Пуховой, Е.А. Грибоедовой (2018) и мн. др.;

отдельные исследования в области этнолингвистики: «Язык и народная культура. Очерки по славянской этнолингвистике» Н.И. Толстого (1995), «Славянские древности. Этнолингвистический словарь», т. 1–5 (под общ. ред. Н.И. Толстого, 1995–2014)», «Русская топонимия в этнолингвистическом

аспекте» Е.Л. Березович (2000), «Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян» Т.А. Агапкиной (2000), «Мифы финно-угров» В.Я. Петрухина (2003), «Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия» А.С. Герда (2005), «Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции» О.В. Беловой (2005), «Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования» Е.Л. Березович (2007), «Славянская мифология. Энциклопедический словарь» (отв. ред. С.М. Толстая, 2011), «Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике» С.М. Толстой (2011), «Восточнославянские этиологические сказки и легенды. Энциклопедический словарь» (под общ. ред. Г.И. Кабаковой, 2019), «Мир человека в зеркале языка: Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике» С.М. Толстой (2019), «Деревья в славянской народной традиции. Очерки» Т.А. Агапкиной (2019) и др.

Таковы рассмотренные кратко основные вехи в истории отечественного лингвокраеведения.

Этапы развития отечественного лингвокраеведения тесно связаны с историей краеведения в России. Особенности развития исторического краеведения описаны А.И. Пашковым, выделяющим следующие основные периоды в истории краеведения в России:

- середина и вторая половина XVIII в. – зарождение историко-научного изучения своего края;
- 1861 – 1917 гг. – развитие краеведческих исследований;
- с конца 1920-х гг. – прекращение краеведческой деятельности в связи с репрессиями на краеведов;
- середина 1980-х гг. – возрождение краеведения как массового общественного движения;
- конец 1980-х гг. – начало 1990-х гг. – создание краеведческих обществ и организаций, публикация краеведческих работ;

- конец 1990-х гг. гг.– подъем краеведческого движения, научных краеведческих исследований (в 1996–1997 гг. на базе Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета были созданы Центр исторического краеведения и москвоведения и кафедра региональной истории и краеведения; в 2002 г. был образован межвузовский центр «Новая локальная история») [Пашков 2012, с. 45–57].

На основании анализа научной, краеведческой литературы представим основные этапы развития отечественного лингвокраеведения.

1. Донаучный период (с 20-х годов XVIII века до середины XVIII века). Предпосылки для развития краеведения и лингвокраеведения в России. Фрагментарные записи языковых особенностей края в ходе топографо-историко-географических описаний: деятельность Д.Г. Мессершмидта, Л.Делиля де ла Кройера, Г.Ф. Миллера. Здесь особо отметим деятельность русского ученого, историка, географа В.Н. Татищева, который составил обширный список историко-географических «вопросных пунктов», включавших и лингвокраеведческие вопросы.

Название данного периода – *донаучный период* – обусловлено тем, что лингвокраеведческие изыскания не носили собственно лингвистический характер, а сопутствовали основному естественно-географическому и историческому изучению регионов России. Несмотря на то что исследования велись учеными, все же ученые-лингвисты в данной работе не принимали участие (собственных ученых-филологов и лингвистов на тот период времени в России еще пока не было).

2. Ломоносовский период, или начальный научный период (с конца 40-х гг. XVIII века до конца XVIII века). Истоки научного лингвокраеведения в России. Труд В.К. Третьяковского «Разговор между чужестранным человеком и российским...» в котором рассматриваются вопросы правописания в связи с

особенностями регионального произношения; разработка М.В. Ломоносовым «Российской грамматики» с учетом региональных особенностей языка, классификация российских диалектов; с целью создания «Российского атласа» организация работы всероссийского масштаба по сбору топографо-историко-географической информации (географические «запросы»), включавшей и лингвокраеведческие сведения.

3. Начальный теоретико-лексикографический период отечественного лингвокраеведения (конец XVIII века – конец XIX века).

А) Начальный период дифференциации диалектных и региональных ономастических исследований (конец XVIII – начало XIX в.) – научный труд Е.А. Болховитинова, издание «Словаря Академии Российской» (1789–1794), «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» (1806–1822).

Б) Развитие теоретической и лексикографической диалектологии (начало XIX века – конец XIX века). Начальный период создания словарей областной лексики.

4. Родиноведческий период (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.). Обоснование необходимости изучения родного языка на народной основе. Возникновение понятия *родиноведение*. Работы К.Д. Ушинского, Ф.И. Буслаева, Н.Ф. Бунакова, П.Ф. Каптерева. Развитие идей краеведения, в том числе и лингвистического (искл.: период с конца 20-х гг до середины 70-х гг. XX в.). Активизация работы по монографическому и лексикографическому описанию диалектных систем.

5. Основной теоретико-лексикографический период развития лингвокраеведения. Период развития лингвокраеведения как учебной и научной дисциплины (вторая половина XX – 20-е годы XXI века). Становление ономастики как научной дисциплины, в том числе и региональной ономастики, составляющей вместе с диалектологией лингвистическую базу

лингвокраеведческих исследований. Формирование Московской этнолингвистической школы. Описание сущности лингвокраеведения (теоретическая база, цели, задачи, методы, принципы лингвокраеведческой работы и др.) в работах В.Д. Бондалетова, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Т.В. Майоровой, Е.Н. Поляковой, С.А. Попова, В.И. Супруна, Т.В. Шмелевой, А.С. Щербак, регионоведения – Т.Ф. Новиковой и др. Издание научных трудов и учебных пособий по лингвокраеведению, смежным дисциплинам. Создание диалектных, региональных ономастических и этнолингвистических словарей. Внедрение краеведения, в том числе и его лингвокраеведческой разновидности, в вузовскую и школьную практику преподавания гуманитарных дисциплин.

В результате проведенного исследования нами были выделены следующие этапы развития отечественного лингвокраеведения: донаучный период (с 20-х годов XVIII века до конца 40-х гг. XVIII века), ломоносовский период, или начальный научный период (с конца 40-х гг. XVIII века до конца XVIII века), начальный теоретико-лексикографический период отечественного лингвокраеведения (конец XVIII века – конец XIX века), родиноведческий период (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.), основной теоретико-лексикографический период развития лингвокраеведения, период развития лингвокраеведения как учебной и научной дисциплины (вторая половина XX – 20-е годы XXI века).

2.3.2 Динамика развития лингвокраеведческих исследований в России в XX–XXI вв.

Изучение региональных особенностей языка способствует решению не только научных, но и государственных задач, обеспечивая таким образом сохранение культурного наследия прошлого, основ национальной идентичности. Об особой актуальности в настоящее время проблемы сохранения русского языка как выразителя национальной культуры и

этнической самобытности пишет О.В. Загоровская: «Понимание необходимости сознательного и бережного отношения к русскому языку как к одной из величайших национально-культурных ценностей, как к нравственной среде обитания человека, как к силе, способной укрепить общество и удержать его от распада, особенно актуально применительно к современному этапу развития русского языка и его состоянию в конце XX – начале XXI века» [Загоровская 2013, с.135]. Именно поэтому лингвокраеведческая работа имеет особое значение не только в научном, но и – главное – в плане сбережения основ национальной культуры и идентичности.

Рассматривая лингвокраеведение как научное направление, Л.А. Климкова отмечает его научное и общекультурное значение: «Лингвокраеведческая работа имеет большое научное и практическое значение. Прежде всего, интенсивным путем собирается преходящий материал, имеющий непреходящую ценность для науки о языке, для познания культуры, менталитета народа: унификация говоров – процесс необратимый, поэтому с вовремя не зафиксированным и не интерпретированным материалом уйдет ценное для самобытной истории края, для истории языка и народа» [Климкова 2017, с. 96].

Специфика организации лингвокраеведческой деятельности в академической сфере рассматривается в исследованиях Е.В. Брысиной (2020); Ю.Ю. Гордовой (2018), Л.А. Климковой (1988, 2013, 2014, 2017, 2021 и др.), Г.Ф. Ковалева (1996, 1998, 2005, 2014, 2018, 2020 и др.), Е.Н. Поляковой (2006), В.И. Супруна (1994, 2014, 2017, 2020, 2021), А.С. Шербак (2017, 2020) и др.; в школьном обучении – в работах Л.Н. Верховых (2016, 2017), Е.В. Брысиной, В.И. Супруна (2017), Г.Ф. Ковалева (2017), Л.К. Лыжовой (1994, 2019), Т.В. Майоровой (2007, 2009), С.В. Пискуновой, А.С. Щербак и др. (2005), В.Ф. Филатовой (2002, 2016, 2017) и других исследователей, однако сопоставительного изучения организации лингвокраеведческих исследований в XX и XXI вв. не проводилось. Новизна данного параграфа исследования также

связана с определением основных способов научного изучения региональных особенностей языка, способствующих сохранению русского языка, национальной идентичности.

Лингвокраеведение в своем развитии тесно связано с краеведением, с лингвострановедением, лингворегионоведением, лингвокультурологией. В парадигме научного знания лингвокраеведение находится на стыке лингвистики, краеведения и лингвострановедения (здесь имеется в виду прежде всего руссиеведческое, родиноведческое, отечествоведческое направление), ср.: отечествоведение – «старое название учебного предмета, сообщавшего общие исторические, географические, экономические и прочие сведения о родной стране» [БАС-14, с.441]. Одна из первых фиксаций термина отечествоведение представлена в работе Ф.-Э. Г. Толля (1866) «Настольный словарь для справок...». В начале XX века в России употреблялся и термин *родиноведение* в работах Н.Ф. Бунакова [Бунаков 1900, с. 27–35].

В академической среде лингвокраеведческое направление изучения языка в XX веке прежде всего связано с деятельностью Московской диалектологической комиссии (1903), с исследованиями ученых, вылившимися в создание «Опыта диалектологической карты русского языка...» (1915). В начале XX века важной в лингвокраеведческом отношении является исследовательская деятельность А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова, Д.Н. Ушакова, Е.Ф. Карского, И.Г. Голанова, Е.Ф. Буде, В.И. Чернышова, А.И. Соболевского, А.М. Селищева, Г.А. Ильинского, Е.Д. Поливанова и др., изучавших народные говоры.

Лингвокраеведческая деятельность ученых в XX веке продолжала научные лингвистические традиции изучения местных лингвосистем, сложившиеся во второй половине XVIII и XIX вв, и, безусловно, была связана в целом с развитием краеведения в России.

В 20-х гг. XX века широко развернувшаяся научно-исследовательская краеведческая деятельность способствовала в дальнейшем осознанию ценности краеведения, но показала и сложность и противоречивость понимания данного термина научным сообществом, отчасти сохранившуюся и до сих пор. В 20-х гг. XX века краеведение – одна из главных областей научного знания, «научное направление об историческом становлении родного края, его экономическом и природном потенциале, экологии, архитектуре, о быте и культуре, морально-нравственных качествах живущего здесь населения» [Ковылов 2004, с. 75].

По мнению В.С. Соболева, «отличительная черта российского краеведения первой трети XX столетия – тесная неразрывная связь с Академией наук» [Соболев 2000 [http](#)]. Статистические данные свидетельствуют о высоком научном и общественном статусе краеведения в период с 1917 по 1927 гг.: организация Академическим центром Наркомпроса Первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края (1921), создание Центрального бюро краеведения при Российской академии наук (1922), организация работы журнала «Краеведение» (с 1923 года), функционирование 1112 краеведческих обществ и кружков (на 1927 год), работа краеведческих институтов [Соболев 2000 [http](#); Ковылов 2004, с. 76]. А с конца 20-х гг. XX в. краеведческая деятельность постепенно прекращается, переходя на общественный уровень; только с середины 1980-х гг. краеведение начинает возрождаться, и уже с конца 1990-х гг. возобновляется научная краеведческая деятельность [Пашков 2012, с. 45–57].

Однако в лингвистике изучение языка региона практически не прекращалось: в 30-х гг. XX века осуществляется исследовательская деятельность в области диалектологии Р.И. Аванесовым, А.Н. Гвоздевым, Н.П. Гринковой, П.С. Кузнецовым, Б.А. Лариным, В.И. Чернышовым и др., с 40-х гг. ведется работа по изданию собранных диалектных материалов, с конца

40-х гг. осуществляется сбор регионального лингвистического материала для «Диалектологического атласа русского языка».

С 40-х гг. XX в. лингвокраеведческие исследования ведутся и в вузах, что дало новый импульс активному изучению языка регионов учеными-лингвистами: в Москве исследование говоров осуществляется с 40-х гг. XX в., в Воронеже – с 1946 года, в Арзамасе – с 1955 г. [Климкова 2013, с.457], в Свердловске/Екатеринбурге – с 60-х гг. XX века [Рут 2011, с. 62]. Прежде всего осуществляется собирательская и интерпретационная деятельность, монографическое описание региональных особенностей языка, ведется сбор материала для создания словарей региональной лексики.

С 60-х гг. XX в. осуществляется всероссийская работа по созданию областных словарей народных говоров, «Словаря русских народных говоров» (1965–), выполняются монографические описания языковых особенностей русских народных говоров, изучается региональный ономастикон. С 1974 года по инициативе И.А. Попова возникает идея создания «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), для планомерной реализации проекта которого в 1994 году была издана «Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров».

Во второй половине XX века развитие ономастики как научной дисциплины способствовало созданию целого ряда исследований, посвященных изучению региональных имен собственных на основе привлечения краеведческого материала (это работы В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Ю.А. Карпенко, А.К. Матвеева, И.А. Воробьевой, Э.М. Мурзаева, Н.В. Подольской, В.А. Жучкевича и др.).

С 80-х гг. XX в. создаются отдельные программные и учебные материалы для обучения лингвокраеведческой работе студентов-филологов (работы В.Д. Бондалетова, И.А. Воробьевой, Л.А. Климковой, А.К. Матвеева,

Р.И. Кудряшовой, Г.Ф. Ковалева, Г.Л. Шеулиной и др.), а в 1988 году М.Р. Львовым впервые был зафиксирован термин *краеведение лингвистическое* в значении ‘вид внешкольной работы учащихся’ [Львов 1988, с. 87].

В середине 80-х–середине 90-х гг. XX в. в вузах создаются специализированные лаборатории, научные школы, которые осуществляют сбор диалектного и ономастического материала, его интерпретацию, подготовку лексикографических трудов, ведут просветительскую деятельность. В 90-х гг XX века учеными начинают рассматриваться отдельные вопросы научного и дидактического лингвокраеведения (Л.А. Климкова, Р.Ю. Намитокова, В.И. Супрун, Г.Ф. Ковалев, Л.Г. Шеулина и др.)

В XX веке научная лингвокраеведческая деятельность осуществляется в нескольких направлениях: диалектном, ономастическом и отчасти лингводидактическом (этнолингвистические исследования с использованием регионального языкового материала выполняются Н.И. Толстым только в конце XX века).

Отчасти переходным для российского лингвокраеведения можно считать рубеж XX и XXI вв. В этот период времени начинает употребляться термин *краеведческая ономастика* [Супрун 1994], Д.С. Лихачев определяет краеведение как комплексную науку, научную дисциплину [Лихачев 2000, с. 159–173].

В XXI в. термин *лингвокраеведение* широко употребляется в научном узусе, появляются отдельные работы по теории лингвокраеведения с описанием специфики лингвокраеведческой деятельности, например, работы [Верховых 2021; Брысина 2020; Ковалев 2014; Супрун 2021; Щербак 2017 и др.]. Лингвокраеведение приобретает статус научной дисциплины. По мнению В.К. Ковылова, «настало время для реабилитации идей научного краеведения» [Ковылов 2004, с. 75].

К этому времени во многих вузах и университетах активно ведется научная лингвокраеведческая работа. Например, более 65 лет лингвокраеведческая работа ведется в Арзамасе, осуществляются собирательское и интерпретационное направления деятельности, результатом многоаспектного научного изучения языка региона являются научные доклады студентов, подготовка курсовых и выпускных квалификационных работ, диссертационных исследований аспирантов и докторантов, подготовка научных изданий; в Арзамасском филиале ННГУ читаются следующие курсы «Лингвистическое и литературное лингвокраеведение», «Говоры Нижегородского края», «Основы регионалистики», «Имена и названия в нашей жизни», «Языковое выражение русскости» [см.: Климкова 2013, с. 461].

Комплексная работа по изучению говоров Воронежского края ведется и в Воронежском государственном университете. Многоплановая лингвокраеведческая научно-исследовательская деятельность осуществляется и в университетах сопредельных с Воронежской областью Волгоградской и Тамбовской областей (Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, Т.Н. Колокольцева, В.И. Супрун, И.В. Крюкова, С.В. Пискунова, А.С. Щербак, Т.В. Махрачева и др.). Лингвокраеведческие исследования ведутся во многих вузах страны (Благовещенск, Вологда, Екатеринбург, Елец, Иркутск, Краснодар, Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Пермь, Псков, Тула, Тюмень, Чита, Ярославль и многие другие), а также в университетах ближнего зарубежья.

В начале XXI в. интенсифицируется собирательская диалектологическая и ономастическая работа, активно осуществляется лексикографическая деятельность. В масштабах страны такая работа осуществляется Институтом лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург), вузами и университетами, отдельными лингвистами. В регионах издаются областные словари русских народных говоров, расширяется спектр ономастических и этнолингвистических исследований; во многих вузах

продолжают функционировать лаборатории и научные центры, осуществляющие лингвокраеведческую и просветительскую деятельность, издаются научные труды, посвященные проблемам современного лингвокраеведения.

Во втором десятилетии XXI в. наблюдаем некоторое сокращение собирательской диалектно-ономастической деятельности. Об этом пишет и Л.А. Климкова: «К сожалению, вузовская собирательская деятельность утратила свой размах в силу сократившегося приема молодежи на филологический факультет по специальности «Русский язык и литература» [Климкова 2014, с. 182].

В связи с отказом от специалитета в гуманитарной сфере и переходом на уровневую систему обучения (балакавриат – магистратура – аспирантура) во многих вузах сокращается количество часов, отводимых прежде на факультативные дисциплины, спецкурсы: чаще всего исключаются из учебного плана дисциплины по выбору, связанные с региональной спецификой языка, – «Лингвокраеведение», «Региональная ономастика» и под. Учебные планы не всех вузов, обучающих студентов-филологов, в настоящее время включают диалектологическую практику в прежнем виде: из-за нехватки финансирования для экспедиций учебные практики проводятся стационарным способом, без выезда, то есть студенты участвуют только в обработке диалектного материала. В то же время активизируется индивидуальная или коллективная лингвокраеведческая работа ученых, выполняющих научные исследования в рамках грантовой поддержки, активно вовлекаются в научный оборот новые источники изучения народной речи, регионального ономастикона.

Нет нужды приводить огромное число источников, иллюстрирующих результаты проведенной научной лингвокраеведческой деятельности ученых в XXI в. (эти работы прочно вошли в круг авторитетных научных исследований по диалектологии, региональной ономастике, этнолингвистике). В рамках

данного исследования выделим здесь лишь основные направления лингвистических исследований, включающих и лингвокраеведческую составляющую, по преобладающему аспекту анализа языкового материала, понимая, что эта классификация достаточно условна и требует дальнейшей корректировки.

В XXI в. основными векторами научных лингвокраеведческих исследований являются следующие:

- диалектологический (исследования Е.В. Брысиной, Т.И. Вендиной, Н.С. Ганцовской, В.И. Дьяковой, О.В. Загоровской, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Р.И. Кудряшовой, И.М. Курносовой, Г.Д. Негановой, Т.А. Литвиновой, С.А. Мызникова, С.В. Пискуновой, В.И. Супруна, А.Д. Черенковой, В.Ф. Филатовой, В.И. Хитровой, А.С. Щербак и др.);
- ономастический (работы Е.Л. Березович, В.Л. Васильева, И.М. Ганжиной, Л.И. Дмитриевой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, И.А. Королевой, И.В. Крюковой, И.А. Кюршуновой, Е.Н. Поляковой, Р.В. Разумова, М.Э. Рут, Т.Г. Смирновой, В.И. Супруна, А.С. Щербак и др.);
- этнолингвистический (исследования А.С. Герда, С.М. Толстой, Т.А. Агапкиной, О.В. Беловой, Л.Н. Виноградовой, А.В. Гуры, А.А. Плотниковой, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, Т.В. Карасевой, М.В. Пановой, В.Ф. Филатовой и др.);
- психоллингвистический (работы И.А. Кондаковой, А.А. Исаковой, А.С. Щербак и др.);
- этнолингвокультурологический (работы Е.В. Брысиной, А.С. Герда, В.И. Супруна, С.М. Толстой и др.).

В настоящее время лингвистические исследования, выполненные на основе привлечения краеведческого материала, характеризуются

полипарадигмальностью (исследования Е.В. Брысиной, В.Л. Васильева, Н.С. Ганцовской, С.А. Мызникова, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, И.А. Кюршуновой, В.И. Супруна, А.С. Щербак и др.).

Рассмотренные выше векторы лингвокраеведческих исследований характеризуют практическую сторону современного лингвокраеведения. Также в настоящее время актуальными являются и проблемы теоретического лингвокраеведения, региональной лингвистики, поскольку идет процесс уточнения терминов, методологии. Так, разворачивается научная дискуссия вокруг соотношения понятий *диалекты – социолекты – городская речь – региолекты* [см.: Супрун 2021], *региональная лингвистика* [Брысина 2020]; отмечаются перспективы изучения региональных языковых единиц [Ковалев 2014, 2018]; определяются свойства региональных языковых единиц [Щербак 2018], уточняется понимание термина *лингвокраеведение* [Верховых 2021] и др. При этом лингвисты подчеркивают важность изучения особенностей языка регионов Российской Федерации в различных аспектах: семантико-структурном, сравнительно-историческом, функциональном, когнитивном, этнолингвистическом, лингвокультурологическом, этнолингвокультурологическом и др.

Одним из важных направлений лингвокраеведческой работы в XXI веке стало издание учебных пособий и методических материалов по лингвокраеведению для студентов, отчасти и школьников. Научным сообществом в целом осознана необходимость применения комплексных знаний о крае в педагогической сфере, разработаны основы этнопедагогики [см.: Волков 2000; Клементьев, Федотов 2017].

К основным способам использования краеведческого материала в лингвистических исследованиях в XXI веке относятся:

- 1) выполнение научного монографического описания языка региона на материале исторических документов, летописей, памятников письменности региона, иных краеведческих документов;
- 2) изучение единиц литературной ономастики в творчестве поэтов и писателей края на основе краеведческих сведений (дневников, записок, материалов местных газет, документов, относящихся к краю);
- 3) привлечение краеведческих сведений в качестве комментария в ходе анализа языкового материала;
- 4) на основе проведенных научных исследований создание методических рекомендаций, учебных, учебно-методических пособий для выполнения научно-исследовательской деятельности студентами;
- 5) подготовка лексикографических работ на основе привлечения данных краеведения.

Все перечисленные способы изучения и описания языковых особенностей региона способствуют сохранению русского языка, национальной идентичности, поскольку содержат лингвистический материал, обладающий яркой национально-региональной спецификой.

Решение теоретических и прикладных вопросов лингвокраеведения будет способствовать в дальнейшем совершенствованию методологии лингвокраеведческих исследований, имеющих важное практическое значение для изучения региональной лексики, что «связано с постижением национальных языковых, а тем самым и исторических корней, родников народной русской речи, с приобщением к сохранению национального языкового богатства» [Климкова 2013, с.462].

Лингвокраеведческие научные исследования имеют важное значение в контексте решения проблем национальной идентичности, сохранения этнокультурного своеобразия, что в настоящее время осознается как одна из глобальных проблем мировой социокультурной политики. Неслучайно одна из

принятых резолюций Организации Объединенных Наций, признавая географические названия частью нематериального культурного наследия [Девятая конференция... 2007, с. 40], рекомендует в том числе и «подготовить набор руководящих указаний в отношении сбора на местах географических названий, используемых коренными народами, меньшинствами и региональными языковыми группами» [Девятая конференция... 2007, с.41], а также «подготовить, на основе разнообразного опыта различных стран, ряд моделей (в частности в отношении процедур в области законодательства, политики и проведения исследований) для поощрения записи и применения географических названий, используемых коренными народами, меньшинствами и региональными языковыми группами» [Девятая конференция... 2007, с.41]. Важной, по мнению экспертов ООН, является и задача содействия подготовки специалистов в области топонимики, в том числе и через ресурсы сети Интернет [Девятая конференция... 2012, с.33].

Итак, основными направлениями лингвокраеведческой деятельности в XX веке стали диалектологическое и ономастическое, а в XXI веке – диалектологическое, ономастическое и этнолингвистическое, только начинают развиваться психолингвистический и этнолингвокультурологический аспекты изучения языка региона. Для научных лингвокраеведческих исследований XXI века характерна полипарадигмальность.

Все виды организации лингвокраеведческих исследований в той или иной мере способствуют изучению национально-региональной специфики русского языка, сохранению национальной идентичности, поскольку в научный оборот вводится значительное число (общее количество языковых единиц практически невозможно подсчитать) региональных языковых единиц, зафиксированных ранее в исторических источниках или собранных и охарактеризованных в ходе полевых исследований. Особое значение проделанная лингвокраеведческая работа имеет в плане сбережения национальной культуры, национальной

самобытности, ведь изучая народную речь и ее проявления, лингвисты сохраняют для потомков уходящий материал, а студенты и аспиранты учатся ценить сокровища национальной культуры, отраженные в русском языке, и транслировать аксиологические установки следующим поколениям исследователей.

Лингвокраеведческая исследовательская работа имеет важное значение не только в академическом плане, но и в масштабах общегосударственных, поскольку способствует изучению и сохранению национальной специфики русского языка, культурной квинтэссенции нации.

2.3.3 Воронежское лингвокраеведение в XXI веке

Система лингвокраеведческих исследований выработывалась постепенно, в течение нескольких веков, от времени М.В. Ломоносова до современности, да и сейчас еще идет уточнение терминологической системы (лингвокраеведение, лингвокраеведческий анализ, региональная лингвистика, лингвострановедение/лингвокультурология, региолект, регионим и др.), разработка эффективных методик лингвокраеведческого анализа.

Как и любая другая языковая система, состоящая из отдельных компонентов, представляющих собой единое целое, отечественное лингвокраеведение представляет собой систему научных знаний, методологических приемов и практик из применения, апробированных учеными разных регионов и представляющих в единстве лингвокраеведческое направление, лингвокраеведческую субпарадигму в изучении национального языка.

Частью такой системы и являются сложившиеся локальные подсистемы, характеризующиеся спецификой в разработке теоретических вопросов и практического применения.

Рассмотрим пример локальной компоненты лингвокраеведческих исследований в России на примере Воронежского региона. С помощью дескриптивного (описательного) метода, контекстуального анализа, приемов сравнительно-сопоставительного метода охарактеризуем актуальные в XXI веке направления научных исследований в области лингвокраеведения в Воронежском крае. Новизна данного параграфа состоит в том, что впервые представлено обобщающее описание воронежских лингвокраеведческих исследований XXI века в контексте общероссийских лингвокраеведческих исследований и лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении национального языка.

В воронежском лингвокраеведении (здесь лексема *лингвокраеведение* используется нами в значениях 'направление научных исследований, научный подход' и 'научная дисциплина') в XXI веке отмечено несколько аспектов исследования: диалектологическое, ономастическое (изучение регионального ономастикона и литературной ономастики, относящейся в Воронежскому краю), этнолингвистическое (изучение языковой картины мира), лингвокультурологическое (описание языка личности) и отчасти социолингвистическое. Лингвокраеведческие исследования в основном полипарадигмальны, то есть выполнены в русле нескольких подходов к изучению языка региона, в комплексе этих парадигм. И в данном случае лингвокраеведение выступает таким связующим звеном, которое позволяет интегрировать различные подходы в единую систему.

Флагманом современного лингвокраеведения в Воронежском регионе является Воронежский государственный университет. Кафедра славянской филологии и функционирующая (с 1993 года) при кафедре единственная в России научная лаборатория воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Собиинниковой (научн. рук. – профессор Г.Ф. Ковалев) осуществляют

важные направления лингвокраеведческой деятельности: научно-исследовательскую, издательско-просветительскую и лингвометодическую.

Научно-исследовательская лингвокраеведческая деятельность коллектива лаборатории воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Собинниковой связана со сбором диалектного и ономастического материала Воронежского края, с изучением его и монографическим, а также лексикографическим описанием.

Основной целью лаборатории воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Собинниковой является подготовка «Словаря воронежских говоров». Сбор диалектного материала ведется кафедрой с 1946 года, когда исследовательской работой руководила В.И. Собинникова.

В начале XXI века коллективом лаборатории подготовлены три выпуска «Словаря воронежских говоров» под научной редакцией доктора филологических наук, профессора Г.Ф. Ковалева (2004, 2007, 2019). Научная ценность словаря велика: «Тысячи слов, зафиксированных в словаре, впервые вводятся в научный обиход, что представляет значительный интерес для исторической лексикологии, диалектологии, истории и этнографии Воронежского края» [СВГ-1, с.10]. Полностью практическая значимость данного издания еще будет осознана последующим поколением лингвистов (диалектологов, лексикографов, ономастов, славистов) и учителей русского языка и литературы, но и в настоящее время понятно, что в результате кропотливого, подвижнического труда ученых реализуется мощнейший научно-исследовательский проект, отражающий многовековую языковую историю Воронежского края со всей ее лингвокультурной национально-региональной спецификой.

Лексикографическое описание говоров Воронежского края продолжено М.Т. Авдеевой – составлен двухтомный «Словарь украинских говоров Воронежской области», включающий лексику украинских говоров на

территории Воронежского края за 70 лет. В.И. Дьякова и В.И. Хитрова подготовили «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» (2009), содержание которого составила воронежская географическая лексика, в том числе и диалектная, собиравшаяся авторами с 1958 года.

Г.Ф. Ковалевым изучается микропонимия Воронежской области, изданы словари воронежской микропонимии: однотомный и двухтомный [Ковалев 2007, 2017], в настоящее время им ведется работа над трехтомным словарем воронежской микропонимии.

«Словарь микропонимов Воронежской области» – уникальное издание, включающее в том числе и значительное число диалектных географических названий, толкование которых дано через призму ученого-лингвиста (дается лингвистическая характеристика микропонимов, приводятся контексты употребления лексем, в необходимых случаях даны этимологии слов) и диалектоносителя (приводятся топонимические легенды, бытующие в воронежских говорах). Лексикографическое описание выполнено в лингвокраеведческом аспекте, предполагающим включение историко-культурных, историко-географических и иных сведений краеведческого характера для пояснения процессов номинации географических объектов, например [Ковалев 2017-1, с. 69, 73, 119, 177, 183, 205, 250 и мн. др.].

Лабораторией воронежского лингвокраеведения им. В.И. Собинниковой с 2005 года осуществляется издание межвузовского сборника научных трудов «Воронежское лингвокраеведение», инициатором и научным редактором этого издания является Г.Ф. Ковалев (в 2021 году вышел из печати пятый выпуск). Проблематика «Воронежского лингвокраеведения» обширна: в сборнике рассматриваются вопросы фонетики, лексики и грамматики воронежских говоров, этимология отдельных диалектных и ономастических лексем, тематические группы лексики в воронежских говорах, обряды и описывающая

их лексика, диалектная фразеология; говоры отдельного населенного пункта, воронежский ономастикон (антропонимия, астронимия, микротопонимия и топонимия, в том числе ойконимия, и др.: изучаются отдельные классы онимов, системные связи в ономастиконе отдельных населенных пунктов Воронежской области, структурные, лексико-семантические особенности воронежских онимов); осуществляется описание русско-украинского взаимодействия в говорах и ономастиконе Воронежского края, анализ говоров украиноязычной территории Воронежской области, лексикографические описания, включающие воронежский диалектный материал; вопросы диалектной этнолингвистики и лингвокультурологии (этнолингвистическое описание материальной и духовной культуры Воронежского края), язык и стиль писателей Центрального Черноземья; приводятся библиографические сведения, рассматриваются актуальные вопросы краеведческой лингводидактики, теории и истории воронежского лингвокраеведения и др.

Межвузовский сборник «Воронежское лингвокраеведение» продолжает издательскую деятельность лаборатории воронежского лингвокраеведения им. В.И. Собиной, начавшуюся с выпусков сборника «Край Воронежский: история и традиции» (было подготовлено четыре выпуска), в которых в большей степени печатались материалы студентов и аспирантов по языку, истории и культуре Центрального Черноземья.

Большую ценность для исследователя языка, ученого-слависта, ономатолога, диалектолога представляет издание международного сборника научных трудов «Материалы по русско-славянскому языкознанию», в котором содержатся не только сравнительно-сопоставительные исследования в области славистики, но и работы по воронежскому лингвокраеведению (материалы к словарю воронежских говоров, труды, посвященные изучению воронежских говоров и ономастикона, анализу ономастической лексики и диалектизмов в произведениях писателей и поэтов, в том числе и Воронежского края).

Преподавателями кафедры славянской филологии ведется подготовка научных кадров для высшей школы. На материале воронежских говоров, воронежского ономастикона и языка писателей Центрального Черноземья, включающего и лексику народных говоров, под руководством Г.Ф. Ковалева защищены 1 докторская диссертация и 10 кандидатских: И.М. Курносова (2009, докторская диссертация), С.А. Попов (1998), В.П. Фролова (1999), В.А. Семушкин (2000), Т.В. Толбина (2003), Л.Н. Верховых (2008), О.П. Дмитриева (2009), Л.Д. Горелова (2011); Т.А. Литвинова (2011), Л.И. Гончарова (2012), Е.А. Богданова (2019), Чень Цзыди (2021). Под руководством В.И. Дьяковой защищены кандидатские диссертации М.В. Пановой (2002), Т.В. Карасевой (2004), Е.П. Куйдиной (2012).

Учеными Воронежской ономастической школы ведется комплексное изучение языка Воронежского края: рассматриваются проблемы региональной ономастики, литературной ономастики, относящейся к краю, составляются словари и учебно-методические материалы по методике лингвокраеведческой работы.

Подробно деятельность Воронежской ономастической школы рассматривается С.А. Поповым [Попов 2013, с. 113–118] и С.А. Скуридиной [Скуридина 2015, с. 41–46]. С.А. Скуридина выделяет следующие аспекты деятельности научной школы: «В рамках Воронежской ономастической школы во главе с Г.Ф. Ковалевым проводится работа по изучению славянской ономастики, этнонимии, воронежского лингвокраеведения, региональной антропонимии, астронимии, топонимии и микропонимии, зоонимии, русско-украинских ономастических связей. Особое внимание в рамках Воронежской ономастической школы уделяется собственным именам, функционирующим в русской художественной литературе...» [Скуридина 2015, с.43].

Ученые Воронежской ономастической школы ведут активную лингвокраеведческую работу. Так, С.А. Поповым подготовлена монография

«Ойконимия в системе лингвокраеведческих дисциплин» [Попов 2003], где автор характеризует ойконимические единицы Воронежского края, используя лингвокраеведческий подход: в качестве источников изучения воронежских ойконимов С.А. Попов привлекает в том числе и многочисленные исторические и историко-географические документы Воронежского края. Г.Ф. Ковалевым написана книга «Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение», в которой представлены результаты многолетнего труда автора в области воронежского лингвокраеведения [Ковалев 2014б]. Данное исследование включает как работы по региональной ономастике, так и литературной ономастике края; особо рассматриваются методические вопросы лингвокраеведения.

С.А. Поповым в соавторстве с Г.Ф. Пуховой и Е.А. Грибоедовой написана книга «Топонимия Воронежского края», включающая «Словарь названий населенных пунктов Воронежской области» и «Воронежские топонимические предания» под научной редакцией Г.Ф. Ковалева. Лингвистическую характеристику воронежских топонимов С.А. Попов сопровождает историко-краеведческими сведениями о населенных пунктах [Попов, Пухова, Грибоедова 2018].

В рамках проблематики воронежского лингвокраеведения ведется изучение ономастикона творчества писателей Воронежского края. Г.Ф. Ковалевым и его учениками (студентами и аспирантами) подготовлено значительное число научных работ в данной области (изучение ономастикона произведений И.А. Бунина, А. Платонова, особенностей языка в творчестве исследователей природы Черноземья Л.Л. Семаго, В.М. Пескова и др., подготовка библиографии), например: [Ковалев 2014]. Особое внимание уделяется анализу имен собственных в творчестве воронежских писателей и поэтов, имена которых в настоящее время незаслуженно забыты и в школах и вузах практически не изучаются.

Актуальными в воронежском лингвокраеведении являются и сопоставительные исследования ономастиконов. Например, С.А. Скуридина и Н.Б. Бугакова проводят сопоставительное изучение ономастикона произведений Ф.М. Достоевского и нашего земляка А.П. Платонова [Скуридина, Бугакова 2021].

Народные говоры воронежского края изучаются и учеными других вузов, жизнь и научная деятельность которых связана с Воронежским краем: В.И. Хитровой (Москва), И.М. Курносой (Елец), Е.И. Сьяновой (Санкт-Петербург).

В аспекте исторического лингвокраеведения В.И. Хитровой подготовлен первый том «Словаря воронежской деловой письменности XVII – XVIII вв.» [Хитрова 2022]. Источники исследования в данной работе – деловые документы указанного периода времени: челобитные, допросные, обыскные речи, описи имущества обвиняемых, поручные, мировые записи, воеводские отписки, досмотры, доезды, выборы (протоколы выборов), вкладные грамоты, купчие крепости. Межевые, отказные, отводные записи и др. [см.: Хитрова 2022, с.4–5].

Еще одним важным аспектом лингвокраеведческой деятельности является лингводидактический, начало которому было положено методическими работами Г.В. Ковалева (научно-методические статьи, инструкции, рекомендации) в 90-х гг. XX века.

С начала XXI века воронежскими учеными осуществляется активная лингвометодическая работа: издаются статьи (Г.Ф. Ковалев, 2001, 2003, 2004, 2014, 2017 и мн.др.; О.В. Смирнова, 2004, 2009; В.Ф. Филатова, 2002; Л.Н. Верховых, 2015, 2016, 2021), создаются учебные программы по лингвокраеведению, в том числе и по ономастическому (В.Ф. Филатова, 2002; Л.Н. Верховых, 2013, 2014, 2016; В.Ф. Филатова, Т.И. Шаталова, 2016), методические рекомендации к выполнению лингвокраеведческой работы (Л.К. Лыжова, 2002), учебные пособия (Г.Ф. Ковалев, 2005; Л.Н. Верховых

2017; А.Д. Черенкова, 2006, 2014; В.Ф. Филатова, Л.Н. Верховых, О.В. Смирнова [Диалектологическая практика 2014] и др.).

Методическая деятельность в области лингвокраеведения связана и с организацией работы учебных курсов по лингвокраеведению. Для студентов филологического факультета ВГУ Г.Ф. Ковалевым разработаны и много лет читаются следующие курсы по лингвокраеведению и ономастике: «Воронежское лингвокраеведение», «Проблемы славянской ономастики», «Литературная ономастика в школе»; материал к данным курсам представлен в виде опубликованных работ (статьи, учебные пособия, словари микропонимии, монографии и др.).

Многие годы для студентов историко-филологического факультета Борисоглебского государственного педагогического института читался курс «Лингвистическое краеведение», разработанный В.Ф. Филатовой для специализации «Литературное и лингвистическое краеведение» [Филатова 2002], в настоящее время в Борисоглебском филиале Воронежского госуниверситета в программу для студентов-филологов включен курс «Лингвистическое краеведение».

Ученые нескольких вузов Воронежской области принимают участие в лингвокраеведческой работе. Лингвокраеведческая деятельность осуществляется А.Д. Черенковой (Воронежский государственный педагогический университет), изучающей говоры Воронежской области, принимающей участие в реализации академического проекта «Лексический атлас русских народных говоров» [см.: Черенкова 2006, 2009, 2014, 2019 и др.]. Одним из важных видов лингвокраеведческой работы А.Д. Черенковой является организация международных научно-практических конференций «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий».

Н.И. Кривова (Воронежский государственный педагогический университет) изучает функционирование экспрессивно-оценочных

существительных в воронежских говорах; новейшие исследования ученого связаны с анализом воронежских микропонимов и годонимов, а также с особенностями организации краеведческой работы с учащимися [Кривова 2018, 2021].

Л.В. Недоступова (Воронежский государственный технический университет), защитившая кандидатскую диссертацию в 2013 году, изучает особенности речи диалектоносителей воронежских говоров и отражение в них языковой картины мира [2021].

В данный момент можно констатировать, что воронежское лингвокраеведение по сути является интегрированным научным направлением изучения языка края, стремящимся в еще большей степени реализовать свойство междисциплинарности (диалектология, ономастика, краеведение, лингвофольклористика, этнолингвистика, лингвокультурология, социоллингвистика, литературоведение, этнография и др.).

Анализ научных исследований по воронежскому лингвокраеведению дает возможность предположить в перспективе повышение устойчивого интереса к привлечению краеведческих данных для проведения научных лингвистических работ (исторические источники, архивные документы, историко-географические и иные сведения). Научно-исследовательская деятельность в области воронежского лингвокраеведения может приобрести еще более интегрированный, полипарадигмальный характер в связи с актуализировавшимися в современной лингвистике принципами [см.: Хроленко 2013, с.89–90] – экспансионизмом (расширение границ исследования, интеграция наук), антропоцентризмом, функционализмом, экспланатарностью (поиск разумного объяснения всем языковым фактам и явлениям). Безусловно, перспективными направлениями лингвокраеведческой работы остаются научно-исследовательская, издательско-просветительская и лингвометодическая деятельность при приоритете лексикографического описания языковых единиц

Воронежской области. Главным перспективным издательским направлением в русле системных исследований воронежского лингвокраеведения является многотомный проект «Ономастическая энциклопедия Воронежской области», работа над которым началась с издания 2007 году Г.Ф. Ковалевым научного труда «Микротопонимия Воронежской области. Словарь».

2.4 Ономастическое направление лингвокраеведческих исследований

Наряду с диалектологическим и этнолингвистическим одним из важных направлений лингвокраеведческой работы является ономастическое. Ономастические исследования представляют собой научный поиск, связанный с аспектами восприятия мира человеком и отражением этого мировосприятия в системе языка. Лингвокраеведческими по своему содержанию являются прежде всего работы по региональной, исторической ономастике и литературной ономастике, относящейся к краю.

Специфика употребления имени собственного, связанная с лингвистической и экстралингвистической составляющими, предопределяет междисциплинарный характер ономастических исследований. Кроме учета данных лингвистических наук и дисциплин (диалектологии, фонетики, словообразования, лексикологии, морфологии, стилистики, истории языка, этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвофольклористики и др.) для ономастических исследований важны и исторические, этнографические, археологические, географические, философские, культурологические, социологические аспекты научного знания, то есть ономастика наиболее близка краеведению как совокупности разноплановых знаний о крае.

По мнению О.И. Фоняковой, «современная ономастика является наукой комплексной; она объединяет в себе интересы и методы разных филологических, гуманитарных и естественных наук, в ее развитии принимают участие филологи-лингвисты и литературоведы, фольклористы и историки

языка, социолингвисты и философы-логики, историки, обществоведы, географы и картографы, психологи и семиотики, специалисты по этнографии и мифологии, астрономии и другим областям знания. Но прежде всего она принадлежит языкознанию» [Фонякова 1990, с. 4].

Отечественная ономастика, одной из первых ветвей которой стала региональная ономастика, в качестве источниковой базы практически всегда использовала богатейший краеведческий материал.

В истории русской и зарубежной ономастики лингвокраеведческий подход к изучению региональных ономастических единиц в рамках антропоцентрической парадигмы – неотъемлемая часть исследования как в современных исследованиях, так и в работах XIX – XX века.

Тесная связь лингвистического материала с краеведческими данными о крае прослеживается в ходе изучения ономастикона по данным памятников письменности, и поэтому «русская историческая ономастика является одновременно и наукой культурно-исторической» [Чичагов 1959, с.8].

Среди ранних лингвокраеведческих исследований в области ономастики отметим работу Е.А. Болховитинова [1800], подробно рассмотренную нами ранее, «Материалы для историко-географического словаря России» Н.П. Барсова (1865), включающего систематизированное описание географических названий России, составленное по данным научной литературы, летописей (прежде всего новгородских и псковских) и древних актов; труд М. Я. Морошкина (1867), в котором автор на основе анализа русских, болгарских, сербских, польских, чешских и лужицких летописей отдельных регионов и других исторических документов составляет словарь славянских именований; исследование А.Соколова «Русские имена и прозвища в XVII веке» (1891), выполненное на основе анализа антропонимов «из писцовых и отказных книг, разных грамот, челобитных, наказных памятей, судных дел, явочных,

кабальных и поручных записей и т.п.» [Соколов 1891, с.1], относящихся к Казанскому и Нижегородскому краю.

Междисциплинарным является труд П.И. Шафарика «Славянские древности» (1847, т.1., кн.1, второе изд.), в котором наряду с историческими и этнографическими ставятся и лингвистические вопросы, касающиеся географических номинаций и названий славянских племен, проживавших на различных территориях.

Важным в лингвокраеведческом отношении является уникальная работа Н.М. Тупикова «Словарь древнерусских личных собственных имен» (1903, 2004), представляющая собой собрание русских нехристианских личных именований за 800 лет, составленное по материалам летописей и исторических актов разных регионов (Юго-Западная Русь, Западная Русь, Минская губерния, Северо-Восточная Россия, Новгородский край, Северная Россия и др.).

Источниками для лингвокраеведческих топонимических исследований А.М. Селищева также стали историко-географические документы (документы Московской области в пределах прежних уездов Московской губернии): списки населенных мест, географо-статистические и историко-географические издания о крае, разнообразные исторические акты, писцовые книги, духовные и договорные грамоты и др. [Селищев 2003, с.436–437].

Отметим, что для лингвокраеведческих ономастических исследований характерна «обратная связь» с краем: рассматривая региональные имена собственные, исследователь получает новую информацию, важную не только в лингвистическом отношении, но и в краеведческом: историческом, географическом, этнографическом и ином; в некоторых случаях только в именах собственных сохранилась та или иная информация, репрезентирующая особенности духовного или материального мира жителей края, ср. : «Топонимия представляет собою один из ценнейших источников наших сведений по исторической этнографии и для истории общественной и

экономической жизни страны. Она может пролить яркий свет на историю этнических отношений в далеком прошлом, на миграцию народов и отдельных групп населения, на экономические и общественные отношения» [Селищев 2003, с. 436]. Связь *ономастика – краеведение* в случае с ономастическим лингвокраеведением реверсивная: как краеведческий материал является необходимым источником лингвистических изысканий, так и полученная в результате ономастического анализа информация обладает значительной ценностью для системы краеведческого знания в целом.

На особо важное значение краеведческих сведений для проведения ономастических исследований указывали многие авторитетные исследователи, например, В.А.Никонов считает, что «в силу специфики антропонимии, неразрывно связанной и с этнографией, и с правом, и с социальной психологией, и с эстетикой, антропонимика немислима без этих смежных наук, как топонимика – без географии и как все разделы ономастики немислимы без истории» [Никонов 1974, с.7].

Фактически со времени оформления ономастики как науки исследования регионального ономастикона (топонимии, микротопонимии, антропонимии и других классов имен собственных) осуществляются на основе привлечения данных о крае: при изучении топонимии [Барандеев 2012; Бурыкин 2013; Гордова 2021; Жучкевич 1980; Ильин 2012; Кичикова и др. 2017; Королева 2021; Мурзаев 1982; Неганова 2021; Никонов 1966; Карпенко 1973; Крюкова, Супрун 2009; Мадиева, Супрун 2016; Мезенко 2010; Мезенко и др. 2017; Отин 2012; Попов 2003; Попов А.И. 2021; Разумов 2003; Рогалев 1993, 2008; Семушкин 2000, 2018; Толбина 2003; Федотова 2009; Цветкова 2000; Чернораева 2002; Шарифуллина 2009; Шеулина 2001; Щербак 2006, 2012 и др.]; при изучении микротопонимии [Емельянович 1982; Меркина 2018; Михальчук 1998; Кириллова 2002; Климкова 2007, 2008; 2016; Ковалев 2007,

2014, 2017, 2021; Толбина 2003; Чень Цзыди 2021; Шулунова 2021; Яценко 1977 и др.);

при изучении антропонимии [Верховых 2008; 2019; Воробьева 2013; Галиуллина 2008; Горелова 2011; Данилова 2004; Королева 2006; Ковалев 2005, 2014а, 2018; Комлева 2004; Королева 2000; Марченкова 2006; Мезенко и др. 2017; Никонов 1993; Окунева 2010; Полякова 2005; Смирнова 2003; Супрун 2019; Сьянова 2007; Фролов 1978, 2005; Чыонг 2019; Щербак 2006, 2012 и др.] и других разрядов онимов.

Современные лингвокраеведческие исследования в целом и ономастические в частности характеризует полипарадигмальность исследования языкового материала. В конце XX – начале XXI вв при основной антропоцентрической составляющей ономастические исследования дополняются новыми: когнитивным, этнолингвистическим, аксиологическим: «это взаимосвязанные направления – антропоцентрическое, когнитивное, этнолингвистическое, аксиологическое, где ведущее место отдано изучению особенностей языкового сознания, духовного мира личности и целого социума, выявлению парадигмы ценностных ориентиров, ключевых понятий, отразившихся в картине мира, репрезентированных в различных единицах» [Кюршунова 2017, с.8]. В полипарадигмальном ключе – антропоцентрический, когнитивный, этнолингвистический и аксиологический подходы – И.А. Кюршуновой охарактеризована историческая антропонимия Карелии XV–XVII вв. [Кюршунова 2017].

Среди современных подходов к изучению имен собственных Е.С. Плешаков отмечает психоллингвистический, социоллингвистический, лингвокультурологический, антропоцентрический, нейминговый, изучение имени собственного как свернутого текста [Плешаков 2016, с. 916].

Примененные в комплексе, разные подходы к изучению региональных языковых единиц дают полную картину функционирования ономастической единицы в языке.

Интердисциплинарным и полипарадигмальным является исследование А.А. Бурыкина, посвященное изучению происхождения географических и этнических номинаций Сибири и Дальнего Востока. В ходе исследования была выработана и апробирована методика «системного междисциплинарного подхода к анализу данных письменных источников с учетом концепций, созданных в рамках частных наук и научных дисциплин» [Бурыкин 2013, с.4].

В рамках проводимого нами исследования актуальным является вывод А.А. Бурыкина о том, что синтез лингвистических и экстралингвистических сведений необходим для извлечения новых ономастических и иных данных: «Только объединение каких-либо знаний, извлекаемых из всего массива имен собственных изучаемого источника или группы источников, и только в сочетании с использованием событийной и фактологической информации, то есть данных истории, этнографии, археологии, исторической этнографии ономастический материал может выступать как средство получения новой информации или средство верификации каких-либо теорий и гипотез» [Бурыкин 2013, с.460]. А.А. Бурыкин отмечает важное значение языковой основы онима, «почти всегда определяющей этническую принадлежность населения территории, от которого мог быть зафиксирован данный антропоним или топоним» [Бурыкин 2013, с.460].

В настоящее время лингвокраеведческое направление исследований представлено не только в монографическом описании ономастического материала, но и в лексикографических исследованиях.

Историко-экономико-географический комментарий сопровождает, например, лингвистическое толкование названий географических объектов, включенных Н.А. Кичиковой, Э.Б. Манджиевой, В.И. Супруном в словарь

топонимов республики Калмыкия, что, безусловно, отражает лингвокраеведческий подход в подготовке лексикографических изданий.

В.И. Супрун приходит к выводу о необходимости включения лингвокраеведческих данных в современные ойконимические словари: «В ойконимическом словаре должны сочетаться географические, исторические и лингвистические сведения, при этом следует учитывать краеведческие и культурологические характеристики объекта» [Супрун 2014, с. 43].

Лингвокраеведческий компонент – важная часть ойконимических словарей: в словарной статье «сообщается о «времени основания населенного пункта, о его географическом положении, количестве населения, приводятся некоторые факты из истории села или города, делается акцент на краеведческие характеристики. Упоминаются также легенды об основании поселения или происхождении его названия» [Супрун 2014, с. 44].

Лингвокраеведческие сведения приводятся в современных топонимических, микротопонимических словарях и антропонимических словарях, материалах к словарям [см.: Климкова 2018; Королева 2006; Ковалев 2007, 2017, 2021; Крюкова, Супрун 2009; Кюршунова 2009 и др.]

Современная лексикография пополнилась новым типом словаря – лингвокраеведческим; уже подготовлены материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю Шумяцкого Порубежья [см.: Максимчук 2012]. По мнению Н.А. Максимчук, «лингвокраеведческие словари относятся к новому, формирующемуся жанру региональной лексикографии, одним из объектов которой все чаще становится ономастическая лексика, прежде всего – топонимы и микротопонимы» [Максимчук 2014, с. 187]. Специфика лингвокраеведческого словаря состоит в том, что при подготовке такого издания «региональный языковой материал должен описываться с максимально полным учетом особенностей его функционирования в той языковой и этнокультурной среде, к которой он принадлежит» [Максимчук 2014, с. 190].

Ономастические исследования ученых становятся лингвокраеведческими только за счет того, что ономатологи изучают языковую специфику имен собственных, относящихся к тому или иному региону, используя для анализа и интерпретации языкового материала в том числе и краеведческие сведения. В авторитетном словаре Н.В. Подольской прямо указывается на то, что изучение имен собственных, например, региона ведется на основе использования краеведческих данных, ср.: «Регионим – собственное имя региона, выбранного исследователем для ономастического изучения на основании лингвистич., историч. географич., этнографич. и др. данных» [Подольская 1988, с. 114].

Разновидность ономастики, в рамках которой осуществляются подобные исследования, называется лингвокраеведческой ономастикой, или краеведческой ономастикой. Впервые термин *краеведческая ономастика* был предложен В.И. Супруном, который считает, что комплексное изучение единиц краеведческой ономастики «позволяет соединить различные приемы и методы анализа имен собственных и раскрыть краеведческую специфику этих языковых единиц» [см.: Супрун 1994, с.142].

Также можно говорить и о существовании ономастического (лингво)краеведения (термин Г.Ф. Ковалева) – разновидности лингвокраеведения, в рамках которого изучается языковая специфика имен собственных, относящихся к краю, с учетом и на основе привлечения краеведческих данных. При безусловном пересечении во многом данные термины, *ономастическое (лингво)краеведение* и *краеведческая ономастика*, концентрируют внимание на своей принадлежности разным наукам – лингвокраеведению и ономастике, а зона интеграции – имена собственные региона и краеведческие данные. Используя термин *ономастическое лингвокраеведение*, мы лишь акцентируем внимание на принадлежности данного раздела лингвистическому краеведению и на необходимости подключения краеведческого материала к лингвистическому анализу

ономастических единиц. Безусловно, термин *ономастическое (лингво)краеведение* может и должен рассматриваться в качестве синонима к термину *краеведческая ономастика*. «Предметом рассмотрения ономастического краеведения являются фонетические, словообразовательные, лексические особенности ономастикем, их происхождение, состав, функционирование, позволяющие раскрыть специфику региона» [Щербак 2017, с. 185].

Одной из причин многообразия терминов, называющих науку, изучающую язык региона – региональная лингвистика, регионалистика, лингвокраеведение, лингвострановедение, лингворегионология, – а также названий ономастической дисциплины, изучающей языковую специфику какого-либо края, – ономастическое лингвокраеведение, краеведческое ономастика, – является специфика предмета исследования, предполагающая многообразие аспектов его изучения. По мнению Н.В. Васильевой, «одной из причин, вызывающей терминологическое многообразие ономастики, является специфика самого ономастического знания, направленного – особенно в последнее время – на обнаружение новых разрядов собственных имен и их описание» [Васильева 2014, с.373].

Вопросы, связанные с ономастическим изучением единиц края, остаются важными и в настоящее время только более актуализируются в связи с усиливающимися процессами интеграции и дифференциации в лингвистике и глобализации и регионализации в обществе [см.: Климкова 2014, 2017; Мезенко 2016].

В связи с активным изучением вопросов ономастического лингвокраеведения отметим важную в теоретическом и практическом плане работу А.С. Щербак «Ономастика и краеведение» (2017). Рассматривая вопросы ономастического лингвокраеведения, А.С. Щербак отмечает, что особое значение в этом плане имеют работы Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева,

Т.В. Майоровой, В.И. Супруна, В.Ф. Филатовой, а также что «современное состояние ономастического краеведения во многом определяется работами Р.Ю. Намитоковой» [Щербак 2017, с. 185]; проблема ономастического краеведения «стала неотъемлемым объектом многих научных исследований как лингвометодическая культурологически ориентированная модель обучения русскому языку» [Щербак 2017, с. 185].

В исследовании А.С. Щербак понимание ономастического пространства тесно связано с историко-культурной и географической спецификой языковых единиц, ср.: под ономастическим пространством понимается «совокупность всех имен собственных и «целое в снятом виде» как общность географических, историко-культурных, смысловых и словообразовательных специфических характеристик онимов» [Щербак 2017, с.186]. А.С. Щербак изучает единицы региональной ономастики в новом направлении исследования ономастических единиц – когнитивном, в том числе и на основе привлечения историко-культурных, географических, этнографических и иных данных о крае [Щербак 2008, с. 15, 18, 21, 22, 30 и др.; Щербак 2017, с.191, 194, 199 и др.].

Когнитивный анализ ономастических единиц Тамбовской области позволил А.С. Щербак сделать важные в лингвокраеведческом отношении выводы о том, что «сознание человека воспринимает окружающий мир, фиксирует его образ и отражает исторические и социально-культурные факты развития Тамбовского края, что говорит о результатах заселения данной территории и постоянных контактах русскоязычного населения» [Щербак 2008, с. 37]. В ходе исследования А.С. Щербак были определены факторы, «обусловившие формирование ономастической картины Тамбовской области и проявление специфических региональных особенностей концептосферы онимов» [Щербак 2008, с. 38–39].

Лингвокраеведческому анализу и описанию могут подвергаться региональные имена собственные (антропонимы, астронимы, зоонимы,

микротопонимы, топонимы, хрононимы, эргонимы и другие единицы ономастики), функционирующие в говоре, фольклоре того или иного края, зафиксированные в памятниках письменности, представленные в публицистике и художественной литературе, относящихся к краю.

Фактически можно говорить о том, что лингвокраеведческому изучению подвергаются все разряды имен собственных. В таком случае вслед за А.В. Суперанской [см.: Суперанская 2009] в зависимости от характера объекта изучения – реального или художественного – можно выделить реальную и художественную (литературную) лингвокраеведческую ономастику. Реальная лингвокраеведческая ономастика изучает функционирование реально существующих имен собственных на отдельных территориях (это направление ономастики называется региональная ономастика, реже – ареальная ономастика, ср: «региональная ономастика выявляет ономастические системы, в которые объединяются имена тех или иных территорий» [Суперанская 1973, с.12]). Н.В. Подольская указывает на тесную связь региональной ономастики с краеведением: «Региональная ономастика связана с диалектологией, этнографией, краеведением; в сферу ее исследования могут быть включены онимы различной степени известности от микротопонимов до имен всемирной известности» [Подольская 1988, с. 97]. Литературная (лингво)краеведческая ономастика изучает собственные имена, функционирующие в художественных произведениях, относящихся к краю, или в фольклоре. Например, в рамках Воронежской ономастической школы данное направление исследований разрабатывается Г.Ф. Ковалевым [Ковалев 2014а; 2020 и мн.др.], С.А. Скуридиной, Н.Б. Бугаковой [2021]. Ономастические единицы в художественных произведениях И.А. Бунина изучаются Г.Ф. Ковалевым [Ковалев 2018], диалектные – И.М. Курносовой [Курносова 2013] и др.

Перечислим основные разделы современной ономастики, а также подразделы, не представленные в словаре Н.В. Подольской, но существующие

де факто, в рамках которых возможно лингвокраеведческое изучение языковых единиц.

Вопросы упорядочения ономастической терминологии в XX и в XXI в. всегда были и есть в поле внимания лингвистов [Барандеев 2012; Бондалетов 1983; Васильева 2014; Гарвалик 2007; Карпенко 1967; Мадиева, Супрун 2016, 2017; Матвеев 2005; Мезенко 2007; Никонов 1974; Основен систем и терминологија... 1983; Подольская 1988; Разумов 2015; Суперанская 1973, 2007; Супрун 2011, 2018; Фролов 1982; Witkowski 1964, 1995 и др.]. В ономастике одни термины принимались сразу, как соответствующие существующим моделям терминов, другие – оставались принадлежностью авторской терминосистемы, но в любом случае в связи с развитием лингвистики уточнение лингвистической терминологии – процесс постоянный, поэтому предлагаем для предварительного обсуждения некоторые варианты терминов, обозначающих разделы и подразделы ономастики.

Лингвокраеведческое исследование ономастических единиц может осуществляться в рамках следующих разделов ономастики.

Антропонимика – раздел ономастики, изучающий антропонимы (любые собственные имена человека), закономерности их возникновения, развития, функционирования [Подольская 1988, с. 33].

Артионимика¹⁷ – раздел идеонимики, изучающий артионимы (собственные названия произведений изобразительного искусства).

Астионимика – раздел ойконимики, изучающий астионимы (собственные названия городов).

¹⁷ Определения терминов *артионимика*, *астиионимика*, *геортонимика*, *документонимика*, *дримонимика*, *идеонимика*, *комонимика*, *космонимика*, *микротопонимика*, *мифонимика*, *прагматонимика*, *хоронимика*, *хремадонимика*, *хрононимика*, *эргонимика*, *этнонимика*, отсутствующие в «Словаре русской ономастической терминологии» 1988 г., были сформулированы по принятой в данном издании модели на основе значений видов онимов [См.: Подольская 1988, с.38, 41, 48, 57, 61, 66, 67, 83, 110, 145, 161, 162, 166, 167].

Астронимика – раздел ономастики, изучающий астрономы (названия отдельных небесных тел, в том числе звезд, планет, комет) [Подольская 1988, с. 41].

Геортонимика – раздел идеонимики, изучающий геортонимы (собственные названия праздников, памятных дат), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Гидронимика – раздел топонимики, изучающий гидронимы (собственные названия любых водных объектов), закономерности их возникновения, развития, функционирования [Подольская 1988, с. 49].

Документонимика – раздел идеонимики, изучающий документонимы (собственные названия документов).

Дримонимика – раздел топонимики, изучающий дримонимы (собственные названия лесных участков, рощ, садов, посадок¹⁸), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Дромонимика – раздел топонимики, изучающий дромонимы (собственные названия путей сообщения¹⁹), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Зоонимика – раздел ономастики, изучающий зоонимы (собственные имена животных), закономерности их возникновения, развития, функционирования [Подольская 1988, с. 60].

Идеонимика – раздел ономастики, изучающий идеонимы (собственные названия явлений духовной культуры и художественной сферы человеческой деятельности). Н.В. Подольская относит к идеонимам артионимы, библионимы, гемеронимы, геортонимы, документонимы, поэтонимы, хрононимы [Подольская 1988, с. 61].

¹⁸ Собственные названия любых растений, в том числе и отдельных деревьев, относятся к фитонимам [Подольская 1988, с. 158].

¹⁹ Н.В. Подольская не относит к дромонимам названия улиц, за исключением улиц – названий дорог. [Подольская 1988, с. 57].

Комонимика – раздел ойконимики, изучающий комонимы (собственные названия любых сельских поселений: аулов, деревень, поселков, сел, станиц, хуторов и под.), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Космонимика – раздел ономастики, изучающий космонимы (собственные имена зон космического пространства, созвездий), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Микротопонимика²⁰ – раздел топонимики, изучающий микротопонимы (собственные названия любых географических или созданных человеком объектов, известных узкому кругу людей), закономерности их возникновения, развития, функционирования. Как правило, используемое в хозяйственной деятельности окружающее освоенное пространство и позволяет людям давать номинации важным в хозяйственном или ином отношении географических объектов. В большей степени это относится к сельским районам, хотя и близ города фиксируется значительное число микротопонимов, например, [см.: Белаенцева 2020].

К микротопонимам относятся локальные собственные названия географических микрообъектов: оронимов: названия возвышенностей, холмов, курганов, оврагов, логов, лощин, яров, низин, лугов, пастбищ, полян; агроонимов: полей, пашен; гидронимов: протоков, излучин, прудов, озер, озер-стариц, болот, мест для купания на реке, переходов через реку, отмелей, высохших русел рек, ручьев, колодцев, родников; дримонимов: лесных участков, садов; некронимов: кладбищ, отдельных мест захоронения; гефиронимов: мостов (деревянных, понтонных, железнодорожных и др.), небольших мостиков через реку; урочищ, неугодий, заброшенных или разрушенных строений и др.

²⁰ В настоящее время для обозначения внутрисельских географических объектов предлагается использовать термины *виконим* (А.М. Мезенко [Мезенко 2007, с. 379]) или *рустиконим* (Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун [Мадиева, Супрун 2017, с. 118]).

Мифонимика – раздел ономастики, изучающий мифонимы (мифологические, вымышленные имена любой сферы ономастического пространства в мифах и фольклоре (сказках, былинах, сказаниях, легендах, преданиях и под.), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Ойконимика – раздел топонимики, изучающий ойконимы (собственные имена городских (астионимы) или сельских (комонимы) поселений), закономерности их возникновения, развития, функционирования [Подольская 1988, с. 89–90].

Оронимика – раздел топонимики, изучающий оронимы (собственные названия элементов земной поверхности) [Подольская 1988, с.99–100]. К элементам земной поверхности (рельефа) относятся любые возвышенности, низменности, равнины.

Прагматонимика – раздел ономастики, изучающий прагматонимы (словесные товарные знаки; собственные имена сортов, марок, товарных знаков), закономерности их возникновения, развития, функционирования²¹.

Топонимика – раздел ономастики, изучающий топонимы (собственные имена природных географических объектов и объектов, созданных человеком), закономерности их возникновения, развития, функционирования [Подольская 1988, с.127, 132]. К топонимам относятся агроонимы, гидронимы, дромонимы, дримонимы, инсулонимы, некронимы, ойконимы, оронимы, спелеонимы, урбанонимы, хоронимы [Подольская 1988, с.127].

Урбанонимика – раздел топонимики, изучающий урбанонимы (собственные названия любых внутригородских топографических объектов)

²¹ И.В. Крюкова относит прагматонимы, наряду с эргонимами (названиями предприятий), гемеронимами (названиями средств массовой информации), геортонимами (названиями праздников, фестивалей и под.), порейонимами (названия транспортных средств), к рекламным именам, выделяя их рекламную функцию [Крюкова 2004].

[Подольская 1988, с.140]. К урбанонимам относятся агоронимы, годонимы, ойкодомонимы, хоронимы (городские), экклезионимы [Подольская 1988, с.139].

Хоронимика – раздел топонимики, изучающий хоронимы (собственные названия любых территорий, областей, районов, природных или административных).

Хремотонимика – раздел ономастики, изучающий хремотонимы (собственные имена предметов материальной культуры), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Хрононимика – раздел ономастики, изучающий хрононимы (собственные имена определенных отрезков времени), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Эргонимика – раздел ономастики, изучающий эргонимы (собственные имена деловых объединений людей – предприятий, учреждений, обществ, творческих союзов и под.), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Этнонимика²² – раздел ономастики, изучающий этнонимы (названия любых этнических групп, племен, народов, национальностей и т.д.), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Лингвокраеведческие исследования могут осуществляться не только в семантико-структурном, сравнительно-сопоставительном, историко-лингвистическом аспектах, этнолингвистическом, лингвокультурологическом, коммуникативно-прагматическом аспектах, но и в психолингвистическом. Возможным аспектом подобных исследований может быть изучение онимических фреймов (фрейм – хранилище памяти, рамка, ментальная полка,

²² Ср: Этнонимика – «раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение, функционирование и структуру этнонимов. Этнонимы составляют особый разряд исторической лексики; это названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и т.п.» [Языкознание...1998, с.598]. В «Словаре русской ономастической терминологии» 1988 г. этнонимика определяется как «отрасль исторических наук, тесно связанная с ономастикой, изучающая этнонимы» [Подольская 1988, с. 169].

по Ч.Филлмору), которые в рамках когнитивной ономастики характеризует украинский лингвист Е.Ю. Карпенко. Выделяются следующие виды онимических фреймов: антропонимические, топонимические, теонимические, эргонимические, зоонимические, фитонимические, космонимические, хрононимические, хрематонимические, идеонимические [Karpenko 2016, с.72].

Онимические фреймы состоят из микрофреймов (если рассматривать антропонимический фрейм, то микрофреймами будут являться фамилии, отчества, личные имена и под.) и нескольких компонентов: реального (реально существующие именованья), виртуального (именования, придуманные человеком) и сакрального (именования, связанные с религиозными воззрениями человека) [Karpenko 2016, с.72].

В целом же для современных ономастических исследований, в том числе и выполненных с позиций лингвокраеведения, характерна полипарадигмальность, о которой пишут многие ономатологи. Например, о перспективах исследований в Одесской ономастической школе ученые пишут так: «Если говорить о новом, сегодняшнем этапе ономастической науки в целом и его отражении в исследованиях одесских ученых, то следует подчеркнуть, поворот к антропоцентризму, когнитивизму и дискурсивности. Осознание проприативов как важной составляющей когнитивно-коммуникативной системы языка открыло дорогу для развития когнитивного направления в современной ономастике» [Карпенко, Фоміна, Зубов, Калінкін 2012, с. 110–111].

В XXI веке среди ономастических направлений, безусловно, актуальным является и лингвокраеведческое, которое дополняет различные аспекты изучения языкового материала. Лингвокраеведческое направление или подход в региональных ономастических исследованиях нам представляется базовым, без которого невозможно изучать ономастические единицы ни в коммуникативно-прагматическом, ни в когнитивном, ни в каком-либо другом

аспекте, поскольку обращение к краеведческому материалу – это основа достоверности сделанных лингвистом выводов.

2.5 Методология лингвистического краеведения

2.5.1 Общелингвистические методы и приемы, применяемые в лингвокраеведческих исследованиях

Ю.Н. Карауловым были сформулированы основополагающие принципы анализа языковых единиц: 1) изучение языка должно осуществляться как внутри системы языка, так и за его пределами: «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, <...> не обратившись к конкретной языковой личности» [Караулов, с. 7]; 2) изучение национального языка должно осуществляться с учетом историко-, этно-, социо-, психолингвистических особенностей его носителей: «единственным противоядием от неизбежного, казалось бы, редуccionизма при обращении исследователя к языку в человеке будет введение в анализ вполне определенного национального языка вместе с определенными историко-, этно-, социо-, психолингвистическими особенностями его носителей» [Караулов, с. 7–8].

Основные принципы лингвокраеведческой работы охарактеризованы Г.Ф. Ковалевым, отметим важнейшие из них: 1) сопоставление диалектной речи с литературным языком (не противопоставление их, а именно сопоставление); 2) понимание того, что диалектная речь – это «драгоценнейший пласт национального языка»; 3) изучение региональной ономастики; 4) привлечение в качестве источника для лингвокраеведческого исследования литературы и фольклора края [Ковалев 2014, с. 233–237].

В научных лингвокраеведческих работах ученые применяют как общелингвистические, так и собственно лингвокраеведческие методы и приемы изучения языковых единиц.

Поскольку лингвокраеведение образовано интеграцией лингвистических дисциплин и комплексной дисциплины краеведение и предметом изучения лингвокраеведения являются особенности языка того или иного края (при преимущественном изучении диалектной и ономастической лексики) в соотношении с краеведческими данными, то, соответственно, методы лингвокраеведческих исследований основываются на методах диалектологических, ономастических и краеведческих изысканий, однако имеют специфику в применении того или иного метода для полноты и достоверности изыскания.

При выполнении лингвокраеведческого исследования ученый использует следующие общелингвистические методы:

- дескриптивный (описательный) – наблюдение, каталогизация, классификация, анализ и описание собранного языкового материала;
- сравнительно-сопоставительный метод – сравнение генетически однородных языковых явлений и сопоставление сходных, но неродственных языковых явлений;
- исторический (изучение исторических источников, учет данных истории, археологии, этнографии края при анализе языковых явлений, диахроническом изучении языка края);
- семиотический (изучение и описание особенностей функционирования языковых явлений как знаков в говоре края);
- лингвопсихологический метод (связан с когнитивным изучением языковых единиц) – изучение ассоциативных связей между диалектными или ономастическими единицами, составление ассоциативных рядов лексических единиц, выявление психологической специфики употребления диалектных и ономастических единиц и др.);
- статистический (количественный анализ языкового материала);

- стилистический (изучение функционирования языковых единиц в произведениях, созданных поэтами и писателями края) и др.

Лингвокраеведческий характер выполняемых исследований предполагает применение и методов краеведения, среди которых особое значение имеет изучение и анализ лингвокраеведческой литературы – научной, научно-методической литературы, местных газет, интернет-документов, относящихся к лингвокраеведению, к изучаемому краю и др. Кроме того, применение такого метода краеведения, как фотографирование и аудио- и видеофиксация также будет способствовать проведению тщательного, объективного исследования.

При изучении говоров используются методы диалектологии. Главным из них является метод полевых наблюдений, или полевой метод, состоящий из следующих приемов: наблюдение, беседа с информантами, интервьюирование, анкетирование, запись материала, зарисовка отдельных реалий, составление схем, фиксация реалий с помощью технических средств, фотографирование, аудио-, видеозапись, обработка полученной информации, транскрибирование. Применяется и метод картографирования / ареальный – использование в исследовании карт, создание диалектологических, ономастических, обобщающих лингвокраеведческих карт, другие методы лингвистической географии [см.: Русская диалектология, с.183–193], например, при изучении лексики растительного мира в воронежских говорах О.В. Смирнова использует ареальный метод и другие методы лингвистической географии [Смирнова 2002, 2003, 2004, 2005, 2011].

Применению методов лингвистической географии сопутствует и широкое использование краеведческих данных, что в полной мере соответствует лингвокраеведческому направлению изучения языка, ср.: «Интерпретация карт с целью изучения языковых явлений в их развитии предполагает поэтому не только обращение к памятникам письменности, отражающим язык соответствующих территорий, но и привлечение конкретных данных истории

народа, исторической географии, этнографии, археологии» [Русская диалектология 1989, с. 191].

Одним из основных методов исследования диалектных единиц края является могографическое описание языковых особенностей диалекта (фонетических, лексических, грамматических и иных) [См.: Слюсарева 2015, с.83–85].

При изучении ономастических единиц применяются следующие методы (см.: [Подольская 1988]):

- ареальный – определение ареала определенного ономастического явления;
- генетический – установление родственных связей между онимами при сравнении имен собственных с онимами других языков;
- метод исследования основ – вычленение основы именования и выявление ономастического ряда на основании идентичности основ в данной группе собственных имен (этот метод неразрывно связан с формантным методом);
- формантный – вычленение форманта именования и выявление ономастического ряда на основании идентичности формантов в данной группе собственных имен, с формантным методом неразрывно связан метод исследования основ;
- структурный – изучение морфемной или словообразовательной структуры имени собственного;
- типологический – установление однотипных ономастических особенностей, сопоставление их;
- картографический метод – использование готовых, специальных карт в качестве источника топонимического материала и для установления закономерностей размещения топонимических явлений и составление специальных топонимических и

антропонимических карт для изучения «географии» соответствующих явлений;

- синхронический срез – исследование ономастического явления или совокупности явлений в состоянии на данный момент в любом историческом периоде (не только современном), с этим методом связан исторический;
- стратиграфический – изучение явлений и процессов ономастики с учетом их хронологической последовательности при сопоставлении синхронических срезов;
- типологический – определение и сопоставление сходных ономастических явлений в разных языках для научной классификации этих явлений;
- этимологический – установление этимологии имени или группы связанных имен [Подольская 1988, с. 80–81].

Методы изучения ономастических единиц описаны Н.В. Подольской, А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетовым, Н.К. Фроловым и другими исследователями [см.: Подольская 1988, с. 80–81, Глинских 1983, с.3–22, Суперанская и др. 2007, с.198–214, Бондалетов 1983, с. 38–82; Фролов 2005, с.23–28 и др.].

В зависимости от цели и задач исследования выбирают наиболее оптимальные методы работы.

А.В. Суперанская выделяет следующие методы: языковая дистрибуция собранного ономастического материала, текстологический анализ, инвентаризация ономастического материала, классификация имен, стратиграфический анализ, дифференциальный и генетический анализ, реконструкция имен и их форм, этимологический анализ, словообразовательный анализ, структурный анализ, формантный анализ, анализ основ, анализ вариантов имен, выявление ономастических ареалов, ономастическое

картографирование, вероятностная проверка, статистический анализ, выявление ономастических универсалий, экспериментальные исследования [Суперанская 2009, с. 198–214].

В.Д. Бондалетов описывает следующие методы ономастических исследований (данные методы применяются прежде всего при выполнении исследований по региональной ономастике): описательный, исторический, сравнительно-сопоставительный, ареальный, семиотический, стилистический, лингвопсихологический, стилистический [Бондалетов 1983, с.36–82].

Для описания теоретических основ работы (истории вопроса, принятой терминологии) и практической части исследования используется описательный метод. Описанию предшествуют постановка целей и задач исследования, выбор методов исследования, формулирование рабочей гипотезы, а также изучение теоретического и сбор практического материала. Систематизация изученного сопутствует процессу описания, исследователем обосновываются и предлагаются различные классификации собранного материала, формулируются выводы. В.Д. Бондалетов в качестве примеров использования описательного метода приводит и работы, включающие характеристику ономастических единиц региона с опорой на историко-краеведческие сведения: данные рукописных карт, материалы изданий по истории, географии, геологии [Бондалетов 1983, с.39].

С целью наиболее полного изучения языка региона и формулирования объективных выводов используется исторический метод: привлекаются этнографические сведения, данные архивов, исторических словарей, справочников, памятных книг, ревизских сказок. Исторические и этнографические сведения являются ценной составляющей работы, повышают доказательную базу исследования. Кроме того, исторический метод исследования позволяет выполнять стратиграфические исследования, проследить историю развития отдельных разрядов диалектной лексики,

ономастики (например, антропонимикона) определенной территории от прошлого к настоящему (например, от 1922 до 2022 г.) или от настоящего к прошлому (учитывая современное состояние антропонимической системы, «погрузиться» в ее прошлое, например, на 50, 100, 150 лет).

Особое значение имеют исторические источники для исторической диалектологии: «Свидетельства летописей и других исторических документов, археологические данные об этническом составе населения определенной территории, о политических, экономических и культурных связях этого населения помогают историку диалектов установить время и место (а иногда и причины) возникновения многих диалектных явлений» [Русская диалектология 1989, с. 10].

Исторический метод позволит выявить и генетику слова (русское, украинское, тюркское и др. происхождение лексемы), а следовательно, и установить особенности миграционных потоков на исследуемой территории. Достаточно часто исторический метод применяется в совокупности со сравнительным, образуя сравнительно-историческое направление работы. Применение исторического метода в его разновидностях – сравнительно-историческом и историко-сравнительном методах – также предполагает «широкое привлечение исторических, археологических, этнографических данных» [Бондалетов 1983, с.43].

Ареальный метод, метод картографирования при изучении имен собственных может использоваться при составлении изоглосс функционирования того или иного языкового явления / лексемы, в подготовке лингвокраеведческих карт, в том числе и с применением информационно-коммуникационных технологий.

Семиотический метод применим тогда, когда проводится изучение диалектной лексики, микропонимии, антропонимии и т.д. как системы, когда рассматриваются классы, группы, подгруппы языковых единиц как знаки,

обладающие системными связями. Характеризуя семиотический метод исследования, В.Д. Бондалетов приводит в качестве примера системное описание топонимии (ойконимии) Пензенской области на основе привлечения историко-географических и этнографических сведений о Пензенском крае [Бондалетов 1983, с.55–62].

Стилистический метод изучения языковых единиц в лингвокраеведении призван выявлять особенности функционирования диалектизма или онима в художественном произведении: с какой целью используется слово? какое влияние оказывает диалектизм, оним на формирование хронотопа произведения? какова роль диалектных, ономастических единиц в раскрытии образной системы, формировании композиции произведения? какое значение имеют диалектные слова и ономастикон произведения в создании целостности и связности текста? как языковые единицы помогают автору передать черты характера героя? как трансформируется оним на протяжении всего повествования и почему? какие эксплицитные и имплицитные смыслы содержит оним? какие интертекстуальные связи устанавливает слово? и др.

Специфика изучения функционирования литературных онимов в художественном произведении местного автора состоит в том, что для анализа языковых единиц исследователь может и должен привлекать краеведческую литературу: все данные (дневники, материалы местных газет, мемуары и др.), которые помогут прочесть «между строк» интенции писателя или поэта. Г.Ф.Ковалев отмечает, что необходимо «не просто исследовать ономастику, использованную тем или иным писателем, а проследить еще и *отношение писателя к имени*, как сам писатель относится к своему имени, как он относится к именам собратьев по перу, к именам персонажей своих и чужих произведений»; нужно анализировать не только сами художественные произведения, но и публицистику, воспоминания современников, письма и

другие документы, которые могут приоткрыть дверь в «ономастическую лабораторию писателя» [Ковалев 2005, с. 143-144].

Возможности лингвопсихологического метода позволят филологу установить ассоциативные связи между именами собственными, составить ассоциативные ряды онимов, диалектизмов, выявить психологическую специфику употребления того или иного слова, сопоставить психолингвистические данные с результатами изучения регионализмов другими методами. Лингвопсихологический метод анализа онимов позволит провести экспериментальное изучение функционирования имени собственного в определенном ареале.

Являясь вспомогательным, статистический метод тем не менее выступает одним из важных в лингвокраеведческой работе. Составление списка частотных онимов определенного населенного пункта или ареала, установление наиболее объемных по размеру тематических групп диалектной лексики, групп антропонимов, микротопонимов, зоонимов и других разрядов онимов, количественная характеристика диалектизмов, онимов в художественном произведении, статистическое сопровождение лингвокраеведческого исследования на всех этапах (таблицы, графики, содержащие результаты проводимого анализа и др.) – вот лишь некоторые возможные способы применения приема статистического подсчета. Наиболее распространенным в лингвистических исследованиях является применение приема количественных подсчетов.

При реализации сравнительно-сопоставительного метода (например, при сравнении национальных именников) краеведческие сведения позволят сделать объективные выводы. Особую роль играет применение краеведческих данных в ареальных исследованиях. Ареальный метод (географический, изоглоссный, метод картографирования, метод лингвистической географии) не может быть применен без опоры на сведения о географических координатах населенного

пункта, иных историко-географо-этнографических сведениях о крае. Одним из первых в ономастике данный метод применил выдающийся лингвист В.А. Никонов при изучении антропонимии и топонимии. Исследования, выполненные на основе стилистического, лингвопсихологического и статистического методов, также могут опираться на материалы о крае, например, сравнительно-сопоставительное изучение статистических структур именников XIX – XX вв. осуществляется на материале исторических сведений о составе имен в XIX веке [Бондалетов 1983, с.80–81].

В лингвистике существует мнение, что «ономастический метод, как и другие методы исследования, исторически изменчив. Он расширяет границы своего применения, набор исследовательских приемов и процедур в зависимости от развития общелингвистической (и общенаучной) теории и практики» [Бондалетов 1983, с.42].

Учитывая тот факт, что лингвокраеведческое описание языка отражает не только факты языкового развития, но и формирование духовного потенциала жителя определенного населенного пункта, его культуру, быт, ценностные установки, полагаем, что при анализе региональной лексики нужно учитывать и при необходимости использовать и методы и подходы других, смежных направлений (социолингвистических, лингвокультурологических, этнолингвистических, исторических, психологических, философских).

2.5.2 Лингвокраеведческий анализ как специфический метод изучения региональных языковых единиц

Современная лингвистика располагает различными методами изучения языковых единиц, среди которых широко используются традиционные дескриптивный (описательный), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический, метод компонентного анализа и другие при безусловном соблюдении главных парадигмальных установок

языкознания, состоящих в изучении языковых единиц на основе системно-структурной организации языка и историзма.

Одним из важных парадигмальных положений Ю.Н. Караулова стало определение направления лингвистических исследований с учетом историко-культурных особенностей носителей языка, см.: [Караулов 2010, с. 7]. Программные утверждения Ю.Н. Караулова особое значение имеют для изучения диалектной лексики и ономастикона, поскольку эти пласты лексики характеризуются региональной и национальной лингвоспецифичностью.

В настоящее время данное положение широко применяется на практике при анализе региональных языковых единиц с учетом историко-, этно-, социо-, географо-, демографических (исследования В.Л. Васильева, Н.С. Ганцовской, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, И.А. Королевой, Л.Я. Костючук, И.А. Кюршуновой, С.А. Мызникова, В.И. Супруна, А.С. Щербак и др.), однако методика анализа единиц языка на основе привлечения указанных данных еще не описана, что и представляет определенную лакуну в лингвистике. В данной работе нами предпринята попытка наметить пути решения обозначенной проблемы в лингвистике.

В конце XX века данная проблема в отношении единиц ономастики была поднята Е.Л. Березович, отметившей, что «тезис о культурно-исторической ценности собственных имен не нуждается в доказательствах и представляется аксиоматичным для многих исследователей, занимающихся ономастикой, <...> однако декларирования данного факта недостаточно; необходима выработка методологии извлечения культурно-исторической информации из ономастикона того или иного народа, а также описания и интерпретации этой информации» [Березович, с.128]. Актуальность настоящего исследования как раз и продиктована необходимостью разработки методики анализа ономастических единиц с целью извлечения культурно-исторической и социокультурной информации на основе привлечения данных краеведения.

Поскольку ономастика и ее единицы тесно соприкасаются с самыми разными сферами жизни человека (имена собственные называют различные предметы и явления), то ономастические единицы содержат разноплановые данные. Е. Л. Березович выделяет несколько блоков культурно-исторической информации: «информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре» [Березович, с.128]. Блок социокультурных сведений, содержащихся в имени собственном, включает представления о человеке, представления об окружающей природе, информацию, связанную с метафорическим осмыслением действительности – все то, что характеризует восприятие человеком окружающего мира и своего места в нем.

Поставленная проблема разработки методики изучения языковых единиц в аспекте извлечения культурно-исторической информации в лингвистике решается частично за счет этнолингвистического и лингвострановедческого изучения языка. Но если этнолингвистика изучает взаимосвязь традиционной народной духовной культуры русского народа и языка, лингвострановедение рассматривает национально-культурную специфику языка для обучения русскому языку как иностранному (изучая ключевые нациоспецифичные единицы), а лингвокультурология анализирует взаимоотношения языка и культуры, то дисциплиной, которая занимается изучением единиц языка в соотношении с краеведческими данными (историческими, географическими, этническими, демографическими и др.), является лингвокраеведение.

Разрабатываемый нами на основе принципов лингвокраеведческого исследования [см.: Ковалев 2014, с. 233–237] метод анализа ономастических единиц (прежде всего региональных) позволит выявить не только лингвистическую, но и экстралингвистическую информацию (как эксплицитную, так и имплицитную) культурно-исторического и социального плана в ониме. Наиболее содержательны в плане лингвокраеведческого анализа

микротопонимы и региональные антропонимы, ср.: «Микротопонимические названия могут хранить и исторические данные» [Ковалев 2017, с. 12]; «местные топонимические названия хорошо консервируют старую, уже ушедшую из употребления лексику» [Ковалев 2017, с. 13]; «русские фамилии несут в себе и ценнейшую историческую информацию» [Ковалев 2014, с.242].

В основе лингвокраеведческого анализа региональных имен лежит положение А.В. Суперанской о том, что «ономастическое обоснование имени устанавливается из сопоставления реалий той эпохи, когда создавалось имя, с лексическими значениями слов, их обозначающих, на основе значения культурно-исторических условий и при наличии структурных и семантических подтверждений в параллельном материале других территорий» [Суперанская 2009, с.83–84]. А.В. Суперанская замечает, что «доведение имени собственного по первичных апеллятивных основ имеет большой познавательный интерес. Но оно актуально лишь тогда, когда ему находится культурно-историческое подтверждение» [Суперанская 2009, с.84]. Отметим здесь и мнение А.К. Матвеева о необходимости изучать краеведческие данные (в частности, данные местной геологии) при анализе топонимии, поскольку «такой «краеведческий» подход важен для подтверждения собственно лингвистических выводов, что особенно часто наблюдается при изучении левных и иноязычных названий» [Матвеев 1983, с. 105–106].

Под лингвокраеведческим анализом ономастических единиц понимаем методику (процедуру) изучения имен собственных региона на основе привлечения краеведческих сведений.

Понятие «лингвокраеведческий анализ» понимается нами в широком и узком смысле: в широком смысле это методика (процедура) комплексного изучения ономастических единиц (ср.: этнолингвистический анализ, лингвокультурологический анализ), а в узком смысле под лингвокраеведческим

анализом понимаем один из специфических приемов изучения региональных ономастических единиц.

Исходя из этого, лингвокраеведческий анализ в широком смысле слова включает в себя следующие приемы:

1) историческая (историко-культурная, географическая, этнографическая, демографическая и др.) справка о населенном пункте, ономастикон которого изучается (в зависимости от того, какой вид онимов изучается);

2) лингвокраеведческое комментирование языковых фактов (приведение отдельных сведений из истории и культуры края для подтверждения или опровержения этимологии онима, его локальной прикреплённости);

3) лингвокраеведческое описание единиц ономастической системы (характеристика ономастических единиц на основе привлечения сведений из истории, географии, этнографии, археологии края);

4) собственно лингвокраеведческий анализ, состоящий в комплексном изучении семантики онима, мотива номинации, особенностей функционирования онима на основе собственно лингвистических (материалы этимологических словарей, словаря В.И. Даля, словарей русских народных говоров, словарей говоров отдельных регионов, историко-этимологических, энциклопедических и иных словарей) и научных краеведческих данных: исторических (в том числе и архивных), географических, археологических, биологических и иных.

Собственно лингвокраеведческий анализ состоит из следующих последовательно применяемых приемов:

- изучение функционирования онима в контексте (по возможности) – изучение речи диалектоносителей с данным онимом;
- формантный анализ: выделение основы ономастической единицы;

- применение приемов этимологического анализа для установления первоосновы, наиболее ранней формы слова;
- компонентный анализ лексического значения исходного онима / апеллятива – изучение наполнения семемы различного типа семами, в том числе и коннотативными, и потенциальными, и вероятностными;
- выявление актуализированных сем; лингвокраеведческое комментирование семантики языковой единицы: приведение научных краеведческих данных, сведений из документальных источников, подтверждающих возможность существования данного языкового факта в данном регионе при данных условиях в данное время.

Прием проверки правильности сделанных выводов можно осуществлять по схеме: *языковой факт – обстоятельства (условия) – место – время*: 1) могли возникнуть этот языковой факт в языке? 2) существовали ли условия для возникновения этого явления (факта)? 3) могло ли это явление возникнуть в данном регионе? 4) могло ли данное явление (факт) возникнуть в данном регионе при данных условиях в данное время? 5) правилен ли вывод?

Может осуществляться полный и частичный лингвокраеведческий анализ ономастических единиц. При частичном анализе сведения из исторических источников могут приводиться ко всему анализируемому материалу, а не к каждой языковой единице, поскольку семантика лишь части онимов, имеющих яркую региональную специфику, может быть прокомментирована с опорой на конкретные краеведческие сведения (в некоторых случаях, при анализе похожих явлений, это будет способствовать избеганию повторения).

В качестве примера приведем возможно более полный лингвокраеведческий анализ одной из распространенных фамилий городов Борисоглебска и Воронежа – Болдырев. В телефонном справочнике

Борисоглебска за 2007 год эта фамилии указана 15 раз (вариантом фамилии считаем и именование Болдарев) [Телефонный справочник. Воронежская область. Борисоглебск...2007], Воронежа – 346 [Телефонный справочник 2021. Воронеж (Россия)]. Антропоним Болдырев характерен и для других населенных пунктов Воронежской области.

Фамилия Болдырев восходит к прозвищному именованию Болдырь. «Словарь русских народных говоров» включает три омонима к лексеме *болдárь* и три омонима к лексеме *бóлдырь* (два из них *бóлды́рь*), слова *болдырёнок* и *бóлдырка* [СРНГ-3, с.72]. С пометой «донское» отмечены лексемы *бóлдырка* – ‘порода овец, представляющая собой помесь двух видов или пород’ [СРНГ-3, с.72]; *бóлдырь* – ‘то же, что и 3. Болдарь’: 3. Болдárь – ‘ребенок, рожденный от смешанного брака русского с лопаркой или ненкой, вообще с женщиной другой национальности; метис’ [СРНГ-3, с.72]. В этом же значении указанная лексема известна в астраханских, архангельских, оренбургских, самарских, ставропольских, сибирских, уральских говорах [СРНГ-3, с.72]. В воронежских говорах употребляется и слово *болды́рничать* – ‘бездельничать, слоняться без дела’ [СВГ-1, с.123].

В словаре М. Фасмера лексема *бóлдырь* зафиксирована как общеупотребительная в значении ‘ребенок от брака русского с лопаркой или самоедкой [саамкой]’ [Фасмер-1, с.187], с пометой «курское» слово отмечено в значении ‘плетеная из хвороста и обмазанная глиной дымовая труба, выведенная из сеней’ [Фасмер-1, с.187].

В России одно из ранних упоминаний именованя Болдырь относится к концу XV века – в 1495 году, по данным Н.М. Тупикова, в писцовых книгах записан был Якуш Болдырь, крестьянин Коломенского погоста [Тупиков 2004, с. 58]. Из тринадцати антропонимов, указанных Н.М. Тупиковым, семь именовали казаков, преимущественно донских. Более ранний период появления именованя Болдырь не следует рассматривать, поскольку «первые следы

христианских поселений встречаются в пределах Червленого Яра, между Хопром и Доном, около половины XIV в. столетия» [Второв 2012, с. 102]; а «новое заселение края началось не ранее XV столетия» [Список населенных мест ... 1865, с. XX].

На территории Воронежского края, по материалам В.И. Хитровой, одно из ранних упоминаний лексемы *болдырь* относится к концу XVII века (1699 г.): в документах Воронежской приказной избы *болдырь* – ‘человек, родители которого принадлежат разным народностям’ [Хитрова 2022, с. 105].

Смешанные браки на Дону, видимо, являлись обычными, поскольку донскую территорию заселяли люди разных национальностей. Исторические источники подтверждают возможность функционирования слова *болдырь* на территории Воронежского края в указанном выше значении. Воронежский край, «область Дона издревле была занимаема разными кочевыми народами, выселившимися из Азии» [Список населенных мест ...1865, с. XVIII]: это хазары, с начала IX столетия – печенеги, со второй половины XI века до середины XIII века – половцы, с 1223 года – монголы, татары [Список населенных мест ...1865, с. XVIII]; «другим важным для Украины (здесь Украина – окраина государства – Л.В.) событием, отразившемся в истории судоходства, было соприкосновение наше с донскими казаками. Эти разноплеменные выходцы, между которыми главную массу составляли русские и черкасские беглецы, были первыми оседлыми поселениями Донской страны после татарского нашествия» [Малышев 1856, отд. III, с. 58]. Лопари, или саамы, отмеченные в значении лексемы *болдырь*, – это финно-угорский народ, представители этой народности тоже жили на территории Воронежского края: «Среднерусская Черноземная область с самого начала Руси была местом соприкосновения финского и русского оседлого поселения, обитавшего на северо-западе и севере ее, с кочевниками, которые надвигались периодически грозными тучами с юга-востока, из глубины Азии на русские степи и занимали

юго-восточную и южную окраины Среднерусской Черноземной области» [Россия. Полное географическое описание ... 1902, III].

Приведенные материалы определенно показывают, что именование *Болдырь* в России широко стало распространяться с XV в. преимущественно в казачестве, с XVII века – лексема *болдырь* получает распространение в воронежских говорах, следовательно, возможно и возникновение фамилии Болдырев на территории Воронежского края. При этом нельзя исключать и варианта образования фамилии Болдырев от прозвища, связанного с известным в воронежских говорах словом *болдырничать*.

Микротопонимия Воронежского края подтверждает распространенность антропонима Болдырев: в «Словаре микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалевым зафиксировано несколько однокоренных микротопонимов: *Болдырев* – ‘участок леса у с. Щучье Эртильского района’, *Болдырева* (улица) – ‘часть села Истобное Репьевского района’ [Ковалев, 2017, с. 82], вариантом микротопонима является функционирование в с. Истобное и названия хуторок Болдырева [Ковалев, 2017, с. 82].

Проведенный лингвокраеведческий анализ фамилии Болдырев позволяет установить следующее: воронежский антропоним четко указывает на существование контактов разных народов на территории Воронежского края, в частности славянских племен и тюркских и финно-угорских (подтверждаемых и историческими источниками), что отразилось в функционировании прозвищного именованя Болдырь, которое с помощью форманта *-ов* оформилось в русскую фамилию.

Таким образом, на примере воронежской фамилии Болдырев нами показана методика применения лингвокраеведческого анализа для извлечения сведений, относящихся к истории и культуре региона. Полученная информация может быть полезной и для изучения региональной языковой картины мира по данным регионального антропонимикона.

2.5.3 Лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века

Современные методы изучения местных лингвосистем во многом продолжают научные лингвокраеведческие традиции, сформировавшиеся в XIX – начале XX вв.

Методы и приемы изучения языка региона, применявшиеся в исследованиях выдающихся лингвистов XX века А.Н. Гвоздева и В. И. Чернышова, используются в современных лингвокраеведческих исследованиях. Продолжая лингвокраеведческую деятельность В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, И.И. Срезневского, В.И. Даля, А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова, Д.Н. Ушакова, А.Н. Гвоздев и В.И. Чернышов разработали и применили на практике методики изучения русских говоров (во многом эти методики были схожими). В дальнейшем данная методика совершенствовалась в научных исследованиях другими лингвистами.

Целью данного исследования является изучение особенностей методологии лингвокраеведческих исследований А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и описание того, как отражается данная методология в научно-исследовательской работе современных лингвистов.

Новизна исследования состоит в том, что в данной работе нами проводится ранее не предпринимавшийся сопоставительный анализ лингвокраеведческих методик А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и доказывается отражение данных методик в современной лингвокраеведческой работе.

Объект исследования в данном параграфе – лингвокраеведческая деятельность А.Н. Гвоздева, В.И. Чернышова и научно-исследовательская работа современных лингвистов, изучающих особенности языка региона. Предмет изучения – особенности лингвокраеведческой методологии А.Н. Гвоздева, В.И. Чернышова и современных ученых-лингвистов, а также

основные черты лингвокраеведческой методологии А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова, применяемые в научном изучении языка региона в настоящее время.

Отметим, что под лингвокраеведческой исследовательской деятельностью мы понимаем научное изучение языка региона (диалектное, ономастическое и отчасти этнолингвистическое) на основе привлечения данных краеведения.

Лингвокраеведческая методология в работах А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова в основе своей продолжает лучшие традиции исследователей народного языка XIX – начала XX века: 1) в исследованиях применяется метод анкетирования и полевой метод (экспедиционный); 2) к научной работе привлекаются местные жители; 3) языковой материал запрашивается из наибольшего количества населенных пунктов; 4) описание проводится на строгой научной основе и с опорой на данные о крае (исторические, географические, этнографические); исследования опираются на научные работы предшественников.

Рассмотрим особенности исследовательской деятельности А.Н. Гвоздева в области изучения диалектов Пензенской области.

Лингвокраеведческое (диалектологическое) обследование населенных пунктов Пензенской губернии (в настоящее время Пензенской области) осуществлялось А.Н. Гвоздевым прежде всего с помощью метода анкетирования. А.Н. Гвоздевым был изучен говор 408 сел и деревень [Гвоздев, 1925, с. 6].

К особенностям лингвокраеведческой работы А.Н. Гвоздева отнесем следующие: учет результатов проведенных диалектологических исследований предшественниками; привлечение для исследования историко-географических данных о крае; применение анкетирования для упрощения процесса обработки полученного материала; включение в план обследования территорий вопросов, имеющих первостепенное значение для определения типа говора (учет

фонетических и некоторых морфологических явлений в ущерб синтаксическим и лексическим особенностям); привлечение к лингвокраеведческой работе местных жителей – учителей школ, слушателей партийных школ, техникумов; строгий научный отбор материала для исследования; учет системности и последовательности в описании информантом диалекта; опора на краеведческие данные; нанесение на карту полученных данных в виде изоглосс языковых явлений (впервые при изучении диалектов восточнославянских языков метод изоглосс был применен авторами «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» (1915)); системное описание материала и параллельно с составлением изоглосс внесение предложений по исправлению «Диалектологической карты русского языка в Европе» (имеется в виду «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе – Л.В.») [См.: Гвоздев 1925, с. 3–20]. В дальнейшем в рамках теории лингвистической географии метод изоглосс был применен Р.И. Аванесовым в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы».

Особое внимание А.Н. Гвоздев уделял соблюдению принципа достоверности, и для этого им выполнялись следующие условия:

- проверка достоверности полученного в результате анкетирования диалектного материала, в том числе и с помощью личных наблюдений (по возможности);
- разработка анкет специальным образом для получения репрезентативного языкового материала;
- проведение «двойного» анкетирования: получение двух и более ответов от разных лиц в разное время;
- отсутствие информации у заполняющих анкеты о типе и особенностях обследуемого говора для повышения достоверности полученного описания говора (для исключения стремления «подогнать» результаты);

- отбор полученного материала первой (незаполнение программы) и второй степени (исключение из материалов для анализа ошибочных сведений, неточных и неполных ответов, ответов, в которых отмечены орфографические написания вместо фонетических);
- проведение исследования в максимально возможном числе населенных пунктов [Гвоздев 1925, с. 4–5].

Достаточно подробные историко-географические сведения о распределении населенных пунктов по уездам и волостям Пензенской губернии А.Н. Гвоздев приводит в качестве исторической справки-ссылки [Гвоздев 1925, с. 6].

В результате применения разработанной лингвокраеведческой методики была выполнена основная задача А.Н. Гвоздева – «выяснить место говоров Пензенской губернии среди других великорусских говоров, к которым они принадлежат; в частности установить более или менее точное распространение в губернии северновеликорусских, средневеликорусских и южновеликорусских говоров [Гвоздев 1925, с. 6].

Основными методами, которые применял А.Н. Гвоздев в исследовании языка Пензенской губернии, стали: анализ исследований в области русской диалектологии, метод анкетирования (разработка, отбор полученных сведений, анализ, интерпретация анкет), отчасти – полевой метод (метод личного наблюдения), сравнительно-сопоставительный метод, описательный метод, метод изоглосс, прием историко-географического комментирования (историческая справка дается один раз в начале исследования).

Подобную лингвокраеведческую методику использовал выдающийся лингвист В.И. Чернышов. Научные исследования В.И. Чернышова имеют особое значение для русской диалектологии: ученый изучал говоры территории современной Владимирской области, описал говор Петербурга, Москвы, дал характеристику псковского наречия, составил «Программу для собирания

особенностей великорусских говоров», стоял у истоков научного направления, связанного с созданием Диалектологического атласа русского языка.

На основании анализа научных исследований в области русской диалектологии отметим следующие важные особенности лингвокраеведческой методы В.И. Чернышова: учет уже имеющихся исследований относительно изучаемого говора; изучение говора преимущественно в ходе личного посещения населенного пункта, в ходе экспедиций, отчасти – посредством метода анкетирования; обращение с респондентами в личной беседе только к тем людям, которые хорошо знают местный говор, к старожилам, использование для наблюдения материала, сообщенного только коренными жителями населенного пункта; подробное описание изучаемых говоров, при этом в первую очередь учитывались и описывались дифференциальные признаки говора; наблюдение над лексикой говоров, приведение примеров диалектизмов разных типов (фонетических, морфологических, собственно лексических, семантических и др.), учет синтаксических особенностей говора; приведение контекстов употребления слов; составление рекомендаций для осуществления диалектных исследований; критическое наблюдение функционирования диалектов; учет воздействия литературного языка на говоры; учет возраста и пола информантов [Чернышов, 1970, с. 423]; проверка полученных сведений, поскольку одним из важных условий лингвокраеведческого исследования является не количество материала, а его качество, точность и достоверность данных; системное описание языкового материала, преимущественно в виде характеристики каждого населенного пункта, на основе приемов лексикографического описания [см.: Чернышов 1970, с.325–425].

Особую роль в лингвокраеведческой методологии В.И. Чернышова играл краеведческий компонент: ученый настаивал на описании говора населенного пункта в тесной связи с краеведческими данными: исторические, этнографические сведения учитывались им при проведении научного

исследования. В научной исследовательской методологии В.И. Чернышова лингвокраеведческий подход осуществляется более последовательно по сравнению с фрагментарным использованием историко-географического комментирования у А.Н. Гвоздева.

Довольно часто при описании диалекта В.И. Чернышов приводит сведения по истории края, подтверждающие справедливость лингвистических выводов: «Необходимо иметь в виду, что край (Владимирский – *Л.В.*), о говорах которого собраны предлагаемые сведения, заселен известной ветвью новгородского населения...» [Чернышов, 1970, с. 329]; «несколько отрывочных данных о быте и говоре этого населения, которые я здесь сообщаю, может быть, побудят кого-либо из этнографов или диалектологов посетить эту, как мне казалось, благодарную для изучения местность (бывший Верейский уезд «в какой-нибудь сотне верст от Москвы» – *Л.В.*) с целью более пристальных и долговременных наблюдений» [Чернышов 1970, с. 332]; «Изборск, пригород, №1291 (произносится по -местному Избо́рьск); в окрестностях слышно также : Изборьска), большое селение на речке Смóлке, при озере Городищенском и при Соловёнецких ключах. Население занимается земледелием. Торговцы – пришлые люди» [Чернышов 1970, с. 362] и др.

Особо, в качестве рекомендации В.И. Чернышов отмечает, что необходимо описывать состав населения, его занятия, историю населенного пункта, сведения о первопоселенцах, в том числе и по сохранившимся местным преданиям. При этом ученый считает, что отсутствие исторической справки о населенном пункте может привести к искажению лингвистической информации, ошибочности интерпретации диалектного материала, В.И. Чернышов приводит пример одной из таких ошибок [Чернышов 1970, с. 419–420].

К основным методам исследования русских говоров у В.И. Чернышова отнесем полевой метод, метод анкетирования (разработка вопросов,

рекомендаций для организации анкетирования), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный метод, описательный метод, собственно лингвокраеведческий метод (привлечение данных краеведения для объяснения языковых явлений). Отметим, что в научной деятельности В.И. Чернышова лингвокраеведческая составляющая рассматривалась как показатель достоверности сделанных выводов.

Анализ методики организации диалектологических исследований А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышовым позволяет установить основные принципы лингвокраеведческих исследований, применяющиеся учеными:

- строгая научность в отборе материала для исследования и в интерпретации полученных результатов;
- репрезентативность выборки;
- достоверность и точность полученных результатов и выводов;
- системность в описании и учет системности в описании языковых явлений информантами;
- опора на краеведческую составляющую (изучение, помимо лингвистического, и экстралингвистического материала, относящегося к обследуемой местности, привлечение к работе коренных жителей обследуемой местности).

К методам, применявшимся А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышовым в лингвокраеведческой работе, можно отнести: анализ научно-справочной литературы, описательный метод, метод анкетирования, полевой метод, приемы лексикографического описания языковых единиц, методы лингвистической географии, сравнительно-исторический метод, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического подсчета.

На основе анализа современной научной литературы кратко рассмотрим, какие методы используются в лингвокраеведческих исследованиях и какие

традиции в изучении языка региона А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова используются современными лингвистами.

Современные лингвокраеведческие исследования выполняются на основе применения целого комплекса методов. Так, Е.Н. Полякова характеризует проблемы исторической и современной русской лексикологии и ономастики на материале исторических документов: памятников письменности XVI – XVIII вв., а также говоров, городской речи XX – XXI вв. Пермского края, применяя в комплексе различные методы анализа языкового материала.

Е.Н. Поляковой рассматривается широкий круг вопросов лингвистического краеведения: «заселение региона и формирование на его территории русских говоров, взаимодействие их с другими языками, состав и закономерности развития лексики и ономастики края, методы их изучения, происхождение и история отдельных лексем и онома, связи апеллятивов и имен собственных, реконструкция исчезнувшей диалектной лексики по данным памятников письменности и ономастики, отражение особенностей материальной и духовной культуры жителей края в живой речи прошлых эпох и настоящего времени» [Полякова 2006].

Среди применяемых Е.Н. Поляковой методов можно отметить следующие: анализ лингвистической литературы, историко-этнографических краеведческих данных, анализ текстов пермских грамот (объем только рукописных изученных исторических источников оставил более 7000 страниц!), полевой метод (сбор диалектного и ономастического материала в диалектологических экспедициях по вопросникам), описательный, семиотический, сравнительно-сопоставительный (выполняется разноплановый сравнительно-сопоставительный анализ языковых единиц, в том числе и сопоставление языкового материала разных хронологических срезов, пермских и иных говоров, нарицательной и однокоренной ономастической лексики, лексики памятников письменности и живой речи и т.д.), сравнительно-

исторический, методика анализа гнезд однокоренных слов и их синонимов, этимологический метод, методы и приемы лингвистической географии, стилистический метод, приемы стратиграфического метода, приемы комплексного этнолингвистического метода, системно-структурный метод, методы лингводидактики (разработка на основе проведенных лингвокраеведческих исследований учебного пособия для студентов) [Полякова 2006].

Е.Н. Поляковой на основе проведенной научной лингвокраеведческой работы написано учебное пособие «Региональная лексикология ономастика» для студентов-филологов. Справедливо отмечает А.С. Щербак: проблема ономастического краеведения «стала неотъемлемым объектом многих научных исследований как лингвометодическая культурологически ориентированная модель обучения русскому языку» [Щербак 2017, с. 185]. Именно поэтому применение лингвокраеведческого материала в практике обучения русскому языку и русскому родному языку в настоящее время приобретает особое значение [См. подробнее: Верховых 2021].

Система методов, разработанная Е.Н. Поляковой, представляет собой комплексную лингвокраеведческую методологию изучения языковых единиц на материале исторических документов и в соотношении с краеведческими сведениями.

Классические методы исследования, примененные А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышовым при изучении языка региона, существенно дополнены Е.Н. Поляковой другими методами, а традиционные полевой метод, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы используются достаточно широко для проведения многоаспектного анализа материала. Собственно лингвокраеведческий метод (привлечение данных краеведения для объяснения языковых явлений), который применяется Е.Н. Поляковой последовательно на протяжении всего исследования,

многогранен: материал исследования составляют исторические документы, для объяснения языковых фактов используются краеведческие сведения, а результаты работы представляют собой ценный материал для краеведов, учителей школ, для обучения студентов-филологов лингвокраеведческим исследованиям в регионе.

Особенности организации лингвокраеведческой работы последовательно и подробно описаны в исследованиях Л.А. Климковой, например в [Климкова 2017, с. 93–94]. Л.А. Климкова характеризует виды лингвокраеведческой деятельности в вузах России в XX – начале XXI вв.: 30–50-х гг XX века – сбор данных для подготовки Диалектологического атласа русского языка, вторая половина XX века – активизация лексикографической работы: создание диалектных и ономастических словарей; параллельно с лексикографической работой проведение и лингвогеографических исследований, а также изучение историко-культурных зон в лингвокраеведении и (лингво)страноведении, представление результатов лингвокраеведческой работы в виде дидактического материала для обучающихся; «лингвокраеведческое, лингворегионоведческое и шире – этнолингвистическое, этнокультурное прочтение текстов, зафиксированных во время полевой работы, индивидуальной или групповой, а также текстов в изданных хрестоматиях, региональном словаре (или в хрестоматиях, словарях)» [Климкова 2017, с. 93–94]; исследовательская работа в рамках исторического лингвокраеведения, на стыке лингвистического и литературного краеведения, выполнение лингвокраеведческих исследований в коммуникативном аспекте, «исследование языковой личности сельского жителя, диалектоносителя (диалектоносителей), бывшего сельского жителя; создание их речевых портретов; изучение языка города; изучение региональных СМИ» [Климкова 2017, с. 95].

Указанные виды лингвокраеведческой работы можно выполнить на основе применения следующих методов: дескриптивного (описательного),

полевого метода, методов лексикографии, методов лингвистической географии, сравнительно-исторического метода, сравнительно-сопоставительного метода, методов лингводидактики, приемов этнолингвистического и лингвокультурологического методов, стилистического, метода компонентного анализа, методов когнитивно-дискурсивного изучения языка (здесь вполне применимы методы, используемые при описании языковой личности), семиотического, структурно-системного, типологического, метода контекстуального анализа, приемов статистического метода и др.

Для разноаспектного анализа нижегородской микротопонимии Л.А. Климковой была разработана методология исследования, отличающаяся комплексностью применяемых методов: семасиологический (структурно-семантический), ономасиологический, системно-структурный, индуктивный синхронический анализ языкового материала, описательный, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, метод компонентного анализа, когнитивно-коммуникативный, коммуникативно-прагматический, приемы стратиграфического метода, элементы методики «конверсационного анализа», или «анализа разговора», метод количественных подсчетов [Климкова, 2006, 2007, 2008]. Отметим при этом, что в исследовании нижегородской микротопонимии Л.А. Климковой привлекались и исследования археологов, историков, географов, изучающих Нижегородский край.

Традиции лингвокраеведческой работы А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова продолжены и усовершенствованы Л.А. Климковой: выработана комплексная методика разноаспектного анализа языковых единиц региона на основе применения традиционных и новейших методик и подходов, собран и с учетом полифункциональности проанализирован уходящий диалектный материал, имеющий непреходящую ценность, выработаны способы ориентации на краеведческие сведения при изучении языковой специфики региона.

В основе методики изучения и описания микротопонимии Воронежской области Г.Ф. Ковалева, отразившейся в создании двухтомного «Словаря микротопонимов Воронежской области», – полевой метод, метод анкетирования, анализ научно-справочной, краеведческой литературы и исторических источников, методы современной лексикографии, описательный, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, этимологический анализ, метод компонентного анализа, приемы историко-географического и историко-культурного комментирования языкового материала, приемы методики дискурсивного изучения языка, метод контекстуального анализа лексем в диалектном тексте и др. [См.: Ковалев 2017]. В словаре для иллюстрации значения слова и особенностей его употребления приводятся лингвистический – примеры функционирования слова в живой народной речи – и краеведческий материал – исторические, историко-географические сведения, топонимические легенды, данные для сопоставления с лингвистическими фактами, и др. [См. Ковалев 2017, с. 5, 6, 7, 9, 12, 13, 15, 16, 18, 44, 45, 51, 53, 54 и др.]. Лексикографическое описание воронежской микротопонимии выполнено на основе лингвокраеведческого подхода (метода).

Г.Ф. Ковалев отмечает важность изучения региональных имен собственных и то, что для ареала Воронежская область ценны как русские, так и украинские названия [Ковалев 2014, с. 226–268]. Для лингвокраеведческих исследований необходимо привлекать краеведческий материал, извлекать местные названия из художественной литературы, местного фольклора, телефонных справочников, исторических документов края, публикаций в местных газетах и др. [см.: Ковалев 2014, с. 234, 236, 237, 242, 247–249].

Научно-исследовательская методология, разработанная Г.Ф. Ковалевым, последовательно отражает как методы, ранее примененные А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышовым, так и актуальные в настоящее время лингвистические методики с учетом данных краеведения.

Изучая когнитивную и языковую специфику репрезентации ономастических знаний в языке на материале ономастикона Тамбовской области, А.С. Щербак применяет комплекс методов, позволяющих изучить концептосферу ономов, функционирующих в речи жителей Тамбовского края. Среди основных методов, применяемых А.С. Щербак в изучении концептосферы регионального ономастикона отметим как традиционные для лингвистического (диалектологического) исследования: методы непосредственного наблюдения и описания, полевой метод, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический, приемы статистического и стратиграфического методов, методику компонентного анализа, так и новейшие: метод концептуального анализа, метод когнитивного моделирования [См.: Щербак 2006, с. 16, 57, 100-110, 150–164]. Особо отметим применение в ходе исследования А.С. Щербак собственно лингвокраеведческого метода: изучение концептосферы онимов Тамбовской области осуществляется в тесной связи с краеведческими данными (исторического, историко-географического, историко-культурного, историко-этнографического, статистического плана) [см. подробнее: Щербак 2006, с. 41, 42, 57, 62, 63–66, 180, 188 и др.]. Для комментирования лингвистических наблюдений и выводов А.С. Щербак последовательно использует краеведческие сведения, что, безусловно, определяет достоверность и точность сделанных выводов. Отметим, что в данном случае в полной мере реализуется требование В.И. Чернышова о необходимости учета историко-культурных сведений о населенном пункте, говор которого изучается.

В научно-исследовательской деятельности Ю.И. Чайкиной также отражены основы методологи А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова. При сравнительно-сопоставительном изучении вологодской и воронежской антропонимии первой половины XVII века Ю.И. Чайкина использует следующие основные методы: описательный, диахронический анализ языкового

материала, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, структурно-системный, семиотический, этимологический, статистический [Чайкина 2004]. Отметим, что исследование осуществляется на материале писцовых и переписных книг Вологды и Воронежа.

В.И. Дьякова и В.И. Хитрова, изучая воронежскую географическую лексику, применяют следующие методы: описательный, полевой метод, семасиологический (структурно-семантический), синхронический и диахронический анализ языкового материала, методы лексикографии, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, ареальный метод. Материалом исследования послужили воронежские памятники письменности XVII–XIX вв., а также живая речь носителей воронежских говоров [Дьякова, Хитрова 2009], что также свидетельствует о лингвокраеведческом подходе в исследовании и в значительной степени реализации методологии А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова.

Укажем здесь лишь несколько работ (подобных примеров множество), в которых проводится изучение языка региона (диалектных особенностей, ономастикона) на основе привлечения данных краеведения, что свидетельствует о реализации основ лингвокраеведческой методологии А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова в современных научных трудах [Брысина, Супрун 2020; 2021; Бурыкин 2019; Васильев 2020; Васильев, Вихрова 2019; Верховых 2019; Ганцовская, Неганова 2018; Жамсаранова 2021; Климкова 2018; Костючук 2020; Крюкова 2022; Королева 2021; Кюршунова 2020; Мызников 2021; Неганова 2021; Попов 2020; Супрун 2014, 2020, 2022 и др.]. Отметим также, что на данном этапе развития лингвистики значительное число исследований в области ономастики, в том числе и региональной ономастики, включают в качестве источников разноплановый краеведческий материал [См.: Мадиева, Супрун 2017, с.18–19], что, несомненно, способствует воплощению лингвокраеведческого подхода в научных исследованиях.

Проведенное изучение особенностей реализации методологических подходов в научных исследованиях лингвистами позволяет констатировать тот факт, что методики изучения языка регионов, примененные А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышовым и современными исследователями, имеют общие установки, методы и принципы.

Современные лингвокраеведческие исследования в значительной степени отражают методологическую основу лингвокраеведческой работы А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова, определяя важность для анализа таких параметров, как научность, точность, репрезентативность, системность и опора на краеведческие сведения в научном исследовании. Традиционные методы изучения языка региона совершенствуются в применении, дополняясь новейшими методиками анализа языкового материала в соответствии с актуальными подходами к изучению языковых единиц в современной лингвистике.

Выводы по второй главе

В ходе изучения научного материала нами было установлено, что в настоящее время лингвокраеведение представляет собой комплексную, интегративную дисциплину, которая образована на стыке диалектологии, ономастики и краеведения; лингвокраеведение имеет лингвистический предмет изучения.

Анализ работ научного и научно-методического характера позволил определить значение термина *лингвокраеведение* в современном русском языке.

В современном научном узусе термин *лингвокраеведение* является многозначным и имеет следующие значения: это комплексная лингвистическая наука, изучающая особенности языка какого-либо края с учетом данных краеведения; научное направление исследований; учебный предмет, изучающий

данную науку; система знаний об особенностях языка того или иного края и процесс получения подобных знаний.

Лингвистическое краеведение находится в системе лингвистических дисциплин и отличается от смежных наук по предмету изучения (специфический предмет изучения лингвокраеведения – региональные особенности языка, рассматриваемые в соотношении с краеведческими данными), связи с разнообразными сведениями краеведческого характера (изучение языка региона осуществляется в связи с обращением к историческим, историко-культурным, этнографическим, археологическим, географическим и иным сведениям о крае); субъекту, осуществляющему лингвокраеведческие исследования (в отличие от лингвострановедения, ориентированного на изучение сведений о стране иностранными гражданами, лингвокраеведение предполагает изучение языка родного края носителями этого языка).

Основной целью лингвистического краеведения является изучение особенностей языка региона в различных формах и сферах функционирования (в народных говорах, в региональном ономастиконе и фольклоре, в художественной литературе и публицистике, относящихся к краю, в исторической литературе и архивных документах) на основе привлечения краеведческих сведений.

В процессе исследования выделены типы лингвокраеведения: школьное лингвокраеведение и академическое, или научное лингвокраеведение.

В зависимости от краеведческих источников, привлекаемых для анализа языковых единиц, и интергации с лингвистикой определенного направления краеведения охарактеризованы следующие виды лингвокраеведения: историческое лингвокраеведение, географическое лингвокраеведение, этнографическое лингвокраеведение, литературно-лингвистическое краеведение, интегрированное лингвокраеведение, педагогическое лингвокраеведение.

В зависимости от предмета изучения и с учетом сложившейся практики выполнения научных лингвокраеведческих исследований рассмотрены следующие аспекты академического, или научного лингвокраеведения: диалектологическое, ономастическое, этнолингвистическое (этнолингвокраеведение), лингвофольклорное краеведение, лингвокультурологическое, этнолингвокультурологическое, этнопсихоллингвистическое, лингводидактическое.

Изучение историко-лингвистических исследований позволило установить, что истоки научной лингвокраеведческой деятельности в России связаны с деятельностью В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова, заложившего прочный фундамент научных исследований в области русской диалектологии, региональной ономастики, лингвокраеведения.

Вклад М.В. Ломоносова в развитие отечественного лингвокраеведения состоит в том, что ученый создал первичную научную классификацию диалектов, ставшую основой разграничения наречий в русском языке; в научной практике при лингвистическом описании обращался к народному языку; разрабатывал вопросники для изучения местной истории, географии, географических объектов и их названий; применил метод непосредственного опроса коренных жителей населенного пункта, трансформировавшийся в полевые исследования, экспедиционную деятельность ученых и студентов; вслед за В.Н. Татищевым соединил историко-географическую краеведческую и лингвистическую информацию в научном описании, первоначально географическом (при подготовке материалов для «Российского атласа»), что стало основой синтезированного лингвокраеведческого описания единиц языка; обратил особое внимание на фонетические признаки диалектов, как на одну из главных отличительных особенностей языка изучаемого края; применил собранный достоверный топонимический материал для уточнения (составления) карт.

В данной главе отмечено, что первоначальное научное изучение русского языка с учетом и на основе данных о крае связано с научной деятельностью М.В. Ломоносова, хотя ряд интересных наблюдений принадлежит и В.К. Третьяковскому, сделавшему отдельные замечания о диалектных особенностях произношения во второй половине XVIII – XIX вв.

Установлено, что научная лингвокраеведческая деятельность (первоначально как сопутствующая биологическим и историко-географическим исследованиям) была успешно продолжена как учеными-нефилологами С.Г. Гмелиным, Е.А. Болховитиновым, Н.И. Надеждиным, Е.В. Барсовым, так и лингвистами, в числе которых выдающиеся исследователи языка А.И. Подвысоцкий, В.И. Даль, И.И. Срезневский, Ф.М. Пискунов, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский и др.

Дальнейшее изучение местной лингвосистемы учеными-лингвистами способствовало развитию диалектологии, региональной ономастики и лингвокраеведения.

В ходе исследования исследования были выделены следующие этапы развития отечественного лингвокраеведения: донаучный период (с 20-х годов XVIII века до конца 40-х гг. XVIII века), ломоносовский период, или начальный научный период (с конца 40-х гг. XVIII века до конца XVIII века), начальный теоретико-лексикографический период отечественного лингвокраеведения (конец XVIII века – конец XIX века), родиноведческий период (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.), основной теоретико-лексикографический период развития лингвокраеведения, период развития лингвокраеведения как учебной и научной дисциплины (вторая половина XX – 20-е годы XXI века).

Анализ научных лингвокраеведческих исследований ученых показал, что основными направлениями лингвокраеведческой деятельности в XX веке стали диалектологическое и ономастическое, а в XXI веке – диалектологическое, ономастическое и этнолингвистическое, только начинают развиваться

психолингвистический и этнолингвокультурологический аспекты изучения языка региона. Для научных лингвокраеведческих исследований XXI века характерна полипарадигмальность.

Воронежское лингвокраеведение как компонент общенационального лингвокраеведческого направления изучения языка представлено диалектологическим, ономастическим (изучение регионального ономастикона и литературной ономастики, относящейся в Воронежскому краю), этнолингвистическим (изучение языковой картины мира), лингвокультурологическим (описание языка личности) и отчасти социолингвистическим аспектами. Лингвокраеведческие исследования (научный руководитель – проф. Г.Ф. Ковалев) в основном полипарадигмальны, то есть выполнены в русле нескольких подходов к изучению языка региона, в комплексе этих парадигм. В XXI веке среди ономастических направлений, безусловно, актуальным является и лингвокраеведческое, которое дополняет различные аспекты изучения языкового материала.

В работе был описан лингвокраеведческий анализ региональных ономастических единиц как интегрированный метод, без которого невозможно изучать ономастические единицы, претендуя на объективность проведенного исследования.

Понятие «лингвокраеведческий анализ» рассматривается в широком и узком смысле: в широком смысле это методика (процедура) комплексного изучения ономастических единиц (ср.: этнолингвистический анализ, лингвокультурологический анализ), а в узком смысле под лингвокраеведческим анализом понимаем один из специфических приемов изучения региональных ономастических единиц. Лингвокраеведческий анализ в широком смысле слова включает в себя следующие приемы: 1) историческая (историко-культурная, географическая, этнографическая, демографическая и др.) справка о населенном пункте, ономастикон которого изучается (в зависимости от того, какой вид

онимов изучается); 2) лингвокраеведческое комментирование языковых фактов (приведение отдельных сведений из истории и культуры края для подтверждения или опровержения этимологии онима, его локальной прикреплённости); 3) лингвокраеведческое описание единиц ономастической системы (характеристика ономастических единиц на основе привлечения сведений из истории, географии, этнографии, археологии края); 4) собственно лингвокраеведческий анализ.

Отмечено, что все виды организации лингвокраеведческих исследований в той или иной мере способствуют изучению национально-региональной специфики русского языка, сохранению национальной идентичности, поскольку в научный оборот вводится значительное число (общее количество языковых единиц практически невозможно подсчитать) региональных языковых единиц, зафиксированных ранее в исторических источниках или собранных и охарактеризованных в ходе полевых исследований. Особое значение проделанная лингвокраеведческая работа имеет в плане сохранения национальной культуры, национальной самобытности, ведь изучая народную речь и ее проявления, лингвисты сохраняют для потомков уходящий материал, а студенты и аспиранты учатся ценить сокровища национальной культуры, отраженные в русском языке, и транслировать аксиологические установки следующим поколениям исследователей.

ГЛАВА III.

ИЗУЧЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ОНОМАСТИКОНА В КОНТЕКСТЕ
ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОЙ СУБПАРАДИГМЫ**3.1. Использование лингвокраеведческого подхода при изучении
региональной антропонимии****3.1.1. Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при
изучении фрагментов региональной языковой картины мира****3.1.1.1. Воронежский антропонимикон в контексте региональной языковой
картины мира (представления о человеке, отраженные в сельской
антропонимии)**

Языковые единицы регионов составляют уникальный пласт национального языка, позволяющий изучать региональную языковую картину мира и шире – национальную картину мира, поскольку являются лингвистическими репрезентантами культуры. Под языковой картиной мира В.А. Маслова понимает совокупность знаний человека, отраженных в языке, языковой форме [Маслова 2001, с.64].

Изучая специфику языковой картины мира, лингвисты приходят к выводам о связи языка и национального мировосприятия. Так, Ю.Д. Апресян считает, что «языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, то есть отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков. Реально «особый способ мировидения» проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [Языковая картина мира... 2006, 35]. Также А. Вежбицкая устанавливает связь языка и национального характера носителей

языка на основе этноспецифичной лексики [Wierzbicka 1992], анализирует языковые единицы для установления этнопсихологических и этнофилософских особенностей языка [Wierzbicka 1992, с.31–44]. Подобная мысль утверждается и в исследованиях А.Д. Шмелева, который характеризует особенности русской языковой картины мира [см.: Шмелев 2002], описывая связь мышления человека и его родного языка: «В языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; <...> овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка» [Шмелев 2002, с. 12]. При этом А.Д. Шмелев полагает, что «своими особыми картинами мира характеризуются различные диалекты русского языка, язык фольклора» [Шмелев 2002, с.15].

Интересными в контексте изучения национальной картины мира являются антропонимы, в частности фамилии, сохраняющие в себе «ценнейшую историческую информацию» [Ковалев 2014, с. 242]. Антропонимы вообще – личные имена, отчества, фамилии, прозвища – и фамилии в частности – особая группа лексики, отражающая не только региональную специфику языковой картины мира, но и национальную. Ю.Д. Апресян отмечает, что «непереводимость всегда считалась свидетельством этноспецифичности» [Языковая картина мира... 2006, с. 35], на что обращают внимание и Анна Вежбицкая, и А.Д. Шмелев, и другие лингвисты. Отметим, что собственные имена как раз и обладают таким свойством непереводимости.

Изучение воронежских антропонимов в разное время осуществлялось Е.А. Болховитиным (1800), М.В. Федоровой (1972), Н.К. Фроловым (1969, 1973, 1977 и др.), Г.Ф. Ковалевым (2000, 2002, 2003, 2014 и др.), Е.И. Съяновой

(2007), Л.Н. Верховых (2008), Л.Д. Гореловой (2011), опубликованы отдельные статьи А.А. Ахметшиной (2020) и И.С. Сениной (2021); Т.А. Литвиновой изучаются диалектные номинации человека (2011), однако анализа воронежской антропонимии в аспекте изучения региональной языковой картины мира (область представлений о человеке) не проводилось.

В данном параграфе нами рассматриваются антропонимические единицы Воронежской области для реконструкции фрагмента языковой картины мира: используются ономастические единицы, представленные в воронежском антропонимиконе отдельных населенных пунктов, составленном по результатам анализа похозяйственных книг сельских администраций, телефонных справочников; в ходе анализа рассматриваются как русские, так и украинские фамилии.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей региональной языковой картины мира, отраженной в воронежском антропонимиконе (область представлений о человеке). Новизна исследования состоит в том, что в работе впервые характеризуется фрагмент региональной картины мира (область представлений о человеке) на примере анализа официальных фамилий жителей следующих населенных пунктов Воронежской области: села Абрамовки Таловского района, села Красного Новохопёрского района, села Листопадовка Грибановского района, села Малые Алабухи 1-е Грибановского района, села Терновка Терновского района. Всего было проанализировано более 4000 фамилий (жителей в данных населенных пунктах более 7000 человек).

Анализ антропонимического материала в данном исследовании опирается в том числе и на один из основных принципов русского ономастикона – этноцентрический, заключающийся в анализе антропонимов «с учетом национальных мыслительных возможностей» [Щербак 2003, с.132]. Полагаем, что в данном случае важно применять и принцип ареального анализа антропонимов, который состоит в том, чтобы среди основных значений

диалектных лексем, лежащих в основе некалендарных фамилий данного региона, отдавать предпочтение тем значениям слов, которые характерны для лексем анализируемого ареала и близлежащих регионов.

Для изучения особенностей региональной языковой картины мира, отраженной в воронежском антропонимиконе (область представлений о человеке), из общего состава официальных фамилий нами были выделены некалендарные фамилии как наиболее ярко отражающие фрагмент региональной картины мира в части представлений о человеке, поскольку некалендарные фамилии образовались от патронимов, восходящих к региональным прозвищам, зачастую имеющим диалектный характер, что, безусловно, и составляет национально-региональную специфику антропонимикона. Как известно, календарные фамилии (Александров, Алексеев, Петров, Семенов, Тихонов, Трофимов и под.) образованы от патронимов, восходящих к календарным именам, значительная часть которых русским языком заимствована, поэтому в данном исследовании подобные фамилии не рассматриваем.

Всего нами было выделено девять групп антропонимов, отражающих представление о человеке: фамилии, в которых отражено представление о внешности человека; фамилии, в которых отражено представление об особенностях поведения человека; фамилии, в которых отражено представление о характере человека; фамилии, в которых отражено представление об умственных способностях человека; фамилии, в которых отражено представление об особенностях речи человека; фамилии, отражающие представление о семье человека или ее отсутствии, о родственных отношениях; фамилии, отражающие представление об этнической принадлежности человека; фамилии, отражающие представление человека о ремесле, виде деятельности; фамилии, отражающие представление человека о прежнем месте жительства человека.

Рассмотрим состав выделенных групп.

1. Фамилии, в которых отражено представление о внешности человека. Эта группа представлена двумя подгруппами.

1) Фамилии, отражающие физиологические особенности человека (характерные признаки человеческого тела): Безруков, Безручко, Зубков, Глазков, Гладков (*гладкий* – упитанный), Глухов, Глушков, Глущенко, Глушков, Губанов, Губачев, Долгов (*дóлгий* – длинный), Дыхненко (о хлебе, тесте: «*юж. дьхлый* – пышный» [Даль- 1, с. 508]), Зюбин (в основе фамилии патроним Дзюба, который восходит к слову *дзю́ба* – «наклеваный плод; рябой, щедровитый, лицо или человек, изрытый оспою» [Даль-1, с.435]), Кирнос, Кирносов (лексема *корносый* имеет значение «у кого нос будто окорочен, мал, туп, вздернут» [Даль-2, с.165–166]), Косолапов, Кривобоков, Кривоносов, Кривоусов, Кудрявцев, Кудряшов, Ломоносов, Лысеноков, Малышкин, Малеев, Малюков (*малю́к* – малыш [СРНГ-17, с.346]), Малютин (*малю́та* – «малютка, малыш. Тульск.; о взрослом человеке, который любит дурачиться в компании людей. Курск.» [СРНГ-17, с.346]), Масычев (ср.: воронежское *ма́сенький* – маленький; *масéта* – малыш [СРНГ-17, с.381]), Махотин (*ма́хонький* – мальненький), Миловидов, Маршавин (ср.: укр. *мирша́вий* – хилый [Авдеева-1, с.219]), Махортов (ср.: *мухо́ртый* – «о челов. тмб. слабый, хилый, тощий и малорослый» [Даль-2, с.363]), Мордасов, Носач, Пузаков, Росляков, Рябенков, Рябикин, Рябченко, Суханов, Сухарев (*сухарь* – *переносн.* сухощавый человек, также возможно и образование фамилии от патронима, восходящего к прямому значению слова), Сухачев, Суховершев, Суховершин, Сухочев, Сухинин, Суховерков, Толстенко, Усачёв, Усиков, Усов, Ушаков, Чупрыкин, Чупряев, Шеин, Широбоков, Щербаков, Щербаха, Щербинин, Щечин.

2) Фамилии, отражающие особенности внешности, обусловленные колоративным признаком (цвет волос, глаз, усов и под.): Белов, Белоусов,

Беляев, Беляков, Жученков (*жу́ковий* – очень черный [Авдеева-1, с.127]), Руденко (*рудой* – «юж. зап. рыжий и рыжебурый» [Даль-4, 108]), Рыжков, Седых, Чернавин, Чернов, Чернышов.

2. Фамилии, в которых отражено представление об особенностях поведения человека. Это фамилии Бабич (*бабёй* – «любитель ухаживать за женщинами, волокита. Курск. Калуж. Орл. *Ба́бич*. Нижегородск.» [СРНГ-2, с. 17, 20]), Бакушин (*Буку́ш* – ленивый человек, новгородское [СРНГ-2, с.64]), Балабанов, Балакирев, Бредихин (*бредіть* – «1.Бередить. Пск. Твер. 2. Беспокоить, зудеть, щекотать. Пск. Твер. 3. Мешать кому-либо, не давать покоя. Пск. Твер.. 4. Проказничать, шалить. Волог. Вят.» [СРНГ-3, с.171]), Бессонов, Булгаков (тюркск. *булга* – суета [Фасмер-1, с.238]), Верченко, Гомозов (*гамаза́* и *гомоза́* – 1. Непоседа, егоза; беспокойный суетливый человек, в том числе и ворон.; надоедливый человек. Хоперск., донск. 2. Гомоза – «суетливость, торопливость; непоседливость. Ворон. 3. Беспокойство, забота; волнение. Ворон.; бессонница. Ворон.» [СРНГ-6, с.125]); Диваков (*диво́к* – «юж. зап. странный человек, чудака, чудодей» [Даль-1, с.435]), Добродеев, Зацепилин, Каверин (*ка́верить* – «болеть, немогать; кашлять. Сев.-Двин.» [СРНГ-12, с.293]); Лаенко (*укр. ла́йка* – ругань [Авдеева-1, с.194]), Лежнев, Лотырёв (*лоты́рь* – юж. западн. гуляка, лодырь [Даль-2, с.274]); Майстренко (*укр. майструва́ти* – мастерить), Молчалов, Моргунов, Обьедков, Позднов, Полежаев, Помогалов, Прокудин (*праку́дить* – «проказить, бедокурить» [Фасмер-3, с.374]), Прыгунков, Скачков, Талдыкин (*талды́кать* – «1. Повторять, твердить одно и то же. Донское. 2. Разъяснять, убеждать, толковать. Донское. 3. Вести пустые разговоры, пустословить. Курское, донское» [СРНГ-43, с.241]), Тихоненко, Удалов, Чистяков, Чупин (в словаре В.И. Даля лексема *чупа* зафиксирована в значении «чумичка, замарашка, грязнушка; неряха» [Даль-4, с.615]), Шабунин (*шабуня́ть* – «ниж. мак. подшучивать» [Даль-4, с.637]); Шалин (*шаль* «дурь, взбалмошность или блажь; одуренье, ошалелость»

[Даль-4, с.619)]; Шарпшков (лексема *шáрпать* имеет значение «юж. и кстр. шарить, обирать, обдирать; шаркать, скрести, царапать, чесать, драть» [Даль-4, с.622]), Шмаров (*шмáрить* – «южное, западное, псковское бить, особ. плетью, кнутом; опалить» [Даль-4, с.640]; *шмáрить* – «хлестать, бить» [Фасмер-4, с.458], *шмаровáть* – «мазать» из польского *smarować* от ср.-в.-н. *swir(w)en* – «мазать, колотить» [Фасмер-4, с.458]; здесь нельзя исключить и варианта происхождения фамилии, связанного с лексемой *замазанный*); Шаталов (*сибирская* лексема *шатáла* имеет значение «шатун, кто шляется без дела» [Даль-4, с.624]).

3. Фамилии, в которых отражено представление о характере человека: Бойко, Бойченко, Вялый (*вя́лый* – неповоротливый человек, разиня [Даль-1, с.338]), Дубинин (*дуби́на* «тупой, глупый, упрямый человек» [Даль-1, с.498]), Дюков (*дюк* – «влд. молчаливый или угрюмый человек, медведь, бука» [Даль-1, с.512]), Коверзнев (*ка́верзный* – «к каверзам относящийся; затейливый и проискливый, ябедный» [Даль-2, с.71]); Лихачёв, Макурин (*макура* – «близорукий, подслеповатый либо хмурый, насупившийся человек» [Ганжина 2001, с.305]), Пискунов (*пискун* «писклявый человек либо животное»; птенец [Даль-т. 3, с.115]), Растяпин, Рюмин (*рюма* «ряз. смб. плакса, хныкса, рева» [Даль-4, с.123]), Сапегин (*сапéга* – «Бранно. Растяпа, увалень (о человеке). Урал.» [СРНГ- 36, с.124]), Смирнов, Удалов, Хнычков (*хны́кала, хны́кса, хны́ка, хны́ра тамб ., пск.* – «писклявый, плаксивый; клянча, канюка, попрошайка» [Даль-4, с.571]), Шипулин (*вятск. шипуля* – «тихий, медленный» [Никонов 1993, 169], хотя шипулей могли назвать и человека по особенностям произношения, ср.: *шипеть* – «издавать звук в роде шишканья, шиканья; сипеть» [Даль-4, с.633–634]), Шипоров (*шипорить* – «ярс.-ром. (щипать?) перебирать, копать. Ягнята сенцо шипорят» [Даль-4, с.633]), Щелканов (*щелка́н* и *щелку́ха* – «бойкая, бранчливая баба» [Даль-4, с.674]), Шумейко, Щиров (*щирый* – юж. зап. искренний, нехитростный [Даль-4, с.658]).

4. Фамилии, в которых отражено представление об умственных способностях человека: Востриков (*вострик* < *остряк* – «человек острого ума и охочий острить, говорить остро, шутливые либо едкие насмешки» [Даль-2, с.729]), Мозговой, Разумовский.

5. Фамилии, в которых отражено представление об особенностях речи человека: Гугнин (*гугни́веть* – заикаться, тамбовское [СРНГ- 7, с.199]); Хрыкин (*хрыкать* – издавать звуки горлом), Шамонин (*шамо́нить* – «говорить как беззубый» [Даль-4, с.620]), Шакин (*ша́кать* «кричать хрипло, шипеть селезнем» [Даль-4, с. 619]).

6. Фамилии, отражающие представление об этнической принадлежности человека: Болдырев (лексема *болдырь* имеет разветвленную систему значений в русских народных говорах, в одном из значений слово употребляется повсеместно: *бо́лдырь* – в том числе и донское: «ребенок, рожденный от смешанного брака русского с лопаркой или ненкой, вообще с женщиной другой национальности; метис» [СРНГ-3, с.72–73], Калмыков, Черкасов.

7. Фамилии, отражающие представление о семье человека или ее отсутствии, о родственных отношениях: Безбабный, Бобылев, Диденко, Дядиченко, Пятибратов.

8. Фамилии, отражающие представление человека о ремесле, виде деятельности.

Барышник (*барышник* – перекупщик, торгаш [Даль-1, с.52]); Бердник (*бердник* – изготовитель берд; *берда́* – «часть ткацкого ткани» [СВГ-1, с.97–98]); Бондарь, Бондаренко (*бо́ндарь* – «южное, западное, тверское бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду» [Даль-1, с.114]); Бортко (однокоренные лексемы *бортовщи́к*, *бо́ртник* называют того, «у кого есть лесное пчеловодство, борти на деревьях; пчеловод, пчельник, пасечник, хозяин или уходчик за бортями, за пчельником, пасекою» [Даль-1, с.120]. В основе фамилии может быть и прозвище Бортко, данное по внешнему виду

человека (сухощавый высокий человек)); Бочаров (слово *бочар* является производным от лексемы *бочка*; возможно, фонетический вариант немецкого Böttcher – *бондарь, бочар* [Фасмер-1, с.202]); Бурлаков («*бурлака* юж., *бурлак* вост. – крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особенно на речные суда; *южное* неженатый, холостой, одинокий, бездомок, шатун, побродяга; буйный, своевольный, грубый, дикий» [Даль-1, с.145]); Возник; Гетманчук; Гончаров (*гончар* – «горшечник, горшеня, глинный, глинчар, скудельник, мастер глиняной посуды» [Даль-1, с.385]); Горшенев (*горшеня* – «мастер глиняной посуды» [Даль-1, с.385]); Дьячко (дьячок – низший церковный служитель, причетчик, псаломщик); Золотарев (лексема *золотарь* в XIX веке имела следующие значения: «позолотчик по дереву; *сиб.* служащий по золотым промыслам; отходник, *юж.* парашник» [Даль-1, с.715]); Игуменов; Иконников (*иконник* – мастер, который пишет иконы, продает их [Даль-2, с.38]); Каданин (Каданя < Кадаш < *кадаш* «бочар, кадочник. Влад. Ряз.» [СРНГ-12, 298]); Калашников (*калачник* – «кто печет калачи, ими торгует» [Даль-2, с.76]); Ковалев, Ковалевский, Коваленко («*коваль* южное, *ковач* восточное, *ковец* псковское – кузнец» [Даль-2, с.129]); Ковешников (*ковец* – «пск. кузнец; *ковач* – большой молот» [Даль-2, с.129]); Коновалов (лексема *коновал* отмечена в значениях «простой, неученый конский лекарь» [Даль-2, с.158]); Кравцов (*кровец, кравец* – «южное, *западное* портной» [Даль-2, с.200]); Красильник («кто красит пряжу, ткани, кожу» [Даль-2, с.189]); Кузнецов, Кучеров; Лушников (*лучник* – «сагайдачник, вообще воин, вооруженный луком» [Даль-2, с.277]; вятская лексема *лучить* обозначает «*лукать*, бросать; *оренб.* бить из лука стрелкою, более о рыбе» [Даль-2, с.277]); Майоров; Меняйлов; Мельников; Мясников; Овчинников (*овчинник* – «выделывающий овчины, скорняк» [Даль-2, с.662]); Олейников (*олейник* – «юж. зап. маслобой, маслобойщик, масляк» [Даль-2, с.670]); Пашенцев (ср.: пашенный и непашенный – «человек, занимающийся / не занимающийся хлебопашеством, неся тягло» [Полякова 2006, с.251]);

Пивоваров; Плотников; Плужников (*плужник* – «плужной сошник, лемех; плужной пахарь» [Даль-3, с.129]); Праслов (лексема *прáсол* обозначает «скупщик мяса или рыбы (для соленья?) для розничной, мелочной распродажи; *тамб.* гуртовщик, торговец скотом» [Даль-3, с.394]); Понаморев; Пономарев (пономарь – церковный служитель); Попов (поп – священник; фамилию Попов мог получить и крестьянин, служащий или работающий у попа (священника)); Попченко; Портяной; Распопов; Решетников («кто работает решета» [Даль-4, с.96]); Рыбальченко; Сальников (*сáльник* – «тот, кто занимается вытопкой сала в салотопне (сальне) и продажей его» [Ганжина 2001, с.422]); Сапожников; Синельников (*синильник* – «мастер, красящий ткани в вайду, в кубовую краску, *местами в деревн.* красильщик вообще» [Даль-4, с.191]); Складаров (скляр – «стекольщик, стеклодув» [Ганжина 2001, с.436]); Смышников (*смьíшленик* – «стар. механик, инженер, искусник» [Даль-4, с.246]); Сотников; Сыщиков; Ткачев; Ткаченко; Токарев; Третинников (в словаре В.И. Даля лексема *третнѣик* имеет разветвленную систему значений; в данном случае полагаем, что третинником мог быть назван пахарь, ср.: *третнѣик* – «пахарь из трети, третьей доли» [Даль-4, с.441]; также возможны и другие значения слова, ср. *третнѣик* – мера земли или чугуна [Даль-4, с.441]); Чеботарев (*чеботáрь* – «*нвг. влгд. твр. ниж.* сапожник» [Даль-4, с.603]); Чередников; Чередниченко (слово *череднѣик* в XIX веке имело значения «*юж. нврс.* пастух при череде, при крупном скоте» [Даль-4, с.609]; «почечуйная, живокость» [Даль-4, с.609]), Чумаков (слово *чумáк* обозначало в XIX веке «*юж. нврс. сар. млрс.* протяжной извозчик на волах (в былое время отвозили в Крым и на Дон хлеб, а брали рыбу и соль)» [Даль-4, с.633]); Шаповалов («шляповал, или кто валяет магерки (валеная белая шапка) или вообще кошмы (войлок, сваленный из овечьей шерсти), войлоки; шерстобит» [Даль-4, с.640]); Шептунов (шептунами называли знахарей); Шевченко; Шевцов (*швец* – «*влд. тмб. ярс. вят. прм. нвг. ол.* портной и

портниха, кто шьет одежду; простой крестьянский портной; швец, более шубник, тулупник» [Даль-4, с.655]).

9. Фамилии, отражающие представление человека о прежнем месте жительства человека (многие оттопонимные фамилии имеют форманты *-ск-*, *-цк-*): Варварский, Вышегородских, Городецкий, Камышанский, Ломовцев (откатойконимная фамилия), Мореховский, Ольховатский, Ряснянский, Уральский, Шацкий, Яицкий.

Выделенные группы воронежских антропонимов дают достаточно полное представление о фрагменте региональной языковой картины мира в плане представлений о человеке. Восстановленный нами фрагмент языковой картины мира относится к XIX веку, а возможно, и началу XX века, – периоду, когда происходило становление фамилий, именно тогда и функционировали прозвища, патронимы, от которых образовались фамилии.

Анализ воронежского антропонимического материала позволяет сделать следующие выводы.

I. Наиболее актуальными для жителей Воронежского края являлись следующие характеристики человека, отраженные в воронежской антропонимии.

1) Физиологические особенности, обусловленные визуальным восприятием: характерные признаки человеческого тела, отличающие его от других людей – отсутствие руки, особенности строения тела (сухощавый, полный, хилый, рослый и под.), рост человека (высокий, низкий (маленький человек), особенности лица (глаза, губы, зубы (в том числе и нехватка зубов), нос, уши, щеки, покрытость рябинами); особенности волосяного покрова, характеристика усов (наличие кудрей, чуба, отсутствие волос, наличие усов); характеристика человека в целом по внешнему виду (миловидный).

2) Физиологические особенности, обусловленные аудиовосприятием: характеристика человека по возможности хорошо слышать.

3) Особенности поведения человека: отношение к труду (мастеровитость, леность, шатание без дела и под.); поведение, мешающее другим людям (беспокойство, суетливость, взбалмошность, проказничество, шарканье, битье, гульба, ругань, кашель); отношение к женщинам (волокита); отношение к окружающим (быть добрым, помогать), отношение к процессу говорения: нежелание говорить (молчаливость) или желание вести пустые разговоры (пустословить, повторять что-то), физиологические характеристики поведения (моргать, объедаться, прыгать и под.), в целом поведение человека (тихий, странный).

4) Особенности характера человека: бойкий, неповоротливый, угрюмый, ябедник, растяпа, лихач, хмурающийся, плаксивый, медлительный, переборчивый, бранящийся.

5) Умственные способности человека: умный человек, остроумный.

6) Особенности речи человека: человек заикается, произносит звуки горлом, говорит шепеляво.

7) Этническая принадлежность человека: метис (родившийся от брака русского человека с женщиной другой национальности), калмык, черкас.

8) Особенности представления о семье человека и родственных отношениях: отсутствие жены, номинация человека по отношению к другим родственникам.

9) Особенности названия ремесел, видов деятельности, широко распространенных в XIX веке: перекупщик, изготовитель приспособлений для ткацких станов; человек, изготавливающий деревянную посуду, бочки; пчеловод; человек, работающий на речных судах; мастер, изготавливающий глиняную посуду; церковные служители; человек, который печет калачи; кузнец; военный человек (воин (с луком), воин с определенным званием, должностью); человек, который варит пиво, мелет муку, рубит и продает мясо, возделывает овчины, пашет, продает рыбу, торгует скотом, сбивает масло,

мелет зерно в муку, шьет одежду, обувь, красит ткани, ткёт, пасет скот, является извозчиком, валяет шапки, шьет одежду и др.

Характеристика человека по виду деятельности (отмечается и нежелание работать, леность человека как отличительное свойство, ставшее признаком номинации человека) дает обширную информацию о ремеслах, значительная часть которых в настоящее время не актуальна в связи с развитием общества, общественных отношений: бердник, бондарь, бочар, бурлак, гончар, гошечник (в настоящее время известны единичные случаи сохранения мастерства горшечника), калачник, кузнец (в настоящее время известны единичные случаи сохранения мастерстваковки), лучник, мельник, олейник, пивовар, прасол, решетник, синельник, скляр, шаповал и др. Воронежские фамилии отражают представление о ремеслах, названия которых стали архаизмами: барышник, возник, смышник, чередник, швец. Также фамилии дают информацию о названиях военных должностей, церковных званий, отдельных ремесел / профессий, которые практически не изменились: майор, дьячок, разговорное название священника поп, пономарь, мясник, плотник.

10) Представления о прежнем месте жительства человека, связь человека с тем местом, откуда он переселился: пос. Варварино, г. Вышгород (Украина), село Городецкое, г. Ломов, г. Мороховск, село Ольховатка, село Рясное (Украина), регион и река Урал, г. Шацк, пос. Шацк (Украина), р. Яик (до 1755 года название реки Урал).

II. В воронежской антропонимии отчетливо отражен украинский элемент, проявившийся на лексическом и словообразовательном уровнях: семантика основ фамилий фиксирует украинские корни антропонимов; характерный для украинских фамилий формант *-енко-* и оттопонимный характер образования антропонимов свидетельствуют о переселении в Воронежский край жителей Украины, что подтверждается многочисленными историческими данными, см., например, у Е.А. Болховитинова: «а по Указу 1696 года браны были

переведенцы и из других Украинских городов, Русские люди и Черкасы» [Болховитинов 1800, с.2]. Исторические данные свидетельствуют о том, что Воронежская губерния к 1865 году была населена одним миллионом малороссиян (украинцев), что в зависимости от уезда составляло от 22 до 96% от общего количества жителей уезда, «причем наиболее слабо населены ими в этой полосе уезды Белгородский, Корочанский и Новохоперский (22–34%)» [Россия. Полное географическое описание...1902, 168–169].

III. Воронежский антропонимический материал четко показывает, что наиболее важными в региональной языковой картине мира (особо отметим, что здесь уместно считать изучаемый нами материал фрагментом картины мира XIX века) в области представлений о человеке являются характеристики человека по физиологическим особенностям, особенностям поведения и виду деятельности.

Таким образом, воронежская антропонимия дает широкое представление о региональной языковой картине мира XIX века, отражая не только важные для человека психолого-физиологические характеристики и его общественно-полезную деятельность, но и этно- и демографические особенности края. Региональная специфика языковой картины мира, восстановленной по данным воронежского антропонимикона, обусловлена диалектной основой воронежских некалендарных фамилий.

Представленная в работе методика изучения фрагмента региональной языковой картины мира по данным антропонимии может быть полезна в дальнейшем при характеристике особенностей языковых картин мира различных территорий.

3.1.1.2 Воронежский антропонимикон в контексте региональной языковой картины мира (представления о ремеслах в антропонимии города Борисоглебска)

Региональная антропонимия в аспекте изучения языковой картины мира имеет особое значение, поскольку отражает не только ономастические универсалии, но и специфические языковые особенности, обусловленные историей, культурой, этнографией региона. Среди антропонимов наиболее информативными в этом отношении являются фамилии (официальные и неофициальные) и прозвища, которые аккумулируют представления человека о материальном и духовном мире. Антропоцентрический принцип репрезентации картины мира, по мнению А.С. Щербак, проявляется и в том, что личные имена, прозвища, фамилии транслируют информацию о «социальном положении и принадлежности к определенным профессиональным сообществам» [Щербак 2006, с.235].

По мнению Б.О. Унбегауна, фамилии, связанные с названиями профессий, имеют особое значение для изучения истории языка и культуры [Унбегаун 1989, с. 92]. Действительно, как справедливо замечает Г.Ф. Ковалев, фамилии аккумулируют значительную информацию, «помогают восстанавливать историю социального состава и профессий наших далеких предков» [Ковалев 2014, с.242], «фамилии имеют свою географию» [Там же], и в региональном ономастиконе соединяются данные этих двух векторов: истории профессий и географии.

Изучение языковой картины мира в настоящее время представлено достаточно широко (исследования Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Ю.Н. Караулова, Г.В. Колшанского, В.А. Масловой, А.Д. Шмелева и др.) и осуществляется как в аспекте поиска ключевых слов, отражающих лингвоспецифичное в языке, так и с позиций поиска

«семантических примитивов» (А. Вежбицкая), служащих для выражения человеческих мыслей.

В данной работе рассмотрен фрагмент региональной языковой картины мира, расширяющий представление о лингвистической универсалии *делать* (*дело / труд*), см. подробнее: [Вежбицкая 1993, с.190], восстановленный на основе анализа антропонимов (официальных фамилий), функционирующих в городе Борисоглебске Воронежской области, образованных от прозвищ по названию профессий, ремесел. Номинации, характеризующие человека по профессии, званию, должности, послужившие основой для образования прозвищ по профессии, позволяют изучить, как представлены «элементарные смыслы» лингвистической универсалии *делать* (*дело / труд*) на региональном уровне, что дает понимание о фрагменте региональной языковой картины мира.

Воронежская антропонимия издавна является объектом для исторического и лингвистического изучения. Самой ранней работой по воронежской антропонимии является исследование Е.А. Болховитинова [Болховитинов 1800], в котором приведены именованные известные люди Воронежского края начала XIX в. Изучение воронежской антропонимии связано с именами М.В. Федоровой, Н.К. Фролова, Г.Ф. Ковалева, О.П. Дмитриевой, Е.И. Сьяновой, Л.Н. Верховых, Л.Д. Гореловой и др.

Г.Ф. Ковалев рассматривает воронежскую антропонимию в качестве источника изучения разнообразных сведений о жизни и быте человека [Ковалев 2014], Е.И. Сьянова изучает воронежские сельские прозвища [Сьянова 2020], Л.Н. Верховых анализирует антропонимию двух сёл Воронежской области, в том числе и в аспекте русско-украинского взаимодействия, изучает проблему отражения представлений о человеке в региональной картине мира по данным нескольких сёл Воронежской области [Верховых 2022], Л.Д. Горелова описывает особенности развития фамильной системы жителей села Чигорак Борисоглебского района [Горелова 2011], в отдельных статьях

Л.В. Недоступова анализирует неофициальные именованья жителей в пос. Высоком Таловского района, однако характеристики борисоглебских фамилий, связанных с профессиональной деятельностью человека, в аспекте изучения фрагмента региональной языковой картины мира не проводилось.

Цель данного параграфа – на материале некалендарных фамилий города Борисоглебска изучить особенности региональной языковой картины мира, связанные с представлениями о ремеслах XVIII – XX веков. Восстановленный фрагмент региональной языковой картины мира относится примерно к XVIII – XX вв, поскольку именно в данный период времени происходит процесс активного развития категории фамилии как официального именованья в России (завершился данный процесс в связи с паспортизацией населения к середине XX века).

В работе использовались материалы лаборатории региональной лингвистики, фольклора и этнографии Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета, полевые материалы, собранные автором данного исследования. Поскольку в Борисоглебском городском округе проживает более 70 тысяч жителей (только в самом Борисоглебске – около 60 тыс.) [см.: Город в цифрах 2022], была осуществлена выборка частотных фамилий города Борисоглебска (два упоминания и более²³) по телефонному справочнику [Телефонный справочник 2007]. Среди некалендарных фамилий отобраны те, которые отражают представления человека о ремеслах. Всего было проанализировано более тысячи ста фамилий.

Более восьми процентов от общего числа выбранных для анализа фамилий составили антропонимы, в основе которых прозвища, образованные от названий ремесел, профессий, занятий человека (к данной группе относим также и

²³ Фамилии с одинаковыми основами, называющие мужчин и женщин, отнесены нами к одной антропонимической единице.

фамилии, связанные с видом деятельности человека в военной и религиозной сферах).

Среди борисоглебских фамилий, отражающих представление человека о ремеслах, выделим две основные группы: 1) фамилии, имеющие прозрачную этимологию; 2) фамилии, требующие специальных лингвистических знаний для установления этимологии фамилии. Фамилии второй группы дают более яркое представление о региональной специфике языковой картины мира.

1. К первой группе отнесем следующие фамилии, восходящие к профессиям, должностям или званиям: Дьяков²⁴ (22), Дьяченко (4), Дьячков (11), Кузнецов (57), Кузниченко (2), Пастухов (4), Пастушков (20), Пивоваров (6), Плотников (22), Попов (374), Попович (1), Поповкин (7), Ткачев (9), Ткаченко (5), Ткач (2), Токарев (12), Торгашин (19), Майоров (5), Мельников (14), Мельниченко (2), Мельничук (2), Мельник (1), Пономаренко (3), Пономарченко (2), Швецов (6), Шевченко (7), Шевчук (5), Швец (1).

В настоящее время степень употребительности названий профессий, должностей или званий, послуживших основой для образования прозвищных именованных, которые затем стали основой фамилии, различна: дьяк, дьячок, кузнец, мельник, пастух, пивовар, плотник пономарь, поп, майор, ткач, токарь, швец; лексема *торгаш* изменила значение и коннотацию. Наиболее частотными в данной группе фамилий являются антропонимы Попов (374); Кузнецов (57); Пастухов (4) и Пастушков (20); Плотников (22); Швецов (6), Шевченко (7), Шевчук (5), Швец (1).

Если учесть, что фамилию Попов или Дьяков / Дьячков могли получить и крестьяне, служившие священникам, дьякам, а также дьячкам, то понимаем, что

²⁴ В скобках указывается индекс частотности фамилии – количество абонентов в телефонном справочнике с данной фамилией. Для осуществления системности в исследовании к анализу привлекались и антропонимы, имеющие индекс частотности 1, если они имеют один корень с анализируемыми ономастическими единицами.

широко распространенными были ремесла кузнеца, пастуха, плотника, швеца (портного).

2. Ко второй группе фамилий отнесем антропонимы, изучение семантики которых осуществляется на основе анализа словарных данных, этимологических сведений, краеведческих данных по истории заселения Воронежской области: Алейников (6), Баранников (7), Барышников (5), Беломыльцев (6), Беломытцев (8), Бердников (12), Блинников (2), Бондарев (10), Бондаренко (20), Бочаров (16), Бочкарев (6), Винокуров (21), Глинчиков (4), Гончаров (11), Горшенев (29), Гребенщиков (8), Дегтярев (9), Зарщиков (9), Кавешников (6), Калашников (10), Ковалев (28), Коваленко (17), Кованев (3), Кожевников (14), Колесников (21), Коновалов (12), Коршенников (10), Кравченко (15), Кравцов (6), Кравец (1), Кравчун (1), Красильников (14), Красников (11), Линник (4), Лушников (15), Масленников (4), Метальников (8), Мызников (16), Мыльников (4), Овсянников (10), Овчинников (15), Подтележников (3), Рогожников (10), Сердюк (3), Сердюков (2), Серебряков (6), Серебряк (1), Солодовников (9), Толмачев (11), Чернецов (12), Черницов (3), Шаповалов (17), Шаповал (1), Шапошников (3), Эсаулов (2).

Среди антропонимов данной группы некоторые имеют диалектную основу или отражают историко-культурные особенности Воронежского края, приведем примеры.

Алейников (6) < Алейник < олейник – «юж. зап. маслобой, маслобойщик, масляк» [Даль-2, с.670]; общеславянское *oley* – «растительное масло», юж., зап. [Даль-3, с.134]. Фамилия Алейников, отражающая аканье, и Олейников, по мнению Б.О. Унбегауна, относятся к украинским (*олійник*) и восходят к прозвищу из польской лексемы *olejnik* [Унбегаун 1989, с.213]. Эта точка зрения подтверждается историческими данными, которые содержат сведения о том, что в XVIII веке южные уезды Воронежской губернии заселялись малороссиянами (украинцами) [Михалевич 1862, с.95].

Бондарев (10), Бондаренко (20) < Бондарь < *бóндарь* – «южное, западное, тверское бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду» [Даль-1, с.114]. Лексема *бóндарь* – производное от *бóдня* «кадка, бочка», слово восходит к заимствованию из германского языка **budin* [Фасмер-1, с.175]. Единичной является фамилия Бондаренков. Фамилия широко распространена и имеет диалектную основу: воронежским говорам известны лексемы *бондárка* – ‘кадушка, преимущественно дубовая’, *бондárня* – ‘мастерская по изготовлению различных бондарных изделий’, *бондárский* – ‘относящийся к бондарному производству’ [СВГ-1, с.128].

Бочаров (16) < <Бочар < бочар < бочка < *бъчи < нем. *Böttcher* «бондарь, бочар» [Фасмер-1, с.202]. Бочар – «обручник, бондарь, делающий бочки и другую вязаную посуду» [Даль-1, 123], воронежское *бочárня* – ‘мастреская по изготовлению бондарных изделий, в частности бочек’ [СВГ-1, с.134]. В Борисоглебске известны и фамилии Бочкарев (6) и Бочкаев (1).

Горшенев (29) < Горшеня < горшеня – «горшечник, горшеня, глинный, глинчар, скудельник, мастер глиняной посуды» [Даль-1, с.385]. Достаточно частотная фамилия Горшков (15) также может восходить к названию по ремеслу, связанному с горшечным делом. Единичные варианты однокоренных лексем Горшняков, Горшунов отражают и другие наименования мастера, который изготавливает глиняную посуду: горшняк, горшун. Лексемы *горшелéп* и *горшéчник* известны воронежским говорам в значении ‘гончар’ [СВГ-2, с.102–103], а *горшéчничать* – ‘заниматься гончарным ремеслом’ [СВГ-2, с.103].

Зарщиков (9) < Зарщик < зарщик / зорщик. Зóрщик – «кто зорит, очищает масло, купоросную кислоту» [Даль-1, с.437]; *зáривать, зóрить* – «очищать жидкость, отстаивать, давать оседать мутным частям, делать ее светлой, сквозистой» [Даль-1, с.437]. В воронежских говорах *зарíть* – ‘оставлять до зари’ [СВГ-3, с.266], известна и лексема *зáристый* – ‘завистливый’ [СВГ-3, с.266].

В отличие от других суффиксов, указывавших на производителя действия, например, суффикса *-ник-*, более поздний суффикс *-щик-* употребляется только в русском языке и в производных от русских названий профессий [Унбегаун 1989, с.95]. Едва ли фамилию Зарщиков можно связать с лексемой *зѣриться* в значении «жадно и завистливо глядеть» [Даль-1, с.648].

Ковалев (28), Коваленко (17) < Коваль < *южн.* коваль – ‘кузнец’ [Даль-2, с.129]. Коваленко < Коваль < коваль, Коваль < Коваль < коваль. Лексемы *коваль* и *кузнец* – исторически одного корня: чередование ов // у < ū относятся к древнейшей эпохе, ср.: «укр. *ковати*, *кую*, ст.-сл. *ковати*, *кою*, болг. *ковѧ* «кую», сербохорв. *ковати* <...> в.-луж. *kowaś*, н.-луж. *kowaś* <...>, лат. *cūdo* «бью, стучу, толку» [Фасмер-2, с.270]. Единичны фамилии Ковалевич (1), Коваленко (1), Ковальчук (1), а однокоренная фамилия Кованев (< Ковань < ковань – ‘кованые вещи, товар’ [Даль-2, с.129]) в телефонном справочнике отмечена трижды.

Кравченко (15), Кравцов (6), Кравец (1), Кравчун (1) < Кравец < кравец / кровец. Кровец / кравец – «*южное, западное* портной» [Даль-2, с.200].

Линник (4) < Линник < линник. Человека, который что-либо разлинеивает, в XIX веке называли *линóвщик*, *лино(е)вѧльщик*, *линейщик*, *линеяльщик* [Даль-2, с.257]. При таком большом числе названий вполне могло употребляться еще одно – *лѧнник* – по действию разлинеивать, однако наиболее вероятным является вариант названия человека линником в связи с его принадлежностью линейным казакам, ср.: *линейщик*, *линеѧ* – «линейный казак вообще или терской»²⁵ [Даль-2, с.257]. Близость Борисоглебска к территории хопёрских и

²⁵ В 1832 году для укрепления передовых линий было создано Кавказское линейное войско (инициатива его создания принадлежала генералу А.П.Ермолову), которое подчинялось армейскому командованию – наказному атаману (первоначально наказным атаманом являлся генерал-майор П.С.Верзилин). Впоследствии разделение этого войска на два фланга – Кубанский и Терский – и закрепило разделение казачьих войск на терских и кубанских. «По сравнению с соседним Донским войском линейные казачьи полки более напоминали подразделения русской регулярной армии» [Николаенко 2022]. Линейные казаки отличались от других казаков: «Линейный казак непревзойденно владел искусством верховой езды, мастерски обращался с оружием, был прекрасным следопытом и разведчиком» [Николаенко 2022]. Среди линейных казаков

донских казаков дает возможность рассматривать и данный вариант этимологии фамилии.

Рогожников (10) < Рогожник < рогожник. Рогожник – «рогожный ткач, торговец» [Даль-4, с.100]. *Рогозина, рогожа, рогожка* – «ткань, плетенка, полсть из рогозы, куги или из мочал; плетенка камышовая» [Даль-4, с.99]. Южное *рогоза́, рогоз* – «болотное растение куга, ситник, чакан» [Даль-4, с.99].

Швцов (6), Шевченко (7), Шевчук (5), Швец (1) < Швец < шевц. Швец – «*владимирские, тамбовские, ярославские, вятские, пермские, новгородские, олоньцкие* портной и портниха, кто шьет одежду; простой крестьянский портной; швец, более шубник, тулупник» [Даль-4, с.655].

Данная группа фамилий отражает представление жителей Борисоглебска о названиях ремесел (сюда отнесем и лексемы типа *беломылец*), функционировавших в XVIII–XX вв: баранник, барышник, беломылец, беломытец, бердник, блинник, бондарь, бочар, бочкарь, винокур, глиничик, гончар, горшеня, гребенщик, дегтярь, зарщик, ка(о)вешник (*ковѣц* – псковск. кузнец), калаш(ч)ник, коваль, кожевник, колесник, коновал, коршен(н)ик / корчен(н)ик (от *корчма* – южн., западн. – ‘кабак, питейный дом, но неоткупной, а вольной продажи; заезжий и постоялый двор, где держат напитки’ [Даль-2, с.173]), кравец / кровец, красильник, красник, линник, лушник, маслен(н)ик, метальник, мызник, мыльник / мыльщик, овсян(н)ик, овчинник, олейник, подтележник, рогожник, сердюк, серебряк, солодовник, толмач, торгаш, чернец, шаповал, шапош(ч)ник, есаул. Исторические источники, относящиеся к началу XX века, подтверждают данные антропонимии: И. Николаевский пишет, что в Воронежской губернии, «кроме сельскохозяйственных рабочих, весьма заметную группу составляют мелкие ремесленники: бондари, каменщики,

выделялись линейцы-пластуны – опытные воины-разведчики, сейчас это бойцы спецназа. В составе линейных казаков были и донские казаки, храбростью отличался Хопёрский казачий полк Круковского (40-е гг. XIX века) [Николаенко 2022].

колесники, кузнецы, овчинники, печники, плотники, портные, пряжи, сапожники, столяры, тележники, ткачихи, ведерники, горшечники, кровельщики, шерстобиты и проч.» [Николаевский 1909, с.15]. Также о заселении западной части Воронежского Прихоперья «промышленниками» находим сведения в работе В.В.Литвинов: «Берега Хопра в пределах нынешнего Новохоперского уезда стали заселяться разного рода промышленниками и казацкой вольницей с начала XVII века. Полноводная река и ее притоки, богатые рыбными ловлями, дремучие леса с бобровыми гонами, козьими стойлами и пчелиными бортями одинаково привлекали и тех, и других. Со второй половины XVII века сюда же стали стремиться еще и бежавшие от преследований раскольники» [Литвинов 1916, с. 113].

В данной группе наиболее распространенные фамилии – Бондарев (10), Бондаренко (20), Бочаров (16), Бочкарев (6), Гончаров (11), Горшенев (29), Ковалев (28), Коваленко (17), следовательно, и широко распространенными профессиями являлись бондарь, бочкарь, гончар / горшеня, коваль.

Проведенный нами сравнительный анализ основ фамилий жителей Борисоглебска и основ фамилий жителей отдельных сельских населенных пунктов Воронежской области [см. Верховых 2022], связанных с профессиональной деятельностью, показал, что в городе представлен более широкий спектр профессий, чем в сельской местности. Данный факт обусловлен специализацией ремесел, увеличением числа обслуживающих профессий в Борисоглебске, например: баранник, беломылец, беломытец, винокур, глиничик / глищик, гребенщик, гребеночник, дегтярь, зарщик / зорщик, кожевник, метальник, мызник, овсян(н)ик, пастух, подтележник, рогожник, серебряк, солодовник, толмач.

В процессе исследования установлено, что борисоглебские фамилии достаточно полно отражают представления человека о профессиях, ремеслах, видах деятельности, что составляет фрагмент языковой картины мира XVIII–

XX вв. Установлено, что наиболее частотной некалендарной фамилией является фамилия Попов, связанная не столько с названием человека, являвшегося священником, сколько с названием крестьянина, работавшего на священника. Широко распространенными в прошлом являлись такие профессии (ремесла, виды деятельности) в Борисоглебске, как коваль / кузнец (105 фамилий), гончар / горшеня (40), бондарь (30), пастух (24), красильник, красник (25), бочкарь, бочар (22), плотник (22).

Анализ языковых единиц показал, что апеллятивная основа фамилий представлена как общерусскими, так и локальными языковыми единицами. Так, региональный характер языковых единиц проявился в следующих антропонимах, содержащих основы с южной, воронежской, тамбовской локализацией: Алейников, Бондарев, Бондаренко, Бочаров, Горшенев, Заршиков, Кавешников, Ковалев, Коваленко, Кравченко, Рогожников, Швецов, Шевченко, Шевчук, Швец.

Таким образом, фамилии города Борисоглебска Воронежской области – ценнейший источник для изучения языковой картина мира, фрагментом которой являются представления о профессиональной принадлежности человека.

3.1.2 Изучение моделей и диалектных особенностей воронежских антропонимов XIX века с помощью приемов лингвокраеведческого анализа

Воронежский антропонимикон начала XIX века представляет собой особый интерес в лингвистическом, историческом, лингвокультурологическом и других аспектах. В рамках лингвистического направления исследований нами был предпринят анализ воронежских антропонимов XIX в. с целью выявления основных моделей именовании.

Материалом для исследования послужили именованя жителей (преимущественно крестьян) в ревизских сказках по селу Красному и деревне Елань (Княжая) за 1816 год (всего более 4 тыс. жителей). Эти населенные пункты входили в состав Новохоперского уезда Воронежской губернии.

Анализ воронежских антропонимов начала XIX века позволил установить следующие модели именованя.

1. Имя + патроним (фамилия): *Иван Климов, Данила Антонов, Василий Иванов, Петр Васильев* [ГАВО, ф. И-18, оп.1, д.108: 392]. Отметим, что эта модель именованя преобладает в ревизских сказках по деревне Елань, в ревизских сказках по с.Красному такие именованя единичны.

2. Имя + патроним (фамилия) + патроним (фамилия): *Игнат Барисов Галкин, Яков Степанов Галкин, Григорий Васильев Земцов* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205: 716], *Григорий Васильев Ястребов, Казма Герасимов Деденков, Степан Гаврилов Беликов, Андрей Михайлов Верхоглядов* [Там же: 751, 753, 754]. Данная модель именованя с «двойными фамилиями» доминирует в ревизских сказках по селу Красному, в ревизских сказках по деревне Елань таких именованя практически нет. Особенность данных антропонимов в следующем: к имени добавляется патроним, образованный от календарного имени, а затем патроним, образованный также от календарного имени или (чаще) прозвища: *Яков Семенов Михайличенков, Михайла Васильев Шилов, Филипп Алексеев Чигиринов, Иван Петров Коломнищов, Степан Дементьев Колесников, Федор Кондратьев Глущенков, Иван Алексеев Немельненков, Марка Васильев Ресняньской, Семен Моисеев Колесников, Аким Варламов Гавриленков, Сава Герасимов Деденков, Степан Гаврилов Беликов, Трофим Яковлев Верхоглядов, Григорий Васильев Ястребов* и др.

Первый патроним впоследствии мог закрепляться в качестве отчества или фамилии.

3. Имя (обычно в род. п.) + патроним + термин родства + имя (имя и фамилия): *Ивана Степанова сын Павел* [Там же: 731], *Степана Дмитриева брат Давид, Якова Степанова племянник Никита Моисеев, Никиты Ильина братья Матвей, Иван, Семен* [Там же: 716], *Василия Петрова внук Петр Петров* [Там же: 753], *Лазора Михайлова внуки Фома, Иван* [Там же: 762], *Ивана Мартинова от первой жены сыновья Антон, Павел, Петр, Кондрат* [Там же: 760], *Петр Яковлев, жена Василиса, дочь Елена* [ГАВО, ф. И-18, оп.1, д.108: 392], *Дмитрия Васильева дети Яков, Ларион, Макар* [Там же].

4. Имя в род. п.+ патроним + порядковое числит. + термин родства + имя: *Василья Иванова третий сын Иван, его же четвертый сын Василий, пятый Гаврила* [Там же].

5. Имя в род. п.+ патроним + термин родства + имя + личное мест. + же + термин родства + имя: *Сафрона Петрова жена Матрена, его же дочь Прасковья* [Там же, 395], *Семена Никитина жена Прасковья, его же дочери Прасковья, Хавронья* [Там же, 395].

6. Имя в род. п. + патроним + и + местоимение + термин родства + термин родства + имя: *Антон Павлова и его жены дети Захар, Гур, Гаврила* [Там же].

Особенностью антропонимической номинации начала XIX века в рассматриваемых населенных пунктах является присваивание детям одинаковых имен, а также называние ребенка именем отца. Для записи в таком случае используется частица *же* и следующие модели именовании.

6. Патроним + термин родства + имя + имя + же: *Сергеев сын Иван, Михаила, Иван же* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, 716].

7. Имя в род. п. + патроним + термин родства + имя + (имя) + же: *Семена Яковлева брат Семен же* [Там же], *Ивана Васильева сыновья Сергей, Сергей же* [Там же: 750], *Игната Матвеева сыновья Степан, Иван, Иван же, Осип* [Там же: 769], *Степана Игнатова внуки Семен, Семен же* [Там же: 805],

Василия Харитонова сын Андрей, 14 л., Андрей же, 4 г. [Там же: 878], а также *Михайла Иванова сын же Иван* [Там же, 770].

Частица *же* употребляется и при записи людей, имеющих еще одну фамилию: *Михий Личенков, он же и Дяченков* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, 716], *Федор Лукьянов Ястребов, он же ихолодеев* [Там же, 751]. В отдельных случаях встречаем слитное написание союзов и написание имен или патронимов со строчной буквы.

При записи жителей в ревизских сказках используются и различные приписки о количестве лет: *Василия Харитонова сын Андрей, 14 л., Андрей же, 4 г.* [Там же, 878], записи, объясняющие наличие или отсутствие жителя населенного пункта: *Татьяна Лукьянова (куплена 1806 года), Лукерья Ефимова (куплена 1815 года)* [ГАВО, ф. И-18, оп.1, д.108: 399], *Моисея Климова сыновья Василий (рекрут с 1812 г.), Степан* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205: 736], *Емельяна Лукьянова сын Казма рекрут об 1812* [Там же: 738], *Лазора Михайлова сыновья Степан, Яков рекр. о 1812* [Там же: 762], *Федора Васильева племянник Илья Данилов Сиротин рекр. о 1812* [Там же, 771].

В ревизских сказках 1816 г. по селу Красному есть записи, свидетельствующие о неустойчивости еще фамилии как категории, незакрепленности фамилии за определенным родом:

«Емельян Данилов Омельчинков

Емельяна Данилова сын Данила

Данили Емельянова сын Влас

Емельяна Данилова сын Марка

Марки Емельянова сыновья Григорий, Василий» и др. [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.811]. Здесь Емельян имеет фамилии-патронимы Данилов Омельчинков, а его дети Данила, Марка – фамилию-патроним Емельяновы.

Таким образом, антропонимическая система села Красного и деревни Елань Новохоперского уезда Воронежской губернии начала XIX века

характеризуется пока еще несформированностью категории отчества, незавершенностью формирования категории фамилии. Особенностью рассматриваемого антропонимикона является наличие «двойных фамилий» – именованый-патронимов по отцу и, предположительно, деду.

С целью изучения диалектных особенностей воронежских антропонимов в контексте русско-украинских межъязыковых контактов рассмотрим возможности использования архивных источников и исторических документов в описании лингвистического материала.

Воронежская антропонимия включает значительное число онимов, имеющих украинский генезис, что связано в первую очередь с освоением украинцами (малороссиянами) земель Воронежского края. Основное заселение воронежских земель произошло в Петровскую эпоху, когда Воронежский край становится колыбелью российского флота. Петр I основал в «здешних странах многие государственные заведения», тогда было «несравненно больше населено из разных мест переведенцами», «а по Указу 1696 года браны были переведенцы и из других украинских городов, русские люди и Черкасы» [Болховитинов 1800, с.12].

Русско-украинское взаимодействие в воронежской ономастике рассматривается в работах О.П. Дмитриевой [Дмитриева 2007], Г.Ф. Ковалева [Ковалев 1999, 2002, 2005, 2014 и др.], С.А. Попова [1997, 2007], Е.И. Сьяновой [2005, 2007] и др.

Рассмотрим, как процесс взаимовлияния русской и украинской культур, языков представлен в антропонимии на примере села Красного Новохоперского района Воронежской области.

В книге-справочнике «Населенные места Воронежской губернии» указано, что население с. Красного (ранее слобода Красенькая) состояло из малороссиян [Населенные места Воронежской губернии 1900, с. 224], подтверждением этому является и само название – «слобода». В «Списках

населенных мест Российской империи...» встречаем объяснение термина «слобода» – поселение пригородное, а также местность, населенная Малоруссами, имеющая церковь» [Списки населенных мест Российской империи...1865, с. XLVIII].

Перечисленные исторические данные подтверждаются языковыми фактами. Особенностью с.Красного является двуязычие населения. Жители практически одинаково владеют как украинским говором, так и русским языком (отчасти литературным, отчасти диалектным). Единство русского и украинского языков проявляется в том, что воронежский диалект русского языка и украинский говор не уничтожают, а, сосуществуя, дополняют друг друга, являя образец гармоничного билингвизма. Синтез русско-украинской культуры довольно последовательно представлен в антропонимии сельчан.

Нами был проведен анализ современной антропонимии с.Красного (ок. 2500 фамилий) и архивных данных – сведений, содержащихся в ревизских сказках по с.Красному за 1816 г. (ок. 4000 фамилий).

Синхронный подход к изучению антропонимии села установил следующее.

1. Синтезированные именованья составляют главную особенность антропонимического пространства с.Красного.

2. Прозвищные антропонимы в силу своей неофициальности имеют значительное число украинских элементов как на формальном, так и на семантическом уровне.

3. Официальные именованья в большей степени отражают русскую традиционную культуру, русскую модель фамилии, поскольку украинская часть населения с.Красного стремилась русифицировать и закрепить документально свои фамилии (об этом говорят информанты).

4. Присущую украинской традиции именованья человека финаль *-енко* в фамилиях с.Красного сохраняют 14,2% фамилий: *Абра́менко*, *Агафо́ненко*,

Аксéненко, Васи́льченко, Гу́нченко, Давыде́нко, Денисе́нко, Дми́трéнко и др. Форманты *-ук/юк* создают 1,7% фамилий.

5. Вместе с тем в населенном пункте функционируют русифицированные фамилии, соответствующие модели: основа фамилии + *-енк(о) + ов*: *Авраменков, Агафоненков, Белашенков, Василенков, Васильченков, Глущенков, Гунченков, Гуренков* и др. Отмечены и вариантыные формы антропонимов: *Васи́льченко/ Васи́льченков, Гаври́ленко/ Гаври́ленков, Костéнко/ Костéнков, Лéвченко / Лéвченков* и др.

Диахронический подход позволил установить следующие особенности фамильной системы с.Красного начала XIX века.

1. Отсутствие фамилий на *-енко*.

2. Доминирующей моделью образования фамилий является следующая: основа фамилии + *-енк/инк(о) + ов*: *Агафоненков, Василенков, Гавриленков, Ермолаенков, Игнатенков, Ильенков /Ильченков, Мартиненков, Михайличенков, Омельчинков, Федоренков; Белашенков, Глущенков, Горбатенков, Деденков, Неученков, Пуденков, Писаренков, Рыженков, Рыбальчинков, Сильченков / Сильчинков, Соколенков* и др. Эта особенность образования фамилий наглядно отражает процесс русификации украинских фамилий.

3. Основу отдельных фамилий составляет украинизм: *Великодной* (*велико́дній* – пасхальный), *Верещагинков* (*верещáть* – визжать, пронзительно кричать; громко плакать), *Зозулин* (*зозу́ля* – кукушка), *Жевтиков* (*жóвтий* – желтый), *Жучилин* (*жу́ковий* – очень черный), *Калюжной* (*калю́жа* – лужа) и другие.

4. В древней антропонимии села Красного присутствуют следующие модели фамилий, содержащие украинские элементы: укр. основа + *енко(в)*, укр. основа + *-ин/ов*, рус. основа + *енков*.

5. В антропонимическую систему рассматриваемого населенного пункта в XIX веке входили номинации типа *Верещагинков, Лисинков, Севиринов*,

упомянутые фамилии типа *Петренков, Сильченков, Соколенков*, что может свидетельствовать о месте возникновения фамилии: в области Войска Донского ко всем фамилиям приписывался суффикс *-ов*, иногда даже к традиционному форманту *-ин* добавляется *-ов*, что являлось специфической чертой донского антропонимикона [Суперанская 1993, с.109].

Рассмотренные воронежские фамилии отражают русско-украинское взаимодействие, а также влияние донских особенностей на образование фамилий, что также можно объяснить процессами миграции населения.

«Эти разноплеменные выходцы, между которыми главную массу составляли Русские и Черкасские²⁶ беглецы, были первыми оседлыми поселенцами Донской страны после Татарского нашествия. Все, кому не жилось в русской земле, все кто бежал из Польской и Литовской Украины, не вынося утеснений Поляков и нарушенья крестьянским церквам, все они находили себе верный приют в Донских привольях. Они стали селиться исключительно берегами Дона и составляли из себя воинственные общины, жившие тревогами и добычью военного промысла» [Малышев 1856, отд. III, с. 58].

Как диахронный, так и синхронный анализ антропонимии села Красного указывает на глубокие украинские корни воронежских антропонимов, отражает процесс русско-украинского культурного взаимовлияния.

Современные антропонимические исследования проводятся на различном материале: лингвисты изучают антропонимикон, представленный в художественной литературе, исторических источниках, документах ЗАГСов, телефонных справочниках, сети Интернет.

Значительная часть работ по антропонимии выполнена на основе привлечения краеведческих данных – метрических, переписных книг, ревизских сказок, памятных книжек и других исторических и историко-культурных документов. Среди новейших научных исследований данного направления

²⁶ Черкасами назывались вообще Польские и Литовские малороссияне – примечание И.Малышева

отметим публикации, выполненные на краеведческом материале исторического плана.

Ученый-лингвист А.И. Соболев изучает имена, отчества и прозвища прибалтийско-финского происхождения в регионе Юго-Восточного Обонежья на материале антропонимических данных русских и шведских писцовых книг XV–XVI вв. [Соболев 2017]. Р.Г. Жамсаранова проводит исследование личных имен тунгусов, извлеченных из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края начала XIX века. В работе Р.Г. Жамсарановой рассматриваются принципы номинации и антропомодели, представленные в именнике народов Сибири и Дальнего Востока [Жамсаранова 2021]. На материале переписей, метрических книг XVIII–XIX вв, исторических документов исследователь из Казахстана А.И. Назаров изучает фамилии илецких казаков, решая вопросы изменения состава фамилий в разные периоды проведения переписей, отражения в уральских фамилиях диалектных особенностей [Назаров 2021]. И.А. Королева изучает смоленский ономастикон на материале смоленских грамот XIII – XIV вв [Королева 2017], И.А. Кюршунова привлекает для исследования памятники письменности Карелии [Кюршунова 2020].

Интересным и важным в исследовательском плане является такой источник, как ревизские сказки – перепись всех жителей населенных пунктов уезда, губернии. Анализ антропонимического материала в ревизских сказках позволяет провести лингвистические и краеведческие, преимущественно историко-культурные, наблюдения. Можно установить не только особенности образования и функционирования антропонимов, их лексико-семантическую специфику, но и определить, каков был этнический состав населенного пункта, «можно узнать, какие профессии здесь бытовали, что ели наши предки, что было для них образцами красоты или уродства. Ведь вся эта информация когда-

то была заложена в прозвища, которые со временем обрели статус фамилий» [Ковалев 2014, с.242].

На основании анализа антропонимикона ревизских сказок рассмотрим диалектные фонетико-орфографические особенности фамильных прозваний Воронежского края.

Изучение ономастикона Воронежского края в различных аспектах осуществляется представителями Воронежской ономастической школы, см. подробнее: [Попов 2018, с. 69–74].

Воронежская антропонимия рассматривается в работах Л.Н. Верховых [Верховых 2008, 2019, 2020], Л.Д. Гореловой [2011], Г.Ф. Ковалева [Ковалев 2005, 2014 и др.], Л. В. Недоступовой [Недоступова 2014, 2021], И.С. Сениной [Сенина 2021], Е.И. Сьяновой [Сьянова 2005, 2006], М.В.Федоровой [Федорова 1969], Н.К.Фролова [Фролов 1978 и др.], С.А. Федоровой [Федорова 2002] и др.

Ревизские сказки составлялись грамотными людьми, но влияние на письмо диалектного произношения прослеживается достаточно четко. К диалектным фонетико-орфографическим особенностям воронежских антропонимов, представленным на письме, отнесем следующие.

1. Отражение аканья (данная черта свойственна не только литературному языку, но и южнорусским говорам, к которым относятся воронежские).

*Алейников*²⁷ [ГАВО, л. 868]. На письме зафиксирован вариант именования фамилии Олейников с аканьем из прозвища *Олейник* от *oleyник* ‘работник на маслобойне, маслобойщик’ [СРНГ-23, с.183]. В «Словаре русских народных говоров» лексема *oleyник* со ссылкой на В.И. Даля указана как южная, западная [Там же].

Барзой [ГАВО, л.795]. Исходная фамилия – *Борзой* – может восходить к прозвищу из лексем *борзой* / *борзый* или *борзком* (нареч.). *Борзо́й* – ‘смелый,

²⁷ Здесь и далее в фамилиях не ставим ударение, поскольку в ревизских сказках оно отсутствует.

ловкий’, *рязанское*, а *борзком* – то же, что и *боржом* ‘поспешно, торопливо’, *воронежское* [СРНГ-3, с.98; СВГ-1, с.128].

Масковой [ГАВО, лл.775, 851, 852]. *Масковой* < *Московой* < *Московский*. Этот антропоним указывает на переселенцев из Москвы или Московской губернии, в ревизских сказках лексема зафиксирована неоднократно.

Трафимов [ГАВО, л.900]. *Трафимов* < *Трофимов* < *Трофим*.

Берюкав [ГАВО, л.750]. В фамильном именовании отражено аканье, при этом на письме зафиксировано и екающее произношение, ср. *Берюкав* – *Бирюков*. Предположим, что в начале XIX века в антропониме ударным был первый или второй слог, иначе, если ударным был бы третий слог с [о], в не первом предударном слоге слышалось бы [и] – *Бирюко́в*. Также данный вариант написания можно отнести к гиперкоррекции или устаревшему произношению (даже по отношению к XIX веку). Отметим, что лексема *бирю́к* в воронежских говорах имеет значения: 1) ‘волк’; 2) *перен.* ‘страшилище, которым пугают людей’; 3) *перен.* ‘нелюдимый, угрюмый, одинокой человек’; омоним *бирю́к* употребляется в значении ‘рыба *Acerina cernua* Linne, сем. окуневых; донской ёрш, ёрш-носарь’ [СВГ-1, с.106–107].

2. Еканье (предположительно в первом предударном слоге после мягких согласных): *Берюкав* [ГАВО, л.750]: *Берюкав* < *Бирюков*; *Буреков* [ГАВО, л.902]: *Буреков* < *Буряков*; *Косеков* [24, 860]: *Косеков* < *Косяков*; *Меденской* [ГАВО, л.906]: *Меденской* < *Медянской*; *Ресненской* [ГАВО, л.739, 746, 863, 864]: *Ресненской* < *Реснянской*; *Тыненой* [ГАВО, л.861]: *Тыненой* < *Тыняной*; *Чебаной* [ГАВО, л.734]: *Чебаной* < *Чабаной*.

3. Отсутствие ассимиляции по глухости / звонкости пред глухим согласным, что можно отнести к явлению гиперкоррекции: *Безпалой* [ГАВО, л.847], *Щебкин* [ГАВО, л.829].

4. Наличие мягкого [р’] на месте [р] в литературном языке: *Комарев* [ГАВО, л.867] (ср. *Комаров*), *Кучерев* [ГАВО, л.771, 869] (ср. *Кучеров*).

5. Наличие вставного слога: Иноверов [ГАВО, л.795] (ср. Иноверов).

Кроме указанных, отметим и явление, близкое к иканью: предположительно в не первом предупредном, заударном / первом предупредном и ударном слогах (здесь мы можем только предполагать место ударения в слове по сравнению с современным произношением данных лексем) на письме дана буква *и*: *Сирдюков* [ГАВО, л.763] (ср.: *Сердюков* [ГАВО, л.764]), *Сириков* [ГАВО, л.874] (ср.: *Серики* и запись именованний *Сириков* и *Серики* [ГАВО, л.875, 888]), *Лисинков* [ГАВО, л.891] (ср.: *Лисенков*), *Оветчинков* [ГАВО, л.817] (ср.: *Оветченков*). Отметим, что суффикс *-енк-* – характерная черта украинских фамилий, к которым отнесем и рассматриваемые антропонимы села Красного. Исторические источники подтверждают наличие в данном селе малороссиян [Населенные места Воронежской губернии 1900, с.224]. Интересно, что в XIX веке село Красное называлось слободой Красенькой, а слобода – «поселение пригородное, а также местность, населенная малоруссами, имеющая церковь» [Списки населенных мест Российской империи 1865, с.XLVIII]²⁸. Переселение малороссиян в Воронежский край идет наиболее активно в XVIII веке: «В XVIII веке, когда опасность от татар миновалась, число переселенцев из малороссиян увеличилось до такой степени, что в общем заселении губернии они участвовали наравне с великороссиянами; северные и западные уезды, как ближайšie к России, населились русскими, южные – малороссиянами» [Михалевиц 1862, с.95]²⁹

Анализ ревизских сказок позволил выявить и зафиксировать следующие фонетико-орфографические особенности воронежских антропонимов начала XIX века: аканье, еканье, отсутствие ассимиляции по глухости / звонкости перед глухим согласным, наличие мягкого [р'] на месте [р] в литературном языке, наличие вставного слога. Указанные фонетико-орфографические

²⁸ При цитировании здесь и далее используется современная графика и орфография.

особенности (кроме отсутствия ассимиляции по глухости / звонкости перед глухим согласным) отражают диалектное произношение, характеризую местную лингвосистему начала XIX века. Единичные именованя *Безпалой*, *Щебкин*, *Похомов*, видимо, представляют собой вариант гиперкоррекции писца.

Таким образом, ревизские сказки являются важным источником изучения регионального антропонимикона, в том числе и воронежского. Анализ языковых единиц, зафиксированных в ревизских сказках, позволяет установить фонетико-орфографические особенности антропонимов, что в дальнейшем может быть востребовано при изучении воронежских говоров.

3.2 Применение приемов лингвокраеведческого анализа при изучении русско-украинского взаимодействия в воронежской антропонимии (на примере антропонимов села Красного Новохоперского района Воронежской области)

Приемы лингвокраеведческого анализа могут быть использованы для исследования ареалов межъязыкового взаимодействия в русских народных говорах, в региональном ономастиконе.

В ходе исследования антропонимии села Красного Новохоперского района Воронежской области нами были апробированы следующие приемы лингвокраеведческого анализа: приведение исторической справки о населенном пункте, лингвокраеведческое комментирование языковых фактов, лингвокраеведческое описание единиц ономастической системы, элементы собственно лингвокраеведческого анализа.

Антропонимическое пространство с. Красного Новохоперского района является пестрой в типологическом отношении структурой. Особенностью с.Красного является двуязычие населения. Жители практически одинаково владеют как украинским говором, так и русским языком (отчасти литературным, отчасти диалектным). Единство русского и украинского языков

проявляется в том, что воронежский диалект русского языка и украинский говор не уничтожают, а, сосуществуя, дополняют друг друга, являя образец гармоничного билингвизма.

Интересно, что количество украинцев – малороссиян – в XIX веке составляло почти пятьдесят процентов от общего количества жителей Воронежского края: «В XIX веке все народонаселение Воронежской губернии почти исключительно принадлежит к славянскому племени, состоя поровну из великороссиян и малороссиян ; остальную, самую незначительную часть населения составляют немцы -колонисты и цыгане . Великороссияне населяют северную часть губернии : Воронежский, Задонский, Землянский, Нижнедевицкий и Коротоякский уезды и бóльшую часть Бобров ского и Новохоперского уездов; малороссияне занимают преимущественно южную часть – уезды: Богучарский, Павловский, Острогожский, Бирюченский, Валуйский и часть Бобровского и Новохоперского уездов» [Материалы для географии и статистики России...1862, с. 101].

Синтез русско-украинской культуры довольно последовательно представлен в антропонимии сельчан. Однако необходимо отметить, что официальные именованья в большей степени отражают русскую традиционную культуру, русскую модель фамилии. Известны факты о том, что украинская часть населения с.Красного стремилась русифицировать и закрепить документально свои фамилии в связи с боязнью выселения из населенного пункта. Синтезированные именованья составляют главную особенность антропонимического пространства с.Красного. Истоки такого языкового явления связаны с историей Воронежского края (и села Красного) и особенностями его заселения, что подтверждается историческими и историко-культурными источниками разного плана.

Для понимания языковых процессов приведем историческую справку о селе Красном Новохопёрского района Воронежской области.

Известна точная дата возникновения села – 1717 год [Панова 1993, с.158].

Первоначально слобода Красенькая (так в XIX веке называлось село Красное) была приписана к Хоперскому округу: «По сооружении крепости, земляной, с рвом и валом, названной Хоперской или Новохоперской, внутри ее была поселена для несения гарнизонной службы рота солдат из г.Павловска, для дальнейшего заселения ее была сделана публикация о вызове посадских людей и крестьян, а для несения военно-конной службы вызывались черкасы. На последний вызов на жительство в новую крепость явились охотники из служилых казаков Острогожского, Харьковского, Сумского и других малороссийских слободских полков. Разрешено было также поселиться и тем казакам разоренных Хоперских городков, которые не были замешаны в бунте Булавина, так как в это время участвовали в войне с Швецией. Все записавшиеся охотниками для заселения Новохоперской крепости черкасы составили Новохоперский казачий полк, который был поселен при крепости особой слободой, а спустя некоторое время, вместе с новыми поселенцами-казаками, образовал еще новые слободы: Пыховку, Красенькую и Алферовку. Принадлежавшие казакам земли были в 1779 году пожалованы князю Г.А. Потемкину, а им в 1783 году проданы А.Н. Шемякину» [Литвинов 1916, с. 113–114]. Известно, что в дальнейшем в результате торговых сделок слобода стала принадлежать Раевским («В эпоху освобождения крестьян Раевские возглавляли семерку самых богатых помещиков Новохоперского уезда, имея в собственности более 21000 десятин земли» [Россия. Полное географическое описание...1902, с. 639]. Род Раевских был одним из знатных в России в XIX веке, о старшем Н.Н. Раевском известно следующее: «...Был одним из самых выдающихся героев Отечественной войны 1812–15 годов и в особенности оказал отечеству безмерные заслуги в битве под Смоленском, Бородиным, Красным, Лейпцигом, Бар-сюр-Обом и Арсисом. Дворянский род Раевских восходит до XVI в. и происходит от польского выходца Ив. Степ. Раевского,

сын которого, Фед. Ив. Раевский, был воеводой в Болхове» [Россия. Полное географическое описание... 1902, с. 637]. «Н.Н. Раевский-младший известен не только как друг А.С.Пушкина, но и герой военных сражений XIX века, основатель г. Новороссийска, кавалер орденов святого Георгия 4-й степени, Анны 2-й степени (с алмазами), Владимира 3-й степени.³⁰ Похоронен Н.Н.Раевский-младший в 1843 г. в слободе Красной, где в настоящее время в память о нем установлен гранитный обелиск» [см. подробнее: Верховых 2008, с.80].

В «Списках населенных мест Российской империи...» по сведениям 1859 года, указано, что в слободе Красной при речке Савале было 740 дворов с 5569 жителями [Списки населенных мест...1865, с.107]. Благодаря значительному числу жителей и своему расположению (ср.: слобода «была расположена на Воронежском почтовом тракте и наряду с волостями Троицкой, Еланской, Пыховской, Синявской и другими относилась к 1-му стану Новохоперского уезда [Списки населенных мест...1865, с.107–110]) слобода Красная являлась волостным центром,

К началу XX века в слободе Красной имелась одна земская школа и две церковно-приходских, в которых обучалось более 500 детей; работал винокуренный завод, существовали 2 трактира, 4 винных лавки, винный склад, 40 мелких лавок [Населенные места Воронежской губернии 1900, с.224].

Основной состав жителей слободы – малороссияне, см.: [Населенные места Воронежской губернии 1900, с.224], что связано и с названием «слобода».

В «Списках населенных мест Российской империи...» встречаем объяснение термина «слобода» – «поселение пригородное, а также местность, населенная малоруссами, имеющая церковь» [Списки населенных мест Российской империи...1865, с. XLVIII].

³⁰ См.: подробнее: Анчуков Г.А., Петров В.Т. Из истории земли Новохоперской. – Воронеж: Воронежская областная типография – издательство им. Е.А.Болховитинова, 2005. – С.97-99.

В XIX веке в селе функционировало 3 церкви: Казанская, Архангельская и Покровская (эта церковь сохранилась до наших дней). Первая церковь называлась «Собор св. Архистратига Михаила и прочих сил безплотных», была построена в 1821 году: «Церковь в слободе Красной Новохоперского уезда с приделом в колокольне в честь св. вел. Георгия, деревянная, построена в 1821 г. на место прежде бывшей, упоминаемой в 1757 г. Прихожан 2700 д.» [Указатель храмовых празднеств... 1884, с.256]. По данным 1900 года, в Красном было 1256 дворов с населением 7104 жителя [Населенные места Воронежской губернии 1900, с. 224]. При слободе находилась станция Раевская, грузящая более 100 тысяч пудов преимущественно хлеба [Россия. Полное географическое описание...1902, с. 636–637]. По сведениям «Памятной книжки на 1856 г.» в год в слободе Красной проводилось 3 ярмарки: Евдокиевская (1 марта), Георгиевская (23 апреля), Михайловская (8 ноября). К 1900 году ярмарок стало 4, самыми крупными из них были Покровская (в октябре) и Михайловская (в ноябре).

В конце XIX – начале XX века слобода Красная принадлежала внуку Н.Н.Раевского-старшего – Михаилу Николаевичу Раевскому и являлась достаточно развитым культурным и промышленным центром: «Ныне (в 1902 г. – Л.Верховых) во владении <...> наследника ген.-м. Мих. Ник. Раевского находится при слободе Красненькой и окрестных слободах 49 тыс. дес. земли. Винокуренный его завод в слободе Красненькой выкуривает ежегодно до 1500 ведер при 370 раб. (ср.: всего в Новохоперском уезде на фабриках и заводах в 1902 году было 1600 рабочих» [Россия. Полное географическое описание...1902, с.639]). Слобода славилась ремесленниками, которые занимались кустарным промыслом [Россия. Полное географическое описание...1902, отд.Ш., с.637]. Как показывают архивные сведения 1872 г., на р.Савале в селе Красное было три моста, один из которых «о 30-ти пролетах»

[ГАВО, ф.И-20, оп.1, д.255, л.8-9], кроме того, в слободе была первая в Новохоперском уезде метеорологическая станция [Панова 1993, с.159–163].

С.Красное имеет следующие памятники истории и культуры:

- братская могила (1919 г., истор.);
- завод винокуренный М.Г.Раевской (к.ХІХ - н. ХХ вв., архитект.);
- дача Раевских «Калиново»;
- дом жилой с магазином (с.ХІХ - к.ХІХ в., архитект.);
- могила Н.Н.Раевского (1843, истор.) [Панова, Кригер, Компанец 1993, с.159–163].

В работе [Верховых 2008] нами подробно была дана лексико-семантическая и словообразовательная характеристика антропонимического пространства села Красного (рассматривались официальные и неофициальные фамилии, извлеченные их похозяйственных книг села Красного [Похозяйственные книги], и прозвища) в синхронии и диахронии совокупно, если учитывать онимоупотребления, было проанализировано около 6500 единиц (в синхронии – более 2500 и диахронии, в соответствии с количеством жителей, записанных в ревизские сказки, – 3970 (1923 жителя мужского пола и 2047 жительницы женского пола [см.: ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, лл.716–915]) . В данном параграфе кратко охарактеризуем результаты проведенного ранее исследования в контексте лингвокраеведческой субпарадигмы с целью установления особенностей межъязыкового взаимодействия, представленных в региональном антропонимиконе, региональной специфики антропонимов.

Анализ официальных фамилий села Красного позволил сформулировать следующие положения и выводы.

Все официальные фамилии можно разделить на две большие группы фамилий:

- фамилии, восходящие к календарным именам;

– фамилии, восходящие к некалендарным (прозвищным) именам.

В целом фамильная система с. Красного имеет общерусские антропонимические корни, что отражается в наборе ономастических (календарных и некалендарных) и апеллятивных единиц, находящихся в основе фамилии, и ее формантном составе, и содержит сведения о влиянии украинского языка на антропонимы (на фонетическом, лексическом и словообразовательном уровнях).

Особенно ярко данная черта проявляется в календарной антропонимии. Так, отмечены следующие модели именовании человека:

1) русская модель с формантами *-ов, -ев, -ин, -ын*: Авдеев, Агапов, Андриянов, Антюхин, Алексеев, Андриянов, Антюхин, Архипов, Афанасьев, Борисов, Васильев, Володин, Глебов, Григин, Григорьев, Гринев, Давыдов, Доронин, Дмитриев, Евсеев, Епифанов, Ерафеев, Ермолов, Ефанов, Иванов, Иванчиков, Иванников, Измайлов, Илюхин, Казьмин, Кузьмин, Конов, Кудинов, Локтионов, Мартынов, Митрофанов, Михеев, Назаров, Нефедьев, Никитин, Николаев, Осипов, Павлов, Петров, Полукаров, Похомов, Протасов, Прохоров, Родионов, Саввин, Савельев, Самохин, Северинов, Селихов, Свиридов, Сенин, Сергеев, Сидоров, Спириин, Пиркин, Степин, Степанов, Тарасов, Терехов, Тимашов, Тимофеев, Тихонов, Уваров, Устинов, Фадеев, Федоров, Федотов, Филимонов, Филиппов, Фомин, Фомичев, Яковлев, Якушев и др.;

2) украинская модель с формантами *-енко, -ко, -ук, -юк*: Абраменко, Агафоненко, Аксененко, Васильченко, Власенко, Гавриленко, Гриненко, Давыденко, Денисенко, Дмитренко, Евтушенко, Игнатенко, Кузьменко, Кириченко Клименченко, Костенко, Левченко, Луценко, Мартыненко, Максимчук, Мартынюк, Михайличенко, Науменко, Нестеренко, Остапенко, Павленко, Полунченко, Романенко, Тимченко Сидоренко, Симоненко;

3) синтезированная модель с двойными формантами: *-енко* и *-ов*, что имеет давние традиции, поскольку еще в начале XIX века подобные фамилии значились в ревизских сказках по селу Красному [ГАВО]: Васильченков, Гавриленков, Костенков, Левченков Марчуков, Николаенков.

Самыми ранними календарными фамилиями являются следующие именованья, извлеченные нами из ревизских сказок 1816 г. по с.Красному (большинство этих фамилий было русифицировано) [ГАВО, И-18, оп.1, д.205], поэтому данный пласт атропонимии начала XIX века также отражает влияние украинской культуры.

Агафоненков, л.813

Василенков, л.805

Васильченков, л.765

Гавриленков, л.747

Гуренков, л. 862, 867

Ермолаенков, л. 871

Иваненков, л. 871

Игнатенков, л.826

Ильенков, л.768

Ильченков, л.786, л. 907

Костенков, л.829, 832

Лукьянов, л.751

Макухин, л. 716-730

Мартиненков, л.795

Михаилченков, л.811

Михаиличенков, л.775

Михайличенков, л. 870

Никитенков, л. 896

Окидин, л.801

Оксиненков, л. 906
Остапенков, л. 906
Павликов, л. 866
Пашковской, л. 875, 879
Петренков, л. 887
Протасов, л. 799
Родиченков, л. 780
Ромасов, л. 735
Ромахов, л. 853
Семкин, л. 834
Сидоренков, л. 869, 892
Сильченков, л. 764, 876
Симоненков, л. 890
Стешенков, л. 901
Федоренков, л. 802, 857, 891
Хамахин, л. 828
Хоменков, л. 897
Юрченков, л. 866, 867

Интересным является тот факт, что ни одна антропонимическая единица из перечисленных не оканчивается на *-енко*, хотя 25 фамилий из 37 имеют финаль *-енков*. Данный факт указывает на украинские корни фамилий и свидетельствует о русификации значительной части украинских фамилий с.Красного.

В ходе лексико-семантического анализа антропонимии села Красного были выделены следующие группы фамилий с некалендарной основой:

- «фамилии, в основе которых отношение родителей к ребенку и время появления его на свет;
- фамилии, в основе которых охранные имена;

- наименования, отражающие восприятие цвета;
- фамилии, в основе которых особенности внешности человека;
- фамилии, в основе которых особенности жизни, поведения человека, его умственные способности;
- фамилии, в основе которых названия животных;
- фамилии, в основе которых названия птиц;
- фамилии, в основе которых названия насекомых, рыб;
- фамилии, в основе которых названия растительных объектов;
- фамилии, в основе которых деятельность человека, ремесло, профессия;
- фамилии, в основе которых различные предметы, вещества, явления, окружавшие человека;
- фамилии, в основе которых названия пищи;
- фамилии, в основе которых воинское звание или церковная должность;
- фамилии, в основе которых социальное положение человека;
- наименования, в основе которых отношение родителей к рождению ребенка,
- наименования, обозначающие время и место рождения, жительства человека;
- фамилии, в основе которых топонимы либо указание на прежнее место жительства человека, этнический признак;
- фамилии, в основе которых лексемы, характеризующие родственные отношения либо отношения принадлежности;
- фамилии, в основе которых название болезни;
- фамилии, в основе которых музыкальные инструменты;
- фамилии с диалектными основами;

- фамилии с неясной этимологией;
- фамилии со сложными именами в основе» [Верховых 2008, с. 12].

Антропонимы, входящие в данные группы, широко представляют украинский генезис фамилий на лексическом уровне.

Великодний. Основа фамилии связана со временем рождения ребенка, об этом свидетельствует находящееся в основе фамилии словосочетание *Великий день*, то есть праздник. В украинском языке *великодний* имеет значение «пасхальный» [Авдеева-1, с.51]. Следовательно, ребенка, родившегося на праздник Пасхи или во время пасхальной недели, могли назвать Великодным. В начале XIX в. в с.Красное функционировала фамилия *Великодной* [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л. 901, 902].

Радчук. Поскольку данный антропоним имеет украинско-белорусский формант, то предположим, что и основа фамилии имеет украинско-белорусские корни. В «Украинско-русском словаре» прилагательное *радий* обозначает «рад, доволен» [УРС 1986, с. 677]; *рада* – «совет» [Там же]. Таким образом, имя-праоснова связана с пожеланиями родителей, чтобы ребенок рос на радость, радовал (или был радостным) либо был советчиком.

Банько. Происхождение фамилии могло быть связано с переносным употреблением украинской лексемы *баньки* (мн.ч.) – «глаза; то же, что зенки (прост)» [Авдеева-1, с.26].

Жученков. Нехристианское имя *Жук* – одно из распространенных на Руси, пишет И.М. Ганжина [Ганжина 2001, с.199]. Н.М.Тупиков отмечает мужские имена *Жук, Жучек, Жученок*, одно из первых упоминаний имени *Жук* относится к 1482 г. [Тупиков 2004, с. 152]. Полагаем, что имя *Жук* могло принадлежать черноволосому или смуглому человеку, поскольку прилагательное *жуковой* в воронежских говорах имеет значение «очень темный, черный», сема «черный» присутствует в некоторых лексемах с корнем *жук-*, *Жучка* – кличка *черной* собаки, *вд. чернорабочий; жукола, жуколка* – *кстр. черная* корова [Даль-1, с.

547]. Словарь М.Т. Авдеевой включает украинизм *жуковий* в значении «очень черный» [Авдеева-1, с. 127].

Осмоленко, Осмолковский. Фамилии восходят к украинской лексеме *осмолювати* «осмаливаться, осмолиться» [Гринченко-3, с.28, 69]. *Смоль* – черная смола; чернь, чернота, пригорелая, черная копоть с лоском [Даль-4, с.236]. Первоначально прозвище человек мог получить за смуглую кожу, темный цвет волос либо за неряшливый (грязный, осмоленный) внешний вид.

Руденко. Основа фамилии связана с лексемой *рудой* – юж. зап. рыжий и рыжебурый [Даль-4, с. 108]. Фамилии подобного типа, как правило, указывали на цвет волос. Данный антропоним имел в XIX в. различные модификации: *Руденков* [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.794], *Рудилов* [Там же, л.792], *Рудченков* [Там же, л. 895]. М.Т. Авдеева отмечает украинизм *рудий* – «коричневый» [Авдеева-2, с. 187].

Ряснянский. Основа фамилии может быть связана с прилагательным *рясний*, имевшем значение «словно поднизанный, крупный, частый, яркий и обильный», однокоренные слова *ряснить/ ряснеть* («стоять рясно, видеться рясным»), *рясно* («ожерелье или подвески, подниз») [Даль-4, с. 126]. Также антропоним может восходить к украинской лексеме *рясний* в значениях «обильный, густой; широкий, пышный, сборчатый» [Авдеева-2, с. 190–191] Воронежским говорам известно прилагательное *рясний* (густой, крупный, здоровый), следовательно, Ряснянским могли назвать крупного, здорового человека. Также антропоним может восходить к топонимам *Рясны, Ряснянск*.

Шевтяков. Предположим, что фамилия *Шевтяков* восходит к антропониму *Жовтяк* < *жовтяк* – «укр. разг. желтяк» [УРС 1986, с. 198]. Видимо, прозвище *Жовтяк* характеризовало внешность человека. Предположим, что в результате фонетических изменений фамилия *Жовтяков* стала звучать как *Шевтяков*.

Бойко, Бойченко < Бойко < *бойкий* либо *бойко* (этническое название горцев, живших в западной части Украины [Ганжина 2001, с.71])

Грабовенко < Грабовый < укр. *грабар* «землекоп», либо *грабки* «грабки, крюк» [УРС 1986, с. 136].

Коверзнев < Каверзный < *каверзный* «к каверзам относящийся; затейливый и проискливый, ябедный» [Даль-2, с. 71]. *Ка(о)верза* – 1) «неуживчивый человек»; 2) «человек, небрежно выполняющий работу»; 3) «шутник» [Королева 2006, с. 150]. Также фамилия *Коверзнев* может восходить и к прозвищу, связанному с лексемой *коверзень* «смл. пск. *коверзни*, твр. пск. *верзни*; лапти, более ракитовые, ветловые и без обор, домашние» [Даль-2, с.128]. Нельзя исключать и вариант происхождения фамилии от патронима, восходящего к украинской лексеме *коверзувать* – «привередничать» [Авдеева-1, с.166].

Лаенко < Лай < укр. *лаяти* – «бранить, ругать» [УРС 1986, с. 340].

Цебенко. Данная фамилия связана с укр. *цебенити* «(сильно) течь, хлестать; лить (о дожде)» [УРС 1986, с. 889]. Родившийся в дождь ребенок мог получить именование, от которого затем образовалась фамилия.

Шалин < Шаль < *шаль* «дурь, взбалмошность или блажь; одуренье, ошалелость; растение дурман; дурачество, шалость, повесничество, баловство; шутка, потеха, проказы; дешевизна, бесценность; влд. мелкая падаля домашняя и шкурки с нее, скупаемые живодерами: телята, ягнята, собаки, кошки и пр.» [Даль-4, с. 619]. Антропоним *Шалин* может восходить и к украинской лексеме *шалина* – «тонкая жердь» [Авдеева-2, с.284]. Рене человека высокого могли назвать шалиною.

Антропонимы, образованные от прозвищ, восходящих к названиям животных, птиц, насекомых, растений, также могут иметь украинские корни.

У каждого народа существует своя неповторимая национальная картина мира, созданная историей, обществом, природой (в том числе миром растений и животных), ее отражением является языковая картина мира, национальный

язык, поэтому основу многих русских фамилий и прозвищ составляют именованья, восходящие в названиям растений и животных.

Мифологические воззрения древних славян, сакральность имени, оружающая природа – все это делало востребованными имена, которые сохранили старые или диалектные названия животных, растений, рыб, насекомых. Архивные данные свидетельствуют об активности подобных антропонимов в XIX в. в с.Красном.

Барсуков, л. 911

Берюкав, л.750

Блохин, л. 836

Бугаев, л.824, 896

Буйволов, л. 914

Быщенков, л.738

Волков, л.767

Галкин, л.742

Зозулин, л. 883

Козелцов, л.803

Козленков, л. 896

Комарев, л. 867

Курочкин, л.734

Ленев, л.775

Лисинков, л. 891

Лосев, л.809, 852

Медведев, л.754, 850, 790

Медмедев, л.790

Совин, л.767

Соколенков, л. 877, 878

Сурикин, л. 892

Сычев, л.739

Удоденков, л. 902

Федор Лукьянов Ястребов он же и Холодеев, л.751

Ястребов, л.750

Некоторые антропонимы могут восходить в апеллятивам украинского происхождения, например, к таким как зозуля – «кукушка» [Авдеева-1, с.147], *лисиченя* – «лисенок» [Авдеева-1, 201],

В современной антропонимии села Красного функционирует фамилия *Пивень* < Пивень < *пи(ь)вень* < «*нврс. млрс.* петух, петель, кочет, кур; *пивинь* «*ряз.* птица чибез, пигалица» [Даль-3, с. 110]. Фамилия могла быть образована от любого из слов, однако более вероятным является первый вариант, поскольку основной состав населения с.Красное в XIX в. – малороссияне.

Шпаковский. В юго-западных говорах, украинском и белорусском языках *шпак* – «скворец» [УРС 1986, с. 921]. Первоначальный вариант фамилии *Шпаков* дополнился суффиксом *-ский*, что свидетельствует либо о семинарских предках человека с данной фамилией, либо отражает процесс становления антропонима в украинской среде.

Линковский < Линковский < Линков < *укр. лин* «линь» [УРС 1986, с. 343], не исключено происхождение фамилии от топонима.

Цвиркун. В белорусских говорах и на юге России *цвиркун* – сверчок, кузнечик [Ганжина 2001, с. 523-524]. М.Т. Авдеева приводит лексему *цвиркун* в значении «сверчок» [Авдеева-2, с.264]. Предположим, что данная фамилия украинского происхождения (отсутствие стандартного фамильного форманта также свидетельствует в пользу этого предположения).

Фамилии данной группы достаточно четко дают понимание о региональной картине мира, поскольку содержат диалектные лексемы, например, *Бабак* < Бабак < *бабак, байбак* «степной сурок» [СВГ-1, с. 47]. Приведем отдельные примеры.

Бирюков < Бирюк < *бирюк* – «волк; *перен.* страшилище, которым пугают детей; *прен.* нелюдимый, угрюмый, одинокий человек» [СВГ-1, с.106]. Ревизские сказки начала XIX в. отражают написание данной фамилии как *Берюкав* [ГАВО, И-18, оп.1, д. 205, л.750], свидетельствуя таким образом о фонетических (аканье) и лексических (функционировании лексемы «берюк») процессах.

Огурек < Огурек < «*запд. юж. пск.* огурок – огурец» [Даль-2, с. 649].

Рясков < Ряска < *ряска* «*юж. зап. пск. прм.* ряд, низка, подниз; нитка ожерелья; нитка ожерелья, бус, пронизей; снизка, низанка» [Даль-4, с. 125–126]. Предположим образование фамилии от прозвища, связанного с южным происхождением лексемы.

В группе фамилий, восходящих к названиям профессий, рассмотрим только лексемы, имеющие украинские корни или воронежскую диалектную основу.

Бондарев. Фамилия образована от апеллятива *бондарь* (укр. *бондар*, *боднар*, блр. *бондар*, польск. *bednarz*), возникшего из *бодня* «кадка, бочка» [Фасмер-1, с. 192], лексема *бóндарь юж. запд. твр. тмб.* обозначает «бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду» [Даль-1, с.114]. Данная фамилия в с.Красное зафиксирована в ревизских сказках в 1816 г. [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.746, 830, 842].

Ковалев, Коваленко, Ковалевский, Кузнецов. «Одна из самых частых в России фамилий – Кузнецов, как на Украине – Ковалев (коваль – «кузнец»)» [Никонов 1974, с. 191]. Украинское *коваль* – устаревшее «кузнец» [Авдеева-1, с. 166]. В современном антропонимиконе с.Красного представлены фамилии, обозначающие человека по профессии кузнец, как русского, так и украинского происхождения, при этом украинских антропонимов в три раза больше. В архивных документах отмечена только фамилия *Ковалев* [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.л. 820, 854].

Кравцов, Кравченко. Лексемы *кравец* и *кравец* обозначали портного (ср., *кроить, краять* запад. – выкраивать, изрезывать, резать в меру.) По мнению Б.О. Унбегауна, подобное именование образовано от названия профессии: «Фамилии на *-цов/-цев* образуются от названий профессий на *-ец* с беглым *е*, отсутствующим в фамилии...<...> *Кравцов* ‘портной’ < кроить» [Унбегаун 1989, с. 99]. В ревизских сказках с.Красное в начале XIX в. записана фамилия *Кравченков* [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л. 56]..

Рыбальченко. В.И.Даль фиксирует такие лексемы, называющие человека, промышленяющего ловлей рыбы: *рыбак* и *рыбарь нвг.*, *рыбалка юж.*, *рыболов* [Даль-4, с. 116]. Слово *рыбарь*, имеющее помету «воронежское», обозначает «рыбная птица чайка» и другие роды и виды птиц этой семьи [Даль-4, с. 116]. Предположим образование фамилии *Рыбальченко* от прозвища из лексемы *рыбарь* в одном из указанных значений. Архивные данные подтверждают существование данной фамилии в начале XIX в. в с.Красное [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л. 755].

Скляр. Фамилия образована от апеллятива *скляр*, обозначавшего стекольщика [Унбегаун 1989, с. 214]. И.М. Ганжина пишет, что в основе фамилии – именование по профессии: «В украинском и белорусском языках и в близких к ним южных и западных говорах *скляр, шкляр* – «стекольщик», «стеклодув» [Ганжина 2001, с.436]. Ревизские сказки начала XIX в. отражают мягкий вариант написания фамильного суффикса – *Склярев*.

Чередников, Чередниченко. Словарь В.И.Даля фиксирует лексемы *чредник, чередник*, имеющие значение «кто на черед, очередной в каком либо деле», *чередник* – «*юж. нврс.* пастух при черед, при крупном скоте», также лексема может обозначать растение «почечуйная, живокость» [Даль-4, с. 591]. Украинское *чередник* – «пастух» [Авдеева-2, с.275]. Предположим, что фамилии *Чередников, Чередниченко* получили первоначально люди, пасущие скот.

Фамилия *Чередниченков* зафиксирована в с.Красное в начале XIX в. [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.908].

Чуб-швец. *Чуб* – «хохол, вихорь, взбитый или отрощенный клок волос, косма на темени или на лбу» [Даль-4, с. 611], *швец* – «влд. тмб. ярс. вят. прм. нвг. ол. портной, кто шьет одежду; простой крестьянский портной; швец более шубник, тулупник, сапожник» [Там же, с. 635]. Двойную фамилию носили потомки священнослужителей.

Чумаков. Аpellятив *чумак* имеет следующие значения: 1) *каз. пер.* целовальник, кабачник, сиделец в кабаке или помощник его; 2) *юж. нврс. сар. млрс.* протяжной извозчик на волах (в былое время отвозили в Крым и на Дон хлеб, а брали рыбу и соль); 3) *пск.* замарашка, чумазый [Даль-4, с. 614]. Предположим возникновение фамилии от лексемы *чумак* во втором значении, поскольку она имеет помету «южное» и могла употребляться донскими и / или хоперскими казаками, жившими в с.Красное в XIX в. [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.833].

Шевченко, Шевцов. В основе данных фамилий – профессиональная характеристика человека: *швец* «влд. тмб. ярс. вят. прм. нвг. ол. портной, кто шьет одежду; простой, крестьянский портной; швец более шубник, тулупник, сапожник» [Там же, с. 635]. *Укр. шевчук* «сапожный подмастерье, сапожный ученик»; *шевців* «принадлежащий сапожнику» [Гринченко-4, с.490]

Фамилии, связанные с названиями профессий, являются многочисленной группой лексических единиц. «Эти фамилии представляют собой ценный источник лингвострановедческой информации, потому что свидетельствуют о развитии и специализации народных ремесел» [Джахангири 2003, с.74].

Синхронный и диахронический анализ фамилий, связанных с названиями профессий, позволяет сделать вывод о специализации ремесел и распространении в XIX в. в селе Красном таких видов деятельности, как бондарь, гончар, коваль (кузнец), колесник, коновал, кро(а)вец, кучер, мельник,

решетник, скляр, скороход, ткач, чередник, чумак, швец и др., и о более позднем появлении профессий барышник, бердник, возник, дубовик, золотарь, красильник, синильник, токарь, чеботарь, шаповал и др. Возникновение новых профессий связано с развитием ремесла и промышленности как в России в целом, так и в с.Красном Новохоперского района в частности.

Среди фамилий, восходящих к названиям, связанным с предметами окружающего мира, также можно выделить лексемы с украинской основой и воронежским диалектизмом (диалектные слова с пометами «тамбовское», «донское», «южное», «юго-западное» также имеют распространение в говорах Воронежского края).

Капшук < Капшук < укр. *капшук* «1) мошна (уст.), кошелек; 2) (перен.: малыш) разг. шутил. карапуз, бутуз, пузырь, клоп [УРС 1986, с. 299].

Карабецкий < Коробецкий < *коробец* < *короб* либо Карабецкий < *карабить* «тмб. боронить, бороновать, скородить, волочить» [Даль-2, с.89]. Формант свидетельствует об украинских корнях антропонима.

Ляленко < Ляля < укр. разг. *ляля* «ребенок, дитя» [УРС 1986, с. 352].

Плющев < Плющ < плющ «ряз. плоская пуговица», «растение» [Даль-3, с. 134] или Плющев < Плющ < укр. *плющати* /плющити.

Шабалин < Шабала < *шабала* «ряз. тамб. лохмоть, мохор» [Даль-4, с. 613]. Предположим, что именование *Шабала* получил либо ребенок в качестве профилактического, либо взрослый человек, ходивший в лохмотьях.

Как считает А.В.Суперанская, образование имен от названий малоценных предметов, бывших в каждом доме, также могло играть роль защитных, не привлекавших к себе особого внимания [Суперанская 2003, с.15]. В некоторых случаях, желая подчеркнуть, что ребенок – часть чего-либо, древние славяне давали своим детям такие имена, как, например, *Клочок* (*Клочков*), *Лоскут* (*Лоскутов*). Такие фамилии – остатки древних верований славян.

Среди фамилий, восходящих к прозвищам по названиям пищи, выделим следующее именование, включающие воронежское диалектное слово.

Солодков < Солодко / Солодок < *солодкий* «юж. зап. сладкий; смл. пск. вор. смачный, вкусный, сладимый», *солодка* – растение лакрица, *солод* «хлебное зерно, теплом и мокротою пущенное в рост, засушенное и крупно смолотое; проросший хлеб, в котором образуется сахарное начало, сладимый вкус» [Даль-4, с. 266–267].

Фамилия, восходящие к прозвищам, связанным с воинским званием или должностью, включают следующие украинизмы.

Паламарчук < Паламар < укр. *паламар* – «церк. пономарь, псаломщик, причетник, дьячок» [УРС 1986, с. 482].

Письменный < Письменный < *письменный*. Письменной душой раньше называли мужскую ревизскую писанную душу [Даль-3, с. 115]. Возможен и вариант возникновения фамилии от прозвища из украинского *письменный* «грамотный» [Гринченко-3, с.154].

Диалектную основу имеет фамилия Бережной, восходящая прозвищу от в воронежской диалектной лексемы: *Бережной* – «береговой, в знач. «берегу принадлежащего и прибрежного» [Даль-1, с.82]. Живущий близ берега реки человек мог получить прозвище Бережной. Основа фамилии может восходить и к лексеме *бережной* «бережливый» [СВГ-1, с. 98].

Среди групп фамилий, восходящих к топонимам, отметим следующие отдельные единицы, имеющие диалектные корни.

Бахмутский, Бахмуцкий. Фамилия на *-ский* *Бахмутский*, а также оформленная с помощью форманта *-ий* фамилия *Бахмуцкий* могут быть образованы от топонима *Бахмут* (так назывался провинциальный³¹ город, до

³¹ Слово *провинциальный* в XVIII в. обозначало главный город провинции, центр провинции. С 1719 года все Российские губернии были разделены Петром I на провинции. Первоначально в состав Воронежской губернии входили такие провинции: Воронежская, Елецкая, Танбовская, Шацкая, так называвшееся Новое правление Азовское и Козаки Донские [Болховитинов 1800, с. 12-13]

1725 г. Бахмутская провинция вместе с Воронежской, Елецкой, Тамбовской, Шацкой составляла Воронежскую губернию). Сосуществование в одной антропонимической системе двух вариантов фамилии – результат закрепления на письме особенностей произношения прилагательного *бахмутский*. Рассматриваемые фамилии могут восходить и к апеллятиву *бахмут* – название северо-западного холодного ветра, прилагательное *бахмутский* также обозначало северо-западный ветер [СРНГ-2, с.156]. Данная лексема была широко распространена в конце XIX – начале XX в. на Дону. Возможно образование прозвища и на основе сходства: Бахмутом могли назвать человека сурового (как северо-западный ветер), строгого. Следовательно, первые носители фамилии *Бахмутский* / *Бахмуцкий* (последний вариант – антропоним, зафиксированный в официальных документах на основе произношения) – жители Подонья.

Коломыцев. По-видимому, фамилия первоначально называла человека из украинского города Коломыя, хотя нельзя исключить и вариант происхождения фамилии от нарицательных *коломыкать* – «бродить вокруг чего, шнырять, разнохивать», *коломыка* – «бродяга; лазутчик» [Даль-1, с. 140].

Черкасов < *Черкас* < *черкас* – украинец, житель правого берега Днепра.

В.А. Никонов отмечает, что нужно помнить: не все все фамилии, восходящие в прозвищам по этнической принадлежности, образованы «из личных имен, которые в свою очередь не означали этнической принадлежности носителей их» [Никонов 1974, с. 192].

Щебетовский. *Щебетати* – «щелкать, щекотать» [УРС 1986, с. 926].

Украинской по происхождению является фамилия *Диденко* (укр. дід < дед).

Безусловно, интересной в лингвистическом отношении является группа фамилий с диалектной основой, требующей лингвокраеведческого комментирования (при наличии данных).

Фамилиями с диалектной основой также являются следующие.

Кобзев (кобза «юж. род бандуры; восьмиструнная округлая балалайка» [Даль-2, с. 127]).

Бабак. Возможно, в основе фамилии прозвище *Бабак / Байбак* < *бабак* – крупный степной грызун из рода сурков. СРНГ отмечает ареал распространения лексемы – юг России [СРНГ-2, с.16]; воронежское *бабак* – «степной сурок» [СВГ-1, с.47];

Балабанов. *Балабон, балабола* – *твр.* «пустомеля, болтун, у кого язык ходит балаболкой [Даль-1, с.41]. В СРНГ указывается, что лексема *балабан*, синонимичная слову *балабон* и распространенная в рязанских говорах, имеет значение «болтун, пустомеля, у кого язык ходит балаболкой» [СРНГ-2, с.65–67].

Также фамилия может восходить к лексеме *балабан* в значении «коршун» [СВГ-1, с. 60]. В этимологическом словаре находим сведения о турецком, крымско-татарском происхождении слова *балабан*, имевшем значения: 1) с большой головой; 2) род хищной птицы; сокол [Фасмер-1, с. 111]. Как отмечает Е.Н. Полякова, фамилия могла быть образована от прозвища *балабан*, имеющего значения: 1) птица сокол; 2) большой сокол, используемый для травли зайцев; 3) глупец, болван; 4) грубый человек, 5) шалун, озорник [Полякова 2005, с.36].

В древности ареал западной части Воронежского Прихоперья довольно долго находился под влиянием половецких кочевников, поэтому допустим существование омонимов, явившихся основой возникновения фамилии *Балабанов* и обозначающих: 1) *рязанск.* того, «у кого язык ходит балаболкой» и который смешит людей; 2) человека, похожего на птицу (сокола), называемого по-кыпчакски (у половцев) словом *балабан* [Фасмер-1, с.111].

Бирюков. В основе фамилии прозвище *Бирюк* от апеллятива *бирюк*. В СРНГ приведены 13 значений данной лексемы. Приведем лишь такие значения слова, которые имеют пометы «рязанское», «донское», «тамбовское», «воронежское», «саратовское». Бирюк – 1) «волк», дон., ряз., ворон., сарат. (и

многие другие регионы отмечают эту лексему); 2) «волк, медведь, иногда всякий зверь», ряз., ворон.; 3) «страшилище, которым пугают маленьких детей, бука», дон., сарат.; 4) «домовой», хопер., дон.; 5) «сверчок», дон.; 6) «бычок на втором году жизни», сарат., дон., 7) «один из видов рыбы – ерша», тамб., ворон. [СРНГ-2, с.294]. В «Словаре воронежских говоров» *бирюк* – 1) волк; 2) *перен.* страшилище, которым пугают детей; 3) *перен.* нелюдимый, угрюмый, одинокий человек, а также – донской ерш, ерш-носарь [СВГ-1, с. 106–107]. Сложно определить, какое именно значение стало основой для образования прозвища *Бирюк*. Мотивом номинации, вероятнее всего, послужило сходство человека с одним из перечисленных видов животных / существ. В настоящее время лексема *бирюк* в воронежских говорах чаще используется преимущественно обозначая волка либо одинокого человека.

Балакирев. Балакирь < *балакирь* – «кувшин, крынка»; *балакер* – мичуринское, тамбовское «посуда для молока» [Фасмер-1, с.112]. Также *балакирем* называли шутника, веселого рассказчика (вероятно от «балакать» – болтать, молоть чепуху) либо низкорослого человека, коротышку [Полякова 2005, с. 36].

Журбин. Южное *журба* – «печаль, горе, кручина» [Даль-1, с. 548].

Таким образом, практически все лексико-семантические группы антропонимов включают диалектные слова, представленные как лексемами воронежских говоров, так и сопредельных территорий. Значительное число фамилий с украинской основой свидетельствует о глубоких русско-украинских контактах прошлого. В некоторых случаях достаточно сложно или практически невозможно определить, какой апеллатив изначально дал основание для возникновения прозвищного имени: диалектный воронежский или украинский, поскольку воронежская и украинская лексика имеет семантические параллели (ср.: воронежские слобожанские говоры).

3.3 Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии

3.3.1 Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии группы сел. Пространство и время в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии)

Понятия «пространство» и «время» являются универсальными категориями, которые изучаются в рамках философии, лингвистики, литературы, естествознания, психологии, искусства. В современной лингвистике изучение категорий «пространство» и «время» осуществляется в лексико-семантическом, этнолингвистическом, лингвокультурологическом, когнитивном и иных аспектах. В данной работе анализ названных категорий в региональной языковой картине мира (на материале воронежской микротопонимии) осуществляется в лексико-семантическом аспекте, с позиций лингвистической семантики.

Под региональной картиной мира понимаются «варианты когнитивной и языковой картины мира, свойственные жителям отдельных регионов и носителям определенных диалектов» [Щербак 2006, с.16]. Составляющей языковой картины мира является онимическая, и в ее составе –топонимическая картина мира [см.: Климкова 2007]. Региональная топонимическая картина мира является системой, тесно связанной с историко-культурными особенностями края: «Региональная топонимическая картина мира, соответствуя определенному региону как историко-культурной зоне, представляет собой систему частных систем, в которых сосуществуют собственно топонимия (мезотопонимия) как часть общей топонимической картины мира и микротопонимия. Последняя, в свою очередь, есть система систем, микросистем, каждая из которых уникальна, – это «самоценное культурно-историческое образование» (Н. Л. Сухачев). Микротопонимия тесно связана с

окружающей действительностью, с человеком, его сознанием, его духовно-практической деятельностью»³².

Проблемы региональной языковой картины мира на материале топонимии и микротопонимии изучаются давно, с начала XIX века. Ярким примером таких исследований является труд Е.А. Болховитинова, в котором характеризуются воронежские топонимы и микротопонимы³³.

Воронежские географические названия являются объектом исследования в трудах Г.Ф. Ковалева (топонимия и микротопонимия Воронежской области), С.А. Попова (ойконимия Воронежской области), В.А. Семушкина (гидронимия Среднего Дона), Т.В. Толбиной (микротопонимия Воронежской области), О.П. Дмитриевой (топонимия Россошанского района), а также в отдельных статьях В.Ф. Филатовой (микротопонимия села Третьяки Борисоглебского района), Е.И. Сьяновой, А.В. Белаенцевой (микротопонимия Борисоглебского городского округа), Э.О. Пархоц (микротопонимия Верхнехавского района), Л.Н. Верховых (микротопонимия села Абрамовка Таловского района) и др.

В настоящее время осуществляется лексикографическое описание воронежской топонимии и микротопонимии³⁴, рассматриваются актуальные вопросы топонимической номинации [Ковалев 2021; Попов 2020].

В работе Чэнь Цзыди³⁵ характеризуются основные номинационные и семантические типы микротопонимии Воронежской области через призму языковой картины мира, однако категории «пространство» и «время» не изучаются. Новизна данного исследования состоит в том, что в работе впервые

32 Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2008. С. 13.

33 Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж: типография Губернского правления, 1800. 228 с.

³⁴ Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. Воронеж, 2007. 408 с.; Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2-х т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т.1. 410 с., т. 2. 420 с.; Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского Края. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с.

³⁵ Чэнь Цзыди. Микротопонимия как отражение региональной картины мира жителей Воронежской области: дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык [Место защиты: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина]. Воронеж, 2021. 200 с.

характеризуется фрагмент региональной языковой картины мира (область представлений о пространстве и времени) на примере анализа микротопонимии 28 населенных пунктов Воронежской области³⁶.

В данном исследовании под микротопонимами понимаем народные географические названия, известные на ограниченной территории (к числу микротопонимов относим и народные названия улиц, микровиконимы (А.М. Мезенко, Р.В. Разумов).

Цель данного параграфа – на материале воронежской микротопонимии изучить особенности региональной языковой картины мира, связанные с представлениями о времени и пространстве. В работе использовались материалы лаборатории региональной лингвистики, фольклора и этнографии Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета, полевые материалы, собранные автором работы, также привлекались данные словаря микротопонимов Г.Ф. Ковалева³⁷, материалы статьи А.В. Белаенцевой [Белаенцева 2020].

Современными лингвистами выделяются следующие параметры анализа категории «пространство»: локализация объекта, охват местности, протяженность, обжитость пространства [см.: Березович 2009, с. 84], при этом существует мнение о том, что «параметр «форма, конфигурация объекта»,

³⁶ Принятые сокращения:

АБР. ТАЛ. – село Абрамовка Таловского района, БАЙЧ. ПОВОР. – село Байчурово Поворинского района, БОГАН. БОРИСОГЛ. – с. Богана Борисоглебского района, БОРИСОГЛ. – г. Борисоглебск, БУТУРЛ. – г. Бутурлиновка, ВАС. ГРИБ. – село Васильевка Грибановского района, ВЛАС. ГРИБ. – село Власовка Грибановского района, ДЕД. ПЕТР. – села Дедовка Петропавловского района, ДОЛИН. НОВОХОП. – пос. Долиновского Новохопёрского района, КОЗЛ. БУТУРЛ. – с. Козловка Бутурлиновского района, КОЛОД. ПОДГОР. – с. Колодежное Подгоренского района, КОСТ.-ОТД. ТЕРН. – селе Костино-Отделец Терновского района Воронежской области, КРАСН. НОВОХОП. – село Красное Новохопёрского района, ЛОЗ. В-МАМ. – село Лозовое Верхнемаммонского района, ЛОС. ПАВЛ. – с. Лосево Павловского района, МАКАШ. БОРИСОГЛ. – село Макашевка Борисоглебского района, МАЛ. СУД. ПОДГОР. – хутор Малая Судьёвка Подгоренского района, МИР. БОРИСОГЛ. – село Миролубие Борисоглебского района, МОР. РОСС. – село Морозовка Россошанского района, ОЛЬХ. – р.п. Ольховатка Ольховатского района, ПАВЛ. – город Павловск, ПЕСК. ПОВОР. – село Пески Поворинского района, ПОВОР. – г. Поворино, ПРИРЕЧН. В-МАМ. – село Приречное Верхнемаммонского района, РОСС. – г. Россошь, СТ. МЕЛ. ПЕТРОПАВЛ. – с. Старая Меловая Петропавловского района, СУХ. ДОН. – село Сухой Донец Богучарского района Воронежской области, ТАЛ. – р.п. Таловая Таловского района.

³⁷ Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2-х т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т.1. 410 с., т. 2. 420 с.

квалифицируемый в некоторых исследованиях как пространственный, обладает невысокой информативностью в плане характеристики установок субъекта» [Березович 2009, с. 84].

1. Уровни микропонимических единиц, репрезентирующих категорию «пространство»

В воронежской микропонимии считаем возможным выделить два уровня микропонимических единиц, репрезентирующих категорию «пространство»: первый уровень: 1) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем горизонтальную протяженность; 2) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяженность; 3) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, отражающем радиальные связи объектов.

На втором уровне выделим следующие подуровни микропонимов, отражающих представление человека о пространстве в региональной языковой картине мира.

I) Микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем горизонтальную протяженность : микропонимы, включающие семы 'север' / 'юг' / 'восток' / 'запад'; 'передний' / 'задний': *Перёдний пруд* / *Пёрвый пруд* (БАЙЧ. ПОВОР.) – пруд, который расположен перед домами жителей, ближе к селу; *Зádний пруд* / *Вторóй пруд* / *Лёшкин пруд* (БАЙЧ. ПОВОР.) – пруд, который расположен за огородами жителей; *Зáпадное* (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле, расположенное в северо-западной части села.

II) Микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяженность : микропонимы, включающие семы 'верх', 'высокий', 'возвышенность': *Акíмова гóрка* (МИР. БОРИСОГЛ.) – овраг под горкой ; *Бéлая гóрка* (ЛОЗ. В-МАМ.), *Белые горы* (ПРИРЕЧН. В-МАМ.), *Бугóр* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – улица Карла Маркса, *Буруны́*

(ДЕД. ПЕТР.) – возвышенность с песчаными барханами , Вершіна (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле, Вёрхня ул. (МАКАШ. БОРИСОГЛ.), Горá (АБР. ТАЛ.), Зáйцева гóрка (МИР. БОРИСОГЛ.), Куликóва горá (ПАВЛ.), Кургáн (КОСТ.-ОТД. ТЕРН.) – поле с возвышенностями , Мамóнская гора (РОСС.), Монáшеский бугор (ДЕД. ПЕТР.), Пе́сковская горá (ЛОС. ПАВЛ.), Хлóповая горá (ТАЛ.), Цáрская горá (ПАВЛ.).

Микротопонимы Бугóр , Вершіна, Горá, Кургáн образованы от апеллятивов, что характерно для топонимических систем различных регионов, например, подобные единицы присутствует в новгородской гидронимии [3, с. 102].

Представления человека о пространстве отражены в следующих географических терминах оронимии, входящих в состав микротопонимов: *бугор, бурун, гора, горка, курган* и лексеме *вершина*.

Воронежская микротопонимия включает языковые единицы , имеющие украинский генезис (Вёрхня ул , За Холóднэ , Большé Мóкрэ , Вэ́лыка, Малé Мóкрэ), что связано с особенностями заселения края: «В XVIII веке, когда опасность от татар миновалась, число переселенцев из малороссиян увеличилось до такой степени, что в общем заселении губернии они участвовали наравне с великороссиянами; северные и западные уезды, как ближайšie к России, населились русскими, южные – малороссиянами»³⁸.

К рассматриваемой группе микротопонимов примыкает название, в котором протяженность в высоту отмечена первым компонентом, представленным числительным, и вторым компонентом *этаж* (актуализированные семы ‘уровень’, ‘граница высоты чего-либо’) – Двухэта́жный (о кордоне , БОРИСОГЛ.), – и микротопонимы , данные по ассоциации, семантический признак ‘возвышенность’ в таких онимах

³⁸ Михалевич В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. Санкт-Петербург: [б.и.], 1862. С. 95.

представлен имплицитно : Карпáты (СУХ. ДОН.) – ул. Садовая, улица расположена на гористой местности; Кавказ (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Кавказская; Большой Кавказ (БУТУРЛ.) – ул. 3 Интернационала; ул. Капказ (БОГАН. БОРИСОГЛ.).

Интересно, что в с. Васильевка Грибановского района ранее функционировали в качестве микротопонимов названия улиц Кавказ и Крым (по мнению старожилов села, эти названия улицы получили после Крымской и Кавказской войн), а затем эти онимы стали официальными названиями, поэтому в классификацию данные номинации не включаем.

II) Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяженность : микротопонимы, включающие семы ‘низкий’/ ‘низменность’/ ‘глубокий’/ ‘впадина’: Бáнный овраг (МИР. БОРИСОГЛ.), Воробьёва яма (БОРИСОГЛ.) – место на реке Хопёр, Воро́нина я́ма (ЛОС. ПАВЛ.) – место с водоворотами на реке Битюг, Глазно́й колодец³⁹ (ДЕД. ПЕТР.), Глубо́кое (ДЕД. ПЕТР.) – озеро и место для купания , Глубо́кое (МАКАШ. БОРИСОГЛ.) – место на реке Хопёр , Гордеичев колодец (АБР. ТАЛ.), За Холо́днэ (ВЛАС. ГРИБ.) – низина за селом , Зóйкин яр (СУХ. ДОН.), Красносто́лпский овраг (БОРИСОГЛ.), Кали́ничев ров (АБР. ТАЛ.), Кана́ва (АБР. ТАЛ.), карье́рный овраг (МИР. БОРИСОГЛ.), Корню́хин ров (АБР. ТАЛ.), Кра́сная лощина (АБР. ТАЛ.), Кра́сный яр (СУХ. ДОН.) – ул. Аплётова, Лог (КОСТ.-ОТД. ТЕРН.) – широкий овраг , Мака́рова ба́лка (АБР. ТАЛ.), Макси́м-ба́лка (ДОЛИН. НОВОХОП.) – пруд и пляж на пруду, Ма́ркин / Марко́в ров (АБР. ТАЛ.), Мозгалéв ров (АБР. ТАЛ.), Мя́чина я́ма (БОРИСОГЛ.), Низо́к (ПРИРЕЧН. В-МАМ.) – ул. Луговая, Низы́ (ДЕД. ПЕТР.) – место, где есть дополнительные огороды у жителей села; Ни́жняя у́лица (МОР. РОСС.) – улица

³⁹ Названия колодцев также относим к микротопонимам, включающим сему ‘глубокий’ в соответствии со значением лексемы *колодец*, см.: первое значение лексемы *колодец* – ‘глубокая яма с отвесными стенками, обычно защищенная от обвалов срубом, служащая для добывания воды из водоносных слоев земли’ [см.: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014 // Грамота. ру. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 11.03.2022)].

Революции, название связано с низким расположением улицы по отношению к реке Черная Калитва , Обрыв (АБР. ТАЛ.), Разбойничий яр (ПРИРЕЧН. В-МАМ.) – овраг, Солёный лог (ПРИРЕЧН. В-МАМ.) – низина с солёной водой, Сомова яма (БОРИСОГЛ.), Холодный яр (ПАВЛ.) – овраг, Черницова яма (БОРИСОГЛ.) – место на реке Хопёр , Чибисов яр (ДЕД. ПЕТР.) – место для рыбной ловли на озере Цыганском , Яма (БОРИСОГЛ.) – место на р. Ворона, Хромой лог (АБР. ТАЛ.), Яркий (БОРИСОГЛ.) – урочище, Яружка⁴⁰ (АБР. ТАЛ.) – лес на склоне оврага, Ярыжка (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – часть улицы в низине.

Представления человека о пространстве отражены в следующих географических терминах, вошедших в состав микротопонимов, или перешедших в результате онимизации в микротопонимы: *балка, колодец, лог, лощина, обрыв, овраг, ров, яма, яр* и производных от него.

Региональная микротопонимия всегда отражает географические особенности края, поэтому и воронежские орографические названия отражают особенности ландшафта Воронежского края, обусловленные наличием равнин, возвышенностей, оврагов, низменных мест. Поскольку система воронежской микротопонимии формировалась постепенно, приведем сведения о ландшафте Воронежского края XIX – начала XX вв.: «Воронежская губерния разрезывается рекой Доном на две части, почти равная по пространству, но различная по общему характеру местности. Правая или западная, более возвышенная сторона <...> покрыта кряжами незначительных возвышенностей мелового образования; напротив левая или восточная сторона <...> представляет низменную равнину, местами только слегка всхолмленную»⁴¹; «Воронежская губерния в общем

40 В воронежских говорах лексема *яружка* имеет значения 'овраг с лесом', 'лес в овраге', 'небольшой молодой лесок', 'ямка', 'прибрежная яма' [Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронеж. государственный университет, 2009. С. 342–343]. Слово *яружка* в конце XVII века было широкоупотребительным, приведем контекст употребления этого слова: «Да в тех же урочищах сенные покосы по логам и по дубровамъ и по ярушкамъ», «подарил я сыну своему <...> пасику со пчелы, зберегаемой по ярушке растущий лес» [Там же, с. 343].

⁴¹ Михалеви́ч В.К. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. СПб.: [Главное управление Генерального штаба], 1862. С.21.

представляет довольно однообразную плоскость с уклонами, покатосями, логами и буграми»⁴²; «в восточной половине губернии, лежащей по левую сторону р. Дона, встречаются, главным образом, по водоразделам незначительные возвышенности, которые большею частью переходят в довольно обширные равнины»⁴³.

Называя географические объекты, микротопонимы отражают историко-географические особенности края. По мнению В.А. Никонова, «каждое географическое название – Виктория или Буковина – история, выраженная средствами языка» [Никонов 2011, с. 26].

II) Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем радиальную протяженность: микротопонимы, включающие семы ‘близкий’; ‘далекий’, ‘в углу’, ‘центр’ / ‘центральный’; ‘край’/‘окраина’, ‘середина’ в значении ‘центр’: Бли́жняя Загиря́нка (ОЛЬХ.) – часть поселка Загирянкa, Да́льняя Загиря́нка – часть поселка Загирянкa (ОЛЬХ.), Ка́ушкин кутóк (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Красная Заря; Красная угля́нка (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Красивый угол, Попóв угол (ВАС. ГРИБ.) – поле, Серёдка (ЛОЗ. В-МАМ.) – название центра села ; Цéнтр (ВЛАС. ГРИБ.) – часть улицы Пролетарской, центр с . Власовка, Цéнтр / Дворя́нка / Больша́к (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Октябрьская; Центр (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – улица.

Представления человека о пространстве отражены в следующих лексемах, прошедших процесс онимизации и вошедших в состав микротопонимов: *середка (середина), углянка (угол), угол, куток (уголок, ср.: закуток), центр, конец, ближний, дальний.*

V) Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, связанном с характеристикой предмета относительно другого

⁴² Николаевский И. Описание Воронежской губернии. Воронеж: Типо-литография т-ва «Н.Кравцов и К°», 1909. С.1.

⁴³ Там же. С.2.

географического объекта, расположенного неподалеку, включающие семы ‘за чем-либо’, ‘близ чего-либо’, ‘неподалеку от чего-либо’, ‘на чем-либо’, ‘под чем-либо’: Заболóтовка (РОСС.) – микрорайон, Заболóтовка (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – улица, Загрóдовка (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – улица за огородами, Закадóнье (ЛОЗ. В-МАМ.) – южная часть ул. Советской (расположена за домом местного жителя Кадона), Náбережная (ТАЛ.) – ул. Первомайская, Нагóрновское поле (БАЙЧ, ПОВОР.), Подгора (РОСС.) – микрорайон, Подгора (ВАС. ГРИБ.) – часть улицы Подгорной и Набережной, Подлéсный (МИР. БОРИСОГЛ.) – название хутора, находящегося в самой низине, под лесом, в северо-восточной части поселка, Под Лысой горóй (ЛОС. ПАВЛ.) – место на реке Битюг.

Для данной группы микротопонимов характерна следующая закономерность номинации: наименование исходного объекта осуществляется через отсылку к другому географическому объекту, более известному, который выступает точкой ориентирования, при этом не всегда точно можно определить, известна исходная географическая номинация в качестве онима или общепринятого географического термина, например, Подгора < под + Гора? / под + гора? Косвенно в этой группе микротопонимов отражаются и временные представления: сначала закрепляются в качестве значимых известные географические объекты, а затем через определенное время новые географические объекты получают названия с отсылкой к уже существующим объектам. Представления о времени и пространстве совмещаются при номинации одних географических объектов относительно других.

IV) Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, связанном с размером и формой географического объекта, и включающие признаки ‘размер’, ‘протяженность’, ‘форма’:

а) Большáк (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Октябрьская; Большáя дорóга (СУХ. ДОН.) – широкая дорога в поле; Большая Самовóловка (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – улица Степана Разина; Большé Мóкрэ (ВЛАС. ГРИБ.) – Большой пруд, Велиkáя

у́лица (МОР. РОСС.) – улица Пролетарская , центральная улица , которая отличается большой протяженностью и шириной ; Вэ́лы́ка (МАКАШ. БОРИСОГЛ.) – улица Ленинская, отличается большой протяженностью ; Ильме́нь большо́й (БОРИСОГЛ.) – озеро, Ма́лэ Мо́крэ (ВЛАС. ГРИБ.) – Ма́ленький пруд;

б) Горба́тый мост (РОСС.), Горбуни́ха (БАЙЧ. ПОВОР.) – поле, Кольцо (РОСС.), Мотня́ (РОСС.) – части селений, Косо́й переу́лок (ПОВОР.) – переулок Пархоменко, Крива́я (КОЛОД. ПОДГОР.) – место для отдыха , Кру́глый лес (ЛОЗ. В-МАМ.), Плоско́е (СТ. МЕЛ. ПЕТРОПАВЛ.) – равнина, Плоско́е (ВАС. ГРИБ.) – поле, Трафа́ре́т (МАКАШ. БОРИСОГЛ.) – улица Трудовая, характеризуется симметричным расположением домов на этой улице , У́зенький (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Спартака.

Представления человека о пространстве в соответствии с признаками ‘размер’, ‘протяженность’, ‘форма’ отражены в формах следующих лексем, прошедших процесс онимизации и вошедших в состав микротопонимов: *большак, большой, великий, маленький; горбатый, кольцо, косой, кривой, круглый, мотня, плоский, трафарет, узенький.*

2. Группы микротопонимических единиц, репрезентирующих категорию «время»

Среди микротопонимов, отражающих представление человека о времени, выделим следующие группы: 1) микротопонимы, включающие в свой состав порядковые числительные; 2) микротопонимы, включающие номинации с семами ‘старый’, ‘новый’. Понятие о времени в микротопонимах первой группы представлено порядком исчисления объектов: номинация первого, как правило, осуществляется раньше второго и т.д., а микротопонимы с компонентами «старый», «новый» эксплицитно характеризуют название как существовавшее прежде или возникшее недавно.

Закон ряда, сформулированный и обоснованный в топонимике В. А. Никоновым [Никонов 2011, с. 33–38], наиболее ярко проявляется при анализе ономастических единиц данной группы: все микротопонимы, отражающие представление человека о времени, находятся в определенных «временных рядах», то есть в некоторых линейно расположенных группах онимов, каждый из которых важен для установления времени и мотива номинации последующего, ср.: Пёрвая, Трётья, Пя́тая ба́лки (ЛЮЗ. В-МАМ.), затем по названиям балок были даны и названия расположенных неподалеку частей улицы 50 лет Победы Пёрвое , Трётье, Пя́тое (ЛЮЗ. В-МАМ.). Микротопонимы группы, отражающей представление человека о времени, могут образовывать бинарные оппозиции: как правило, название, включающее компонент «новый», всегда соотносится с микротопонимом, включающим компонент «старый», а микротопонимы, содержащие порядковые числительные, кроме того, могут образовывать многочленные оппозиции.

1) Микротопонимы, включающие в свой состав порядковые числительные: Вторáя Самовóловка (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Красноармейская, Вторóе отделéние (МИР. БОРИСОГЛ.) – поле, Вторóй переу́лок (ПОВОР.), Вторóй пруд / За́дний пруд / Лéшкин пруд (БАЙЧ. ПОВОР.) – пруд, Оди́ннадцатая со́тня (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. 9 января, Пёрвый переу́лок (ПОВОР.), Пёрвый пруд / Перéдний пруд (БАЙЧ. ПОВОР.), Трётья Самовóловка (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Фридриха Энгельса, Четвё́ртая брига́да / Четвертая со́тня (СУХ. ДОН.) – ул. Кольцова.

Микротопоним Седьмо́вка (БОРИСОГЛ.), возникший в результате трансонимизации от названия улицы 7 Ноября, опосредованно отражает представления о времени, поэтому его можно отнести к данной группе онимов условно.

К рассматриваемой группе микротопонимов примыкает некроним (некротопоним) Пя́тый посёлок (ДОЛ. НОВОХОП.), название которого связано

с порядком счета отделений в поселке: в населенном пункте четыре отделения, и поэтому кладбище называют Пятый посёлок. В данной номинации отражен двойной «временной» характер: с одной стороны, название Пятый посёлок по времени номинации дается позже названия Четвертый посёлок, а с другой стороны, микропоним называется Пятый посёлок – фактически: посёлок, которого нет, – и это означает, что люди «переселяются» на этот посёлок в конце жизни, что тоже связано со временем жизни человека. Интересно, что микропоним Пятый посёлок отражает явление, близкое хронотопу: место (кладбище, Пятый посёлок) соединено в понимании жителя со временем (последнее по счету название посёлка, конец жизни). В данном микропониме отражены не только представления о времени и пространстве, но и верования человека. Семантические и функциональные особенности подобных микропонимов образуют синергетически значимый потенциал для изучения языковой картины мира.

2) Микропонимы, включающие в свой состав номинации с семами ‘поздний’, ‘старый’, ‘новый’: Запозда́лый сад (ТАЛ.) – сад, в котором росли яблони поздних сортов, Но́вый отря́д (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле, Но́вый ры́нок (ТАЛ.), Старожи́лье (ПЕСК. ПОВОР.) – часть села, в которой жили первопоселенцы; Ста́рый отря́д (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле.

Данная группа микропонимов является особой в отношении репрезентации представлений о пространстве и времени, поскольку ономастические единицы, включающие в свой состав порядковые числительные и семы ‘поздний’, ‘старый’, ‘новый’, являются синтезированными номинациями, отражающими пространственно-временные отношения: микропонимы дают информацию о названии географического объекта (и его типе), расположенного на определенной территории, в пространстве, а семы, включающие временной компонент, передают представления о времени.

Рассмотренные микропонимы достаточно полно отражают представления человека о пространстве, в меньшей степени – о времени. Основными способами выражения представлений о пространстве в региональной микропонимии являются следующие: 1) синтетический способ (Вершина, Глубокое, Гора, Курган, Низок, Серёдка, Центр и др.), 2) аналитический способ (Воронина яма, Калиничев ров, Красный яр, Песковская гора, Солёный лог, Каушкин куток, Закадонье и др.). Основным способом выражения представлений о времени в региональной микропонимии является аналитический способ (Вторая Самоволовка, Второй переулок, Одиннадцатая сотня, Первый переулок и др.).

Понятия о пространстве чаще всего выражаются с помощью географического конкретизатора в микропониме, о времени – с помощью компонента, представленного порядковым числительным. Проанализированные микропонимы представлены однокомпонентными и двухкомпонентными ономастическими единицами, однокомпонентные микропонимы образованы путем онимизации слов, преимущественно географических терминов, например: Буруны́, Горá, Курга́н, Верши́на и др.

Микропонимы, отражающие представление человека о пространстве и времени, могут включать следующие семы: семы ‘запад’; ‘передний’/ ‘задний’, ‘верх’, ‘высокий’, ‘возвышенность’, ‘низкий’/ ‘низменность’/ ‘глубокий’/ ‘впадина’, ‘близкий’; ‘далекий’, ‘в углу’, ‘центр’ / ‘центральный’; ‘край’/ ‘окраина’, ‘середина’, ‘за чем-либо’; ‘близ чего-либо’, ‘неподалеку от чего-либо’, ‘на чем-либо’, ‘под чем-либо’, ‘поздний’, ‘старый’, ‘новый’.

В состав микропонима могут входить географические конкретизаторы и другие лексемы, характеризующие тип географического объекта: *бугор, бурун, гора, горка, курган, вершина, пруд, балка, колодец, лог, лощина, обрыв, овраг, ров, яма, яр* и производные от него, *середка* (в значении «середина»), *углянка* (в значении «угол»), *угол, куток* (в значении «уголок», ср.: *закуток*), *центр*,

переулок, сотня, бригада, отделение, поле, посёлок, сад, отряд, а также лексемы, указывающие на пространственную близость или отдаленность объекта: *ближний, дальний*.

Характеристика пространства в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии) достаточно четко отражает географические особенности, связанные со спецификой ландшафта Воронежской области, характерную особенность которой составляет наличие значительного числа возвышенностей и оврагов.

Еще одной важной специфической особенностью репрезентации пространства и времени в воронежской микротопонимии является наличие в микротопонимии языковых единиц, имеющих украинский генезис (Вэлы́ка (МАКАШ. БОРИСОГЛ.), Большэ́ Мокрэ́ (ВЛАС. ГРИБ.), Малэ́ Мокрэ́ (ВЛАС. ГРИБ.) и др.), что отражает историю заселения Воронежского края.

Таким образом, воронежская микротопонимия позволяет изучить фрагмент региональной языковой картины мира, связанный со спецификой представлений человека в области пространства и времени.

3.3.2 Особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии (лексикографическое описание). Микротопонимия села

Абрамовка Таловского района Воронежской области

Особенности микротопонимической номинации села Абрамовка Таловского района Воронежской области анализируются с опорой на достижения отечественных лингвистов, в том числе ученых Воронежской ономастической школы (руководитель – профессор Г. Ф. Ковалев). Для выявления мотивов происхождения названий используются историко-краеведческие данные. Поскольку материал собирался в полевых условиях, большое значение приобретают свидетельства местного населения,

проясняющие мотивацию названий . Временные рамки функционирования микропонимии села – период с конца 1930-х гг. по настоящее время.

Географические названия Воронежского региона не раз были предметом специального изучения историков, лингвистов, географов. Одной из первых научных работ, посвященных лингвистическому анализу топонимов Воронежского края, является исследование В. И. Дьяковой [1973].

Ученые Воронежской ономастической школы под руководством профессора Г. Ф. Ковалева и лингвисты-краеведы изучают различные группы микропонимов. Создан «Словарь микропонимии Воронежской области» [Ковалев 2007], являющийся первым томом «Ономастической энциклопедии Воронежской области», защищена диссертация Т. В. Толбиной [2003], подготовлен ряд статей по воронежской микропонимии [Ковалев 2003; 2005; 2014 и др.; Филатова, 2005; 2016; Сьянова, 2005; 2006; Верховых, 2005; 2011; 2012; Попов, 2007 и др.; Дмитриева, 2007]. Изданы «Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин» [Попов 2003], «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» [Дьякова, Хитрова 2009], в него вошла географическая терминология, используемая для наименования сельских географических объектов; на основе анализа микропонимии Хоперского государственного природного заповедника подготовлено учебно-методическое пособие [Волченков 2014]; разработаны инструкции, программы сбора, методические рекомендации и вопросники по сбору микропонимии Воронежской области [Ковалев, 1996; 2005б; 2007; 2014 и др.; Черенкова, 2006; Верховых, 2013; 2014; 2017]; опубликован двухтомный «Словарь микропонимов Воронежской области» [Ковалев 2017].

Одной из лакун в описании микропонимии Воронежской области является микропонимия села Абрамовка Таловского района Воронежской области. В 2005 г. автором статьи была предпринята попытка осуществить

сравнительный анализ отдельных сходных микротопонимов населенных пунктов Абрамовка и Елань-Колено Воронежской обл. [Верховых 2005] (эти материалы вошли в двухтомный «Словарь микротопонимов Воронежской области»), однако комплексного анализа микротопонимии с. Абрамовка не проводилось.

Цель данной части работы – выполнить лексикографическое описание микротопонимии с. Абрамовка Таловского района Воронежской области, охарактеризовав специфику микротопонимической номинации по объектам номинации, в структурно-словообразовательном и лексико-семантическом аспектах с учетом краеведческих данных.

История населенного пункта Абрамовка берет свое начало со 2-й половины XVIII в. Согласно местной легенде, современное название села связано с именем первого поселенца – Абрама. Жительница села М. У. Колоскова (1921 г. р.) так рассказывает о возникновении села и его названия: «Когда-то не было тут населения. На Украине тоже есть село Абрамовка. Оттуда приехал Абрам и построил себе ковчезек, и поселился жить. Святой какой-то Абрамий. И тогда началось село. Две слободы центральные были. Потом сгорело все село. В поле люди работали. Уголек к собаке привязали, и она в село убежала» [Орлова 2004, с.26]. В. А. Прохоров в кратком историко-топонимическом словаре отмечает, что «в списке церквей, помещенном в “Памятной книге” 1893 г., указывается, что в селе была Абрамовская церковь. От нее и произошло название села»; первоначально местность имела название *Новики* [Прохоров 1973, с.13–14]. Сам факт упоминания села в «Памятной книжке» говорит о том, что Абрамовка считалась относительно большим населенным пунктом, поскольку в подобные издания Воронежского губернского статистического комитета входили лишь названия крупных поселений [НМВГ, с.3]. И действительно, село «в 1816 г. имело 469 жителей – однодворцев, казенных и экономических крестьян. Последние

составляли большинство (314 человек)» [Прохоров 1973, с.13]. Живописные окрестности села, удобство расположения Абрамовки для земледелия, скотоводства, пчеловодства, охоты способствовали постепенному увеличению количества жителей. Так, в «Списках населенных мест Российской империи...» по данным 1859 г. отмечено, что в селе было 88 дворов с населением 671 человек [СНМРИ, с.107], а книга «Населенные места Воронежской губернии», изданная в 1900 г., уже содержит сведения о 1 434 жителях [НМВГ, с.230]. Если в XIX – начале XX в. отмечается увеличение числа жителей населенного пункта, то в конце XX – начале XXI в. оно резко сокращается: в 1926 г. в селе было 2 174 жителя, а в 2007 – всего 407, в настоящее время – значительно меньше. За восемьдесят лет численность населения сократилась более чем в пять раз.

В «Списках населенных мест Российской империи» 1865 г. упоминается деревня казенная *Абрамовка (Аврамовка)* Новохоперского у. при оз. Ильмень, расположенная по правую сторону Воронежского почтового тракта [СНМРИ, с.107]. В книге «Населенные места Воронежской губернии», датированной 1900 г., уже приводятся данные о селе *Абрамовка (Новики)*, расположенном при оз. Ильмень [НМВГ, с.230]. Отметим, что деревня – крестьянское селение, в котором нет церкви [Даль-1, 441], а село – «местность, населенная великоруссами, имеющая церковь» [СНМРИ, с.47]. Год постройки церкви Преподобного Авраамия Архимандрита, Ростовского Чудотворца находим в «Указателе храмовых празднеств в Воронежской Епархии»: «Церковь в с. Абрамовка Новохоперского уезда деревянная с такою же колокольнею, построена в 1870 г.» [УХП, с.225].

Что касается первопоселенцев-украинцев из Абрамовки, которых упоминает жительница села М. У. Колоскова, то действительно села с таким названием есть на Украине – в Машевском р-не Полтавской обл. и в Вышгородском районе Киевской области, так что в этой топонимической

легенде может быть доля истины. В России название *Абрамовка* достаточно распространено: свои Абрамовки есть во Владимирской, Воронежской (три населенных пункта), Московской, Оренбургской, Ростовской, Ульяновской областях, в Еврейской автономной области, Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, Пермском, Приморском краях; в Приморском крае также есть река *Абрамовка*.

В XIX в. с. Абрамовка входит в состав Новохоперского уезда, впоследствии Новохоперского района. Расположение населенного пункта неподалеку от границы Новохоперского района / уезда (до революции близ села проходила и граница земель помещицы Раевской) способствовало тому, что административное подчинение с. Абрамовка и одноименный пос. Абрамовка меняли в XX в. несколько раз. Пос. Абрамовка расположен примерно в 10 км от с. Абрамовка (в народе его называют *Станцией / станцией Абрамовка*), он возник в конце XIX в. при постройке железной дороги Харьков – Балашов.

В настоящее время с. Абрамовка вместе с другими селами и поселками входит в состав Абрамовского сельского поселения Таловского р-на, административное управление переведено в пос. Абрамовка. В Абрамовке есть школа, здание сельского совета, Дом культуры, библиотека, медицинский пункт, почтовое отделение, магазин; также имеются две братские могилы времен Гражданской войны, памятник землякам, павшим в годы Великой Отечественной войны.

Село Абрамовка Таловского р-на Воронежской обл. относится к западной части Воронежского Прихоперья и находится на правом берегу р. Елань, протекающей на востоке Воронежской обл. и являющейся притоком р. Савала (бассейн р. Дон).

В соответствии с типами номинируемых объектов в микропонимической системе с. Абрамовка выделим следующие группы названий географических объектов.

1. Микрогидронимы (15 единиц, 26,3 % от общего числа микротопонимов). К гидронимам с. Абрамовка отнесем названия озер, пруда, колодцев и родника, части реки, мест для купания на реке: *Бирючий, Вáрькино óзеро, Гордéичев колóдец, Епíнино óзеро, Канáва, Коммуни́стов пруд, Кра́сный песо́к, Лопухо́в колодец, Ма́ркин родник (Хроло́в родник), Мо́стик, Мысы́, Обры́в, Соро́кин колóдец, Цеме́нто́вый колóдец.*

2. Микрооронимы (12 единиц, 21,1 % от общего числа микротопонимов): *Безымя́нка / Безимёнка / Безымёновка, Бирю́чий курга́н, Го́ра, Гроза́, Кали́ничев ров, Камыши́, Корню́хин ров, Кра́сная лоци́на, Мака́рова ба́лка, Ма́ркин ров / Марко́в ров, Мозгалёв ров, Хромой лог.*

3. Неофициальные названия улиц, переулков (микровиконимы) (12 единиц, 21,1 % от общего числа микротопонимов): *Бруно́к, Камы́шенка, Кочере́жка, Село́, Солонцо́вка, Сунидовка, Чибизо́вка; Марко́в переу́лок, Монахо́в переу́лок* (две номинации, обозначающие разные переулки), *Ру́шкин переу́лок, Хнычко́в переу́лок.*

4. Названия урочищ, расположенных вблизи различных объектов хозяйственного назначения (6 единиц, 10,5 % от общего числа микротопонимов): *Коша́ра, Тра́кторный отря́д, Скла́д удобрéний, Ток, Ты́рло, Фёрма.*

5. Агроонимы (названия земель сельскохозяйственного назначения, полей; 7 единиц, 12,3 % от общего числа микротопонимов): *Гло́бус, Мозгалёв клин, Синеёв клин, Ско́тское по́ле, Степа́н-Петро́в клин, Подо́шва, Штаны́.*

6. Дримонимы (названия леса, садов; 3 единицы, 5,3 % от общего числа микротопонимов): *Колхо́зный сад, Яру́жка / Яру́га, Ша́йкин сад.*

7. Неугодые (1 единица, 1,7 % от общего числа микротопонимов): *Ско́тская моги́ла / Ско́тское кла́дбище.*

8. Гефиронимы (названия мостов [Мадиева, Супрун, 2017, 117], 1 единица, 1,7 % от общего числа микротопонимов): *Ма́ленький мосто́к.*

Описание микротопонимии с. Абрамовка представлено в виде словаря. В него включены как функционирующие в настоящее время, так и ушедшие или уходящие микротопонимы (всего 57 названий). Временные границы существования рассмотренного в работе микротопонимикона – период с конца 1930-х гг. по настоящее время (около 80 лет). Сбор микротопонимов ведется автором статьи с 1993 г., научное описание – с 2005 г.

Основные методологические принципы словаря:

- максимально полное лексикографирование микротопонимов населенного пункта (все собранные микротопонимы и их варианты, в том числе ушедшие и уходящие онимы, были включены в словарь и описаны);
- подробная географическая характеристика объекта номинации – элемента микротопонимической системы;
- включение в описание онима мотива номинации географического объекта;
- включение в словарь единиц, занимающих пограничное положение между именами собственными и нарицательными при условии функционирования в говоре микротопонимов, называющих единичные в своем роде географические объекты, например: *Гора́* – возвышенность с расположенным на ней кладбищем, *Обры́в* – место для купания на реке и под.);
- историко-этимологическое комментирование языковых единиц;
- ориентация на описание микротопонимических единиц с учетом историко-краеведческих данных.

Нарицательные слова в составных географических наименованиях даются со строчной буквы: *Бирю́чий курга́н*, *Ва́рькино о́зеро*, *Мака́рова ба́лка*, *Соро́кин коло́дец* и др.

В словаре принят алфавитный порядок расположения ономастических единиц. Вариантные формы онимов даются через косую черту.

БЕЗЫМЁ'НКА / БЕЗ'ИМЁ'НКА / БЕЗЫМЁ'НОВКА. Балка, соединенная с устьем *Макаровой балки*. В говоре с. Абрамовка *балка* – большой продолговатый (до 1 – 1,5 км) овраг с пологими краями, часто с водой. Вода в половодье из Безымёнки и Макаровой балки стекает в пруд.

БИРЮ'ЧИЙ. Место для купания на р. Елань. Расположено напротив *Бирючьего кургана*, по которому и получило название.

БИРЮ'ЧИЙ КУРГА'Н. Небольшая одиночная возвышенность на правом берегу р. Елань. *Бирючий курган* расположен напротив *Епинина озера*, находящегося на левом берегу р. Елань. Старожилы помнят, что в давние времена на возвышенности в песке были вырыты волчьи норы, в которых жили волки-бирюки, волки-одиночки, ср. *бирючий* 'волчий; перен. глухой, страшный' [СВГ-1, с.107].

БРУНО'К. Ул. М. Горького. Расположена в юго-восточной стороне с. Абрамовка неподалеку от межи, в XIX в. отделявшей земли помещицы Раевской. Народная этимология связывает название со словом *брунок* в значении 'небольшой песчаный бугор' (< *бурун*), потому что улица расположена на возвышенности, где почва супесчаная, в то время как вокруг низменные места (склон к реке, луг). Словарные данные подтверждают точку зрения селян на происхождение микропонима. Действительно, в [СРНГ-3, с.298] одно из значений лексемы *бурун* – 'волнообразные песчаные бугры, наносы', с пометой «донское». У воронежского микропонима могли быть и тюркские корни, что обусловлено историческими процессами [см.: Болховитинов 1800, с.9; Дубасов, 1883, с.47]. Лексему *бурун* М. Фасмер предположительно возводит к тур. *burun* 'мыс, нос', «возможно, заимствованному в значении 'песчаная коса'» [Фасмер-1, с.248]. В воронежских говорах отмечена лексема *буруно́к* 'часть дороги между двумя колеями, гребень дороги' [СВГ-1, с.168]. Интересно, что в близлежащем с. Елань-Колено функционирует близкий по звучанию микропоним *Бурунок*, связь которого с апеллятивом *бурун* выглядит более

закономерной. Возможно, абрамовское *Бруно́к* претерпело некоторое фонетическое изменение.

ВАРЬКИНО О'ЗЕРО. Озеро, расположенное на левом берегу р. Елань. Как считают жители, название связано с именем девушки по имени *Варя*, утонувшей в этом озере.

ГЛО'БУС. Поле, расположенное на правом склоне *Хромого лога*. Верхняя часть склона по форме напоминает верхнюю часть шара, глобуса. Находится выше небольшого лиственного леса *Яруга*, примыкает к другой части *Хромого лога* – *Грозе*.

ГОРА'. Значительная возвышенность в начале ул. Ленина, расположенная на западе и северо-западе с. Абрамовка. На этой возвышенности находятся *Ток* (объект хозяйственного назначения) и *Колхозный сад*, справа за домами – сельское кладбище.

ГОРДЕ'ИЧЕВ КОЛО'ДЕЦ. Неглубокий колодец, находившийся ранее в конце ул. Красная Звезда (*Камышенка*). Название дано по именованию проживавшего неподалеку жителя (*Гордеич / Гордеичев*, официальная фамилия жителя – Селин). Колодец существовал до 1950-х гг.

ГРОЗА'. Средняя часть крутого правого склона (примерно 45°, высотой 30 м) *Хромого лога*, расположенная с юго-восточной стороны. *Гроза* находится недалеко от лиственного леса *Яружка / Яруга*, между *Глобусом* (верхней частью *Хромого лога*) и *Подошвой* (полем, находящимся у основания *Хромого лога*), имеет небольшую протяженность вдоль железнодорожного полотна. Рядом с этим высоким крутым склоном проходит отрезок Юго-Восточной железной дороги «Новитченко – Абрамовка» и высоковольтная линия. Название *Гроза* дано по ассоциации: во время грозы рядом с железнодорожным полотном часто можно видеть молнию.

ЕПИ'НИНО О'ЗЕРО. Озеро, расположенное на левом берегу р. Елань неподалеку от соснового леса. Название мотивировано фамилией жителя (*Епинин*), который, по рассказам старожилов, там утонул.

КАЛИ'НИЧЕВ РОВ. Глубокий овраг с крутыми склонами, получивший название по проживавшим напротив него *Калиничевым* (уличная фамилия, официальная – Селины). *Ров* – ‘большой овраг, часто с водотоком’ [Дьякова, Хитрова, 2009, 282].

КАМЫ'ШЕНКА. Ул. Красная Звезда. Расположена в западной стороне села, в низине. Названа так по камышам, произрастающим за огородами жителей этой улицы. Для Воронежской обл. характерны подобные номинации: в [Ковалев 2017-1, с.269] зафиксировано 12 однокоренных названий.

КАМЫШИ'. Часть луга, низкая местность с кочками, поросшая камышами, часто с водой. Находится за огородами жителей ул. Красная Звезда (*Камышенка*).

КАНА'ВА. Часть р. Елань от моста до *Бирючего / Бирючего кургана*, имеющая крутые берега, *z*-образную форму. Название объекту дано по сходству с канавой по форме и, видимо, первоначально мутной воде; сейчас там много родников, вода проточная, чистая. Старожилы села рассказывают о том, что в конце XIX в. по распоряжению помещицы Раевской была вырыта канава, построена плотина и русло реки было изменено, в результате река стала протекать ближе к селу. В настоящее время микротопоним не используется, однако его знают отдельные представители старшего поколения.

КОЛХО'ЗНЫЙ САД. Сад, расположенный на Горе; ранее принадлежал колхозу.

КОММУНИ'СТОВ ПРУД. Пруд в середине Макаровой балки. Был вырыт коммунистами, переселившимися сюда на жительство в начале XX в.

КОРНЮ'ХИН РОВ. Глубокий овраг с крутыми склонами, расположен напротив ул. Красная Звезда (*Камышенка*). Ров назван так по жившим напротив

него *Корнюхиным* (официальная фамилия – Пименовы). В этом рву есть *Красная лощина*, ранее был родник.

КОЧЕРЁЖКА. Часть ул. Ленина, расположенная вдоль берега р. Елань. Название дано по сходству этой части улицы с кочергой: улица имеет з-образную форму. В настоящее время на улице всего два жилых дома.

КОШАРА. Урочище, где расположены загоны для овец, стойло, помещение для пастуха. В [СРНГ-15, с.139] в значении ‘загон для овец; овчарня’ лексема *кошара* отмечена в том числе и как воронежская.

КРАСНЫЙ ПЕСОК. Место для купания на р. Елань и часть берега напротив *Кочерёжки* – части ул. Ленина. Берег реки здесь образован преимущественно из желтого и красного песка.

КРАСНАЯ ЛОЩИНА. Овраг с пологими краями; часть *Корнюхина рва*. *Красная лощина* расположена напротив ул. Красная Звезда (*Камышенка*). В ней берут красную глину.

ЛОПУХОВ КОЛОДЕЦ. Колодец с чистой вкусной родниковой водой в конце ул. М. Горького. Название связано с уличной фамилией *Лопухов* из прозвища *Лопух* (официальная фамилия – Лаврёнов). Жители пользовались водой примерно до 2010–2011 гг., в колодце было много родников и воды. В настоящее время родники затянуло, колодец не функционирует.

МАКАРОВА БАЛКА. Длинный широкий овраг. По легенде, название дано по имени старика *Макара*, который в давние времена утонул вместе с лошастью в этой балке, переправляясь через нее во время весеннего паводка.

МАЛЕНЬКИЙ МОСТОК. Небольшой мостик, расположенный между железнодорожной станцией «Абрамовка» и с. Абрамовка. Использовался до конца 1970-х гг. для перехода через небольшую лощину, вода из которой стекала в Макарову балку. Во время асфальтирования дороги (конец 1970-х гг.) мосты были разобраны, от мостика осталась только труба. Название *Маленький мосток* было соотносимо с лексемой *мост*, которая обозначала мост,

расположенный примерно в 2 км от ст. «Абрамовка», этот мост вел к *Коммунистову пруду* и был больше (через трубу этого моста текло больше воды) и выше *Маленького мостка*. Расстояние между *Маленьким мостком* и мостом (большим) примерно 1 км. С течением времени апеллятив *мост* не перешел в разряд микротопонимов (на наш взгляд, в связи с тем, что не был востребован для перехода людей, как *Маленький мосток*).

МАРКИН РОВ / МАРКО'В РОВ. Глубокий в отдельных местах овраг с крутыми склонами, находится напротив ул. Красная Звезда (*Камышенка*). В этом овраге есть *Маркин родник* с питьевой водой, в овраге берут песок. Название *Маркин ров* мотивировано уличной фамилией приживающихся напротив жителей *Маркины* (официальная – Пименовы). В свою очередь, фамилия образована от прозвища *Марок*, полученного пращуром семьи и переходящего по наследству по мужской линии. Очевидно, именно связью с прозвищем мотивирован вариант *Марков ров*.

МАРКИН РОДНИК. Родник с чистой питьевой водой. Находится в *Маркином рву*. Ранее назывался *Хролов родник*, но название родника изменилось в связи с тем, что неподалеку от родника вместо *Хроловых* (уличная фамилия *Хроловы / Фроловы*, официальная фамилия – Сапегины) стали проживать *Маркины* (Пименовы).

МАРКО'В ПЕРЕУ'ЛОК / ПРОУ'ЛОК. Переулок, который с ул. Ленина ведет на ул. Красной Звезды (*Камышенка*). Назван по прозвищу жившего с левой стороны переулка человека (прозвище *Марок* унаследовано жителем от деда, официальная фамилия – Пименов).

МОЗГАЛЁ'В КЛИН. Поле в форме треугольника, расположенное между *Макаровой* и *Безымянной балками*. Название мотивировано прозвищем жителя дома, расположенного поблизости, – *Мозгаль*, которое восходит к апеллятиву *мозгаль*, имеющему в местном говоре значение 'хитрый человек маленького роста'.

МОЗГАЛЁ'В РОВ. Глубокий в отдельных местах овраг с крутыми склонами. Расположен напротив ул. Красная Звезда (*Камышенка*). Назван по проживавшему неподалеку деду *Мозгалю* (официальная фамилия – Пименов).

МОНАХО'В ПЕРЕУ'ЛОК¹. Переулок, который с ул. А. А. Рыжкова (*Чибизовка*) ведет на Кошару. Назван по прозвищу жившего с правой стороны переулка человека (именование *Монах* житель получил по прозвищу отца, которого тоже звали *Монах*).

МОНАХО'В ПЕРЕУ'ЛОК². Переулок, который с ул. М. Горького (*Брунка*) ведет на *Тырло*, место у реки для водопоя, доения и обеденной стоянки коров. Название *Монахов переулок* мотивировано прозвищем жителя с левой стороны переулка (именование *Монах* житель получил по прозвищу деда; есть предположение, что прозвище деда *Монах* могло быть связано с работой при церкви, когда она функционировала). В настоящее время этим переулком практически не пользуются.

МО'СТИК. Место для купания на реке близ небольшого моста. Находится напротив ул. Ленина.

МЫСЫ'. Место для купания на реке напротив ул. Пролетарская (*Солонцовка*). Название мотивировано высоким крутым берегом реки.

ОБРЫ'В. Место для купания на реке с отвесным берегом. Расположено напротив бывшей колхозной молочно-товарной фермы.

ПОДО'ШВА. Небольшое (примерно 9–11 га) поле, находящееся у основания *Хромого лога* за полем *Штаны* близ лиственного леса *Яружка*. Такое название, по мнению жителей, закрепилось за полем из-за его ровной поверхности. Раньше на этом поле разливалась и застаивалась вода.

РУ'ШКИН ПЕРЕУ'ЛОК. Переулок, который с ул. А. А. Рыжкова (*Чибизовка*) ведет на *Кошару* – место, где расположены загоны для овец, стойло, помещение для пастуха. Назван по уличной фамилии жителя (*Рушкин*) с левой стороны переулка. В основе уличной фамилии жителя – ворон. *рушка*

‘мельница крупорушка ручная и с конным приводом или водяная’, ряз., тамб. *рушатъ* ‘молоть крупу’ [СРНГ-35, с. 289–291].

СЕЛО'. Центральная улица, ул. Ленина. На улице расположены здание сельской администрации, школа, Дом культуры, почта, магазин, ранее – колхозная мастерская, на этой улице также находилась церковь (перестала функционировать в конце 1930-х гг.). По видимому, более двух с половиной столетий назад именно с этой улицы и началось селение, село. Косвенно об этом свидетельствует постройка церкви, а позднее и всех важных административных зданий.

СИПЕЁ'В КЛИН. Поле, расположенное на *Горе* с ее северо-западной стороны. Название мотивировано прозвищем жившего неподалеку старика *Сипея*, говорившего шепеляво («сипеляво»).

СКЛАД УДОБРЕ'НИЙ. Небольшое место за огородами, названное так по находившемуся там до 1990-х гг. складу с удобрениями. В настоящее время микротопоним сравнительно редко используется средним и старшим поколениями жителей.

СКО'ТСКАЯ МОГИ'ЛА / СКО'ТСКОЕ КЛА'ДБИЩЕ. Неудолье, используемое примерно до середины 1990-х гг. для захоронения павшего скота.

СКО'ТСКОЕ ПО'ЛЕ. Поле, расположенное неподалеку от *Скотского кладбища*, близ поля *Сипев клин*. Название мотивировано микротопонимом *Скотское кладбище*.

СОЛОНЦО'ВКА. Ул. Пролетарская. Расположена параллельно ул. Ленина. Название мотивировано характером почвы: за этой улицей к северу расположены солончаки (*солонцы*). В Центральном Черноземье насчитывается 11 однокоренных ойконимов (*Солонцовка, Солонцов, Солонцовский, Солонцы*) [Щербак, Бурыкин, 2013, с.285].

СОРО'КИН КОЛО'ДЕЦ. Колодец с чистой вкусной питьевой водой, расположенный в начале ул. М. Горького, практически напротив ул.

А. А. Рыжкова. Название дано по официальной фамилии человека, жившего неподалеку, – *Сорокин*.

СТЕПА'Н-ПЕТРО'В КЛИН. Поле, получившее название по именованию жившего поблизости колхозника *Степана Петровича*, или *Степана Петрова*. Поле расположено близ *Макаровой балки*.

СУНИ'ДОВКА. Ранее: отдаленная от центра примерно на 1,5 – 2 км часть села, состоящая из одной протяженной улицы. Расположена под возвышенностью близ небольшого лиственного леса *Яружка*. Фактически *Сунидовка* в середине XX в. – это отдаленная часть ул. Красная Звезда (*Камышенка*). В настоящее время так называется место, где была эта улица. В 1940–50-х гг. там было 17 домов. Постепенно жители *Сунидовки* переезжали в центр *Абрамовки*, и около 50 лет назад эта часть села опустела. Сейчас в *Сунидовке* нет жилых домов, это название знает только старшее поколение жителей.

ТОК. Заасфальтированное место с постройками на *Горе*, используемое фермером для сушки и хранения зерна, техники.

ТРА'КТОРНЫЙ ОТРЯ'Д. Место близ *Сунидовки* (ранее отдаленная от центра улица), где хранили и ремонтировали сельскохозяйственную технику летом. Здесь в период 1960–90-х гг. располагалась тракторная бригада № 1 (*тракторный отряд*). В *Тракторном Отряде*, недалеко от обрабатываемых полей, хранились сеялки, культиваторы, тракторы и комбайны, была полевая столовая. В настоящее время место пустует.

ТЫ'РЛО. Урочище – место у реки для водопоя, доения и обеденной стоянки коров, ранее огороженное. В [СРНГ- 45, с.335] первое значение лексемы *ты́рло* с воронежской локализацией – ‘огороженный участок на пастбище, в поле, лесу, куда загоняют скот и лошадей для отдыха, водопоя, дойки и т. п.’, ср. ворон. *тырлевáть* ‘останавливаться на месте ночлега, водопоя и т. п. (о скотине)’ [СРНГ-45, с.335].

ФЕ'РМА. Место за *Солонцовкой* (ул. Пролетарская), где раньше была колхозная молочно-товарная ферма.

ХРОЛО'В РОДНИ'К. Родник с чистой питьевой водой. Находится в *Маркином рву*. В настоящее время называется *Маркин родник*. Прежнее название было дано по проживавшим неподалеку *Хроловым* (*Фроловым*, уличная фамилия).

ХРОМО'Й ЛОГ. Балка, большая продолговатая лощина с пологими краями, в которую сходятся две лощины (без названий). *Хромой лог* расположен недалеко от железной дороги, близ небольшого лиственного леса *Яружка*. По поверью, во время весеннего паводка в водах этой балки утонул хромой человек, имени которого жители не помнят.

ХНЫЧКО'В ПЕРЕУ'ЛОК. Переулок, который с ул. А. А. Рыжкова (*Чибизовка*) ведет на Кошару (место, где расположены загоны для овец, стойло, помещение для пастуха). Назван по официальной фамилии жителя с левой стороны переулка (*Хнычков*).

ЦЕМЕНТО'ВЫЙ КОЛО'ДЕЦ. Колодец, находившийся до 1950-х гг. в *Макаровой балке*. Название мотивировано материалом, из которого сделан колодец: его основание составляла цементная (*цементóвая*) труба, врытая в землю.

ЧИБИЗО'ВКА. Название улицы им. А. А. Рыжкова. Улица проходит параллельно центральной ул. Ленина. По мнению жителей, название связано с большим количеством ранее водившихся на этой улице чибисов. За огородами жителей данной улицы, так же как за огородами жителей ул. Красная Звезда (*Камышенка*), находятся *Камыши* (часть луга, низкая местность с кочками, поросшая камышами, часто с водой), поэтому ранее здесь действительно могла водиться птица чибис. Интересно, что в Воронежской обл. подобные номинации встречаются в Бобровском, Борисоглебском, Грибановском, Лискинском, Панинском, Репьевском, Таловском районах (всего 11 микротопонимов)

[Ковалев 2017-2, с. 366–367], а в Центральном Черноземье насчитывается 13 однокоренных ойконимов (*Чибизовка, Чибисовка, Чибисы*) [Щербак, Бурыкин 2013, с.326].

ШАЙКИН САД. Небольшой сад, расположенный на ул. М. Горького (*Брунок*). Сад принадлежал жившему там семейству *Шайкиных*.

ШТАНЫ'. Поле, находящееся в верховье *Хромого лога*, разделяется развилкой лога на две части, похожие на штанины.

ЯРУЖКА / ЯРУГА. Небольшой лиственный лес, расположенный с юго-западной стороны с. Абрамовка на северном склоне небольшой возвышенности (15–20 м), близ ст. «Новитченко». Чаще используется микротопоним *Яружка*, реже – *Яруга*. В словаре В. И. Даля с южной локализацией зафиксированы *яро́к* и *яру́га* в значении 'овраг, росточь, глубокая водороина; крутобокая лощина' [Даль-4, с.701]. Слово *яру́жка* употребляется во многих районах Воронежской обл. в значениях 'овраг с лесом', 'лес в овраге', 'небольшой молодой лесок', 'ямка', 'прибрежная яма' [Дьякова, Хитрова 2009, с.342–343]. В. И. Дьякова и В. И. Хитрова приводят извлеченные из Российского государственного архива древних актов контексты употребления лексемы *яружка* в конце XVII в.: «да в тех же урочищах сенные покосы по логам и по дубровамъ и по ярушкамъ», «подарил я сыну своему <...> пасику со пчелы, зберегаемой по ярушке растущий лес» [Там же, с.343].

Анализ микротопонимии с. Абрамовка позволяет выделить следующие структурные типы микротопонимов: простые (однокомпонентные, составляют 42,1 % от общего числа микротопонимов): *Бруно́к, Камы́шенка, Мысы́, Солонцо́вка* и др. – и составные (включают два компонента, составляют 57,9 %): *Кра́сный песо́к, Ма́рков переу́лок, Соро́кин коло́дец* и др.

Простые микротопонимы представлены именами существительными в ед. ч.: *Гло́бус, Кочерёжка, Яру́жка* и др. (83,3 % от общего числа простых

микротопонимов), во мн. ч.: *Мысы́, Камыши́* (12,5 %); именем прилагательным муж. р. в ед. ч.: *Бирю́чий* (4,2 %).

Особенностью номинации, характерной для составных микротопонимов, является включение в состав названий географических терминов (идентификаторов) *балка, лощина, ров, лог, клин, поле, озеро, пруд, колодец, родник* и др. Компоненты составных микротопонимов связаны между собой атрибутивными отношениями, основной тип связи – согласование.

Выделим структурные модели составных микротопонимов.

1. Модель «прилагательное (притяжательное / качественное / относительное) + существительное»: *Кра́сная лощи́на, Ма́рков переу́лок, Мозгалёв ров, Ша́йкин сад* и др. Эта модель преобладает среди составных номинаций и составляет 94 % от общего числа составных микротопонимов.

2. Модель «сложное прилагательное + существительное»: *Степа́н-Петро́в клин* (3 %).

3. Модель «существительное + существительное»: *Скла́д удобре́ний* (3 %).

По характеру производящей основы и с учетом лексико-семантических особенностей в микротопонимической системе с. Абрамовка выделяются следующие группы микротопонимов.

1. Микротопонимы, образованные от антропонимов, с добавлением апеллятива-идентификатора (36,8 %):

а) названия, связанные с именем человека: *Ва́рькино о́зеро, Мака́рова ба́лка*;

б) названия, связанные с фамилией человека – уличной или официальной: *Ру́шкин переу́лок* (< *Рушкины*), *Хнычко́в переу́лок* (< *Хнычковы*), *Кали́ничев ров* (< *Калиничевы*), *Корню́хин ров* (< *Корнюхины*), *Лопухо́в коло́дец* (< *Лопухов* < *Лопух*), *Ма́ркин ров, Ма́ркин родник* (< *Маркины*), *Епи́нино о́зеро* (< *Епинин*,

фамилия), *Хро́лов родни́к* (< *Хроловы* < *Фроловы*), *Соро́кин коло́дец* (< *Сорокины*), *Ша́йкин сад* (< *Шайкины*);

в) названия, связанные с именем и отчеством (именем и фамилией / отчеством) человека: *Степа́н-Петро́в клин* (*Степан Петрович / Петров*), *Горде́ичев коло́дец* (*Гордеич / Гордеичев*, отчество / фамилия);

г) названия, связанные с прозвищем человека: *Мозгалёв ров*, *Мозгалёв клин* (< *Мозгаль*), *Синеёв клин* (< *Синей*), *Марко́в переу́лок* (< *Марок*), *Мона́хов переу́лок* (< *Монах*), *Хромой́ лог* (< *Хромой*).

Микротопоним *Хромой́ лог* образован по другой словообразовательной модели, нежели остальные микротопонимы данной группы. Если для всех рассмотренных отантропонимных микротопонимов характерно образование онима с помощью посессивных суффиксов *-ов / -ев*, *-ин* и добавления географического идентификатора, то ороним *Хромой лог* образован от прозвища *Хромой* путем трансонимизации и добавления географического идентификатора.

Структурная модель микротопонимов данной подсистемы – «притяжательное прилагательное + существительное».

Внутри этой группы представлены мотивационные модели по смежности с местом проживания человека (*Кали́ничев ров*, *Соро́кин коло́дец*, *Корню́хин ров* и др.) и по ситуации, событию (*Ва́рькино о́зеро*, *Епи́нино о́зеро*). Современными исследователями установлено, что «в основе формирования и функционирования микротопонимии лежит событийность как свойство пронизанности событиями, причем многомерная, многообразная, прежде всего – референтная и речевая, проявляющиеся на домикротопонимическом и собственно микротопонимическом уровнях» [Климкова, 2016, с.18].

Указание на связь человека с объектом номинации, событием может быть представлено с опорой на признаки:

а) «человек живет (жил) рядом / неподалеку»: *Ма́рков переу́лок, Мо́нахов переу́лок, Кали́ничев ров, Мозгалёв клин, Лопухо́в коло́дец, Сорóкин коло́дец* и др.;

б) «человек умер (погиб) рядом / неподалеку»: *Мака́рова ба́лка, Ва́рькино о́зеро, Епи́нино о́зеро, Хромóй лог.*

2. Микротопонимы, образованные от других микротопонимов (содержат признак «связь с названием географического объекта», 7 %): *Камы́шенка* (улица) < *Камыши́* (часть луга, низкая местность), *Бирю́чий* (место для купания на реке) < *Бирю́чий курга́н* (возвышенность), *Ско́тское по́ле* (поле) < *Ско́тская моги́ла / Ско́тское кла́дбище* (неугодьё), *Сунíдовка* (улица) < предположительно *Сунíда* (река).

Мотивационная модель данной группы – по смежности с географическим объектом, способ номинации микротопонимов – топонимическая метонимия.

3. Микротопонимы, образованные путем онимизации апеллятива (апеллятивов) (56,2 %):

а) названия, отражающие особенности природной среды:

- микротопонимы, характеризующие особенности ландшафта: *Бруно́к* (< *бурун* ‘небольшая возвышенность, песчаная местность’), *Гора́* (значительная возвышенность), *Мысы* (место для купания на реке с высоким крутым берегом), *Обры́в* (место для купания на реке с отвесным берегом) или связанные с особенностями ландшафта: *Яру́жка* (небольшой лиственный лес на склоне возвышенности < *яружка* ‘овраг с лесом’, ‘лес в овраге’, ‘небольшой молодой лесок’);

- микротопонимы, связанные со спецификой почв (характер и ее цвет): *Солонцо́вка* (солонец), *Кра́сная ло́щина* (красная глина), *Кра́сный песо́к* (желто-красный песок);

- микротопонимы, связанные с особенностями флоры: *Камыши́*;

▪ микротопонимы, связанные с особенностями фауны: *Бирючий кург а́н* (бирюк ‘волк-одиночка’), *Чи́бизовка* (чибис ‘небольшая болотная птица’);

б) микротопонимы, в основе которых названия природных явлений: *Гроза́*;

в) названия, отражающие особенности самого объекта по размеру, расположению, материалу: *Ма́ленький мосто́к*, *Мо́стик*, *Село́*, *Цеме́нтовый коло́дец*;

г) названия, отражающие особенности использования природных или антропогенных объектов: *Коша́ра* (помещение для овец и само место, где расположены загоны для овец, стойло, помещение для пастуха.), *Ско́тская моги́ла / Ско́тское кла́дбище* (неудолье, место, где ранее хоронили павших животных), *Скла́д удобре́ний* (место, где раньше хранились удобрения), *Тра́кторный Отря́д* (место, где ранее располагалась тракторная бригада № 1 – тракторный отряд), *Фе́рма* (место, где содержали коров), *Ток* (место для обработки зерна), *Ты́рло* (место у реки для водопооя, доения и обеденной стоянки коров);

д) названия, содержащие указание на принадлежность объектов, их связь с кем-либо (кроме отантропонимических образований), чем-либо: *Колхо́зный сад* (ранее принадлежал колхозу), *Коммуни́стов пруд* (был вырыт коммунистами);

е) названия, содержащие указание на отсутствие признака номинации объекта: *Безымя́нка / Безимёнка / Безыме́новка*.

ж) названия, данные по сходству с предметами быта, окружающего мира: признак номинации – «сходство с чем-либо»: *Кочерёжка*, *Гло́бус*, *Подби́ва*, *Шта́ны*, *Кана́ва*.

В системе микротопонимов выделяются разновременные варианты : одно из названий выходит из активного употребления и может затем заменяться другим. Смена названий обусловлена утратой связи с номинируемым объектом:

изменением жильцов близ географического объекта (*Хролов родник > Маркин родник*); микротопоним *Монахов переулок*₂ практически не употребляется, так как близ географического объекта уже нет жителей. Используемые в хозяйственной деятельности микротопонимы сохраняют прежнее наименование (*Сорокин колодец*), хотя близ географического объекта Сорокины уже не живут.

Несколько объектов номинации могут иметь одну отантропонимную производящую основу: *Мозгалёв ров, Мозгалёв клин; Марков переулок, Маркин ров, Маркин родник*.

Ядро микротопонимии (микротопонимы, входящие в активный словарный запас жителей) с. Абрамовка составляют такие онимы, которые являются значимыми для хозяйственной деятельности человека: названия частей села, улиц, хозяйственных объектов. Как отмечает М. Э. Рут, в топонимии «объект, не отвечающий хозяйственным требованиям, не используется и не номинируется» [Рут 1992, с.75]. Уход микротопонимов, выход их из активного словарного запаса жителей населенного пункта связан с двумя основными причинами: исчезновением обозначаемой реалии (прекращает функционировать колодец, например) и утратой микротопонимом функции номинации важного в хозяйственном отношении объекта.

Микротопонимия с. Абрамовка отражает общеономастические универсалии, проявляющиеся в наборе номинативных моделей микротопонимов (названия, отражающие особенности природной среды, характеризующие особенности ландшафта, связанные со спецификой почв, особенностями флоры и фауны, названия, отражающие особенности самого объекта по форме, размеру, характерным качествам и др.), в процессах онимизации апеллятивов и трансонимизации.

С п е ц и ф и к а м и к р о т о п о н и м и ч е с к о й н о м и н а ц и и с. А б р а м о в к а проявляется в следующем.

1. Микротопонимия отражает диалектную лексику преимущественно воронежской локализации: *Бирючий*, *Бирючий курган* (ворон. *бирючий* ‘волчий; перен. глухой, страшный’); *Мозгаль* (ворон. *мозгаль* ‘хитрый человек маленького роста’), *Обрыв* (ворон. *обрыв* ‘глубокая яма в реке’); *Тырло* (*тырло* ‘место у реки для водопоя, доения и обеденной стоянки коров’, в [СРНГ] первое значение лексемы *тырло* с воронежской локализацией – ‘огороженный участок на пастбище, в поле, лесу, куда загоняют скот и лошадей для отдыха, водопоя, дойки и т. п.’).

2. Отдельные микротопонимы, происходящие от общерусских слов, заимствованных из тюркских языков, отражают русско-тюркские контакты в микротопонимии Воронежского края: *Брунок* < *бурун* ‘нос’, ‘песчаная местность’ < тюрк.; *Яружка* < *яруга* ‘овраг’ < тюрк.; ср. тур., тат. *jaryk* ‘щель’, что подтверждается историко-краеведческими данными [см.: Фасмер-4, с. 561; Болховитинов 1800, с.9; Дубасов 1883, с. 47].

Особенностью микротопонимической номинации является соотношение мотивов номинации отантропонимных микротопонимов: микротопонимы в 2,1 раза чаще мотивированы прозвищем либо уличной фамилией человека (68 % отантропонимных микротопонимов), нежели именами, отчествами, официальными фамилиями (32 % названий). Интересен тот факт, что четыре объекта номинации мотивированы уличными фамилиями людей с одинаковой официальной фамилией Пименовы: *Мозгалёв клин*, *Мозгалёв ров* (прозвище *Мозгаль*), *Маркин родник*, *Марков переулоч*, *Маркин ров* / *Марков ров* (прозвище *Марки* > *Маркины*).

Лингвокраеведческий подход позволил полно изучить микротопонимию с. Абрамовка Таловского района Воронежской области, определить присущие ей общеономастические универсалии, особенности микротопонимической номинации, характерные для русской ономастической системы и отдельные локальные семантические, структурные и мотивационные особенности.

3.4 Вопросник по сбору регионального лингвистического материала в рамках лингвокраеведческих исследований (воронежский ономастикон)

Предлагаемый вопросник по сбору воронежских онимов может быть использован в лингвистике и лингводидактике для сбора регионального ономастического материала с целью его дальнейшего описания, интерпретации учеными, студентами и аспирантами. Возможно использование данного вопросника и в средних общеобразовательных школах при организации исследовательской работы учащихся, разработке исследовательских проектов, связанных с лингвокраеведческим изучением языковых единиц.

Методической основой для разработки вопросника послужили следующие работы: «Инструкция по собиранию регионального ономастического материала» Г.Ф. Ковалева, программа курса «Лингвистическое краеведение» В.Ф. Филатовой, вопросник для полевых исследований З.В. Рубцовой «Географические, личные и другие имена в российских селах», фундаментальные исследования известных российских лингвистов – А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, В.А. Никонова, Г.Ф. Ковалева, В.И. Супруна, Н.К. Фролова, А.С. Щербак, Н.И. Толстого, Ю.А. Карпенко, Л.А. Климковой, В.И. Супруна, И.А. Королевой, М.Э. Рут, учебно-методические разработки по организации и проведению практики для студентов факультета русского языка и литературы А.Д. Черенковой, представленные в книге «Диалектология», «Учебно-методическое пособие-вопросник по проведению полевых практик для изучения религиозного мировоззрения и традиционной обрядности крестьянской субкультуры» Т.А. СЕРЕЖКО, вопросник для сбора материала по лингвистическому изучению города М.Р. Шумариной.

Специфика сбора и анализа воронежской ономастической лексики связана с изучением особенностей заселения региона. Воронежская онимия включает различные в генетическом отношении номинации: русские, тюркские, финно-угорские кроме того, воронежские ономалексемы в значительной степени

представляют собой синтезированные онимы, имеющие лингвистические признаки генетически близких языковых культур – русской и украинской.

Многодиалектность Воронежской области требует исследования мелких ареалов, поскольку именно микроареалы дают более глубокое, более точное понимание диалектного материала.

Цель ономастического изучения родного края: наблюдение, сбор и исследование имен собственных Воронежского края.

Микротопонимия

Специфика микротопонимов заключается и в их особом статусе: они граничат между именами нарицательными и именами собственными.

Микротопоним – собственное название природного или созданного человеком объекта, употребляемое жителями определенного населенного пункта. Зачастую микротопоним – это местное (народное) географическое название, диалектизм. Для того чтобы верно записать, а затем и обработать ономастический материал, целесообразно сначала познакомиться с особенностями диалекта населенного пункта (необходимо составить краткую характеристику диалекта села, поселка: фонетические, лексические, морфологические, синтаксические (привести примеры специфического употребления предлогов, союзов и др. – если есть) особенности говора).

Другой важной составляющей подготовительной работы по сбору микротопонимов является знакомство с местностью, составление плана населенного пункта. Необходимо познакомиться с официальной топографической картой населенного пункта (ее можно взять в сельской администрации) и, опираясь на официальные данные и топографические реалии, составить «собственную» карту населенного пункта с местными названиями обозначив топографические объекты с помощью условных обозначений.

Микротопонимия, как правило, имеет тесную связь с историко-культурным наследием села, поселка, города, также «микротопонимия может содержать информацию и об этническом составе населения, о демографической картине региона в прошлом» [Климкова 2007, с. 105].

Являясь своеобразной сокровищницей народной памяти, микротопонимия возникает и существует для человека, сохраняя уникальную информацию и транслируя ее через многие поколения. Если говорить современным языком, микротопонимия – это своеобразный накопительный ресурс, который содержит важную информацию о языке, обществе, культуре, традициях народов, населявших регион в прошлом. А.С. Щербак отмечает: «Ономалексема, являясь разновидностью знания о мире, оказывается теснейшим образом связанной с реальной действительностью, она хранит и отражает в своей семантике народные знания о внешнем мире, знания о внеязыковой действительности, накопленные коллективом пользователей языка или диалекта» [Щербак 2006, с. 9].

Микротопонимическая номенклатура «множественна и хронологически подвижна: каждое новое поколение актуализирует микротопонимы в какой-то степени по-новому, в соответствии со своим административно-территориальным делением и хозяйственным укладом. Поэтому обязательной формой сбора микротопонимов являются полевые экспедиции. Только сочетание исторического и современного микротопонимного материала позволит создать картину языкового состояния в конкретной местности» [Тимофеев 1994, с.116].

Микротопонимы могут появляться вследствие онимизации апеллятивной лексики, а также путем перехода антропонимов в микротопонимы. Для этого в начале беседы с информантом необходимо выяснить, каково значение нарицательных географических терминов в данном населенном пункте. Обязательно нужно записывать параллельные названия и варианты имен

собственных (это касается всех разрядов онимов), особое внимание нужно обращать на значения слов, имеющих параллельное употребление в литературном языке и диалектах.

При полевом обследовании села нужно применять радиальный принцип: от центра – к окраине, от окраины – ко всем хозяйственным, посевным, пашенным и другим угодьям.

При сборе микротопонимов в первую очередь целесообразно обратиться в сельскую администрацию и попросить там карту землепользования (если есть). Также первоначально можно выписать всю необходимую микротопонимическую номенклатуру из годовых или сезонных тетрадей севооборота (если они ведутся в хозяйствах), а затем уже вести предметную беседу непосредственно с жителями населенного пункта.

Значительный объем информации можно получить, обратившись к старожилам – бывшим лесникам, агрономам, бригадирам, трактористам, учетчикам, а также к лесникам, охотникам, грибникам, пастухам, пасечникам (коренным жителям старшего возраста), то есть ко всем тем людям, кто в силу профессиональной или иной деятельности хорошо знает местные географические названия. При этом следует помнить, что географические объекты могут иметь не одно название, а несколько: официальное и народное (местное) наименование.

Исследователями замечено, что «старожилы сообщают названия старых урочищ, избышек, ворот; учетчики – названия пашен; охотники – названия водоемов и лесных угодий; рыбаки – названия мест по рекам и озерам и т.д.<...>, по лесным угодьям информацию дадут лесники» [Тимофеев 1994, с.118].

Следует записывать также названия уже не существующих сельских поселений, географических названий. Эти ушедшие / уходящие номинации крайне важно сохранить, они помогут лингвистам в определении

происхождения и мотива номинации современных микротопонимов, историкам – в установлении границ древних ареалов, прежних этнических групп населенного пункта и др. Также нужно записать всю информацию, связанную с переименованием географических названий (населенных пунктов, колхозов, улиц, мест, домов): когда переименован географический объект, почему, каково прежнее название; какие легенды или былички, связанные с переименованием, помнят жители; все население или только старожилы употребляют старое / новое название?

В предлагаемой программе собирания ономастической лексики в говорах Воронежского края употребляются следующие индексы: Л обозначает лексический вопрос – вопрос, включающий признак «как называется», СМ – семантический вопрос, включающий признак «что обозначает данное слово» (если употребляется в говоре), ЛСЛ – лексико-словообразовательный вопрос, включающий признак «как образовано слово».

Вопросы для беседы по теме

Расскажите о своем населенном пункте. Какой он? Чем знаменит? Что помните из рассказов бабушек и дедушек? Чем отличается от других населенных пунктов?

Что помните об истории нас. пункта? Как возник? Почему так называется? Кем и когда основан? Помещичьими или государственными были крестьяне села до революции? Какому помещику принадлежало село? (официальную информацию о происхождении нас. пункта необходимо выписать из документальных источников, хранящихся в библиотеке, краеведческих кабинетах в школе, музеях и т.д.). Как изменился национальный состав жителей села: люди каких национальностей жили в нас. пункте до 1917 г., в середине прошлого века, а какие – сейчас?

Как называются части села? части улицы? Что в населенном пункте обозначают слова *улица? переулок? плант? буерак? волок? гать (гатка,*

гатина)? *каменка*? *насыпь*? Как называется поворот улицы? дороги? Как называется неровная дорога? ровная дорога? узкая? широкая? каменная? асфальтированная? грунтовая? Как называется часть дороги? Какие виды почв преобладают в данном населенном пункте? Где именно встречается определенный вид почвы (чернозем, глина, песок, солончак)? Какие легенды, былички, предания, песни, частушки, прибаутки, загадки о насел. пункте и жителях вы помните / знаете?

Л 1. Как называются жители села (мужчины, женщины)?

Л 2. Бытуют ли в населенном пункте названия жителей в зависимости от возраста? Какие?

Л 3. Как вы называете жителей соседнего села, сел? Почему?

Л 4. Как называются улицы в настоящее время и ранее (нужно записать названия и объяснение информанта о причинах их возникновения: мотив и время возникновения названия (если помнят), особенности употребления):

- 1) официальное название улицы в настоящее время;
- 2) народное название улицы;
- 3) прежнее название улицы (если известно) и время переименования;
- 4) названия частей улицы.

Л 5. Какие названия имеют дороги села, тропинки? Куда ведут дороги в нас. пункте?

Л 6. Какие названия имеют перекрестки, переулки?

Л 7. Имеют ли отдельные названия шоссейные дороги?

Л 8. Как называется железная дорога, если расположена поблизости?

Л 9. Как называются дороги в лесу? Почему?

Л 10. Как называется мост (мосты), переправы через реку?

Л 11. Как называются в нас. пункте отдельно стоящие дома, строения?

Л 12. Как называются в нас. пункте отдельно растущие деревья?

Л 13. Помнят ли старожилы названия мельниц, конюшен, кузниц, старых часовен и др. построек? Перечислите их. Почему они так назывались?

Л 14. Как называется церковь (если есть или была в нас. пункте)? Когда она построена? Какова ее судьба: сохранилась ли до наших дней, если была разрушена (восстановлена), то в каком году? Бытуют ли в нас. пункте предания, легенды, связанные с церковью (о разрушении / восстановлении церкви, о сохранении отдельных предметов религиозного культа в советское время)? Какие? Когда они возникли?

Л 15. Как назывались (называются) отдельные места, деревья, дороги рядом с церковью?

Л 16. Если в нас. пункте уже нет церкви, как называется это место?

Л 17. Где расположено кладбище? Как оно называется?

Л 18. Есть ли в нас. пункте старое кладбище? Как оно называется?

Л 19. Как называются другие места захоронения, отдельные могилы, курганы и под. (если есть)?

Л 20. Есть ли в нас. пункте места, где проводились или проводятся массовые гуляния, праздники? Какие названия они имеют? Почему?

Л 21. Как называются в нас. пункте места торговли?

Л 22. Как назывались / называются места, где обрабатывали зерно, куда свозили зерно?

Л 23. Есть ли в нас. пункте названия садов (заброшенных и / или имеющих хозяев)? Какие? С чем связаны их названия?

Гидронимия

Беседу по сбору гидронимии целесообразно начинать с общих вопросов о водоемах в населенном пункте и их применении в хозяйственной деятельности человека (рыболовство, скотоводство, пчеловодство, отдых и др.):

- где обычно купаются? (как называется это место?)
- где можно ловить рыбу?

- где водопой для скота?
- как называются водоемы, из которых берут воду для полива?
- где лучше всего переходить реку вброд?

При сборе материала особое внимание следует обратить на разграничение онимов типа *речка* (река вообще – нарицат.) и *Речка* (приток реки, место на реке – собств.).

Как правило, неотъемлемой частью гидронимии населенного пункта являются названия отдельных участков реки, озера (места для купания, опасные места, переходы, броды и под.). Ценную информацию о гидронимии нас. пункта могут дать лесники, рыбаки и те старожилы, кто по роду деятельности хорошо знает водные объекты и их названия. В данную часть программы нами также включены и вопросы, касающиеся названий колодцев.

Вопросы для беседы по теме

Что обозначают слова: *ерик, проток / протока, омут, водоворот, буча/ бучило, брод, мель, отмель, плёс, заводь, затон, плотина, залив*? Как называется ответвление реки, ручья? Используют ли жители населенного пункта реку для передвижения?

Встречались ли в населенном пункте случаи, когда человеку или всей семье давались фамилии или прозвища по названиям реки, озера или их частей? Какие названия гидронимов связаны с именами, фамилиями или прозвищами жителей населенного пункта? Каков мотив номинации объекта? Какие легенды, былички, предания, песни, частушки, прибаутки, загадки о названиях реки, ее частей, озера (озер), колодцев, родников вы помните / знаете?

Л 24. Как называются в нас. пункте колодцы? С чем связаны их названия?

Л 25. Есть ли в нас. пункте не используемые в настоящее время колодцы? Как они называются? Почему?

Л 26. Как называются родники, ключи? Почему?

Л 27. Как называется река (если есть), протекающая близ нас. пункта? Связано ли название населенного пункта (современное или прежнее) с названием реки?

Л 28. Как еще по-местному называется река? Бытуют ли названия, данные по месту протекания реки? Если названий несколько, то с чем это связано?

Л 29. Есть ли близ нас. пункта, в нас. пункте старое русло реки? Какое собственное название оно имеет?

Л 30. Какие собственные названия имеют части реки?

Л 31. Какие собственные названия имеют притоки реки (если они есть)? Откуда они берут начало?

Л 32. Как называются места для рыбной ловли на реке? Почему?

Л 33. Как называются места для купания на реке? Почему они так называются?

Л 34. Как называется место (места), где можно перейти реку вброд?

Л 35. Как называются глубокие, опасные места на реке?

Л 36. Какое название имеют места на реке для водопоя скота?

Л 37. Как называются места на реке, где самое быстрое течение?

Л 38. Как называются места на реке, где самое медленное течение?

Л 39. Имеют ли названия берега реки? С чем связаны эти названия?

Л 40. Есть ли в нас. пункте реки (озера), которые образуются только весной, в разлив? Как они называются? Где расположены? Как долго не высыхают?

Л 41. Как называются непроточные озера?

Л 42. Есть ли островки среди реки, заросли? Какие названия они имеют?

Л 43. Имеют ли отдельные названия изгибы реки? Какие?

Л 44. Как называется мост (мосты) через реку?

Л 45. Есть ли близ нас. пункта озера? Как они называются, с чем связаны их названия?

Л 46. Как называются отдельные участки озера?

Л 47. Есть ли близ нас. пункта пруды? Как они называются, с чем связаны их названия?

Л 48. Как называются отдельные участки пруда?

Л 49. Какие собственные названия имеют расположенные рядом с рекой, озером, прудом дома, отдельные деревья, участки?

Л 50. Есть ли болота, топкие места близ нас. пункта? Как они называются? Знаете ли вы легенды об этих названиях?

Л 51. Имеют ли отдельные собственные названия участки болота (места для перехода, топкие места)?

Л 52. Есть ли в нас. пункте поляны, расположенные неподалеку от болота? Как они называются?

Агроонимия, дримонимия, дромонимия и оронимия

Беседу с информантами можно начать с расспросов о названии леса, рощи (лесов, рощ) и его (их) частей. Затем можно спросить, какие холмы / возвышенности или овраги находятся неподалеку от леса. При сборе агроонимов целесообразно задавать вопросы *где сеяли (сеют) пшеницу (рожь, овес, подсолнечник, свеклу, горох и др.)? Как называются эти участки, поля? Где они расположены?* жителям насленного пункта, деятельность которых связана или была связана с сельскохозяйственной деятельностью (агрономам, колхозникам, свекловичницам). Несомненную ценность будут иметь беседы с лесниками.

В некоторых случаях собственное название могут иметь отдельные части географического объекта (отдельный участок леса, рощи, луга, поля и др.) Записывать нужно все известные информанту онимы.

Вопросы для беседы по теме

Что обозначают слова: *балка, лог, овраг, яр, облог, обвал, обрыв, арык, байрак, буерак, грибань, громок, гнилуша, ильмень, пожня, поляна, плешина,*

полестинка, бугор, горушка, вышок, вершок, бор, пролесок, зарость, липяг, волех, загонка, заимка, заказник?

Где сеяли / сеют пшеницу? Где сеяли / сеют рожь? Где сеяли / сеют горох, гречиху, подсолнечник, другие культуры? Где жители собирают грибы, ягоды? Где охотятся? Где расположены кордоны в лесу? Какие легенды, былички, предания, песни, частушки, прибаутки, загадки о названиях леса, рощ, лугов, яров, пастбищ вы помните / знаете?

Л 53. Есть ли близ населенного пункта лес? Какое собственное название он имеет?

Л 54. Как называются части леса?

Л 55. Имеет ли собственное название хвойный лес? Если да, то какое?

Л 56. Какое собственное название имеет лиственный лес?

Л 57. Какое собственное название имеет смешанный лес?

Л 58. Какое собственное название имеет лес на возвышенности?

Л 59. Какое собственное название имеет лес близ реки?

Л 60. Какое собственное название имеет глухой, непроходимый лес?

Л 61. Есть ли собственные названия у зарослей деревьев, кустов по берегам реки, водоемов?

Л 62. Какое собственное название есть у молодого леса?

Л 63. Какое собственное название есть у старого леса?

Л 64. Какое собственное название есть у ровного леса?

Л 65. Какое собственное название есть у кривого леса?

Л 66. Какое собственное название есть у горелого леса?

Л 67. Какое собственное название есть у липового леса?

Л 68. Какое собственное название есть у дубового леса?

Л 69. Есть ли собственное название леса, в котором произрастает ольха? Какое?

Л 70. Какое собственное название имеет лес, в котором произрастает осина?

Л 71. Какое собственное название имеет лес, в котором произрастает ясень?

Л 72. Какое собственное название есть у зарослей ивы?

Л 73. Какие еще собственные названия леса есть в зависимости от древесной породы?

Л 74. Есть ли в лесу поляны? Как они называются? С чем связаны эти названия?

Л 75. Какие собственные названия имеют кордоны?

Л 76. Какое собственное название есть у роши близ нас. пункта (если есть)?

Л 77. Имеют ли собственные названия отдельно растущие деревья, кустарники? Какие? Почему они так называются?

Л 78. Как называются отдельные поля, пустоши?

Л 79. Какие собственные названия имеют незасеянные участки? Почему они так называются?

Л 80. Как называются возвышенные места (холмы, пригорки, взгорья) в нас. пункте? Где они расположены?

Л 81. Как называются низины, низкие места (балки, овраги, обрывы) в нас. пункте? Где они расположены? Что в них растет?

Л 82. Как называются заболоченные места?

Л 83. Какое собственное название имеет крутой овраг (если есть близ нас. пункта)?

Л 84. Какое собственное название имеет пологий овраг (если есть близ нас. пункта)?

Л 85. Какое собственное название имеет овраг в лесу?

Л 86. Какое собственное название имеет овраг с водой?

Л 87. Как называются ответвления оврага?

Л 88. Как называются места, которые весной заливают водой?

Л 89. Как называются засушливые участки, где ничего не растет?

Л 90. Какие собственные названия имеют отдельные луга, пастбища, места для сенокоса?

Л 91. Как называются дороги, перекрестки в населенном пункте или близ населенного пункта?

Антропонимия

Антропонимы представляют собой уникальный класс ономастической лексики, сохранивший не только древние лексические единицы, но и культуру и традиции русского народа. По мнению А.С. Щербак, «антропонимическая часть ономастической картины мира проявляет такую региональную специфику, которая скорее способствует проявлению интегративных связей в антропонимике между разными регионами и показывает усиление единиц, принадлежащих национальной языковой картине мира и переход изначально диалектных онимических единиц (фамилии на уровне словообразовательных диалектизмов, фамилии, образованные от прозвищ) в единицы с более широкими ареалами распространения, также постепенно входящими в национальную языковую картину мира» [Щербак 2013, с. 207].

Специфика региональной антропонимической номинации тесно связана с историей заселения региона, особенностями ведения хозяйства, этнического состава жителей. Антропонимия Воронежского края, конечно же, имеет свои особенности, обусловленные как внутрilingвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Как справедливо отмечает В.И. Супрун, «краеведческая антропонимика показывает наиболее распространенные имена, фамилии, прозвища в регионе, способы их образования и сферы употребления, этикетные нормы, гипокористические формы, способы передачи ласкательности и

уничужительности в имени. Учет краеведческих особенностей антропонима позволит проследить его историю и установить место его возникновения...» [Супрун 1994, с.143–144].

В формах личных имен, фамилиях и прозвищах отражены образность, жизненная сила и богатство языковой системы, сохранены остатки старых диалектных слов.

С этой точки зрения актуальность сбора и исследования воронежской антропонимии (прежде всего сельской, так как она содержит наиболее архаичные языковые элементы) представляется очевидной и необходимой.

При сборе антропонимии следует преимущественно опрашивать старожилов, коренных жителей населенного пункта. Если информант – некоренной житель, переселенец, то нужно указать, сколько лет он прожил в данном населенном пункте, откуда родом, где и какое время жил до этого.

Записывая неофициальные названия (уличные фамилии, семейные прозвища, индивидуальные прозвища), следует указать официальную фамилию носителя и привести толкование уличной фамилии / прозвища информантом (если это представляется возможным). Важно записывать и другие онимы, особенно микропонимы, поскольку микропоним, например, может служить основой для образования антропонима и наоборот.

Обязательным условием записи является постановка ударения, запись параллельных названий и вариантов имен собственных. Также необходимо указать особые случаи изменения собственного имени, суффиксы, с помощью которых образуются уменьшительно-ласкательные и грубые именованья.

При сборе антропонимии целесообразно пользоваться таблицей с графами: официальное именованье; уличная (дворовая фамилия); прозвище; степень родства / родственные отношения; год рождения; образование; профессия, специальность; примечание. Графа «Официальное именованье»

заполняется в соответствии с записями похозяйственных книг сельской администрации (исходя из состава семьи).

Беседу по сбору антропониимии следует начинать с общих вопросов об особенностях именования людей в той или иной местности. Приведем примерный круг таких вопросов.

Вопросы для беседы по теме

По какому принципу в Вашей семье давались имена детям: в честь дедушки / бабушки (по какой линии?), в честь отца, матери, других людей (кого именно)?

Знаете ли Вы, кто давал имя новорожденному (отец, мать, священник, бабушка, дедушка и др.)? Бытуют ли в населенном пункте какие-либо запреты, связанные с имянаречением (например, нельзя давать имена в честь рано умерших родственников, нельзя давать одинаковые имена в семье и др.)? Есть ли предписания выбора имени мальчика / девочки (например, в семье мальчикам даются только имена Андрей, Николай или Иван и др.)?

Выбор имени случаен или нет? Почему? Важно ли имя в жизни человека? Связана ли судьба, жизнь человека с его именем? Почему Вы так думаете? Есть ли хорошие и плохие имена? Если есть, то какие? Почему?

В зависимости от ситуации одного человека односельчане могут звать и Саня, и Петрович, и Александр Петрович. От чего это зависит? Употребляются ли в нас. пункте отчества как самостоятельные единицы, например, Ильинична, Федорович, Кузьмич и т.п.? Кому принадлежат эти именованья-отчества: Ф.И.О., возраст, образование, кем работал / работает этот человек, чем характеризуется? Употребляются ли в нас. пункте женские отчества как самостоятельные единицы, например, Ивановна, Семеновна и т.п.? Кому принадлежат эти именованья-отчества: Ф.И.О., возраст, образование, кем работала / работает женщина, чем характеризуется?

Расскажите о самых знаменитых, уважаемых жителях села. Какие фамилии они носят? Кого из жителей и почему называют только по фамилии?

Обязательно ли жена должна брать фамилию мужа? Были ли случаи, когда фамилию менял мужчина? Если да, то в связи с чем?

Известны ли случаи, когда близкие родственники имеют похожие, но разные фамилии? Помогает ли уличная (дворовая) фамилия различать однофамильцев, в том числе и родственников? Бывает ли так, что какого-либо человека «в глаза» и «за глаза» зовут по-разному? Как? Почему?

Есть ли в населенном пункте именованья, которые относятся не к одному человеку, а к семье? Как они называются: прозвище, уличная фамилия, кличка? В чем, по мнению информантов, различие между уличной / дворовой фамилией и прозвищем? Зачем человеку нужна уличная фамилия? Как и когда появились уличные фамилии? Все ли жители имеют уличную (дворовую) фамилии? Почему? Есть ли уличные фамилии у недавно приехавших жителей? Встречались ли в нас. пункте случаи, когда человеку или всей семье давались фамилии или прозвища по названиям частей села, леса (или его частей), реки, дороги и т. п.? Связаны ли уличные (дворовые) фамилии с именами предков? Каких предков? Как? Передаются ли уличные фамилии по наследству? Есть ли в нас. пункте уличные фамилии по названию жителей нас. пункта?

Может ли быть у человека уличная (дворовая) фамилия и прозвище одновременно? Есть ли прозвища у недавно приехавших жителей? Чем отличаются женские прозвища от мужских? Есть ли разница между прозвищами, которые давались 50–70 лет назад и современными? Какая? Отличаются ли прозвища жителей старшего поколения от прозвищ жителей младшего поколения? Чем? Есть ли специальные названия для младшего поколения в семье? Человека по прозвищу зовут только «за глаза» или и «в глаза»? Вспомните случаи, когда прозвище переходило от отца к сыну, от деда к отцу. Какие это прозвища? Были ли случаи, когда прозвище переходило от

матери к сыну / дочери и их детям? С чем это было связано? Какие это прозвища?

Если в населенном пункте несколько частей, то как связаны фамилии и прозвища жителей с названиями частей села? Знаете ли Вы, как зовут жителей соседних населенных пунктов? Есть ли у них коллективные названия? Какие песни, частушки, пословицы или поговорки, в которых есть прозвища или уличные фамилии, Вы помните? Помните ли Вы легенды и предания, связанные с именами, фамилиями, прозвищами людей (возможно, Вам рассказывали бабушки, дедушки)?

Что обозначают слова и словосочетания: *фамилия, уличная фамилия, дворовая фамилия, звать по двору, кличка, прозвище, называть «за глаза», сказать «в глаза», детское имя, домашнее имя?*

Л 1. Как Вас зовут? Знаете ли Вы, как и когда появилась Ваша фамилия? Каковы причины возникновения фамилии? От кого досталась Вам фамилия? (от отца, матери, деда и т.д.)

Л 2. Как Вас называют родные? Каким именем чаще называют дома?

Л 3. Как зовут Вас соседи? Как обращаются к Вам?

Л 4. Назовите имена Ваших родителей.

Л 5. Какие у них отчества, фамилии?

Л 6. Как зовут / звали Вашу бабушку?

Л 7. Как зовут / звали Вашу прабабушку?

Л 8. Как зовут / звали Вашего дедушку?

Л 9. Как зовут / звали Вашего прадедушку?

Л 10. Какие у них были отчества, фамилии (если помнит информант)?

Л 11. Какие редкие имена жителей села Вы знаете?

Л 12. Какие редкие отчества жителей села Вы знаете?

Л 13. Дома можно назвать девочку Нюся вместо Анна, мальчика Саша, Сашок вместо Александр. Как Вы называете детей дома?

Л 14. Назовите женские ласкательные имена.

Л 15. Назовите мужские ласкательные имена.

Л 16. Как называют девочку, если она Вас рассердила? Назовите женские отрицательно-оценочные (грубые) имена.

Л 17. Как называют мальчика, если он Вас рассердил? Назовите мужские отрицательно-оценочные (грубые) имена.

Л 18. Назовите все известные Вам официальные фамилии жителей села. Кто из жителей местный, а кто приехал и в каком году?

Л 19. Назовите фамилии старожилков.

Л 20. Какие официальные фамилии жителей села являются самыми частотными?

Л 21. Какие редкие официальные фамилии жителей села Вы знаете?

Л 22. Как (Вас) Вашего соседа еще называют? Есть ли у (Вас) Вашего соседа уличная или дворовая фамилия? Чем они отличаются? Если отличаются, то чем? (этот вопрос лучше задавать не самому информанту, а его соседям, поскольку в сельской местности бытует негласное табу на употребление уличной фамилии и прозвища в присутствии самого носителя). У всех ли жителей есть уличные (дворовые) фамилии?

Л 23. Назовите все известные Вам уличные фамилии. Почему дана та или иная уличная фамилия?

Л 24. Какие уличные (дворовые) фамилии жителей села являются самыми частотными?

Л 25. Какие уличные (дворовые) фамилии жителей села являются редкими?

Л 26. Назовите все известные Вам прозвища. Почему так зовут жителей?

ЛСЛ 27. Какие фамилии образованы от прозвища?

ЛСЛ 28. Какие прозвища образованы от фамилии?

Л 29. Есть ли прозвище у семьи (семейное прозвище)? Какие семейные прозвища есть в населенном пункте? Перечислите их. Почему жители получили то или иное прозвище?

Л 30. Встречались ли Вам прозвища, употребляемые только в семье (внутрисемейные прозвища)? Какие? Перечислите их. Почему дано то или иное прозвище?

Л 31. Назовите индивидуальные прозвища. Что они обозначают? Почему дано то или иное прозвище?

Л 32. Назовите самые древние имена (имена самых пожилых жителей, другие сохранившиеся в памяти жителей населенного пункта древние имена).

Л 33. Назовите самые древние прозвища (прозвища самых пожилых жителей, другие сохранившиеся в памяти жителей населенного пункта прозвища). Почему дано то или иное прозвище (если известно)?

Л 34. Назовите самые древние уличные фамилии. Почему у жителей та или иная фамилия (если известно)? Какая фамилия чаще используется жителями – записанная в паспорте или уличная?

Л 35. Есть ли у жителей населенного пункта общее название / прозвище? Назовите коллективные прозвища, например прозвища всех жителей по названию села и подобные. Что они обозначают?

Л 36. Назовите официальные, уличные фамилии, прозвища тех людей, кто уже не живет в нас. пункте (уехал или умер). В каком году уехал / умер это человек? (Это вопрос нужно адресовать старожилам).

Л 37. Какие еще ушедшие имена вы знаете?

Л 38. Какие еще ушедшие отчества вы знаете?

Л 39. Какие еще ушедшие фамилии вы знаете?

Л 40. Какие еще ушедшие прозвища вы знаете?

Л 41. Присоединяются (присоединялись) ли к отдельным именованию слова *тетя / тетка, дядя, маманя / мамаша, папаша, бабушка / бабуля / бабка,*

крестная / крестный, няня и под.? В каких случаях? К кому так обращались / обращаются?

Л 42. Как обращаются к детям? (*по именам (каким? полным? сокращенным?*), называют *дочка, сынок...*)

Л 43. Как обращается муж к жене и жена к мужу?

Л 44. Как обращаются дети к родителям, бабушкам, дедушкам? Называют родных по именам (*бабушка Танюшка*) или без имен (*бабушка*)? С чем это связано?

Л 45. Как называют других родственников? Как обращаются к ним? (запишите все варианты обращений к родственникам и все термины родства, употребляющиеся в населенном пункте, дайте толкование каждого термина, например: *шурин* – брат жены и т.д.)

Астронимия

В.А. Никонов сформулировал основополагающее для сбора астронимии (космонимии) положение: «Конечно, космонимия как раз особенно ярко убеждает, что для всей ономастики верен тезис: название, каждое название не присуще называемому объекту, а прикреплено к нему человеческим обществом и характеризует не столько сам объект, сколько называющих. Все названия космических объектов даны с Земли и отражали земное. Охотничьи племена дали созвездию название Стрелец, скотоводческие – заселили небо табунами коней. <...> Нельзя допустить, чтобы заменяемые космонимы бесследно погибли для науки. Их необходимо собрать повсеместно» [Никонов 1973, с.373, 380].

Народные названия объектов звездного неба интересны прежде всего тем, что содержат разноплановую информацию о повседневной жизни народа, традиционной культуре, верованиях, быте, мировоззрении.

Народную астронимию в говорах Воронежской области изучает профессор Г.Ф. Ковалев, он отмечает важность исследования астронимов и

считает, что эти имена собственные многое могут рассказать о жизни и быте того или иного региона, поскольку «сельские жители используют не принятые в научном обиходе названия звезд, созвездий и других космических объектов, а названия, отражающие жизнь и быт крестьянина» [Ковалев 2005, с.13].

В настоящее время народная астрономия представляет собой небольшой класс ономастической лексики, поскольку объекты звездного неба уже не являются тем значимым средством ориентации во времени и пространстве, которым они являлись ранее. Немногие астрономы сохранились, но тем важнее и актуальнее становится работа по сбору сохранившихся названий. Народные названия наиболее известных звезд, космических тел еще можно и нужно сохранить, однако такую работу необходимо интенсифицировать.

Сбор астрономов (космонимов) требует особой подготовки обучающегося, терпеливого труда собирателя и слушателя. Сначала необходимо самому интервьюеру повторить (изучить), как выглядит та или иная звезда, то или иное созвездие и где они (в каком полушарии) находятся. Беседу о названиях космических, небесных объектов можно вести как днем, так и вечером, когда начинают появляться первые звезды. Следует учитывать, что бóльшую информацию смогут дать те жители, деятельность которых была связана с работой вечером, ранним утром: сторожа, доярки, пастухи, рыбаки, колхозники и др.

Вопросы для беседы по теме

Какие звезды видны ночью на небе? Как определять по звездам время? погоду? Как можно найти верную дорогу по звездам? По каким звездам ориентировались жители? Ориентируются ли жители на положение Луны, звезд (каких?) при проведении земледельческих работ? Как? Влияют ли небесные светила на жизнь человека? Есть ли приметы, связанные со звездами, созвездиями? Известны ли случаи из жизни, связанные с тем, что человеку

каким-либо образом помогли звезды, Луна и др. (возможно, информантам об этом рассказывали)?

В каких частушках, стихах, песнях, легендах, быличках встречаются названия звезд, созвездий, небесных или космических тел? (запишите частушки, стихи, песни, и т.д.). Есть ли легенды или рассказы, связанные со звездным небом?

Л 1. Какие звезды и созвездия хорошо видны летом?

Л 2. Какие звезды и созвездия хорошо видны весной?

Л 3. Какие звезды и созвездия хорошо видны осенью?

Л 4. Какие звезды и созвездия хорошо видны зимой?

Л 5. Как называется созвездие в виде малого ковша?

Л 6. Как называется созвездие в виде большого ковша?

Л 7. Как называется созвездие, похожее на телегу?

Л 8. Как Вы называете Полярную звезду? Как ориентировались по ней?

Л 9. Как называется созвездие в виде перевернутой буквы М? (Как называется созвездие из пяти звезд, соединенных ломаной линией? Какое название есть еще у созвездия Кассиопеи?)⁴⁴

Л 10. Как называется созвездие из маленьких звездочек, собранных вместе? (*Стожары, Плеяды, ...*)

Л 11. Как называется созвездие, похожее на крест (или ромб, или стрелку, указывающую на юг)?

Л 12. Как называется светящаяся широкая полоса на небе? (*Млечный Путь...*) Какие приметы или предания, связанные с ней, имеются в говоре?

Л 13. Как называется созвездие, похожее на пса? Как называется самая большая звезда этого созвездия? (*Сириус...*)

⁴⁴ Для иллюстрации данного раздела использовались материалы поисковой системы <https://www.google.ru>

Л 14. Как называются другие созвездия? (Знают ли информанты, как еще называются созвездия Водолей, Волопас, Весы, Скорпион, Рыбы, Персей, Андромеда, Телец, Большой Пес, Лира, Цефей, Орион и другие?) Имеют ли специальные названия отдельные части этих созвездий?

Л 15. Назовите наиболее важные, по Вашему мнению, звезды, созвездия.

Л 16. Какие народные названия Луны есть в населенном пункте? Учитывают ли жители населенного пункта расположение звезд, положение Луны при проведении сельскохозяйственных работ?

Л 17. Как еще называется планета Венера? Есть ли различие вечерней и утренней Венеры?

Л 18. Как еще называется планета (красноватый) Марс?

Л 19. Как еще называется планета Меркурий?

Л 20. Как еще называется планета Сатурн?

Л 21. Как еще называется планета Юпитер?

Л 22. Какие названия небесных тел, метеоритов знают жители населенного пункта?

СМ 23. Какое созвездие обозначает слово *Стожары*?

СМ 24. Употребляются ли у вас названия *Висо(а)жары*, *Высо(а)жары*, *Восожары*, *Васажары* и какое созвездие они обозначают?

СМ 25. Употребляются ли у вас названия *Волосожары*, *Валасажары* и что они обозначают?

СМ 26. Употребляются ли у вас названия *Ковш*, *Корец* и что они обозначают?

СМ 27. Употребляется ли у вас название *Тройки* и что оно обозначает?

СМ 28. Употребляется ли у вас название *Воловий Воз* и что оно обозначает?

СМ 29. Употребляются ли у вас названия *Кося*, *Телега*, *Колесница*, *Конь*, *Возок* и что они обозначают?

СМ 30. Употребляется ли у вас название *Коромысла* и что оно обозначает?

СМ 31. Употребляется ли у вас название *Петров Крест* и что оно обозначает?

СМ 32. Употребляется ли у вас название *Зарница* и что оно обозначает?

СМ 33. Употребляется ли у вас названия *Бате(и)ва Дорога*, *Мамаева Дорога* и что они обозначают?

Зоонимия

Зооним – собственное имя любого животного, чаще всего домашнего. К этой группе онимов отнесем и названия птиц.

Клички животных, несомненно, важны для понимания народной культуры определенного региона, они (клички) обладают способностью характеризовать того человека, который дает такие клички. Г.Ф. Ковалев замечает, что «определенную ценность представляют также клички домашних животных (*зоонимия*): лошадей, собак, кошек, коров, свиней и т.д. Такими кличками называют животных, но они же красноречиво иллюстрируют менталитет местных жителей» [Ковалев 2005, с. 12].

При сборе зоонимов прежде всего нужно обращаться к тем информантам, которые занимаются разведением животных (коров, коз, овец, кроликов, собак, лошадей и др.) и птиц (кур, гусей, уток, индюков и др.). Безусловно, колхозники и работники фермерских хозяйств – доярки, свиноводы, птичницы, пастухи, собаководы – дадут ценную информацию по зоонимии. Однако практически в каждой сельской семье есть домашние животные, поэтому вопросы о собственных именах животных можно адресовать любому жителю населенного пункта. Для сравнения форм зоонимов и их состава можно задавать одни и те же вопросы, обращаясь как к жителям старшего поколения, так и младшего. Следует выяснить, какие форманты (суффиксы, приставки) преобладают в

зоонимической номинации данного населенного пункта и какие они частотны для номинации того или иного вида животного.

Вопросы по теме

Каких животных разводят в населенном пункте? Для чего? Есть ли в населенном пункте фермерские хозяйства? Каких животных там разводят? Кто работает на ферме (фермах)? (Ф.И.О.; затем можно поговорить и с этим жителем) Какие животные или птицы есть в каждой семье? Какие животные или птицы достаточно редки? Какие животные помогают в домашнем хозяйстве? Какие виды птиц разводят в населенном пункте?

Есть ли традиции в данном нас. пункте, связанные с разведением животных и птиц? Какие? Есть ли запреты на разведение тех или иных животных и птиц? Если есть, почему? Какие приметы, связанные с животными / птицами, вы знаете? Имеет ли значение определенный цвет, порода животного? Участвуют ли в тех или иных традиционных народных обрядах (свадебном, крестильном и др.) животные или птицы? Какие частушки, песни, былички, легенды, предания о животных / птицах бытуют в населенном пункте?

Вопросник для выявления зоонимической лексики

- Л 1. Какими именами собственными называют корову в нас. пункте?
- Л 2. Какими именами собственными называют быка в нас. пункте?
- Л 3. Какими именами собственными называют телочку?
- Л 4. Какими именами собственными называют теленка?
- Л 5. Какой кличкой подзывают козу/ козла?
- Л 6. Как называют козленка?
- Л 7. Есть ли клички у овец? Какие?
- Л 8. Какие клички могут быть у самки свиньи?
- Л 9. Какие клички могут быть у самца свиньи?
- Л 10. Какие клички могут быть у поросенка?

- Л 11. Какими именами собственными называют домашних кроликов?
- Л 12. Какими именами собственными называют лошадей / коней?
- Л 13. Какими именами собственными называют жеребят?
- Л 14. Какие клички есть у собак?
- Л 15. Какие клички есть у кошек / котов?
- Л 16. Каким именем собственным называют петуха?
- Л 17. Бывают ли клички у кур? Если да, то какие?
- Л 18. Бывают ли клички у гусей? Если да, то какие?
- Л 19. Бывают ли клички у уток? Если да, то какие?
- Л 20. Бывают ли клички у индюков? Если да, то какие?
- Л 21. Бывают ли клички у домашних голубей? Если да, то какие?
- Л 22. Какие клички есть у домашних попугаев?
- Л 23. Назовите клички других домашних животных.

Хрононимия

Сбор хрононимов может вестись как специально, так и попутно при сбориании лексики по теме «Народный календарь и календарная обрядность».

При сборе хрононимов следует обратить особое внимание на дифференциацию ономастической и апеллятивной лексики. Так, устойчивые, терминологические сочетания, представляющие собой названия праздников (как религиозных, так и светских), названия временных отрезков (*Петров пост* и под.), являются именами собственными, а названия действий, обрядовых предметов, пищи, связанной с определенным временным отрезком, не входят непосредственно в круг хрононимической лексики. Такие лексемы также могут быть полезны для составления общего представления о специфике хрононимии в том или ином населенном пункте, поэтому и сопутствующую лексику можно и нужно записывать. Важно также записывать и все касающиеся тех или иных праздников народные поговорки, приметы, запреты и предписания, традиционные народные колядки, заклички, стихи, песни и под. (эта

рекомендация относится к сбору и других разрядов онимов), поскольку они передают особый региональный колорит хрононимии, подчеркивают ее краеведческий характер.

С вопросами по сбору народной хрононимии следует обращаться к старожилам населенного пункта, хорошо знакомым с религиозной сферой, к «бабушкам-читалкам», к бывшим агрономам, колхозникам, пастухам, то есть всем тем людям, которые могут знать названия временных отрезков как церковных, так и светских.

Запись хрононимов лучше вести в хронологическом порядке (зима, весна, лето, осень или по месяцам), собирая при этом всю ценную информацию относительно названий (почему так называется, что связано с этим днем, что обычно делали в этот день, легенды и предания). Все варианты одного и того же названия, указанные информантами, необходимо записать, а при возможности еще раз уточнить значение слова, особенности его употребления в говоре. Все прилагательные, характеризующие ту или иную дату, также следует записать, при этом уточнив, почему, по мнению информанта, дается такая характеристика.

Следует обратить внимание на постановку ударения в хрононимах, и в процессе расшифровки записей обязательно указать ударение в названии.

Вопросы для беседы по теме

Какие самые большие праздники в году? Как они называются? Что в населенном пункте обозначают слова *годовой праздник, переходящий праздник, праздник «в числе», престольный праздник*? Какой праздник престольный в данном населенном пункте? По новому или старому стилю отмечаются праздники в населенном пункте?

Что делали в праздничные дни? Какие традиции празднования сложились в населенном пункте? Как готовились к празднику? Какова роль каждого члена семьи в подготовке к праздничным дням? Какие предметы, какая обрядовая еда

могли играть особую роль в праздничный день? (*Святая вода, пасхальное яйцо, пшено, кулич, трошковая трава, жаворонки* и др.) Почему?

Что означает выражение *встречать весну/ провожать весну*? Как еще этот обычай называется?

Связаны ли определенные обряды (свадебный, родинный и др.) с праздниками? Что можно было делать в праздник, а что строго запрещалось? Какие табу существовали? Почему? В какие праздники или дни разрешалось играть свадьбу (регистрировать брак), а в какие – нет? Почему? Какие приметы, связанные с праздничными датами, есть в населенном пункте (*если на Встреченье курочка воды напьется, то..., если человек умирает в праздничный день, то...; нельзя жениться в ... праздник* и под.)? Были ли рекомендации к одежде, еде, поведению в конкретные праздники? Если существовали предписания и запреты, то касались ли они мужчин и женщин в равной степени?

Какой праздник (праздники) выделяют особо в данном населенном пункте? Как называется такой праздник?

Есть ли праздник (праздники), имеющие не годовой цикл повторения, а сезонный, например: *Никола вешний, Никола зимний, Казанская зимняя (осенняя), Казанская летняя, летние Кузьминки, осенние Кузьминки...*?

Имеют ли особое название праздники, отмечаемые в один и тот же день каждый год (*в числе*), и праздники, строго не регламентированные числом (*переходящие*)? Как называется обычный, будний день? Есть ли особое название у частей суток: (*утреня, обедня...*)?

Укажите традиционные и древние формы предложно-падежных сочетаний, включающих праздничные даты (*под Рождество, на Егорию...*).

Какие народные песни, прибаутки, духовные стихи, псалмы, поговорки, связанные с определенными праздниками, знают информанты? Вспомните их.

Сохранились ли в населенном пункте сведения, легенды, поверья, предания, былички, связанные с праздничными датами? (о последствиях нарушений запретов или предписаний в праздники, о свадьбах и под.)

Есть ли общее название у праздников церковных и светских? Какие светские праздники вы считаете наиболее важными? Были ли особые праздники советского периода, которые не сохранились? Какие? Появились ли новые религиозные или светские праздники? Есть ли праздничные даты, отмечаемые конкретной семьей? Какие? Есть ли специальные названия у дат, связанных с утратой в конкретной семье? Выделяются ли особо детские праздники? женские? мужские? Какие?

При сборе хрононимии следует помнить, что даты отдельных праздников в различных населенных пунктах могут быть различными (например, престольный праздник в каждом селе свой). В таком случае информанту можно задать, например, подобный вопрос:

– Отмечают ли жители праздник, посвященный Николе / Юрию / Касьяну? Как традиционно он отмечается? Какие обряды и приметы связаны с этим днем? Какие пословицы и поговорки, посвященные этому дню, вы знаете?

Зимний период времени

Л 1. Как называются праздники зимнего периода времени? (*Введение, Рождество, Новый год, Крещение, Встреченье...*)

Л 2. Как еще называется праздник Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября / 4 декабря)?⁴⁵ (*Введение...*)

Л 3. Какие праздники отмечаются 6-го и 7-го декабря по новому стилю? (*Митрофания, Екатерина Мученица....*)

Л 4. Как еще называется Юрьев день (26 ноября / 9 декабря)? (*Егорий...*)
Что обычно делали в этот день? Какие приметы, пословицы и поговорки, связанные с этим днем, вы знаете?

⁴⁵ Первая цифра обозначает дату по старому стилю, а вторая – по новому стилю.

Л 5. Как в говоре еще называют День Варвары-мученицы (4 / 17 декабря)? (*Савва-Варвара...*)

Л 6. Когда отмечают праздники, посвященные Николе (5, 6 / 18, 19 декабря)? Как они называются? (*Николин отец и Никола...*)

Л 7. Как называется период от Николина дня до Рождества Христова? (*Первые святки, Другие святки...*)

Л 8. Как называется время Рождественского поста (17/30 декабря – 24 декабря / 6 января)?

Л 9. Как называются дни (день) накануне определенного праздника, канун праздника – канун Нового года, Рождества Христова, Крещения Господня и др.? (перед *Рождеством Христовым* – *Сочельник, Щедровик...*)

Л 10. Как называется период от Рождества Христова до Крещения Господня? (*Святки ...*) Что обычно пекли к праздничным дням?

Л 11. Как называется праздник Крещения Господня? (*Крещение...*)

Л 12. Как называется следующий после Крещения Господня день? (*Иван Креститель...*)

Л 13. Как называется период от Рождества Христова до Масленой / Масленской недели? (*Мясоед....*)

Л 14. Как называется день 18 января / 31 января)? (*Афанасий-ломонос...*)

Л 15. Как называется день 24 января / 6 февраля? (*Аксинья-полухлебница...*). Какие пословицы и поговорки, посвященные этому дню, вы помните?

Л 16. Когда празднуют *Три святителя*? (12 февраля по нов. ст.) Как еще называется этот праздник? Что обычно делали в этот день?

Л 17. Как называется праздник Сретенье Господне (1/ 15 февраля)? (*Встреченье, Сретенье...*) Как объясняется название этого праздника? (*Зима с летом встретится/ встреница...*) Почему этот праздник особенный? Что происходило в этот день? Какие обряды совершали в этот день? Какие приметы,

связанные с этим днем, бытуют? (*Если курочка в этот день воды напьется, то будет ранняя весна...*).

Л 18. Как называется Власьев день (3 февраля или 11/ 24 февраля)? Совершались ли в этот день скотоводческие обряды?

Л 19. Как еще называется Касьянов день (29 февраля по ст. ст. в високосный год)? (*Касьян Завистливый...*) Какие поверья связаны с этим днем? Что можно делать, а что нельзя?

Весенний период времени

Л 20. Как называется последняя неделя перед Великим постом? (*Масленая неделя, Масленская неделя...*) Имеют ли особые названия мучные изделия, приготовленные в это время?

Л 21. Как называется каждый из дней этой недели?

Л 22. Как еще называется праздник Масленицы? (*Маслена...*) Это название относится ко всей неделе или конкретному дню?

Л 23. Имеет ли название чучело, которое сжигали на Масленицу?

Л 24. Как называется воскресенье на Масленой / Масленской неделе перед Великим постом? (*Прощеное воскресенье, Прощеный день...*)

Л 25. Как еще называется Великий пост? (*Пост, Говенье...*)

Л 26. Как называется день 21 февраля / 6 марта? (*Тимофей-весновой...*)

Л 27. Как называется праздник, посвященный Евдокии (1 / 14 марта)? (*Евдокия, Евдокии, Явдоха, Авдотья...*). На что обращали внимание в этот день? Какие обычаи связаны с праздником?

Л 28. Как называется День сорока мучеников (9/ 22 марта)? (*Сороки...*) Что делали в этот день? Какие изделия из теста пекли в этот день? (*жаворонки...*) Какой формы были эти изделия, как их изготавливали? С какой целью их пекли? Почему праздник и хлебцы имеют такие названия? Какие приметы связаны с Днем сорока мучеников? (*Если на Сороки будет мороз, то все сорок морозов пройдут сразу в этот день, а если мороза не будет, то до*

мая будут морозы, заморозки...). Какие заклички, поговорки, стихи, связанные с этим днем, знают информанты? Есть ли особые традиции исполнения? Какие? (Например, в Таловском районе на Сороки дети произносили следующую закличку, сидя на завалинке и держа в руках испеченные жаворонки.

– *Весна-красна, на чем пришла?*

– *На бердышке, на жердочке,*

На овсяном снопу,

На ржаном колоску)

Л 29. Как называется день 17/ 30 марта? (*Алексей – божий человек, Алексей – с гор потоки, теплый Алексей...*) Какие приметы, связанные с этим днем, знают информанты?

Л 30. Имеет ли особое название четвертая неделя поста? Какое? (*Крестопоклонная неделя, сердохрестная неделя ...*) Пекли ли хлебцы на этой неделе?

Л 31. Какое особое название имеет середина Великого поста? Как называется среда на четвертой неделе Великого поста? (*Сердохрестье...*) Почему? (*Пост пополам переломляется...*) Что традиционно делали в этот день (к этому дню)? С какой целью? (*Кресты пекут на Сердохрестье; мелом кресты пишут на дверях в доме, в сарае, на притолке, чтобы Бог оберегал дом и скотину.*) Как назывались хлебные изделия, которые пекли к этому дню? (*Кресты*) Помнят ли информанты традицию изготовления хлебцев?

Л 32. Как еще называется праздник Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта / 7 апреля)? Что Вы знаете о приметах, связанных с этим праздником?

Л 33. Как еще называется праздник *Андреево стояние* (8 апреля по нов. ст.)? Почему он имеет такое название?

Л 34. Как еще называется праздник Марии Египетской (14 апреля по нов. ст.)?

Л 35. Когда бывает Агафья Рухва (17 апреля по нов. ст.)? Какое еще название есть у праздника?

СМ 36. Что означает выражение *Лазарева суббота*? Когда этот день?

Л 37. Как в говоре называется последнее воскресенье Великого поста? (*Вербное, Вербная, Вербное воскресенье...*) Что делали в этот день? Как назывались обряды, совершаемые в этот день? С какой целью? (*Вербохлест...*) Нужно ли было веточками вербы хлестать скотину (когда выгоняют стадо), чтобы она была здорова? Какие пословицы и поговорки, заклинания, связанные с этим днем, вы знаете?

Л 38. Как называется последняя неделя Великого поста? (*Страстная неделя, Страшная неделя...*)

Л 39. Какие названия имеют дни на Страстной неделе? (*Чистый четверг, Страстная / Страшная пятница, Великая суббота...*)

Л 40. Имеет ли другое название первый день Пасхи (Светлого Христова Воскресенья)? Какое? (*Святая Пасха, Светлая Пасха...*) Как готовились к празднику Пасхи (Светлого Христова Воскресенья)? Как называются хлебные изделия, которые пекут к празднику Пасхи? Как их приготавливают и украшают? Зачем нужно красить яйца? В какой день традиционно красили яйца, а в какой – пекли кулич? Что делали вечером перед праздником Пасхи? (*Собирали пасху..*) Что значит *собирать пасху*? (в отдельную посуду собирать испеченный кулич (пасху) и продукты, которыми можно разговляться). Как проходил праздник Пасхи? С чего нужно было начинать трапезу, то есть разговляться? Какие традиции, разрезания кулича (пасхи) бытуют в населенном пункте? (*перекрестить ножом пасхальный кулич, а затем резать...*) Кто должен был разрезать пасхальный кулич – мужчина или женщина? Что можно и нужно было делать в этот праздник, а что нельзя? Можно ли ходить на кладбище? Если ходили на кладбище, то клали ли на могилу пасхальные яйца, пшено, конфеты и др.? Что именно? С какой целью?

Л 41. Как называется пасхальная неделя? (*Пасхальная неделя, Светлая...*)

Л 42. Какие названия имеют второй и третий дни Пасхи (понедельник и вторник)? Имеют ли названия другие дни недели?

Л 43. Как называется после пасхальной неделя? (*Фомина неделя, Красная Горка...*)

СМ 44. Что означает выражение *Красная Горка*? Когда этот праздник?

Почему так называется?

СМ 45. Что означает слово *Радуница*? *Радужница*? Почему так называется? Когда этот день? (*Во вторник после Красной Горки Радужница*)

Л 46. Как называется день, посвященный Георгию весеннему (23 апреля / 6 мая)? (*Егорий вешний, Егория...*) Что делали в этот день? С какой целью? (*обводили скотину вокруг двора, обрезали лошадям хвосты; под 23 апреля / 6 мая клали хлеб на крышу сарая, чтобы задобрить св. Егория и был урожай, было в доме благополучие и чтобы была скотина живая и здоровая*) Какие поговорки, связанные с этим днем, вы знаете? Какие запреты, связанные с этим днем, вы знаете? (*Егория – трава набория. На Егорию ни вязать, ни прясть нельзя – волк овец потаскает / овец волк побьет...*)

Л 47. Какие еще праздники отмечали в апреле-мае? (*Марья-зажги снега, заиграй овражки* (14 апреля по ст. ст.), *Мартын-лисогон* (28 апреля по ст. ст.), *Арина-рассадица* (4 мая по ст. ст.) и др.)

Л 48. Как называется праздник, который отмечают 8 мая / 21 мая? (*Иван Богуслов, Иван-пшеничник...*). Какие приметы, связанные с этим днем, знают информанты?

Л 49. Как называется праздник, который отмечают 9 мая / 22 мая? (*Весенний Никола, Микола...*)

Л 50. Как называется середина временного отрезка от Пасхи до Троицы? Как называется день, с которого разрешалось купаться в реке? (*Пропловенье...*) Когда отмечали этот праздник? Что обычно делали в этот день? С какой целью?

(Ходили в родник и ходили молились, чтобы дождь шел) Какие песни пели в этот день? Какие поговорки, связанные с этим днем, вы знаете?

Летний период времени

Л 51. Когда отмечается праздник *Отдание Пасхи*? Как еще он называется? Почему?

Л 52. Как называется праздник, который отмечают на 40-й день после Пасхи? (*Вознесение...*). Что обычно пекли на Вознесение Господне? (*лесенки...*)

Л 53. Имела ли особое название суббота перед Троицей? Какое? (*Родители, Троицкая суббота, Родительская суббота...*)

Л 54. Как еще называется праздник Святой Троицы? (*Троица, Зеленые святки...*). Расскажите, что это за праздник, как к нему готовились?

Л 55. Как еще называется Троицкая неделя?

Л 56. Как называется неделя, следующая за Троицкой?

Л 57. Какие еще названия дней, праздников, связанных с Троицей, вы знаете?

Л 58. Как еще называется Иванов день (24 июня/ 7 июля)? (*Иван-Купала..*) Что традиционно делали в этот день? (*Начинали косить сено, обливались водой, чтобы дождь шел...*)

Л 59. Какое название имеет день памяти святых апостолов Петра и Павла (29 июня / 12 июля)? (*Петров день...*) Что делают в этот день? (*На Петров день выезжают рожь убирать...*)

Л 60. Как называется праздник, посвященный Пророку Илье (20 июля / 2 августа)? Что можно было делать в этот день, а что – нельзя? (*С Ильина дня купаться нельзя*) Какие поговорки, связанные с этим днем, вам известны?

Л 61. Какие названия имеют летние посты? (*Успенский пост...*) Какие еще посты есть?

Л 62. В какие дни можно поминать усопших? Как называются эти дни?

Л 63. Когда бывает Медовый Спас? (1 августа / 14 августа) Как еще называется этот праздник? Сколько праздников Спаса бывает?

Л 64. Есть ли другие названия праздника Преображения Господня (6 августа/ 19 августа)? (*Спас, Яблочный Спас...*) Почему именно такое название праздника? Что делают в этот день?

Л 65. Какое еще название имеет праздник Успения Пресвятой Богородицы? Когда его отмечают? (15 / 28 августа) (*Успения, Успение...*)

Л 66. Какие еще есть летние праздники? (*Тихонская* (26 июня / 9 июля), *Сергей Радонежский* (5 / 18 июля), *Казанская летняя* (8 / 21 июля), (*княгиня*) *Ольга* (11 / 24 июля), *князь Владимир* (15 / 28 июля), *Родительская суббота, Мария Магдалена, Пантелей, Митрофания, Тихон Задонский...*) В какие дни они отмечаются? Какие народные приметы, пословицы и поговорки, посвященные праздникам, вы знаете?

Осенний период времени

Л 67. Как называется день усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа / 11 сентября)? (*Иван Креститель – отсечение головы, Иван Постный...*) Что нельзя на этот день делать? (*Нельзя резать круглое...*)

Л 68. Когда отмечают день Рождества Пресвятой Богородицы? (8 / 21 сентября) Какое еще название есть у этого праздника? (*Аспос...*) Почему этот праздник так называется?

Л 69. Как по-другому называется праздник Воздвижения Креста Господня (14 / 27 сентября)? Что нужно было делать в этот день? (*На Сдвижинью надо закрывать погреб...*) Чем характеризуется этот день? Какие поговорки, связанные с праздником, вы знаете?

Л 70. Какое еще название есть у праздника, посвященного Ивану Богослову (26 сентября / 9 октября)? (*Иван Богуслов...*) Какие народные приметы, пословицы и поговорки, посвященные этому празднику, вы знаете?

Л 71. Какое еще название есть у праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1 / 14 октября)? (*Покров день...*) Сколько дней празднуют Покров Пресвятой Богородицы? Какие поговорки, связанные с праздником, вы знаете?

Л 72. Когда и как отмечается осенью день Козьмы и Демьяна? (1/ 14 ноября) Как еще этот праздник называется? (*Козьма, Демьян*) Когда еще празднуется?

Л 73. Какие другие осенние праздники вам известны? Как они называются и когда отмечаются? (*Вера, Надежда, Любовь (17 / 30 сентября), Михайлов день (8 / 21 ноября), Казанская, Абрамия, Иоанн Златоуст....*)

СМ 74. Что означает слово *За́говенье / За́гвенье*? С какого времени начинается За́говенье и чем характеризуется?

Выводы по третьей главе

В ходе анализа антропонимии и микропонимии Воронежского края на основе использования приемов лингвокраеведческого анализа нами были установлены два основных блока информации, извлекаемой из языковых единиц: блок лингвистической информации и блок экстралингвистической информации.

Лингвистическую информацию, имеющую региональную специфику, содержат как официальные фамилии, так и микропонимы.

Так, установлено, что воронежская антропонимия включает значительное число онимов, имеющих украинский генезис, что связано в первую очередь с освоением украинцами (малороссиянами) земель Воронежского края. Вся восстановленная лингвистическая информация дает представление о специфике региональной картины мира.

Украинские лексемы и известные воронежским говорам диалектные слова дают представление не только о типах лексических единиц, их значении и особенностях употребления, но и отражают этническую специфику изучаемого

микроареала (антропонимия с. Красного Новохоперского района Воронежской области) и возможные миграционные потоки.

Анализ антропонимов позволил выявить следующие украинизмы, функционировавшие в Воронежском Прихоперье: *плющати* / *плющити*; *паламар* – «церк. пономарь, псаломщик, причетник, дьячок»; *письменный* «грамотный»; *щобетати* – «щелкать, щекотать»; *великодний* – «пасхальный»; *радий* – «рад, доволен»; *жуковий* – «очень черный»; *осмолювати* – «осмаливаться, осмолиться»; *жовтяк* – «разг. желтяк»; *грабар* – «землекоп», либо *грабки* – «грабки, крюк»; *коверзувати* – «привередничать»; *лаяти* – «бранить, ругать»; *цебенити* «(сильно) течь, хлестать; лить (о дожде)»; *зозуля* – «кукушка»; *лисиченя* – «лисенок»; *пи(в)вень* < «нврс. млрс. петух, петель, кочет, кур»; *шпак* – «скворец»; *лин* «линь»; *цвиркун* – сверчок; *коваль* – устар. «кузнец»; *чередник* – «пастух»; *шевчук* «сапожный подмастерье, сапожный ученик» и др.

Были восстановлены следующие диалектные лексемы, известные воронежским говорам (к таким единицам относим лексемы, зафиксированные в «Словаре воронежских говоров» и имеющие пометы «тамбовское», «южное», «донское», «южное, западное», «рязанское»): *шабала* – «ряз. тамб. лохмоть, мохор»; *солодкий* «юж. зап. сладкий»; *кобза* – юж. род бандуры; *бабак* – крупный степной грызун из рода сурков.; *балабан* – «коршун»; *бирюк* – волк; *перен.* нелюдимый, угрюмый, одинокий человек; *юж. журба* – «печаль, горе, кручина»; *рудой* – юж. зап. рыжий и рыжебурый; *пивень* – ворон. петух; *ряска* – юж. зап. пск. прм. ряд, низка, подниз; нитка ожерелья; нитка ожерелья, бус, пронизей; *снизка*, *низанка*; *бóндарь* – юж. запд. твр. тмб. – бочар; *кроить*, *краять* *запад.* – выкраивать, изрезывать, резать в меру; *южн. и западн. скляр*, *шкляр* – стеклодув; *чередник* – юж. нврс. пастух при череде, при крупном скоте; *швец* – «влд. тмб. ярс. вят. прм. нвг. ол. портной; *чумак* – юж. нврс. сар. млрс. протяжной извозчик на волах и др.

В процессе исследования установлено, что борисоглебские фамилии достаточно полно отражают представления человека о профессиях, ремеслах, видах деятельности, что составляет фрагмент региональной языковой картины мира XVIII–XX вв. Установлено, что наиболее частотной некалендарной фамилией является фамилия Попов, связанная не столько с названием человека, являвшегося священником, сколько с названием крестьянина, работавшего на священника. Широко распространенными в прошлом являлись такие профессии (ремесла, виды деятельности) в Борисоглебске, как коваль / кузнец (105 фамилий), гончар / горшеня (40), бондарь (30), пастух (24), красильник, красник (25), бочкарь, бочар (22), плотник (22).

Анализ языковых единиц показал, что апеллятивная основа фамилий представлена как общерусскими, так и локальными языковыми единицами. Так, региональный характер языковых единиц проявился в следующих антропонимах, содержащих основы с южной, воронежской, тамбовской локализацией: Алейников, Бондарев, Бондаренко, Бочаров, Горшенев, Зарщиков, Кавешников, Ковалев, Коваленко, Кравченко, Рогожников, Швецов, Шевченко, Шевчук, Швец.

Анализ воронежских антропонимов начала XIX века позволил установить следующие модели именовании:

1. Имя + патроним (фамилия): *Иван Климов, Данила Антонов, Василий Иванов, Петр Васильев* [ГАВО, ф. И-18, оп.1, д.108, с. 392];

2. Имя + патроним (фамилия) + патроним (фамилия): *Игнат Барисов Галкин, Яков Степанов Галкин, Григорий Васильев Земцов* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, с. 716];

3. Имя (обычно в род. п.) + патроним + термин родства + имя (имя и фамилия): *Ивана Степанова сын Павел* [Там же, с.731];

4. Имя в род. п.+ патроним + порядковое числит. + термин родства + имя: *Василья Иванова третий сын Иван, [его же четвертый сын Василий, пятый Гаврила];*

5. Имя в род. п.+ патроним + термин родства + имя + личное мест. + же + термин родства + имя: *Сафрона Петрова жена Матрена, его же дочь Прасковья* [Там же, 395];

6. Имя в род. п. + патроним + и + местоимение + термин родства + термин родства + имя: *Антон Павлова и его жены дети Захар, Гур, Гаврила* [Там же];

7. Патроним + термин родства + имя + имя + же: *Сергеев сын Иван, Михаила, Иван же* [ГАВО, ф.И-18, оп.1, д.205, 716].

8. Имя в род. п. + патроним + термин родства + имя + (имя) + же: *Семена Яковлева брат Семен же* [Там же].

Установлено, что антропонимическая система Новохоперского уезда Воронежской губернии начала XIX века характеризуется пока еще несформированностью категории отчества, незавершенностью формирования категории фамилии. Особенностью рассматриваемого антропонимикона является наличие «двойных фамилий» – именованый-патронимов по отцу и, предположительно, деду:

«Емельян Данилов Омельчинков

Емельяна Данилова сын Данила

Данили Емельянова сын Влас

Емельяна Данилова сын Марка

Марки Емельянова сыновья Григорий, Василий» и др. [ГАВО, И-18, оп.1, д.205, л.811].

В ходе изучения микропонимии Воронежской области в контексте региональной языковой картины мира (изучались представления человека о пространстве и времени) было выделено несколько групп микропонимов, отражающих представление человека о пространстве и времени:

1) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем горизонтальную протяженность; 2) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяженность; 3) микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, отражающем радиальные связи объектов. Микропонимы включают следующие семы 'север'/'юг'/'восток'/'запад'; 'передний'/'задний', 'верх', 'высокий', 'возвышенность', 'близкий'; 'далекий', 'в углу', 'центр' / 'центральный'; 'край'/'окраина', 'середина' в значении 'центр', 'за чем-либо'; 'близ чего-либо', 'неподалеку от чего-либо', 'на чем-либо', 'под чем-либо'.

Представления человека о пространстве в соответствии с признаками 'размер', 'протяженность', 'форма' отражены в следующих лексемах, прошедших процесс онимизации и вошедших в состав микропонимов: *большак, большой, великий, маленький; горбатый, кольцо, косой, кривой, круглый, мотня, плоский, трафарет, узенький.*

Среди микропонимов, отражающих представление человека о времени, выделим следующие группы: 1) микропонимы, включающие в свой состав порядковые числительные; 2) микропонимы, включающие номинации с семами 'старый', 'новый'. Понятие о времени в микропонимах первой группы представлено порядком исчисления объектов: номинация первого, как правило, осуществляется раньше второго и т.д., а микропонимы с компонентами «старый», «новый» эксплицитно характеризуют название как существовавшее прежде или возникшее недавно.

Воронежская микропонимия включает языковые единицы , имеющие украинский генезис (Вэрхня ул , За Холóднэ , Большé Мóкрэ , Вэлы́ка, Малé Мóкрэ), что связано с особенностями заселения края.

Проведенное лексикографическое описание микропонимии села Абрамовка Таловского района с использованием краеведческих сведений о

Воронежском крае позволило определить лингвистическую специфику микропонимической системы, проявившейся в характеристике структурных типов микропонимов (однокомпонентные микропонимы составляют 42,1 % от общего числа микропонимов, преобладает модель «прилагательное (притяжательное / качественное / относительное) + существительное», 94%), в составе микропонимов по характеру производящей основы и с учетом лексико-семантических особенностей.

Особенностью микропонимической номинации является и то, что изученная микропонимия отражает диалектную лексику преимущественно воронежской локализации: *Бирючий*, *Бирючий курган* (ворон. *бирючий* 'волчий; перен. глухой, страшный'); *Мозгаль* (ворон. *мозгаль* 'хитрый человек маленького роста'), *Обрыв* (ворон. *обрыв* 'глубокая яма в реке'); *Тырло* (*тырло* 'место у реки для водопоя, доения и обеденной стоянки коров', в [СРНГ] первое значение лексемы *тырло* с воронежской локализацией – 'огороженный участок на пастбище, в поле, лесу, куда загоняют скот и лошадей для отдыха, водопоя, дойки и т. п.').

Отдельные микропонимы, происходящие от общерусских слов, заимствованных из тюркских языков, отражают в микропонимии Воронежского края русско-тюркские контакты: *Брунок* < *бурун* 'нос', 'песчаная местность' < тюрк.; *Яружка* < *яруга* 'овраг' < тюрк.; ср. тур., тат. *jaryk* 'щель', что подтверждается и историческими источниками [см. Фасмер-4, с. 561; Болховитинов 1800, с.9; Дубасов 1883, с. 47].

Также важной особенностью микропонимической номинации является соотношение мотивов номинации отантропонимных микропонимов: микропонимы в 2,1 раза чаще мотивированы прозвищем либо уличной фамилией человека (68 % отантропонимных микропонимов), нежели именами, отчествами, официальными фамилиями (32 % названий).

В данной главе нами предложен вопросник для сбора воронежской онимии – разделы: микротопонимия, гидронимия, агроонимия, дримонимия, дромонимия и оронимия, антропонимия, астронимия, зоонимия, хрононимия. Разработанный вопросник может быть востребован в научной сфере для сбора и последующей интерпретации региональной ономастической лексики, а также может быть использован студентами для выполнения заданий научно-исследовательской практики и учителями в качестве основы для разработки план-карты исследовательского проекта школьника по сбору и описанию фрагментов регионального ономастикона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте разрабатываемой лингвокраеведческой субпарадигмы, под которой понимается интегративная модель исследования языковых единиц с привлечением исторических, историко-культурных, географических и иных данных, были изучены особенности репрезентации лингвистических и экстралингвистических знаний в региональных именах собственных (на примере ономастикона Воронежской области).

Было установлено два основных блока информации, извлекаемой из языковых единиц: блок лингвистической информации и блок экстралингвистической информации. Лингвистическую информацию, имеющую региональную специфику, содержат как официальные фамилии, так и микротопонимы.

Установлено, что воронежская антропонимия включает значительное число онимов, имеющих украинский генезис, и это связано в первую очередь с переселением украинцев (малороссиян) в Воронежский край. Вся восстановленная лингвистическая информация дает представление о специфике региональной картины мира.

Украинские лексемы и известные в воронежских говорах диалектные лексемы дают представление не только о типах лексических единиц, их значении и особенностях употребления, но и отражают этническую специфику изучаемого микроареала (с. Красное Новохоперского района Воронежской области) и возможные миграционные потоки.

Анализ антропонимов позволил выявить как украинизмы, функционировавшие в Воронежском Прихоперье (*великодний, грабар, грабки, жуковий, жовтяк, зозуля, коверзувать, лаяти, лин, лисиченя, осмолювати, паламар, пи(ь)вень, письменный, плющать / плющити, радий, цебенити, цвиркун, шпак, щебетати, шевчук, чередник* и др.), так и диалектные лексемы, известные воронежским говорам (к таким единицам относим лексемы,

зафиксированные в «Словаре воронежских говоров» и имеющие пометы «тамбовское», «южное», «донское», «южное, западное», «рязанское»): *бабак, балабан, бирюк, бóндарь, журба, краять, кобза, кроить, пивень, скляр, солодкий, рудой, ряска, чередник, чумак, шкляр, шабала, швец* и др.

Воронежский антропонимикон содержит и лингвистическую информацию о развитии региональной ономастической системы: в процессе исследования установлено, что в XIX веке еще не закончился процесс формирования воронежской фамильной системы, поскольку ревизские сказки 1816 г. по селу Красному содержат записи, свидетельствующие о неустойчивости фамилии как категории, незакрепленности фамилии за определенным родом.

Сравнительно-сопоставительный, компонентный, лингвокраеведческий анализ лексем позволил установить, что микротопонимы отражают представление человека о пространстве и времени, что отражено в наличии сем 'запад'; 'передний' / 'задний', 'верх', 'высокий', 'возвышенность', 'низкий' / 'низменность' / 'глубокий' / 'впадина', 'близкий'; 'далекий', 'в углу', 'центр' / 'центральный'; 'край' / 'окраина', 'середина', 'за чем-либо'; 'близ чего-либо', 'неподалеку от чего-либо', 'на чем-либо', 'под чем-либо', 'поздний', 'старый', 'новый'. Также в репрезентации участвуют географические конкретизаторы и другие лексемы, характеризующие тип географического объекта: *бугор, бурун, гора, горка, курган, вершина, пруд, балка, колодец, лог, лощина, обрыв, овраг, ров, яма, яр* и производные от него, *середка* (в значении «середина»), *углянка* (в значении «угол»), *угол, куток* (в значении «уголок», ср.: *закуток*), *центр, переулок, сотня, бригада, отделение, поле, посёлок, сад, отряд*, а также лексемы, указывающие на пространственную близость или отдаленность объекта: *ближний, дальний*.

Характеристика пространства в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии) достаточно четко отражает географические признаки, связанные со спецификой ландшафта Воронежской

области, характерную особенность которой составляет наличие значительного числа возвышенностей и оврагов.

Важной специфической особенностью репрезентации пространства и времени в воронежской микротопонимии является наличие языковых единиц, имеющих украинский генезис (Вэ́лыка (МАКАШ. БОРИСОГЛ.), Большé Мóкрэ (ВЛАС. ГРИБ.), Малé Мóкрэ (ВЛАС. ГРИБ.) и др.), что отражает историю заселения Воронежского края.

Воронежский антропонимикон содержит информацию о диалектных особенностях говора (прежде всего лексических): антропонимия широко отражает воронежскую и иную диалектную лексику, например, Алейников < Алейник < олейник – «юж. зап. маслобой, маслобойщик, масляк» [Даль-2, с.670]; *Бабак* < *Бабак* / *Байбак* < *воронеж. бабак* – «степной сурок» [СВГ-1, с.47]; *Балабанов. Балабон* < *воронеж. балабан* – «коршун» [СВГ-1, с. 60]; Бондарев < Бондарь < *бóндарь* – «южное, западное, тверское бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду»; Ковалев (28), Коваленко (17) < Коваль < *южн. коваль* – ‘кузнец’ [Даль-2, с.129]; Кровéц / *кравец* – «юж., зап. портной» [Даль-2, с.200]; *Солодков* < *Солодко* / *Солодок* < *солодкий* «юж. зап. сладкий; смл. пск. вор. смачный, вкусный, сладимый» и др.

Воронежская антропонимия и микротопонимия отражает представления и о региональной языковой картине мира, что выражается в специфике представлений о человеке, пространстве и времени.

Проанализированные языковые единицы дают представление об общественно-исторических процессах, о ремеслах, животных, растениях края, отражают сведения о миграционных потоках (наличие тюркских лексем, значительное число онимов с украинской основой).

Анализ воронежских онимов позволяет восставить фрагмент региональной языковой картины мира, в частности довольно полно представлена характеристика человека (по данным антропонимии):

антропонимы передают информацию о ремеслах XIX века, о представлениях человека относительно положительных и отрицательных черт характера и др., что отражает антропоцентрическое восприятие окружающего мира.

Антропонимы достаточно четко транслируют следующие представления о человеке: физиологические особенности, обусловленные визуальным восприятием; физиологические особенности, обусловленные аудиовосприятием, особенности поведения человека; особенности характера человека; умственные способности человека; особенности речи человека; сведения об этнической принадлежности человека; особенности представления о семье человека и родственных отношениях; информацию о ремеслах, видах деятельности, широко распространенных в XIX веке (перекупщик, изготовитель приспособлений для ткацких станов; человек, изготавливающий деревянную посуду, бочки; пчеловод; человек, работающий на речных судах; мастер, изготавливающий глиняную посуду; церковные служители; человек, который печет калачи; кузнец; военный человек (воин (с луком), воин с определенным званием, должностью); человек, который варит пиво, мелет муку, рубит и продает мясо, возделывает овчины, пашет, продает рыбу, торгует скотом, сбивает масло, мелет зерно в муку, шьет одежду, обувь, красит ткани, ткёт, пасет скот, является извозчиком, валяет шапки, шьет одежду) и др.

Воронежский антропонимический материал четко показывает, что наиболее важными в региональной языковой картине мира в области представлений о человеке являются характеристики человека по физиологическим особенностям, особенностям поведения и виду деятельности.

Воронежская микропонимия позволяет изучить фрагмент региональной языковой картины мира, связанный со спецификой представлений человека в области пространства и времени, а воронежская антропонимия дает широкое представление о региональной языковой картине мира XIX века, отражая не только важные для человека психолого-физиологические характеристики и его

общественно-полезную деятельность, но и этно- и демографические особенности края. Региональная специфика языковой картины мира, восстановленной по данным воронежского антропонимикона, обусловлена диалектной основой воронежских некалендарных фамилий.

В ходе исследования была обоснована объективность выделения лингвокраеведческой субпарадигмы как интегрированной модели исследования системы русского языка для извлечения разноплановой информации из региональных имен собственных и решения прикладных задач современной лингвистики. В процессе анализа воронежского ономастикона на практике были применены приемы лингвокраеведческого анализа и показана возможность извлечения разноплановой информации из языкового материала.

Представленная в работе методика анализа региональной ономастической лексики и фрагментов региональной языковой картины мира по данным региональной ономии на основе привлечения краеведческих данных может быть полезна в дальнейшем при характеристике особенностей языковых картин мира различных территорий. Научные исследования, выполненные в контексте лингвокраеведческой субпарадигмы, внесут значительный вклад в изучение фрагментов региональной языковой картины мира, национального языка и культуры.

ИСТОЧНИКИ

1. Анкеты Г.Ф. Миллера 1734–1742 как источник по истории освоения Сибири. URL : <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/frametext8.htm> (дата обращения 27.10.2021)
2. Анчуков, Г.А. Из истории земли Новохоперской / Г.А. Анчуков, В.Т. Петров // Воронеж: Воронежская областная типография – издательство им. Е.А.Болховитинова, 2005. – 199 с.
3. Барсов, Е.В. Из истории колонизации и культуры Ростовского края / Е.В. Барсов. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. – 8 с.
4. Барсов, Е.В. Очерки народного мировоззрения и быта / Е.В.Барсов // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. – 1876. – Т.3. – №11. – С.213– 232.
5. Барсов, Н.П. Материалы для историко-географического словаря России / Н.П. Барсов // I. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). Вильна: Типография А.Сыркина, 1865. 220 с.
6. Болховитинов, Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е.А. Болховитинов. – Воронеж: типография Губернского правления, 1800. – 228 с.
7. Болховитинов, Е.А. Мнение митрополита Евгения (Болховитинова) о русских наречиях, изложенное в частном письме к пок. академику П.И. Кеппену (1 октября 1820 г.) (Сообщил П.К. Симони) / Е.А. Болховитинов // С. 396–399. URL : <https://vivaldi.pskovbook.ru/bolch%20mnenie.pdf/view> (дата обращения 17.11.2021)
8. Болховитинов, Е.А. О личных собственных именах у славянорусов / Е.А. Болховитинов // // Вестник Европы. – 1813. – №13. – С. 16–28.
9. Бунаков, Н.Ф. Родной язык как предмет обучения в народной школе с трехгодичным курсом: лекции, чит. на пед. курсах. Моск. политехн. выст., в 1872 г. / Н.Ф. Бунаков. – СПб.: Д.Д. Полубояринов, 1900. – 135 с.

10. Второв, Н.И. О заселении Воронежской губернии [Текст] / Н.И.Второв // Воронежская беседа на 1861 год. Издание М.Де-Пуле и П.Глотова. – С.-Пб., 1861. – С.246-272.

11. Второв, Н.И. Описание, относящееся до Воронежской губернии / Н.И. Второв // Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX по Воронежской губернии. Часть I / Подготовка текстов и составление Т.Ф. Пуховой, А.А. Чернобаевой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. С.102 –131.

12. Выписки из Исторического, Топографического и Статистического описания Воронежской губернии, сочиненного Воронежской гимназии учителем Матвеем Славинским // Журнал департамента народного просвещения. С-Пб., 1822. Февраль. Ч.1.

13. Гвоздев, А.Н. Типы великорусских говоров Пензенской губернии / А.Н. Гвоздев // Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения. Вып. VI. Пенза, 1925. С. 3–20 URL: https://dl.liblermont.ru/DL/february_18/Trudy_Penzenskogo_O.L.E.K._Vypusk_6.pdf/view (дата обращения 24.12.2021)

14. Географический указатель к описи фонда И-18. Воронежская губернская казенная палата. – 341 с.

15. Гмелин, С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. Путешествие из Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / С.Г. Гмелин // URL : <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Gmelin/text1.phtml?id=347> (дата обращения 15.11.2021)

16. Государственный архив Воронежской области, ф.5, оп.2, д.354. Отписки тамбовского воеводы Андрея Палеологова и саранского воеводы Андрея Бутурлина азовскому воеводе Степану Богдановичу (Ловчикову) об

отправке в г.Азов дров, высылке работных людей на р.Хопер для заготовок лесных припасов, апрель 1702 г. – 14 л.

17. Государственный архив Воронежской области, ф.5, оп.2, д.355. Отписка темниковского воеводы Ивана Симанского азовскому воеводе Степану Богдановичу (Ловчикову) о приеме на сплавные работы погорельцев с.Красное, 12 февраля 1702 г.

18. Государственный архив Воронежской области, ф.И-18, оп.1, д.205. Ревизские сказки по г.Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии 10 марта-6 августа 1816 г. – С. Красное. – Л. 716-915. (ГАВО).

19. Государственный архив Воронежской области, ф.И-20, оп.1, д.1490. – Дело Воронежской Губернской Земской управы обязательного страхования строений разночинцев по Троицкой волости Новохоперского уезда на 1889 год. – 22 л.

20. Государственный архив Воронежской области, ф.И-20, оп.1, д.1850. Дело Воронежской Губернской Земской Управы. О дорожных сооружениях 1891-го года по Новохоперскому уезду. – 191 л.

21. Государственный архив Воронежской области, ф.И-20, оп.1, д.255. Описание мостам, находящимся в Новохоперском уезде на закрытом Московском почтовом тракте и состоящем в настоящее время на Губернской Земской Повинности. Составлена техником Управы князем Ухтомским в октябре 1872 года // Воронежская Губернская Земская Управа. Опись мостов в Новохоперском уезде.

22. Государственный архив Воронежской области, ф.И-20, оп.1, д.658. Документы о состоянии дорожных сооружений в Новохоперском уезде. 25.08.1878-10.10.1880. – 63 л.

23. Государственный архив Воронежской области, ф.И-84, оп.3, д.78. Выписки из метрических книг и копии свидетельств о рождении жителей Новохоперского уезда Воронежской губернии за 1856-1905 годы. – 42 л.

24. Дубасов, И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – Вып. II. – М.: Типография Е.Гербек, 1883. – 150 с.

25. Исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях». М.: Сенатский департамент, 1765. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/istoricheskiiya-genealogicheskiiya-i-geograficheskiiya-primechaniya> (дата обращения 20.10.2021) (ИГГПВ)

26. История Сибири. Первоисточники (архивы Г.Ф. Миллера). Текст : электронный. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/pred.phtml?id=10279 (дата обращения 30.10.2021).

27. Литвинов, В.В. К 200-летию г.Новохоперска / В.В.Литвинов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. / сост. под ред. члена-секретаря Губернского Статистического Комитета Д.Г.Тюменева. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. – Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1916. – Отд. III. – С.113-128.

28. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 4. Труды по физике, астрономии и приборостроению. 1744–1765 / М.В. Ломоносов. – М.–Л.: Издат-во Академии наук СССР, 1955. – 830 с.; Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. – М.–Л.: Издат-во Академии наук СССР, 1952. 995 с.; Т. 9. Служебные документы. 1742–1765. – М.–Л.: Издат-во Академии наук СССР, 1955. 1018 с.; т. 10. Служебные документы. Письма. 1734–1765. – М.–Л.: Издат-во Академии наук СССР, 1957. – 934 с.

29. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов. – СПб.: Имп. Академия наук, 1757. – 210 с.

30. Малышев, И. Очерк истории судоходства по реке Дону, до Петра Великого / И. Малышев // Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год, изданная Воронежским Губернским статистическим комитетом под ред. Н.И.Второва. – Воронеж, 1856. – Отд. III. – С.54–60.

31. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Воронежская губерния. Составил генерального штаба подполковник В. Михалевич. – СПб., 1862. – 410 с.

32. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты Издание Воронежского Губернского Статистического комитета. Т.1. – Воронеж: Типо-Литография Губернского правления, 1887. – 420 с.

33. Материалы для истории Императорской академии наук. Т.6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера: с продолжениями И-Г. Штриттера: (1725–1743). СПб. : тип. Императорской акад. наук., 1890. 635 с. (на немецком языке). URL: <https://isaran.ru/bookreader/bookreader.php?guid=64A48936-E200-268F-2B38-7BE77B7D7ED2&ida=2&kod=4#page/1/mode/1up> (дата обращения 29.10.2021). (МИИАН)

34. Михалевич, В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния / В. Михалевич. – Санкт-Петербург [б.и.], 1862. – 410 с.

35. Морошкин, М. Я. Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М.Я. Морошкин. – СПб.: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1867. – 213 с.

36. Надеждин, Н.И. Опыт исторической географии русского мира / Н.И. Надеждин // Библиотека для чтения. – 1837. – Т. 22. Отд. 3. – С.27–79

37. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства: Типо-Литография В.И. Исаева, 1900. – 482 с. (НМВГ)

38. Николаевский И. Описание Воронежской губернии / И. Николаевский. – Воронеж : Типо-литография т-ва «Н. Кравцов и К°», 1909. – 108 с.

39. Николаенко, Н. Д. Кавказское линейное казачье войско на защите южных рубежей России (1832–1860) / Н.Д. Николаенко // Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kavkazskoe-lineynoe-kazachie-voysko-na-zaschite-yuzhnyh-rubezhey-rossii-1832-1860-gg/viewer> (дата обращения 28.03.2022)

40. Описание Воронежской губернии / Составил Ив. Николаевский. – Воронеж: Типо-Литография т-ва «Й. Кравцов и К°», Больш. дворян. д. д-ра Отоль, 1909. – 108 с.

41. Очерк Воронежской губернии // Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год, изданная Воронежским Губернским статистическим комитетом под ред. Н.И.Второва. – Воронеж, 1856. – С.45-53.

42. Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 год. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. – Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1886. – 154 с.

43. Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. / Сост. под ред. члена-секретаря Губернского Статистического Комитета Д.Г.Тюменева. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. – Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1906. – 288 с.

44. Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. / Сост. под ред. Д.Г.Тюменева. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. – Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1915. – 116 с.

45. Памятная книжка Воронежской губернии. 1905 г. / Сост. под ред. Д.Г.Тюменева. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. – Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1905. – 445 с.

46. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год, изданная Воронежским Губернским статистическим комитетом под ред. Н.И.Второва. – Воронеж, 1856. – 303 с.

47. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1916 г. / сост. под ред. Д.Г.Тюменева. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета. – Воронеж, 1916. – 649 с.

48. Пекарский, П.П. История Императорской академии наук в Петербурге / П.П. Пекарский.– Т.1. – СПб. : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1870. – 774 с. Текст : электронный. URL : <https://www.prlib.ru/item/416798> (дата обращения 29.10.2021).

49. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А.Тройницкого. Тетрадь 1. – IX. Воронежская губерния: Издание Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1904. – 167 с.

50. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. В.Н.Глазьева. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 208 с.

51. Похозяйственные книги №1-8 Краснянской сельской администрации Новохоперского района Воронежской области на 2002–2006 гг.

52. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под общ. ред. В.П. Семенова, П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского. Т.2. Среднерусская Черноземная область. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1902. – 717 с.

53. Сведения о населенных местах Воронежской губернии. – Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, Типо-Литография Губернского Правления, 1906. – 196 с.

54. Систематический указатель к Воронежским Епархиальным ведомостям за 1866-1890 гг. – Воронеж, Типография В.И.Исаева, 1890. – 130 с.

55. Славинский, М. И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии / М. И. Славинский / науч. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 238 с.

56. Соколов, А.И. Русские имена и прозвища в XVII в. / А.И.Соколов // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Т. IX, вып. 1. – Казань: Типография Императорского университета, 1891. – С.1-16.

57. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. IX. Воронежская губерния. – Санкт Петербург, 1865. – 205 с. (СНМРИ).

58. Список населенных мест по сведениям 1859 года. IX. Воронежская губерния. – СПб.: Типография Карла Вульфа, 1865. – 157 с.

59. Справочник по фондам государственного архива Воронежской области. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 174 с.

60. Татищев, В.Н. Избранные труды по географии России / В.Н. Татищев. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. – 248 с.

61. Татищев, В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский / В.Н. Татищев. – Ч.I. СПб. : Типография горного училища, 1793.– 311 с.

62. Тредиаковский, В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит сей материи / В.К. Тредиаковский.– СПб.: Императорская Академия наук, 1748. 460 с. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/razgovor-mezhdu-chuzhestrannym-chelovekom-i-rossiyskim-ob-ortografii-starinnoy-i-novoy-i-o-vsem-chno-prinadlezhit-k-sey-materii> (дата обращения 14.10.2021)

63. Телефонный справочник. Воронежская область. Борисоглебск и Борисоглебский район. – Тверь : ЗАО «Издательский дом «Глаголь», 2007. – 352 с.

64. Телефонный справочник 2021. Воронеж (Россия). – URL: <https://spravnik.com/rossiya/voronyezhskaya-oblast/oblastnoj-tsyentr/voronyezh> (дата обращения 15.04.2022)

65. Топонимические предания Воронежской области / сост. Е.А.Орлова, под ред.Т.Ф.Пуховой. – Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 128 с.

66. Третьяковский, В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи / В.К. Третьяковский. – СПб.: Имп. Академия наук, 1748. – 406 с. – URL: https://books.google.ru/books?id=k3VpAAAАсААJ&printsec=frontcover&source=gbs_atb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 30.10.2021)

67. Указатель храмовых празднеств в Воронежской Епархии. – Вып. 1-й. – Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1884. – 314 с. (УХП).

68. Чернышов, В.И. 1970. Избранные труды в 2 т. / В.И. Чернышев / сост. А.М. Иорданский, В.Г. Костомаров, И.Ф. Протченко. Т. 2. Язык и стиль писателей. Диалектология. Правописание и методика преподавания. Personalia. – М.: Просвещение, 1970. – 18 с.

69. Шафарик, П.И. Славянские древности / П.И. Шафарик / пер. с чешск. О. Бодянского. Часть историческая. – Т.1. – Кн. 1. – М.: Университетская типография, 1847. – 442 с.

70. Messerschmidt, D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727 / D. G. Messerschmidt. – Т.1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Herausgegeben von W. Steinitz und A.V. Topčiev. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 380 S. Текст : электронный. URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/423/ (дата обращения 21.10.2021) (на немецком языке).

71. Steinitz W. Zum Geleit // Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727 / W. Steinitz, A.V. Topčiev. – Т.1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Herausgegeben von W. Steinitz und A.V. Topčiev. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – S. 5. Текст: электронный. – URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/423/ (дата обращения 20.10.2021) (на немецком языке)

СЛОВАРИ

1. Авдеева, М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Т.1: А–М / М.Т. Авдеева. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – 227 с.; Т.2: Н–Я. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. – 307 с.
2. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 8 / гл. ред. К.С. Горбачевич. – СПб.: Наука, 2007. – 839 с.; т. 14. . Гл. ред. А.С. Герд. – СПб: Наука, 2010. 655 с.; т.23. Расплыв – Розниться / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – СПб: Наука, 2014. – 735 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2014 // Грамота. ру. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 26.08.2021) (БТСК)
6. Воронежская энциклопедия: в 2 т. / редкол. М.Д. Карпачёв (гл. ред.) и др. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёвного края, 2008. – Т.1: А–М., 2008. – 522 с.; Т. 2.: Н–Я, 2008. – 522 с.
7. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 672 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В.И. Даль. – СПб.- М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1–4. (Даль)
9. Дьякова, В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) / В.И. Дьякова, В.И. Хитрова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. – 344 с.

10. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
11. Кичикова, Н.А. Топонимический словарь республики Калмыкия / Н.А. Кичикова, Э.Б. Манджиева, В.И. Супрун. – Элиста: Джангар, 2017. – 272 с.
12. Климкова, Л.А. Микропонимический словарь Нижегородской области: (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч.: Ч.1: А–И, 402 с.; Ч.2: К–О, 335 с.; Ч.3 : П–Я, Московский пед. гос. ун-т. – Арзамас: АГПИ, 2006. – 405 с.
13. Климкова, Л. А. Событийность как основа микропонимии / Л.А. Климкова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2016. – С. 15–18.
14. Ковалев, Г.Ф. Микропонимия Воронежской области. Словарь / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Артефакт, 2007. 408 с. (Серия «Ономастическая энциклопедия Воронежской области»).
15. Ковалев, Г. Ф. Словарь микропонимов Воронежской области: в 2-х т. / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т.1. А-Л. 412 с.; т.2. М-Я. 420 с.
16. Королева, И.А. Словарь фамилий Смоленского края / И.А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2006. – 368 с.
17. Крюкова, И.В. Реки и водоемы Волгоградской области: гидронимический словарь / И.В. Крюкова, В.И. Супрун. – Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. – 379 с.
18. Кюршунова, И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / И.А. Кюршунова. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. – 672 с.

19. Львов, М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / М.Р. Львов. – М.: Просвещение, 1988. – 240 с.
20. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – URL: <http://enc.biblioclub.ru/Tetrad/12913> (дата обращения 17.09.2021).
21. Матвеев, А.К. Географические названия Урала: топонимический словарь / А.К. Матвеев. – Екатеринбург: Сократ, 2008. – 351 с.
22. Матвеев, А.К. Субстратная топонимия Русского Севера / А.К. Матвеев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – Ч.2, 2004. – 369 с. Ч.3, 2007. – 300 с. Ч.4. Топонимия мерянского типа, 2015. – 313 с.
23. Марчук, Ю.Н. Русско-английско-испанско-французско-китайский словарь лингвистических терминов: около 1000 терминов / Ю.Н. Марчук, С.А. Яковлева. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 228 с.
24. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
25. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
26. Никонов, В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов / сост. Е.Л. Крушельницкий [пред. Р.Ш. Джарылгасиновой]. – М.: Школа-пресс, 1993. – 222 с.
27. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
28. Полякова, Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в.: в 2 т. / Е.Н. Полякова. – Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского ун-та, Пермь, 2010. – Т.1 : А–О. 2010. – 427 с. Т.2: П–Я. 2010. – 423 с.
29. Полякова, Е.Н. Словарь пермских фамилий / Е.Н.Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 462 с.

30. Поспелов, Е. М. Топонимический словарь Московской области: Селения и реки Подмосковья: 3500 словар. ст. / Е.М. Поспелов. – М.: Профиздат, 2000. – 315 с.
31. Прохоров, В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь / В.А. Прохоров. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. – 367 с.
32. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
33. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. акад. РАН О.Н.Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.
34. Словарь воронежских говоров / под ред. Г.Ф. Ковалева. Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2004. 304 с.; вып. 2. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2007. 307 с.; вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2019. 307 с. Издательский дом ВГУ, 2019. 503 с. (СВГ)
35. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1. – М.- Л.: Наука, 1965. (СРНГ).
36. Словарь современного русского литературного языка. – Т.6. Л–М. – М.-Л: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 1460 с.
37. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания Российской академии наук, 2006. – 312 с. (ССТ)
38. Словарь украинского языка / под ред. Б.Д.Гринченко. – Т.1-4. – Киев, 1907-1909.
39. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. – Т. 2. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. – 471 с.
40. Словарь Академии Российской: в 6 т. – СПб: Императорская Академия Наук, 1792. – Т.3. – 1388 с.

41. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. – М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. – 1562 с. (ТСУ)
42. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков / вступ. ст. и подгот. текста В.М. Воробьев. – М.: Русский путь, 2004. – 904 с.
43. Украинско-русский словарь. Изд. 6-е. – Киев: Главная редакция украинской советской энциклопедии, 1986. – 940 с. (УРС).
44. Фамилии Тамбовской области: Словарь-справочник / под общ. ред. Л.И.Дмитриевой. – Вып. 1-3. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 1998-1999.
45. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986–1987. (Фасмер)
46. Хитрова, В.И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. Т. 1-2. / В.И. Хитрова / под общ. ред. И.Г. Добродомова. – М.: Прометей, 2022. – 534 с.; Т.2 (З–М). – М.: Прометей, 2022. – 488 с.
47. Чайкина, Ю.И. Вологодские фамилии: словарь / Ю.И. Чайкина. – Вологда: Русь, 1995. – 121 с.
48. Щербак, А.С. Названия населенных пунктов Центрального Черноземья: словарь / А.С. Щербак, А.А. Бурыкин. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 355 с.
49. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н.Трубачева. В 1-32. – М.: Наука, 1974–2007. (ЭССЯ).
50. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова, О.Л. Основные направления лингвистического краеведения Забайкалья: учебное пособие / О.Л. Абросимова. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. – 118 с.
2. Авдеева, М.Т. Особенности лексики украинских говоров Воронежской области / М.Т. Авдеева // Воронежское лингвокраеведение. – Вып. 1. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С.31–36.
3. Агеева, Р.А. Гидронимия Псковских и Новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Агеева; АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1973. – 22 с.
4. Агеева, Р. А. Происхождение имен рек и озер / Р. А. Агеева / отв. ред. Э. М. Мурзаев. – М.: Наука, 1985. – 143 с.
5. Айниала, Т. О новом проекте по изучению антропонимических систем в прибалтийско-финских языках / Т.О. Айниала // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – №3. – С. 97–104.
6. Акиншин, А.Н. На родине Болховитинова. Хроника новейшего воронежского краеведения / А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. – №6 (86). Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». – С.91–100.
7. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
8. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540300 (050300) «Филол. образование» / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. 412 с.
9. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград.: Перемена, 1999. – 273 с.

10. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вволный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш учеб. заведений / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.

11. Алпатов, В.М. Парадигмы лингвистики XIX–XXI вв. / В.М. Алпатов // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. В.В. Фещенко; ред. колл.: И.В. Зыкова, О.В. Соколова, М.А. Тарасова. – М.: Культурная революция, 2018. – С.14–34.

12. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Восточная литература, 1995. – Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка: Избранные труды. – 472 с.; т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография: Избранные труды. – 769 с.

13. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

14. Астафьева, И.А. Лингводидактический потенциал имен собственных в школьном курсе русского языка / И.А. Астафьева // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (17). – С.100-103.

15. Барандеев, А.В. История географических названий: Русская топонимия в терминах: учебное пособие / А.В. Барандеев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 320 с.

16. Барашков, В.Ф. Лингвистическое краеведение в сельской школе: пособие для студентов и учителей-словесников / В.Ф. Барашков. – Ульяновск: УГПИ, 1979. – 86 с.

17. Бахвалова, Т.В. Лингвокраеведческая составляющая в подготовке будущего учителя // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 7. – С. 21–26.

18. Балаенцева, А. В. Микротопонимическое путешествие по г. Борисоглебску и его окрестностям / А.В. Балаенцева // Воронежское

лингвокраеведение. – Вып. 4. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – С. 65-76.

19. Белакова, М. Этническое прошлое Западной Словакии по данным гидронимии / Э.Белакова // Вопросы ономастики. – 2016. – Т.13. – №1. – С. 191–203.

20. Белова, О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: Этнолингвистическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Белова; Ин-т славяноведения РАН. – М., 2006. – 264 с.

21. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е.Л. Березович / под ред. А. К. Матвеева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.

22. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства / Е.Л. Березович / под ред. А.К. Матвеева. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

23. Березович, Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998) / Е.Л. Березович // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – №13. – С.128-141.

24. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 599 с.

25. Березуцкий, В. Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья. Грибановский край (С древнейших времен до XVII в.) / В.Д. Березуцкий. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 2003. – 162 с.

26. Березин, Ф.М. История лингвистических учений: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1975. – 304 с.

27. Березуцкий, В.Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья. Грибановский край (С древнейших времен до XVII в.) / В.Д. Березуцкий // Воронеж: ВГПУ, 2003. – 162 с.

28. Битюкова, Н.А. Ещё раз о работе с диалектной лексикой на внеклассных занятиях по русскому языку / Н.А. Битюкова // Русский язык в школе. – 1981. – № 3. – С. 53–55.

29. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Человечество языка / Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 384 с.

30. Бондалетов, В.Д. Актуальные проблемы изучения ономастической лексики // Семантический и функциональный аспекты изучения лексики русского языка. Сборник научных трудов. – Саратов: СГПИ, 1983. – С.20–22.

31. Бондалетов, В.Д. Лингвистическое регионоведение: предмет изучения / В.Д. Бондалетов // Русские народные говоры: история и современность: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 36–39.

32. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

33. Брысина, Е.В. Региональная лингвистика: содержание и направления развития / Е.В. Брысина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – №2 (145). – С.150–155.

34. Брысина, Е.В. Волгоградская диалектологическая (этнолингвистическая) / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017. – С.57–61.

35. Брысина, Е.В. Диалектный словарь как отражение народной культуры / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 22-28.

36. Брысина, Е.В. Названия кукушки и кукушонка в русском народном лингвосознании / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 16–28.

37. Брысина, Е.В. Духовная культура казачества: язык и образы: монография / Е.В. Брысина, В.И. Супрун. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2021. – 336 с.

38. Брысина, Е.В. Лингвокультурный потенциал диалекта / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Золотая звезда: эстафета поколений: сборник материалов международных конференций и конкурса эссе. – Волгоград: Фортесс, 2020. – С.192–200.

39. Брысина, Е.В. Народная речь и народная культура: донской казачий говор и его отражение в обрядах / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Ускорение инновационных процессов в системе образования. Xalqaro ilmiy-amaliy anjuman materiallari to'plami 2021. – Qarshi: «Nasaf» NMIU, 2021. – С.31–38.

40. Брысина, Е.В. Преподавание русского языка в условиях южнорусского диалекта / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Русский язык в школе. – 2017. – №6. – С. 27–31.

41. Брысина, Е.В. Страноведческий потенциал донской казачьей культуры и диалекта / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Мир русского слова. – 2021. – №3. – С. 4–13.

42. Бубнова, Н.В. Ономастическая «летопись» региона – основа объективного описания национального ономастического пространства /

Н.В. Бубнова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2015. – №5. – С.46–51.

43.Бурыкин, А.А. Имена собственные как исторический источник: по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII –XIX веков / А.А. Бурыкин. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – 536 с.

44.Бурыкин, А.А. Ломоносов и топонимика Арктики (некоторые задачи интердисциплинарного изучения текстов) / А.А. Бурыкин // Филологическое наследие М.В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С.401–413

45.Бурыкин, А.А. Путеводители по Волге как источник поволжской ономастики /А.А. Бурыкин // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородск. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. – С.121–128.

46.Васильев, В.Л. Еще раз о названиях рек *Волга, Западная Двина и Днепр* / В.Л. Васильев. – Вопросы ономастики. – 2019. – Т.16. – №4. – С.9–32.

47.Васильев, В. Л. Новгородская гидронимия на *-ка*: структура, деривация, хронология (на материале водных имен бассейна р. Мста) / В.Л. Васильев // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – С. 75–106.

48.Васильев, В.Л. Этимологические заметки о балто-славянской гидронимии исторических новгородско-псковских земель (Вселуг, Долосцо) / В.Л. Васильев // Вопросы ономастики. – 2021. – Т.18. – №1. – С.113–127.

49.Васильев, В.Л. Формирование топонимических микросистем (на материале гидронимии исторических новгородско-псковских земель) / В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября

2019 года) / сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородск. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. – С.19–24.

50. Васильева, Н.В. О координировании ономастической терминологии / Н.В. Васильева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №2 (1). – С. 373–377.

51. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание : общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / А. Вежбицкая // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 185–206.

52. Вендина, Т.И. Русские диалекты в зеркале культурно-языковой диалектологии / Т.И. Вендина // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию С.В. Бромлей и О.Н. Мораховской: материалы международной конференции 29–31 октября 2021 г. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. – С.45–51.

53. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 246 с.

54. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 320 с.

55. Верховых, Л.Н. Актуальные вопросы методики преподавания русского родного языка / Л.Н. Верховых // Неофилология. – 2021. – Т. 7. – №28. – С.618–625.

56. Верховых, Л.Н. Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Верховых; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2008. – 300 с.

57. Верховых, Л.Н. Воронежский антропонимикон в контексте региональной языковой картины мира / Л.Н. Верховых // Филологос. – Вып. 1

(52). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2022. – С. 26–34.

58. Верховых, Л.Н. Гидронимы села Пески Поворинского района Воронежской области / Л.Н. Верховых // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С.209–213.

59. Верховых, Л.Н. Микротопонимы с. Пески Поворинского р-на Воронежской области / Л.Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сборник научных трудов / науч. ред. Г.Ф. Ковалёв; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – Вып. 2. – С. 152–156.

60. Верховых, Л.Н. Программа собирания ономастических единиц в воронежских говорах и методические указания к ней / Л.Н. Верховых // Диалектологическая практика: учебно-методическое пособие / авт.-сост. Филатова В.Ф., Смирнова О.В., Верховых Л.Н. – Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография-издательство им. Е.А. Болховитинова», 2014. – С. 52–92.

61. Верховых, Л. Н. Лингвокраеведение в школе: учеб. пособие / Л.Н. Верховых. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2017. – 255 с.

62. Верховых, Л.Н. Микротопонимия западной части Воронежского Прихоперья (с.Абрамовка Таловского района и с.Елань-Колено Новохоперского района Воронежской области) / Л.Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение. – Вып.1. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С.106–111.

63. Верховых, Л.Н. Термин *лингвокраеведение* как обозначение особого направления в краеведении и страноведении / Л.Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение. – Вып. 5. Межвузовский продолжающийся сборник

научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. – С.98–107.

64.Верховых, Л.Н. Фамилии Воронежского края начала XIX века в аспекте русско-украинского взаимодействия / Л.Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение. – Вып. 4. Региональный сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – С. 77–88

65. Войтенко А.В. Подмосковная микрооронимия в лексикографической перспективе / А.В. Войтенко // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию С.В. Бромлей и О.Н. Мораховской: материалы международной конференции 29–31 октября 2021 г. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. С.51–53.

66.Войтенко, А.В. Русская диалектология. Диалектологическая практика. Лингвистическое краеведение. Украинский язык: учебно-методические комплексы для студентов, обучающихся по специальностям «021700 – Филология», «032900 – Русский язык и литературы» / А.В. Войтенко. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 102 с.

67. Волков, Г.Н. Этнопедагогика: учеб. для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г.Н. Волков. – М.: Academia, 2000. – 175 с.

68. Волченков, В.В. Микротопонимика Хопёрского государственного природного заповедника / В.В. Волченков. – Воронеж: 2014. – 149 с.

69. Вопросы лингвистического краеведения Прикамья / отв. ред. А.С. Гантман. – Пермь: 1974, вып. дан. 1975.

70. Воркачев, С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вертор развития / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – №5. – С.64–74.

71.Воробьева, И.А. Ономастика в школе: учебное пособие / И.А. Воробьева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – 110 с.

72. Воробьева, И.А. Русская микротопонимия Западной Сибири / И.А. Воробьева // Филология и культура в межрегиональном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. Барнаул, 15-17 мая 2013 г. / под ред. Л.М. Дмитриевой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С.32-45.

73. Врублевская, О.В. Современные тенденции общей и региональной ономастики (заметки о конференции) / О.В. Врублевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №7 (92). – С.175–177

74. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

75. Ганцовская, Н.С. Костромские говоры: к определению понятия / Н.С. Ганцовская // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию С.В. Бромлей и О.Н. Мораховской: материалы международной конференции 29–31 октября 2021 г. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. – С.55–57.

76. Ганцовская, Н.С. Культуремы как этнодиалектные маркёры говоров Костромской низменности / Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы I Международной научно-практ. конференции. В 2 ч. Ч. 1. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. – С. 200–213.

77. Ганцовская, Н.С. Современный костромской ономастикон: материалы и исследования (по страницам горомовских сборников) / Н.С. Ганцовская, Т.В. Горлова // Неофилология. – 2020. – Т.6. №21. – С. 90–100.

78. Ганцовская, Н.С. Антропонимы как составная часть областного словаря: методология подачи, структура, состав словниа, систематизация (на материале словаря говоров Костромской низины) / Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования:

сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2022. – С.144–148

79. Гарвалик, М. К вопросу о современной ономастической терминологии / М. Гарвалик // Вопросы ономастики. – 2007. – №4. – С. 5–13.

80. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 457 с.

81. Глинских, Г.В. О принципах и методах исследования субстратной топонимии / Г.В. Глинских // Методы топонимических исследований: сборник научных трудов. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1983. – С.3–22.

82. Голомидова, М.В. Актуализация культурной информации городских топонимов в контексте формирования локальной идентичности: опыт новых форматов топонимического просвещения / М.В. Голомидова, С.О. Горяев // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2022. – С.61–66.

83. Голомидова, М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – №3. – С. 185–203.

84. Гордова, Ю.Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе (на материале рязанской топонимии и антропонимии): автореф. ... д-ра филол. наук / Ю.Ю. Гордова; Институт языкознания Российской академии наук. – М., 2018. – 46 с.

85. Гордова, Ю.Ю. Ономастическая реконструкция: поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии: монография / Ю.Ю. Гордова. – М.: URSS, 2021. – 482 с.

86. Горелова, Л. Д. История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Д. Горелова; Воронежский государственный университет, 2011. – 19 с.

87. Город в цифрах // Администрация Борисоглебского городского округа: сайт. URL: <https://adminborisoglebsk.e-gov36.ru/post/gorod-v-tsifrah> (дата обращения 25.03.2022)

88. Гринкова, Н.П. Воронежские диалекты: дис. ... д-ра филол. наук / Н.П. Гринкова; Ленинградский гос. пед. институт им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1947. – 300 с.

89. Громов М.Н. Теоретические принципы структурирования российского краеведения / М.Н. Громов // Вестник РГГУ. №6 (86). Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». – М., 2012. – С.25–33.

90. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. яз. под ред. и с предисловием докт. филол. наук проф Г.В. Рамишвили / В. фон Гумбольдт. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 397 с

91. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт / пер. с нем. яз. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

92. Дамбуев, И.А. Новые топонимы во Франции: проблемы выбора имени / И.А. Дамбуев // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2022. – С.66–71

93. Данилова И.В. Система личных имен Смоленского региона в XX веке (динамический аспект): дис. ... канд. филол. наук / И.В. Данилова; Смоленский государственный педагогический университет. – Смоленск, 2004. – 214 с.

94. Девятая конференция Организации Объединенных Наций по стандартизации географических названий. Нью-Йорк, 21 – 30 августа 2007 года. – URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CONF.98/136> (дата обращения 21.01.2022)

95. Девятая конференция Организации Объединенных Наций по стандартизации географических названий. Нью-Йорк, 31 июля – 9 августа 2012 года. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/ungegn/docs/10th->

uncsgndocs/econf/ E_CONF.101_144_Report%20of%20the%2010th%20 UNCSGN _r.pdf (дата обращения 21.01.2022).

96. Демьянков, В.З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах / В.З. Демьянков // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: Кубрякова Е.С., Лузгина Л.Г. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С.15–39.

97. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / под ред. акад. Ю.С. Степанова. – М.: Издат. Центр РГГУ, 1995. – С.239–320.

98. Диалектологическая практика: учебно-методическое пособие / авт.-сост. Филатова В.Ф., Смирнова О.В., Верховых Л.Н. – Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография-издательство им. Е.А. Болховитинова», 2014. – 142 с.

99. Дмитриева, О.П. Украинское наследие в топонимии Россошанского района Воронежской области / О.П. Дмитриева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2007. – №2. – Ч.2. – С.80–83.

100. Дьякова, В. И. Географическая терминология Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.И. Дьякова; Воронежский государственный университет. – Воронеж: ВГУ, 1973. – 21 с.

101. Дьякова, В.И. Из истории изучения воронежских говоров / В.И. Дьякова // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 24–30.

102. Дьякова, В.И. Местные географические термины и их роль в топонимии Воронежского края / В.И. Дьякова // Воронежское краеведение: опыт и проблемы: материалы второй Воронежской областной краеведческой

научно-практической конференции, 21 – 22 апр. 1990. – Воронеж, 1990. – С. 139–142.

103. Еремина, Е.С. Отражение диалектных черт в современных русских фамилиях (на материале фамилий г. Волгограда): дис. ... канд. филол. наук; Волгоградский государственный педагогический институт. – Волгоград, 2005. – 300 с.

104. Жалнина, Е.В. Диалектная лексика как отражение региональной антропонимической картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Жалнина; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2013. – 21 с.

105. Жамсаранова, Р.Г. Личные имена тунгусов Бултегерского рода Урульгинской степной думы (на материале ревизских описей начала XIX в.) / Р.Г. Жамсаранова // Вопросы ономастики. – 2021. – Т.18. – №3. С.197–224.

106.

107. Жучкевич, В.А. Общая топонимика: учеб. пособие / В.А. Жучкевич. – Минск: Высшая школа, 1980. – 288 с.

108. Загоровская, О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии / О.В. Загоровская. – Воронеж : Издательство «Научная книга», 2013. – 232 с.

109. Загоровский, В.П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области / В.П.Загоровский. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1966. – 111 с.

110. Загоровский, В.П. Историческая топонимика Воронежского края / В.П.Загоровский. – Воронеж: ВГУ, 1973. – 136 с.

111. Зализняк, А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 691 с.

112. Зализняк, А.А. Отражение «национального характера» в лексике русского языка / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина // Ключевые идеи русской

языковой картины мира: сборник статей – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.307–335.

113. Зверева, Ю.В. Лингвистическое краеведение: учебное пособие / Ю.В. Зверева. – Пермь: ПГГПУ, 2019. – 167 с.

114. Земичева, С.С. Текстовая разметка Томского диалектного корпуса: количественные результаты / С.С. Земичева, А.А. Васильченко, Л.А. Дубцова // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию С.В. Бромлей и О.Н. Мораховской: материалы международной конференции 29–31 октября 2021 г. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. С.81–83.

115. Зыкова, И.В. К проблеме конвертируемости терминов при построении метаязыка междисциплинарной науки / И.В. Зыкова // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. В.В. Фещенко. Ред. колл.: И.В. Зыкова, О.В. Соколова, М.А. Тарасова. – М.: Культурная революция, 2018. – С.80–98.

116. Ильин, Д.Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 407 с.

117. Историческое краеведение: учеб. пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов / под ред. канд. ист. наук. Г.Н. Матюшина. – М.: Просвещение, 1975. – 176 с.

118. Кадоло, Т.А. Региональный лексический компонент на уроках русского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2 (117). – С. 126–130.

119. Казанкова, А.А. Изучение лингвокраеведческого материала в школе / А.А. Казанкова // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10–12 сент. 2014 г.) / под. ред. И.М. Ганжиной,

В.И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 342–344.

120. Карасева, Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: Этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Карасева; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2004. – 22 с.

121. Карасева, Т.В. Спецкурс «Воронежское лингвокраеведение» на филологическом факультете ВГУ / Т.В. Карасева // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания: материалы II Международной научно-методической конференции (Борисоглебск, 19–20 октября 2009 г.) / под ред. Е.В. Борисовой, М.В. Шамановой. – Борисоглебск, 2009. – С.158–160.

122. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

123. Карпенко, Ю.А. Свойства и источники микропонимии / Ю.А. Карпенко // Микропонимия. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – С.15–22.

124. Керимбаев, Е.А. Казахская ономастика в этнокультурном, номинативном и функциональном аспектах: монография / Е.А. Керимбаев. – Алматы, 1995. – 248 с.

125. Кибрик, А.А. О структуре мультиканального дискурса / А.А. Кибрик, О.В. Федорова // Образы и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. В.В. Фещенко. Ред. колл.: И.В. Зыкова, О.В. Соколова, М.А. Тарасова. – М.: Культурная революция, 2018. – С. 180–191.

126. Кириллова, Л.Е. Микропонимия бассейна Кильмези / Л.Е. Кириллова. – Ижевск: Удмурдский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. – 571 с.

127. Киссер, Т.С. «Анкета» В.Н. Татищева в контексте становления русского народоведения XVIII в. / Т.С. Киссер // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч-практ. конф. (г.Екатеринбург, 18–

19 нояб. 2015 г.) / отв. ред. Г.Е. Корнилов. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2015. – С.48–51

128. Клементьев, В.Л. Этнопедагогика Г.Н. Волкова и проблемы этнической идентичности / В.Л. Клементьев, В.А. Федоров // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Г.Н. Волкова / отв. ред. С.Л. Михеева. – Чебоксары, 2017. – С.82–84.

129. Климкова, Л.А. Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе / Л.А. Климкова. – Арзамас, 1988. – 91 с.

130. Климкова, Л.А. Иллюстративная зона в региональном онимическом словаре/ Л.А. Климкова // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмышева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. – С.354–361.

131. Климкова, Л.А. Концепт «тоска» в русском народном сознании и языке / Л.А. Климкова // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно историческое достояние народа: материалы трудов конференции «Национальные коды в языке и литературе», Нижний Новгород, 31 октября – 02 ноября 2019 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 50–60.

132. Климкова, Л.А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве / Л.А. Климкова // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т.23. Специальный выпуск. – С.92–96.

133. Климкова, Л.А. Лингвокраеведение: объем, содержание, значимость / Л.А. Климкова // Русское слово и костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С.457–465.

134. Климкова, Л.А. Лингвокраеведческая работа: состояние, динамика, перспективы / Л.А. Климкова // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. – 2014. – №6. – С. 182–185.

135. Климкова, Л.А. Микроантропонимия как составная часть региональной лексики / Л.А. Климкова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. – СПб.: ИЛИ РАН, 1996. – С. 104–113.

136. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климкова. – М.: Московский пед. гос. ун-т; Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

137. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ: монография / Л.А. Климкова. – М.: Московский пед. гос. ун-т; Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

138. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Климкова; Московский педагогический государственный университет. – М., 2008. – 65 с.

139. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ: монография / Л.А. Климкова. – М.: Московский пед. гос. ун-т; Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

140. Климкова, Л.А. Региональная ономастика: учебное пособие к спецкурсу / Л.А. Климкова. – Горький: ГГПИ им. Горького, 1985. – 97 с.

141. Климкова, Л.А. Онимический компонент языковой личности бывшего сельского жителя / Л.А. Климкова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.:

А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2022. – С.28–32.

142. Климкова, Л.А. Событийность как основа микропонимии // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / Л.А. Климкова / сост. А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверина; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2016. – С.15–18.

143. Климкова, Л. А. Фольклорная составляющая лингвокраеведения / Л.А. Климкова // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сборник материалов и исследований Всероссийской научно-практической конференции. – Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2015. – С.220–229.

144. Ковалев, Г.Ф. Задачи лингвокраеведения в средней школе / Г.Ф. Ковалев // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: материалы всероссийской научно-методической конференции. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 1996. – С.21–24

145. Ковалев, Г.Ф. Из микропонимии Богучарского района Воронежской области / Г.Ф. Ковалев // Воронежское лингвокраеведение. – Вып.1. – Воронеж, 2005. – С. 55–66.

146. Ковалев, Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 447 с.

147. Ковалев, Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 440 с.

148. Ковалев, Г.Ф. Изучение ономастики в школе как межпредметная интеграция на уроках русской словесности / Г.Ф. Ковалев // Русский язык в школе. – 2017. – №12. – С. 22–28.

149. Ковалев, Г.Ф. Инструкция по сборанию регионального ономастического материала / Г.Ф. Ковалев // Край Воронежский: история и традиции. – Воронеж: Петровский сквер, 1996. – С. 64–65.

150. Ковалев, Г.Ф. Имя собственное в восприятии И.А. Бунина / Г.Ф. Ковалев // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) конференции. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – С.99–103.

151. Ковалев, Г.Ф. Краеведение на занятиях по русскому языку / Г.Ф. Ковалев // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Ч.1. – Воронеж, 1996. – С. 21-24.

152. Ковалев, Г.Ф. Легенды микротопонимии Воронежского края / Г.Ф. Ковалев // С любовью к слову: сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климовой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования (9–10 февраля 2021 г.) / отв. ред. О.В. Никифорова; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – С. 236–247.

153. Ковалев, Г.Ф. Лингвокраеведение в средней школе как средство воспитания патриотов родного края / Г.Ф. Ковалев // Культура в системе общественного воспитания: прикладные проблемы. – Воронеж, 1998. – Кн.1. – С.127–132.

154. Ковалев, Г.Ф. М.В. Ломоносов о происхождении имени Русь / Г.Ф. Ковалев // «Быстрый разумом Невтон...»: сборник науч. статей, посв. 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова. – Воронеж: ВГУ, 2012. – С.63–79.

155. Ковалев, Г.Ф. Народная астрономия в говорах русского и украинского пограничья (Воронежская область) / Г.Ф. Ковалев // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2002. – №2. – С.39–53.

156. Ковалев, Г.Ф. Народная астрономия русско-украинского пограничья / Г.Ф. Ковалев // *Studia Slawistyczne 1. Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych*. – Białystok, 1999. – S.132–141.

157. Ковалев, Г.Ф. Об изучении региональных особенностей микропонимии Воронежской области / Г.Ф. Ковалев // Педагогическое регионоведение. – 2014. – №1–2 (5–6). – С. 84–93.

158. Ковалев, Г. Ф. Ономастические исследования и изучение родного края / Г.Ф. Ковалев // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – Вып.1. – С.3–23.

159. Ковалев, Г.Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности: учеб. пособие для учителя рус. яз. и лит. / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 214 с.

160. Ковалев, Г. Ф. Славистика и региональная лингвистика на кафедре славянской филологии Воронежского университета / Г.Ф. Ковалев // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №1. – С.47–56.

161. Ковалев, Г.Ф. Основные ценности региональной микропонимии / Г.Ф. Ковалев // Русское народное слово в языке и речи: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2009. – С.189–200.

162. Ковалев, Г.Ф. Региональная ономастика в составе диалекта региона (Воронежская область) / Г.Ф. Ковалев // Актуальные проблемы русской диалектологии. – М.: Ин-т русск. языка РАН, 2006. – С. 92–94.

163. Ковалев, Г.Ф. Украинское наследие в ономастике Воронежской области / Г.Ф.Ковалев // Социокультурные аспекты профессионального общения: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Воронежского государственного архитектурно-строительного университета / отв. ред. Л.В.Ковалева. – Воронеж: Воронежский гос. арх. строит. университет, 2005. – С.7–11.

164. Ковалев, Г.Ф. «Чевенгур» – к спорам о смысле названия романа / Г.Ф. Ковалев // Воронежское лингвокраеведение: региональный сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – Вып.4. – С. 13–22.

165. Ковылов, В.К. Географическое краеведение: время и люди / В.К. Ковылов // Вестник ВГУ. Серия География и геоэкология. – 2004. – №2. – С. 75–81.

166. Комлева, Н.В. Антропонимия Вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В.Комлева; Вологодский ГПУ. – Вологда, 2004. – 22 с.

167. Коренева, Л.А. Национально-региональный компонент предмета «русский язык» в школе: (содержание, пути реализации): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л.А. Коренева; Российская академия образования, Ин-т общеобразоват. школы. – М., 1995. – 19 с.

168. Королёва, И.А. Информативная наполненность имен собственных в смоленских грамотах XIII – XIV вв. / И.А. Королёва // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – №2 (38). – С. 114–122.

169. Королева, И.А. Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского приграничья / И.А. Королева // Неофилология. – 2021. – Т.7. – №27. – С.425–433.

170. Королева, И.А. Становление русской антропонимической системы: дис. ... д-ра филол. наук / И.А. Королева; Московский педагогический государственный университет. – М., 2000. – 387 с.

171. Костючук, Л.Я. Топонимы в условиях Псковского пограничья (синхронно-диахронный аспект восприятия и исследования) / Л.Я. Костючук // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9-10 сент. 2020 г. В 2 т. Т.1. / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С.58–64.

172. Краеведение на уроках русского языка: дидакт. материал для учащихся 5-9-х кл. / [Сост. Н. Г. Благова и др.]. – Мурманск: Мурман. обл. науч.-метод. центр системы образования, 1993. – 139 с.

173. Крюкова, И.В. К трактовке понятия «коннотативный оним» / И.В. Крюкова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2022. – С.32– 37

174. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuenty новой научной парадигмы / В.В. Красных. – URL: <https://docplayer.com/34455227-Etnopsiholingvistika-i-lingvokulturologiya-kak-konstituenty-novoy-nauchnoy-paradigmy-d-f-n-v-v-krasnyh-mgu.html> (дата обращения 23.01.2021)

175. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

176. Кривова, Н.И. Микротопонимы как один из источников организации краеведческой работы с учащимися / Н.И. Кривова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2021. – №1. – С.60–65.

177. Кривова, Н.И. Экспрессивный потенциал топонимов сельских поселений и пгт Воронежской области / Н.И. Кривова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – 2018. – №28. – С.30–34.

178. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Крюкова; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 40 с.

179. Кубинина, Н.В. Материалы для этимологического словаря субстратных топонимов Архангельского Поморья / Н.В. Кубинина // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – №4. – С. 212–240.

180. Кубрякова, Е.С. Парадигма / Е.С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 366.

181. Кубрякова, Е.С. Парадигматика / Е.С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 366–367.

182. Кубрякова, Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1994. – №2. – С.3–15.

183. Кубрякова, Е.С. Понятие «парадигма» в лингвистике / Е.С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузгина Л.Г. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С.4–14.

184. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / под ред. акад. Ю.С. Степанова. – М.: Издат. Центр РГГУ, 1995. – С.144–238
185. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
186. Кузнецова, О.Д. К типологии русских диалектных словарей / О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сороколетов Ф.П. // Русский язык: история, диалекты, современность (выпуск VI): сборник научных трудов. – М.: Издательство МГОУ, 2005. – С.34–39.
187. Кудряшова, Р.И. Донские казачьи говоры Волгоградской области: тексты и задания: учебно-методическое пособие / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 2010. – 119 с.
188. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун / пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
189. Курносова, И.М. Елецкие говоры в языке И.А. Бунина: монография / И.М. Курносова. – Елец, 2013. – 170 с.
190. Курносова, И.М. О профессиональной и терминологической лексике в русских народных говорах / И.М. Курносова // Филологос. – 2016. – №29.(2). – С.35–40.
191. Кюршунова, И.А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дис. ... д-ра филол. наук / И.А. Кюршунова; Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2017. – 451 с.
192. Кюршунова, И.А. Новые подходы в исследовании ономастических материалов / И.А. Кюршунова // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019

года) / сост., ред. В.Л. Васильев. – Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. – С.73–77

193. Кюршунова, И. А. Памятники письменности Карелии как источник исследования антропонимов / И.А. Кюршунова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т.17. – №3. – С.156–185.

194. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – URL: https://bookap.info/book/leontev_osnovy_psiholingvistiki/g11.shtm#2 (23.01.2022)

195. Лингвистическое краеведение в школах Вологодской области: Метод. рекомендации для учителей рус. яз. / сост. Р.Ф. Богачева и др. – Вологда: ВГПИ, 1985. – 82 с.

196. Лингвистическое краеведение: методические указания к курсу / авт.-сост. М.Р. Шумарина. – Саратов, 2011. – URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/328.pdf (дата обращения 08.10.2021)

197. Литвинова, Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира: на материале воронежских говоров: дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Литвинова; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – 177 с.

198. Лихачев, Д.С. Краеведение как наука и деятельность / Д.С. Лихачев // Русская культура: сборник / сост. Л.Р. Мариупольская. – М.: Искусство, 2000. – С. 159–173.

199. Лукин, О.В. Новые направления современного языкознания (2-я половина XX века – XXI век): учебное пособие / О.В. Лукин. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 80 с.

200. Лыжова, Л.К. Лингвокраеведение как отражение регионального компонента в преподавании русского языка: методические рекомендации / Л.К. Лыжова. – Воронеж: ВГПУ, 2002. – 17 с.

201. Лыжова, Л.К. Организация лингвокраеведческой работы с использованием экскурсий / Л.К. Лыжова // Проблемы изучения живого

русского слова на рубеже тысячелетий: материалы III всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 29–30 ноября 2005 г.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2005. – Ч. III. – С. 309–310.

202. Лыжова, Л.К. Региональный компонент в преподавании русского языка / Л.К. Лыжова // Русский язык в школе. – 1994. – №1. – С. 11–14.

203. Львова, С.И. Использование региональной лексики при обучении морфемике и словообразованию / С.И. Львова, Л.Н. Ляпина // Русская словесность. – 1999. – № 2. – С. 43–46.

204. М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века / авт.-сост. О.А. Александровская, В.А. Широкова, О.С. Романова. – URL: https://arran.ru/data/collections/col4_.pdf (дата обращения 20.10.2021).

205. Мадиева, Г.Б. Ономастическое пространство современного Казахстана: структура, семантика, прецедентность, лемматизация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.Б. Мадиева, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун; Казахский национальный университет имени аль-Фараби. – Алматы, 2005. – 46 с.

206. Мадиева, Г.Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Мадиева Г.Б., Супрун В.И. // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – №2. – С. 115–125.

207. Мадиева, Г.Б. Теоретические основы ономастики / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун В.И. – Алматы: Казак университеті, 2016. – 266 с.

208. Майорова, Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка: монография / Т.В. Майорова. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. – 285 с.

209. Майорова, Т.В. Ономастика в лингвокраеведческой работе / Т.В. Майорова // Русский язык в школе. – 2000. – №4. – С. 43–47.

210. Майорова, Т.В. Топоним и гидроним: единство и противоположность? (Занятие по лингвокраеведению) / Т.В. Майорова // Русский язык в школе и дома. – 2010. – №2. – С. 24–26.

211. Максимчук, Н.А. О проблеме вариативности при описании микропонимов в лингвокраеведческом словаре / Н.А. Максимчук // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С.187–190.

212. Максимчук, Н.А. Шумячское Порубежье в именах и названиях / Н.А. Максимчук // Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. – Ч. I. – Смоленск: Маджента, 2012. – 280 с.

213. Марченкова, Ю.Ю. Фамилии Рославльского края (синхронический и диахронический аспекты): автореф. дис. канд. филол. наук / Ю.Ю. Марченкова; Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2006. – 24 с.

214. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

215. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

216. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

217. Матвеев, А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.К. Матвеев; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Свердловск, 1970. – 43 с.

218. Матвеев, А.К. Труды геологов-первопроходцев и изучение географических названий Урала / А.К. Матвеев // Методы топонимических исследований: сборник научных трудов. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1983. – С. 105–110.

219. Мезенко, А.М. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А.М. Мезенко // *Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze* / ред. А.Сіеślikowej [и др.]. – Kraków: PANDIT, 2007. – С. 379–390.

220. Мезенко, А.М. Именослов Белорусского Поозерья в кругу ономастических исследований: проблемное поле, подходы, перспективы / А.М. Мезенко // *Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей* / сост. А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шeverинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 27–30.

221. Мезенко, А.М. Номинативные тенденции антропонимии начала XXI века / А.М. Мезенко // *Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции*. Кострома, 9-10 сент. 2020 г.: в 2 т. Т. 1. / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 96–102.

222. Мезенко, А.М. Репрезентация этнокультурной информации в урбанонимии и виконимии / А.М. Мезенко // *Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: материалы Междунар. Метод. Семинара, Смоленск, 18 ноября 2010* / под общ. ред. И.А. Королевой. – Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2010. – С. 68–73.

223. Моисеев, А.П. Топонимическое краеведение. Челябинская область: (лингвистическое) / А.П. Моисеев. – Челябинск: Абрис, 2013. – 156 с.

224. Мурзаев, Э.М. География в названиях / Э.М. Мурзаев. – М.: Наука, 1982. – 176 с.

225. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

226. Мызников, С.А. Апеллятивы и топонимы в Беломорье и Ярославско-Костромском Поволжье: опыт сопоставительного анализа / С.А. Мызников //

Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9-10 сент. 2020 г.: в 2 т. Т.1. / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 111–119

227. Мызников, С.А. Лексика финно-урогского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ / С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2004. – 492 с.

228. Мызников, С.А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования / С.А. Мызников. – М.: СПб.: Нестор-История, 2021. – 912 с.

229. Назаров, А.И. Фонд фамилий илецких казаков (по материалам переписей и метрических книг XVIII – XIX вв.) / А.И. Назаров // Вопросы ономастики. – 2021. – Т. 18. – № 3. С. 123–150.

230. Намитокова, Р.Ю. В мире имен собственных: Лингв. беседы по краеведению / Р.Ю. Намитокова. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1993. – 182 с.

231. Намитокова, Р.Ю. Региональная ономастика: учебно-методическое пособие / Р.Ю. Намитокова. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2005. – 54 с.

232. Намитокова, Р.Ю. В мире имен собственных: Лингвистические беседы по краеведению / Р.Ю. Намитокова, И.А. Нефляшева. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – 292 с.

233. Неганова, Г.Д. Названия берега и форм берегового рельефа в говорах Костромской области: ландшафтно-географический аспект / Г.Д. Неганова // Неофилология. – Тамбов, 2021. – Т. 7. – № 26. – С. 227–234. – URL: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234> (дата обращения 20.10.2021)

234. Недоступова, Л.В. Высоковские женские неофициальные имена и их отражение в диалектной картине мира / Л.В. Недоступова // Современные

лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2021а. – № 3 (51). – С. 87–99.

235. Недоступова, Л.В. Мужские некалендарные именованья (на материале говора жителей посёлка Высокого Таловского района Воронежской области) / Л.В. Недоступова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 2. – С. 19–25.

236. Недоступова, Л.В. Необычные сельские уличные именованья / Л.В. Недоступова // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс: материалы II Международной научно-практической конференции 2021 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». – М.: Издательство «Перо», 2021. – С. 158–164. – URL: <https://bsk.vsu.ru/docs/Science/sciweek/2021/Epistemologicheskie%20osnovaniya%20sovremennogo%20obrazovaniya%202021.pdf> (дата обращения 30.11.2021)

237. Недоступова, Л.В. Свадебный обряд 50-х годов XX века на деревенский лад (этнолингвистический аспект) / Л.В. Недоступова // Филологический класс. – 2021б. – Т. 26. – № 3. – С. 101–111.

238. Недоступова, Л.В. Уличные фамилии в Воронежской области / Л.В. Недоступова // Русская речь. – 2014. – № 3. – С. 107–110.

239. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1965. – 180 с.

240. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.

241. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

242. Новикова, Т.Ф. К проблеме изучения языка региона / Т.Ф. Новикова // Научно методический журнал. – Харьков: ХНПУ, 2009. – № 41. – С. 107–113.

– URL.: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/761/1/Novikova_Problem.pdf
(дата обращения 26.08.2021)

243. Новикова, Т.Ф. Лингворегионоведение / Т.Ф. Новикова. – Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.

244. Новикова, Т.Ф. К проблеме изучения языка региона / Т.Ф. Новикова // Научно методический журнал. – Харьков: ХНПУ, 2009. – № 41. – С. 107–113. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/761/1/Novikova_Problem.pdf – дата обращения 19.01.2022).

245. Огдонова, Ц.Ц. Лингвистическое краеведение: учебное пособие / Ц.Ц. Огдонова. – Иркутск: Изд-во Аспринт, 2016. – 170 с.

246. Огдонова, Ц.Ц. Рабочая программа дисциплины «Лингвистическое краеведение», 2018 / Ц.Ц. Огдонова // Иркутский государственный университет: сайт. – URL: https://files.isu.ru/filearchive/edu_files/B1.V.OD.13Lingvisticheskoe kraevedenie.pdf (дата обращения 16.12. 2021)

247. Окунева, Л.В. Антропонимия как источник изучения региональной языковой картины мира (на материале архангельских памятников деловой письменности): дис.... канд. филол. наук / Л.В. Окунева; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Северодвинск, 2010. – 261 с.

248. Отин, Е.С. Гидронимия Северного Приазовья / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2012. – 178 с.

249. Очерки истории Воронежского края с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Е.Г. Шуляковского. – Т. 1. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1961. – 522 с.

250. Панова, В.И. История Воронежского края: учебн.-методич. пособие. – 4-е изд., доп. / В.И. Панова. – Воронеж, 2004. – 287 с.

251. Панова, В.И. Новохоперский район / В.И. Панова, Л.В. Кригер, С.Е. Компанец // Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Лискинский, Новохоперский районы. – Вып. 3. – Ч. 2. – М., 1993. – 180 с.

252. Панова, М.В. Наименования одежды в русских говорах Воронежской области: Этнолингвистический и ареальный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Панова; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2002. – 22 с.

253. Пархоц, Э.О. Материалы к словарю микротопонимов Верхнехавского района Воронежской области (по селам Никоново и Верхняя Пластица) / Э.О. Пархоц // Имя собственное в жизни и литературе: материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтений / редколлегия: В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 98–114.

254. Пашков, А.И. Историческое краеведение конца XVIII – начала XX в. как социокультурное и историографическое явление (на примере Карелии) / А.И. Пашков // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». – 2012. – № 6(86). – С. 45–57.

255. Пищальникова, В.А. Этнопсихоллингвистика как методологическая база межкультурных исследований / В.А. Пищальникова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 4. (793). – С. 11–19.

256. Плешаков, Е.С. Современные подходы к изучению имен собственных / Е.С. Плешаков // Молодой ученый. – 2016. – № 4(108). – С. 914–916.

257. Позднякова, Е.М. Парадигмы научного знания в лингвистике и современное лингвистическое образование / Е.М. Позднякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН.

Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: Кубрякова Е.С., Лузгина Л.Г. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 49–63.

258. Полякова, Е.Н. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие / Е.Н. Полякова. – Пермь: Пермский ун-т, 2006. – 256 с.

259. Попов, А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей / отв. ред. Ф.П. Филин / А.И. Попов. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2021. – 202 с.

260. Попов, С.А. Воронежская ономастическая школа: формирование и становление / С.А. Попов // *Λογος όνομαστικῆς*. – 2013. – № 5. – С. 113–118.

261. Попов, С.А. Героические меморативы в российском топонимиконе / С.А. Попов // *Неофилология*. – 2021. – Т. 7. – № 28. – С. 596–604.

262. Попов, С.А. Материалы к «Словарю исчезнувших названий населенных пунктов Воронежской области» / С.А. Попов // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. – 2021. – № 4(43). – С. 49–55.

263. Попов, С.А. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести / С.А. Попов // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. – 2020. – № 1 (36). – С. 10–23.

264. Попов, С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин / С.А. Попов. – Воронеж: Издательский Дом Алейниковых, 2003. – 286 с.

265. Попов, С.А. Основные направления Воронежской ономастической школы / С.А. Попов // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. – 2018. – № 4. – С. 69–74.

266. Попов, С.А. О роли лингвокраеведения в учебном процессе студентов факультета журналистики / С.А. Попов // *Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения*

фундаментального знания в учебный процесс: материалы II Международной научно-практической конференции Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». – М.: Изд-во «Перо», 2021. – С. 165–169. – URL: <https://bsk.vsu.ru/docs/Science/sciweek/2021/Epistemologicheskie%20osnovaniya%20osovremennogo%20obrazovaniya%202021.pdf> (дата обращения: 06.12.2021).

267. Попов, С.А. О роли средств массовой коммуникации в региональных топонимических исследованиях / С.А. Попов // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 123–126.

268. Попов, С.А. Региональная ономастика / С.А. Попов // Борисоглебское Прихоперье: учебно-методическое пособие по курсу специализации 032909 – Литературное и лингвистическое краеведение. – Борисоглебск: БГПИ, 2003. – С. 76–89.

269. Попов, С. А. Топонимия Воронежской области в коммеморативном аспекте / С.А. Попов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 39–41.

270. Попов, С.А. Украинское наследие в топонимии Воронежской области / С.А. Попов // Ономастика. Лингвокраеведение. Методика: Межвузовский сборник научных трудов (к 60-летию Татьяны Викторовны Майоровой). – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 54–61.

271. Попов, С.А. Украинское наследие в наших фамилиях / С.А. Попов // Московский комсомолец (Ворон. обл.). – 1997. – 19 июля.

272. Попов, С.А. Топонимия Воронежского Края / С.А. Попов, Т.Ф. Пухова, Е.А. Грибоедова. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. – 336 с.

273. Попова, З.Д. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: URSS, 2010. – 171 с.

274. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ИСТОКИ, 2007. – 250 с.

275. Постовалова, В.И. О межпарадигмальных переходах в полипарадигмальном пространстве постижения лингвистической реальности (Диалектический мир А.Ф. Лосева) / В.И. Постовалова // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. В.В. Фещенко; ред. колл.: И.В. Зыкова, О.В. Соколова, М.А. Тарасова. – М.: Культурная революция, 2018. – С. 35–69.

276. Постовалова, В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта / В.И. Постовалова. – М.: Наука, 1982. – 222 с.

277. Пришвин, М.М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Дневники, 1905–1954 / М.М. Пришвин / сост., подгот. текста и коммент. Т. Бедняковой, Я. Гришиной, Л. Рязановой; худож. Ф. Домогацкий. – М.: Худож. лит., 1986. – 759 с.

278. Разумов, Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII века – XX веков (на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля): дис. ... канд. филол. наук / Р.В. Разумов; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2003. – 293 с.

279. Разумов, Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии / Р.В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 14–19.

280. Райхлина, Е.Л. Из опыта преподавания литературного и лингвистического регионоведения: учебное пособие / Е.Л. Райхлина, Л.В. Захарова, Н.А. Красовская. – Тула: ПромпилотПро, 2019. – 101 с.

281. Рогалев, А.Ф. Географические названия в калейдоскопе времен / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2008. – 256 с.
282. Рогалев, А.Ф. Этнические и географические названия как источник для изучения истории Беларуси / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2014. – 128 с.
283. Рогалев, А.Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А.Ф. Рогалев. – Гомель, 1993. – 168 с.
284. Рубцова З.В. Географические, личные и другие имена в российских селах (вопросник) / З.В. Рубцова. – М., 1991. – URL: <http://ilschool-guslicy.ru/a1-v-pomosh-kraevedu.html> (дата обращения 12.09.2021).
285. Русская диалектология: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.З. Захарова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.
286. Рут, М.Э. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте / М.Э. Рут, Е.Н. Клименко // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 210–222
287. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке / М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
288. Рут, М.Э. Образная номинация в русской ономастике / М.Э. Рут. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2008. – 188 с.
289. Рут, М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономасиологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / М.Э. Рут; Екатеринбургский государственный педагогический институт. – Екатеринбург, 1994. – 553 с.
290. Рут, М.Э. Топонимической экспедиции Уральского университета 50 лет / М.Э. Рут // Вопросы ономастики. – 2011. – № 2. – С. 61–69.
291. Селищев, А.М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин / А.М. Селищев. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 632 с.

292. Семушкин, В.А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / В.А. Семушкин; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2000. – 141 с.

293. Семушкин, В.А. Семантические особенности микрогидронимов Воронежской области / В.А. Семушкин // Логос ономастики. – 2018. – № 6. – С. 97–102.

294. Сенина, И.С. Лексико-семантическая характеристика фамилий села Терновка Терновского района Воронежской области / И.С. Сенина // Воронежское лингвокраеведение. – Вып. 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. – С. 141–150.

295. Скуридина, С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска / С.А. Скуридина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3 (17). – С. 41–46.

296. Скуридина, С.А. Феноменология камня в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А. Платонова: культурно-ономастический аспект / С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 3 (42). – С. 140–146.

297. Слюсарева, О.А. Монографическое описание говора как метод диалектологического исследования / О.А. Слюсарева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 83–85.

298. Смирнова, О.В. Большие Северо-Восточные ареалы на территории Воронежской области (на материале лексики растительного мира) / О.В. Смирнова // Русский язык: история, диалекты, современность: Юбилейный сборник научных трудов. – Вып. VI. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – С. 299-303.

299. Смирнова, О.В. Использование материалов региональной лингвистики на занятиях по русскому языку в вузе / О.В. Смирнова // Комплексная система языковой подготовки в условиях региона: материалы региональной (Черноземье) научно-практической конференции. – Борисоглебск: БГПИ, 2004. – С. 206–208.

300. Смирнова, О.В. Лексика растительного мира в ареальном аспекте (на материале говоров северо-восточной части Воронежской области) / О.В. Смирнова // Воронежское Прихоперье: филология и этнография: сборник научных трудов по регионологии. – Борисоглебск: БГПИ, 2003. – С. 119–121.

301. Смирнова, О.В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области: Номинативный и лингвогеографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Смирнова; Московский государственный областной университет. – М., 2002. – 470 с.

302. Смирнова, О.В. Лингвогеографические и этимологические заметки о названиях грибов (на материале говоров Воронежской области) / О.В. Смирнова // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. / [науч. ред. Г.Ф. Ковалёв]. – Воронеж: Издательско-полиграфич. центр Воронеж. гос. ун-та, 2011. – Вып. 2. – С. 305–310.

303. Смирнова, О.В. Лингвокраеведческая работа в школе (на примере работы лингвокраеведческого кружка Русановской СОШ Терновского района Воронежской области) / О.В. Смирнова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы V международной научно-практической конференции. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 354–359.

304. Смирнова, Т.Г. Фамилии Тамбовской области в антропонимической системе языка: дис. ... канд. филол. наук / Т.Г. Смирнова; Тамбовский государственный университет. – Тамбов, 2003. – 154 с.

305. Собинникова, В.И. История изучения воронежских говоров в Воронежском университете в сороковые-пятидесятые годы XX века /

В.И. Собинникова // Борисоглебское Прихопёрье: учебно-методическое пособие по курсу специализации 032 909 – Литературное и лингвистическое краеведение. – Борисоглебск, 2003. – С. 14–20.

306. Соболев, А.И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV–XVI вв. / А.И. Соболев // Вопросы ономастики. – 2017. – Т.14. – №1. – С.7–34.

307. Соболев, В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70. – №6. – С.535–541.

308. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр / пер. с франц. А.А. Холодовича. – М., 1977. – 695 с.

309. Степанов, Ю.С. Язык и наука конца 20 века: сборник статей / под ред. акад. Ю.С. Степанова / Ю.С. Степанов. – М.: Издат. центр РГГУ, 1995. – С.7–34.

310. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю.С. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 335 с.

311. Степанов, Ю.С. Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы / Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин // Философия языка: в границах и вне границ / Ю.С. Степанов, П. Серио, Д.И. Руденко и др. / нуч. ред. тома Д.И. Руденко. – Харьков: Око, 1993. – Т. 1. – С.13–37.

312. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Издат. Центр РГГУ, 1995. – С.7–34.

313. Суперанская, А.В. Теоретические проблемы ономастики: автореф.... дис. д-ра филол. наук / А.В. Суперанская; АН СССР. Ин-т языкознания. – Ленинград, 1974. – 48 с.

314. Суперанская, А.В. Как складывалась система русских имен / А.В. Суперанская // Словарь русских личных имен. – М.: ЭКСМО, 2003. – С. 7–37.

315. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

316. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов / отв. ред. А.П. Непокупный. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

317. Супрун, В.И. Гефиронимы в русском онимическом пространстве / В.И. Супрун // Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т.25. – С.204–210.

318. Супрун, В.И. Донская казачья свадьба «рыцарского периода»: источники описания / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – №2 (145). – С.155–162.

319. Супрун, В.И. Изучение топонимов студентами (на материале топонимического пространства биографических очерков А.А. Фета) / В.И. Супрун // Экология языка и речи: материалы IX Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук, профессора Нины Георгиевны Блохиной. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 148–151.

320. Супрун, В.И. Краеведческая ономастика / В.И. Супрун // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция 11–14 мая 1994 г.: тезисы докладов. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры. – Сыктывкар, 1994. – С.142–144.

321. Супрун, В.И. Континуальность общенародного русского языка: диалекты – социолекты – городская речь – региолекты / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – №6 (159). – С.91–98.

322. Супрун, В.И. Лингвокультурологическая и линвокраеведческая составляющие современного ойконимического словаря / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10–12 сент. 2014 г.) / под. ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 41–44.

323. Супрун, В.И. Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты русской ономастики / В.И. Супрун // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст: материалы международной научной конференции. – Тяньцзинь: Тяньцзиньский университет иностранных языков, 2017. – С.164–171.

324. Супрун, В.И. Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции (Ярославль, 13 – 14 сент. 2012 г.) / под ред. Р.В.Разумова, В.И.Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 3–42.

325. Супрун, В.И. Ономастика в диалектном тексте: проблемы лингвогеографии, лингвокультурологии, этнолингвистики / В.И. Супрун // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – № 2 (38). – С. 100–105.

326. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Супрун; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград: 2000. – 97 с.

327. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография терминологией / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с.

328. Супрун, В.И. Размышления над ономастической терминологией / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. – 2011. – №8 (62). – С.133–138.

329. Супрун, В.И. Соотношение научного и популярного изложения в современном ойконимическом словаре / В.И. Супрун // Сучасныя праблемы анамастыкі. Зборнік навуковых артыкулаў. – Мінск: Беларуская навука, 2022. – С. 301–306.

330. Супрун, В.И. Составные части региональной лингвистики / В.И. Супрун // Русские народные говоры: проблемы изучения: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 20–22 октября 1997 г.). – Ярославль: ЯГПУ, 1997. – С. 25–27.

331. Супрун, В.И. Этнолингвистические характеристики русской антропонимической системы / В.И. Супрун // Языковая политика и современность. Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi, Bakı Slavyan Universitetinin. – Bakı: Mütərcim, 2019. – С.222–225

332. Сьянова, Е.И. Микротопонимия Воронежского Прихопёрья / Е.И. Сьянова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. III. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2005. – С. 260–263.

333. Сьянова, Е.И. Названия водных объектов в говорах Воронежского Прихопёрья / Е.И. Сьянова // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 94–99.

334. Сьянова, Е.И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей: на материале говоров Воронежского Прихопёрья: автореф.

дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Сьянова; Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.

335. Сьянова, Е.И. «Ты чей?» О прозвищах и кличках людей в воронежских говорах / Е.И. Сьянова // Русская речь. – 2006. – №2. – С.91–95.

336. Сьянова, Е.И. Украинская антропонимия с. Власовка Грибановского района Воронежской области / Е.И. Сьянова // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 234–242.

337. Телия, В.Н. Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции (к постановке проблемы) / В.Н. Телия // Когнитивные исследования языка. – Вып. 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памятного юбилею Вериники Николаевны Телия / отв. ред. выпуска М.Л. Ковшова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – С.19–33.

338. Тимофеев, В.П. Радиальные формы сбора и обработки микропонимов / В.П. Тимофеев // Доклады и сообщения 3-й научно-практической конференции «Центральночерноземная деревня: история и современность», Воронеж, декабрь 1994 / Всероссийское научное и культ.-просв. общество «Энциклопедия российских деревень» и др.: в 2-х ч. Ч.1: Язык. Культура / ред. Н.В.Подольская, З.В.Рубцова. – М., 1994. – 345 с.

339. Толбина, Т.В. Микропонимия Воронежской области: Особенности номинации: дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Толбина; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2003. – 199 с.

340. Толстой, Н.И. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды) / Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1969. – 262 с.

341. Толстой, Н.И. Славянская этнолингвистика: вопросы теории: материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013

г. / Н.И. Толстой, С.М. Толстая. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – 240 с.

342. Толстой, Н.И. Имя в контексте народной культуры / Н.И.Толстой, С.М.Толстая // Язык о языке: сборник статей / под общ. рук. и ред. Н.Д.Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 597-623.

343. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.

344. Толстая, С.М. Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – М.: URSS, 2010. – 367 с.

345. Толстая, С.М. Язык и культура и язык культуры / С.М. Толстая // Живая старина. – 2004. – №1. – С.4-7.

346. Трубачев, О.Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования / О. Н. Трубачев. – М.: Наука, 2002. – 488 с.

347. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.

348. Учебно-методическое пособие-вопросник по проведению полевых практик для изучения религиозного мировоззрения и традиционной обрядности крестьянской субкультуры / сост.Т.А. СЕРЕЖКО. – Белгород, 2010.

349. Федорова, М.В. Фонетика воронежских фамилий / М.В.Федорова, Н.К.Фролов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Вып. 4. – Воронеж: ВГУ, 1969. – С.144–155.

350. Федорова, С.А. Антропонимия села Александровка Хохольского района Воронежской области / С.А. Федорова // Край Воронежский: Межвузовский студенческий сборник. – Выпуск IV. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2002. – С.90–92.

351. Федотова, Т.В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование / Т.В. Федотова / отв. ред. М.И. Гомбоева. Новосибирск: Наука, 2009. – 249 с.

352. Филатова, В.Ф. Земецкая дорога в Ярушке / В.Ф. Филатова // Русский язык в синхронном и диахроническом аспекте: межвузовский сборник научных статей. Борисоглебск: ГОУ ВПО «БГПИ», 2005. – С. 27–28.

353. Филатова, В.Ф. Курс краеведения как возможность реализации вариативной части ООП в свете требований ФГОС: лингвистическое краеведение / В.Ф. Филатова // Педагогическое регионоведение. Научно-методический журнал. – 2016. – №2(10). – С.5–20.

354. Филатова, В.Ф. Лингвистическое краеведение: программа курса. Специальность 032900 – Литературное и лингвистическое краеведение / В.Ф. Филатова. – Борисоглебск: БГПИ, 2002. – 19 с.

355. Филатова, В.Ф. Микротопонимия села Третьяки Борисоглебского района / В.Ф. Филатова // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. / Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2016. – С. 387–400.

356. Филатова, В.Ф. Программа курса «Лингвистическое краеведение. I часть» / В.Ф. Филатова, Т.И. Шаталова // Педагогическое регионоведение. – 2016. – №2(10). – С.64–77.

357. Филологическое наследие М.В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С.Волков, Е.М. Матвеев. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 480 с.

358. Флягина М.В. Народная географическая терминология севернорусского происхождения в донских говорах / М.В. Флягина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – №1 (144). – С.178–183

359. Фролов, Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2-х т. – Т.1. – Антропонимика. Русский язык и культура речи / Н.К.Фролов. – Тюмень: Тюменский госуниверситет, 2005. – 512 с.

360. Фролов Н.К. Именованье мужчин в воронежских документах XVII в. / Н.К.Фролов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: ВГУ, 1978. – С.122–127.

361. Фролов, Н.К. Статут микротопонимии в системе топонимии / Н.К. Фролов // Вопросы ономастики: межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Уральский рабочий, 1982. – С.22–31.

362. Фролов, Н.К. Субстратные топонимические финалы как показатель древних лингвоэтнических контактов / Н.К. Фролов // Методы топонимических исследований: сборник научных трудов. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1983 – С. 23–28.

363. Фрумкина, Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / под ред. акад. Ю.С. Степанова. – М.: Издат. Центр РГГУ, 1995. – С.74–117.

364. Хроленко, А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 190 с.

365. Хроленко А.Т. История филологии: учеб. пособие / А.Т. Хроленко. – М.: Флинта, 2013. – 138 с.

366. Хроленко, А.Т. Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика / А.Т. Хроленко, М.А. Бобунова, К.Г. Завалишина // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – №2. – С.47–52.

367. Цветкова, Е.В. Топонимия Костромской области (Междуречье Покши и Мезы): дис.... канд. филол. наук / Е.В. Цветкова. – Кострома: Костромской государственнй университет, 2000. – 306 с.

368. Чайкина, Ю.И. Именованье мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII века / Ю.И.Чайкина // Вопросы ономастики. – 2004. – №1. – С. 33–39.

369. Чайкина, Ю.И. К интерпретации микрогидронимии Сухоны / Ю.И. Чайкина // Методы топонимических исследований: сборник научных трудов. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1983 – С. 89–97.

370. Чейф, У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении / У. Чейф // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 60–88.

371. Чень Цзыди. Микропонимия как отражение региональной картины мира жителей Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук / Цзыди Чень; Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. – Елец, 2021. – 200 с.

372. Черенкова А.Д. Вопросник по сбору антропонимического материала села / А.Д. Черенкова // Диалектология. – Воронеж, 2006. – С.106–107.

373. Черенкова, А.Д. Вопросник по сбору микропонимического материала села / А.Д. Черенкова // Диалектология. – Воронеж, 2006. С.108–110.

374. Черенкова, А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа / А.Д. Черенкова. – Воронеж: Полиграф, 2009. – 328 с.

375. Черенкова, А.Д. Диалектное многообразие Воронежской области / А.Д. Черенкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы X Международной научной конференции / науч. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2019. – С.176–184.

376. Черенкова, А.Д. Диалектология: учебно-методическое пособие по организации и проведению практики для студентов факультета русского языка и литературы / А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – 115 с.

377. Черенкова, А.Д. Русская диалектология: лекции и практические занятия / А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский гос. пед.ун-т, 2014. – 267 с.

378. Чернораева, Т.Н. Топонимия и географическая номенклатура Приамурья: дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Чернораева; Хабаровский государственный педагогический университет. – Хабаровск, 2002. – 233 с.

379. Чижмарова, Л. О методологических принципах работы над «Словарем микротопонимов Моравии и Силезии» / Л. Чижмарова // Вопросы ономастики. – 2010. – №1 (8). – С. 67–77

380. Чичагов, В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.) / В.К. Чичагов. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 128 с.

381. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Особенности осмастики Андрея Платонова: ранние и биографические произведения: дис. ... канд. филол. наук / Чыонг Тхи Фыонг Тхань; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2019. – 161 с.

382. Шарифуллина, Л.В. Историко-лингвистический анализ топонимов бассейна реки Уй – притока Иртыша: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Л.В. Шарифуллина; Тобольский государственный педагогический институт. – Тобольск, 2009. – 21 с.

383. Швырев, В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы / В.С. Швырев / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1988. – 175 с.

384. Шейдаева, С.Г. Лингвистический аспект исследования истории и культуры региона / С.Г. Шейдаева // Филологический класс. – 2012. – №2 (28). – С.79–83.

385. Шенкман, В.И. Лингвокраеведение в пермской школе / В.И. Шенкман // Филолог. 2001. №1. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_1_25 (дата обращения 26.09.2021).

386. Шеулина, Г.Л. Семантический и этнолингвистический анализ топонимики Верхнего и Среднего Подонья / Г.Л. Шеулина // Лингвистическое отечествоведение: коллект. монография: в 2 т. – Т.1. – Елец: Изд-во Елец. гос. ун-та, 2001. – С. 195–212.

387. Шипкова, М. Словарь микротопонимов Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты / М. Шипкова // Вопросы ономастики. – 2010. – №1 (8). – С. 55–66.

388. Шмелев, А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А.Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.25–36.

389. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

390. Шмелева, Т.В. Ономастика: учебное пособие / Т.В. Шмелева. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.

391. Шмидт, С.О. Вступительное слово на Первом Всероссийском съезде историков-регионоведов в Санкт-Петербурге (11–14 сентября 2007) / С.О. Шмидт // Вестник РГГУ. №6 (86). Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». – М., 2012. – С.15–24.

392. Шулунова, Л.В. Ономастика Прибайкалья / Л.В. Шулунова. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2021. – 217 с.

393. Щербак, А.С. Атрибутивность составных топонимов / А.С. Щербак // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9-10 сент. 2020 г. В 2 т. Т.1. / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С.135–140.

394. Щербак, А.С. Диалектная ономастика как раздел языкознания // Современные русские говоры в системе языковой культуры и текстовой коммуникации: материалы Круглого стола (18–19 марта 2022), посвященного 75 летию со дня рождения тамбовского диалектолога, лексикографа и текстолога С.В. Пискуновой / А.С. Щербак / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. – С.72–75.

395. Щербак, А.С. Динамические тенденции в категоризации региональных онимов // Экология языка и речи: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию профессора В.Г. Руделева (8–9 октября 2012 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов, 2013. – С. 205–208.

396. Щербак, А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: монография / А.С. Щербак. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. – 318 с.

397. Щербак, А.С. Лингвокраеведение Тамбовской области: электронное учебное пособие для бакалавров и магистрантов по направлению «Филология», «Отечественная филология (русский язык и литература)» и для иностранных студентов-филологов / А.С. Щербак. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. Информрегистр № 0321502524 от 10 сентября 2015 года.

398. Щербак, А.С. Ономастика и краеведение / А.С. Щербак // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / науч. ред. В.И. Супрун, С.И. Ильясова. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – С.183–200.

399. Щербак, А.С. Особенности картографирования ономастической лексики / А.С. Щербак // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / Институт лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 2006. – С.92–100.

400. Щербак, А.С. Переосмысление тамбовских субстратных онимов на основе русского языкового сознания / А.С. Щербак // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 220-

летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. – Оренбург: ООО «Издательство «Оренбургская книга», Оренбург, 2021. – С.85–89.

401. Щербак, А.С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области: монография / А.С. Щербак. – Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г.Р. Державина, 2006. – 293 с.

402. Щербак, А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории / А.С. Щербак // Неофилология. – 2018. – Т. 4. – №13. – С.5–10.

403. Щербак, А.С. Этноцентрический принцип в русском ономастиконе / А.С. Щербак // Воронежское Прихоперье: филология и этнография: сборник научных трудов по регионологии. – Борисоглебск: БГПИ, 2003. – С.132–133.

404. Щербак, А.С. Когнитивные признаки урбанонимов / А.С. Щербак, А.А. Казанкова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017. – №4. – С.48–51.

405. Этнолингвокультурология: учебное пособие / сост. Т.С.Вершинина, М.О. Гузикова, О.Л. Кочева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2014. – 80 с.

406. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон; отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

407. Ященко, А.И. Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона: курс лекций / А.И. Ященко. – Вологда, 1977. – 59 с.

408. Alonso J.L.G. Towards a Language Map of Southern Hispania: Onomastic Arguments // Вопросы ономастики. – 2022. – Т.19. – №1. С.45–65.

409. Cavill, P. (eds). Language Contact in the Place-Names of Britain and Ireland / P. Cavill, G. Broderick (eds). – Nottingham: EPNS, 2007.

410. Coates, R. *Celtic Voices, English Places: Studies of the Celtic Impact on Place-Names in England* / R. Coates, A. Breeze, D. Horovitz. – Stamford : Paul Watkins, 2000.

411. Corino, R.S. *Villelmina amaxia viri sui fredelici. Średniowieczne strategie identyfikacji osób na podstawie piemonckich listów sądowych* / R.S. Corino. – URL: <http://mioko22.ur.edu.pl/wp-content/uploads/abstrakty.pdf> (дата обращения 14.10.2021)

412. Gelling, M. *Signposts to the Past: Place-names and the History of England*. 2nd ed / M. Gelling. – Chichester : Phillimore, 1988 (1 st ed. London : History Press, 1978).

413. Hirsch, E.D. Jr. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. With an Appendix: What Literate Americans Know* / E.D. Jr Hirsch. – Boston: Houghton, Mifflin, 1987. – 251 с.

414. Karpecki, L. *Przemiany języka i kultury pogranicza południowo-wschodniego od XVIII do XXI wieku utrwalone w imiennictwie mieszkańców wsi (na przykładzie Nowosiółek Dydyńskich w powiecie przemyskim)* / L. Karpecki. – URL: <http://mioko22.ur.edu.pl/wp-content/uploads/abstrakty.pdf> (дата обращения 14.10.2021).

415. Karpenko, O. *Cognitive Onomastics In Names and Their Environment. Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences, Glasgow, 25–29 August 2014, vol.4. Theory and Methodology. Socio-onomastics*, Carole Hough and Darina Izdebska (ed.), Glasgow, University of Glasgow, 2016, pp.69–74.

416. Карпенко, О.Ю. *Одеська ономастична школа* / О.Ю. Карпенко, Л.Ф. Фоміна, М.І. Зубов, Калінкін В.М. // *Λόγος оноμαστικής*. – 2012. – №4. – С.98–112.

417. Карпенко, Ю.А. *Топонімія Буковини* / Ю.А. Карпенко. – Київ: Наукова думка, 1973. – 238 с.

418. Kцrner, E.F.K. *Historiography of Linguistics* / E.F.K. Kцrner // *Concise history of the language sciences: From the Sumerians to the cognitivists*. Pergamon, N.Y., 1995. – Pp. 7–16.

419. Кус, J. *Nazwy własne w komunikacji społecznej na przykładzie podlaskich źródeł notarialnych z XIX wieku* / J. Кус. – URL: <http://mioko22.ur.edu.pl/wp-content/uploads/abstrakty.pdf> (дата обращения 14.10.2021).

420. Мезенка, Г.М. *Віцебщчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч.* – Т. 1. 363 с.; т.2. 254 с. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2000.

421. Михальчук, О.І. *Микротопонімія Підгір'я: автореф. ... дис. канд. філол. Наук* / О.І. Михальчук; Національна академія наук України, Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. – Київ, 1998. – 18 с.

422. Nash, J. *Official and Unofficial Toponyms on Norfolk Island* / J. Nash // *Вопросы ономастики.* – 2021. – Т. 18. – №2. – С.228–236.

423. *Основен систем и терминологија на словенската ономастика. Основная система и терминология славянской ономастики. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik.* – Скопје, 1983. – 412 p.

424. Racz, A. *Settlement Names Derived from Ethnonyms as Historical Evidence: the Case of medieval Hungary* / A.Racz, V. Toth // *Вопросы ономастики.* – 2019. – Т. 16. – №1. – С.104–120.

425. Schaarschmidt, G. *Some Good Reasons for Renaming Places , and Some not so Good Ones : a Cross-Cultural Sketch. In Honour of Canada's 150th Birthday and the Year of Reconciliation* / G. Schaarschmidt // *Вопросы ономастики.* – 2018. – Т. 15. – №1. – С. 181–187.

426. Wierzbicka, A. *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations* / A. Wierzbicka. – Oxford & New York: Oxford University Press, 1992. – 487 p.

427. Witkowski, T. Grundbegriffe der Namenkunde / T. Witkowski. – Berlin, 1964.

428. Witkowski, T. Probleme der Terminologie / T. Witkowski / Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik I. Berlin; N.Y., 1995, pp.288–294.

429. Wołoszyń, M. Badania toponomastyczne okolic Grodów Czerwieńskich / M. Wołoszyń. – URL: <http://mioko22.ur.edu.pl/wp-content/uploads/abstrakty.pdf>
(дата обращения 14.10.2021)